

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ

Хвощев В.Е. (с. 12, 15, 162, 304)
Малышев М.А. (с. 15)
Манола Сепульведа Гарса (с. 15, 314)
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса (с. 40)
Давиде Эухенио Датурси (с. 54)
Мариано Родригес Гонсалес с. 68)
Мигель-Анхель Собрино (с. 79)
Русакова О.Ф. (с. 99)
Русаков В.М. (с. 121)
Гредновская Е.В. ((с. 135)
Дыдров А.А. (с. 135, 275)
Вишев И.В. (с. 144)
Педро Каналес Гуерреро (с. 169)
Хомутова Т.Н. (с. 182)
Рубен Мендоса Вальдес (с. 207)
Рещикова С.П. (с. 234)
Гутенев М.Ю. (с. 243)
Парфентьев Н.П. (с. 253)
Парфентьева Н.В. (с. 264)
Оскар Хуарес Сарагоса (с. 284)
Пеннер Р.В. (с. 297)
Роберт Стингл (с. 326)
Фернандо Диас Ортега (с. 339)
Франсиско Хавьер Дуарте Хове (с. 339)
Эрминио Нуньес Вильявисенсио (с. 353)
Батурин Л.М. (с. 367)
Балакин В.С. (с. 376)
Сяоин Л. (с. 376)
Сибиряков И.В. (с. 386)

AUTHORS OF REPORTS

Khvoshchev V.E.. (с. 12, 15, 162, 304)
Malyshev M.A., (p. 15)
Manola Sepúlveda Garza(p. 15, 314)
Roberto Andrés González Hinojosa (p. 40)
Davide Eugenio Daturi (p. 54)
Mariano Rodríguez González (p. 68)
Miguel Ángel Sobrino Ordóñez (p. 79)
Rusakova O.F. (p. 99)
Rusakov V.M. P. 121)
Grednovskaya E.V. (p.135)
Dydov A.A. (p. 135, 275)
Vishev I.V. (p. 144)
Pedro Canales Guerrero (p. 169)
Khomutova T.N. (p. 182)
Rubén Mendoza Valdés (p. 207)
Reschikova S.P. (с. 234)
Gutenev M.Y. P. 243)
Parfentjev N.P. (p. 253)
Parfentieva N.V. (p. 264)
Óscar Juárez Zaragoza (p. 284)
Penner R.V. (p. 297)
Robert Stingl (p. 326)
Fernando Díaz Ortega (p. 339)
Francisco Javier Duarte Jove (p. 339)
Herminio Nunez Villavicencio (p. 353)
Baturin L.M. (p. 367)
Balakin V.S. (p. 376)
Xiaoying L. (p. 376)
Sibiryakov I.V. (p.386)

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

СОДЕРЖАНИЕ

И. КАНТ И КАНТИАНСТВО

Хвощев В.Е., редактор.....	12
Малышев М.А., Манола Сепульведа Гарса, Хвощев В.Е. Антиномии «всеобщей истории» и гуманитарный прогресс	15
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса Религия как продукт «чистого разума»	40
Давиде Эухенио Датурси Энцо Пачи: от феноменологизма И. Канта к трансцендентному мышлению.....	54
Мариано Родригес Гонсалес Чувство возвышенного и человеческое достоинство	68
Мигель-Анхель Собрино Основы образовательного проекта Иммануила Канта	79
Русакова О.Ф. Неокантианский дискурс философии истории: методологические аспекты	99
Русаков В.М. Проблема различения объекта и предмета права: актуальность кантинского дискурса.....	121
Гредновская Е.В., Дыдров А.А. Трансцендентальный идеализм в условиях постсовременности: к проблеме актуальности кантианской философии	135
Вишев И.В. Центральная мировоззренческая проблема смерти и бессмертия человека в контексте философского учения И. Канта	144
Хвощев В.Е. Фрагменты естественно-научного опыта И. Канта.....	162

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

МНОГОЛИКИЙ ДИСКУРС

Педро Каналес Гуерерро
Три измерения гуманитарного дискурса
и его аналитического прочтения:
суждения фактов, аксиологические пропозиции
и логические синтагмы169

Хомутова Т.Н.
Анализ дискурса: интегральный подход.....182

Шереметьева С.О.
Прикладной анализ дискурса как основа повышения
качества профессиональной документации195

Историко-культурологический дискурс

Рубен Мендоса Вальдес
Цивилизация и конфликты в зеркале культурного разнообразия.....207

Баркова В.В., Сидорова У.В.
Современный дискурс о некоторых аспектах
осмысления социальной реальности224

Решникова С.П.
Образ и место архитектуры в немецком классическом
и постклассическом философском дискурсе.....234

Гутенев М.Ю.
Творческий потенциал игры.....243

Парфентьев Н.П.
Текстологический структурно-формульный метод
и его применение при исследовании
авторских произведений древнерусской монодии253

Парфентьева Н.В.
Расшифровка авторских распевов древнерусских мастеров
на основе текстологического структурно-формульного метода
(на примере песнопения «Да молчит всяка плоть»)264

Дыдров А.А.
Российский вуз на распутье:
между обществом дисциплины и обществом контроля.....275

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Политико-философский дискурс

Оскар Хуарес Сарагоса Классическая философия: представление и признание с точки зрения Делёза	284
Пеннер Р.В. Проблема свободы человека в дискурсе средневековой философии.....	297
Хвощев В.Е. Так ли страшен чёрт, как его малюют (нетрадиционно о коррупции).....	304
Манола Сепульведа Гарса Коррупционные процессы в региональной власти.....	314
Роберт Стингл Движущие силы политики	326
Фернандо Диас Ортега, Франсиско Хавьер Дуарте Хове Мексика XIX столетия: симуляция демократии	339
Эрминьо Нуньес Вильявисенсио Современные оттенки власти	353
Батурин Л.М. Экономическая дипломатия в мировой политике: история и современность.....	367
Балакин В.С., Сяоин Л. Советско-китайские отношения 1960-х-1980-х гг. в ракурсе дискурсологии.....	376
Сибиряков И.В. Героическая оборона советского Севастополя: некоторые особенности официального дискурса в условиях войны.....	386
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ	399

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

CONTENTS

I. KANT AND KANTISM Khvoshchev V.E., redactor.....	12
Malyshev M.A. Manola Sepúlveda Garza Khvoshchev V.E. Antinomies of the «universal history» and humanitarian progress	15
Roberto Andrés González Hinojosa Religion as a product of «pure reason»	40
Davide Eugenio Daturi Enzo Paci: from phenomenology of I. Kant an edging to transcendental thinking.....	54
Mariano Rodríguez Gonzalez A sublime and a human dignity	68
Miguel Ángel Sobrino Ordóñez Bases of educational project of I. Kant	79
Rusakova O.F. Nneo-kantian philosophy of history: methodological aspects	99
Rusakov V.M. КАНТ и актуальные проблемы объекта и предмета права.....	121
Grednovskaya E.V., Dydrov A.A. Transcendental idealism in terms of postmodernity: the issue of the relevance of Kantian philosophy	135
Vishev I.V. The death and the immortality as the central problem of cosmovision in the context of philosophical doctrine of I. Kant	144
Khvoshchev V.E. Fragments of the I. Kant's works on natural sciences.....	162

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

POLYMORPHIC DISCOURSE

Pedro Canales Guerrero
The three levels of humanistic discourse and its analytic reading:
factual judgements, axiological
propositions and logical syntagmas169

Khomutova T.N.
Discourse analysis: an integral approach182

Sheremetyeva S.O.
Applied discourse analysis targeted at improving
the quality of professional documentation.....195

Historical and cultural discourse

Rubén Mendoza Valdés
The civilization and the conflicts f
rom the optics of cultural diversity207

Barkova V.V., Sidorova U.V.
Modern discourse about certain aspects
understanding of social reality224

Reschikova S.P.
The image and the place of architecture
in the German classical and post-classical philosophy234

Gutenev M.Y.
The creative potential of game243

Parfentjev N.P.
Textological structural-formula method
and its application in analysis of the old Russian monodia works
of authorship253

Parfentieva N.V.
Decoding chants of the ancient Russian masters authorship
based on textological structural-formula method
(example chanting «Да молчит всяка плоть»).....264

Dydrov A.A.
Russian high school at the crossroads:
between the society of discipline and control of public275

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Political and philosophical discourse

Óscar Juárez Zaragoza Classic philosophy: representation and recognition Deleuzian perspective	284
Penner R.V. The problem of human freedom in the discourse of Medieval philosophy	297
Khvoshchev V.E. The devil is not so black as he is painted (on corruption unconventionally)	304
Manola Sepúlveda Garza Procesos de corrupción en el poder regional	314
Robert Stingl The driving forces of policy	326
Fernando Díaz Ortega, Francisco Javier Duarte Jove Mexico of XIX century: simulation of democracy	339
Herminio Nuñez Villavicencio Contemporary nuances of power	353
Baturin L.M. Economic diplomacy in world policy: past and present	367
Balakin V.S., Xiaoying L. Chinese-Soviet relations in 1960–1980 with the currents of discourse science	376
Sibiryakov I.V. The heroic defense of the soviet Sevastopol: some features of the official discourse in war	386
REQUIREMENTS CONCERNING THE PUBLICATION	399

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

INDICE

I. KANT Y KANTISMO

Jvoshev V.E., redactor.....	12
Malishev M.A., Manola Sepúlveda Garza, Jvoshev V.E. Antinomias de la "historia universal" y el progreso humanístico	15
Roberto Andrés González Hinojosa La religión como producto de la «razón pura».....	40
Davide Eugenio Daturi Enzo Paci: dal fenomenologismo kantiano al pensiero trascendente	54
Mariano Rodríguez González El sentimiento de lo sublime y la dignidad humana	68
Miguel Ángel Sobrino Ordóñez Fundamentos del proyecto educativo de Immanuel Kant.....	79
Rusakova O. F. El discurso neokantiano de la filosofía de la historia: aspectos metodológicos	99
Rusakov V. M. Problemas de la distinción entre el objeto y la materia del derecho: actualidad del discurso kantiano	121
Grednovskaya E. V., Didrov A.A. El idealismo trascendental en las condiciones de la posmodernidad: problemas de actualidad de la filosofía kantiana.....	135
Vishev I.V. La muerte e inmortalidad del hombre como un problema central de cosmovisión en el contexto de la doctrina filosófica de I. Kant	144
Jvoshev V.E. Fragmentos de la experiencia científica natural de I. Kant.....	162

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

DISCURSO POLIFACETICO

Pedro Canales Guerrero
Los tres planos del discurso humanístico y de su lectura analítica:
juicios de hecho, proposiciones axiológicas y sintagmas lógicos169

Jomutova T. N.
Análisis del discurso: un enfoque integral182

Sheremetieva. S. O.
Análisis aplicado del discurso como base del aumento
de eficacia de los documentos profesionales195

Discurso histórico-culturoológico

Rubén Mendoza Valdés
La civilización de los conflictos desde la óptica
de la diversidad cultural.....207

Barkova V. V., Sidorova U. V.
Discurso contemporáneo sobre algunos aspectos
de la comprensión de la realidad social224

Reschikova S. P.
Imagen y lugar de la arquitectura en el discurso
filosófico alemán clásico y posclásico234

Gutenev M. U
El potencial creativo del juego.....243

Parfentiev N.P.
El método textológico y estructuro-formal
y su aplicación en la investigación de las obras de
autores en monodía de Rusia antigua253

Parfentieva N.V.
Desire de autores de cantos antiguos rusos en la base del
método textológico y estructuro-formal (como ejemplo de cantos religiosos
"que enmudece cualquier carne")264

Didrov A. A.
Las instituciones de enseñanza superior en la encrucijada: entre la
sociedad de disciplina y la sociedad de control275

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Discurso político-filosófico

Óscar Juárez Zaragoza Filosofía clásica: representación y reconocimiento. Un análisis deleuzeano	284
Penner R.V. El problema de la libertad humana en el discurso de la filosofía medieval	297
Jvoschev V.E. El diablo no es tan terrible como lo pintan (tratamiento de la corrupción de manera no tradicional)	304
Manola Sepúlveda Garza Procesos de corrupción en el poder regional.....	314
Robert Stingl Fuerzas motrices de la política	326
Fernando Días Ortega, Francisco Javier Duarte Jove México del siglo XIX: simulación de la democracia	339
Herminio Nuñez Villavicencio. Matices del poder en la época contemporánea	353
Baturin L.M. Diplomacia económica en la política mundial: historia y contemporaneidad	367
Balakin V.S., Siaoín L. Las relaciones chino-soviéticas en los años 1960-1980 en la dimensión discursológica	376
Sibiriakov I.V. La defensa heroica de Sebastopol soviético: algunas peculiaridades del discurso oficial en condiciones de guerra.....	386
REQUISITOS PARA PUBLICACIÓN	399

Хвощев В.Е.
редактор

И. Кант и кантианство

Идеи Иммануила Канта, востребованные человеческой культурой задолго до рождения мыслителя, как никогда ранее актуальны в современном обществе и, вероятно, останутся незабвенными в обозримом будущем. Секрет неувядаемости этих идей состоит в том, что они охватывают широкий круг вопросов, касающихся природы, общества и человека, над которыми непрестанно трудится человеческая мысль.

Философия Канта может внести своеобразный порядок в распроstrанившийся в науке пёстрый дискурс. Насколько хорош этот порядок для нашего времени, насколько приемлем для общественной практики – вопрос исследовательской работы и жизненного опыта. В любом случае даже далёкая от совершенства система оказывается лучше хаотического нагромождения знаний.

Творчество Канта апеллирует к самым общим понятиям и потому может быть инструментом различного рода манипуляций, служить и добру и злу. По этой причине заслуживает особого внимания развитие кантовского учения его последователями и критиками.

В докладах конференции предпринята попытка с самых разных позиций высказать мнения, суждения, взгляды на творческое наследие Иммануила Канта, оценить его актуальность. И не только.

The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE

Khvoshchev V.E.
editor

I. Kant and kantism

Ideas of Immanuel Kant were demanded by human culture long before the birth of the great thinker, remain relevant more than ever in today's society and will likely not be forgotten in the foreseeable future. The secret of their longevity is that they encompass a broad range of issues concerning the nature, society and man which continually remain a focus for human thought.

Kant's philosophy can bring certain order and system to the colorful discourse that proliferated in today's science. How useful will this order be for our times and will it be acceptable to the current social practice remains a question of research work and life experience. In any case, even imperfect system is superior to a chaotic mound of knowledge.

Works of Kant address the most fundamental concepts and therefore can be an instrument of various manipulations, serve both good and evil. For this reason, further development of Kant's teachings deserves special attention of his disciples and critics.

We invite our contributors to share their views, opinions and ideas on the creative legacy of I. Kant and to assess its relevance.

Jvoschev V.E.
redactor

I. Kant y kantismo

Las ideas de Immanuel Kant, demandadas por la cultura humana desde antes de su nacimiento, se hacen presentes como nunca en la sociedad contemporánea y, probablemente, serán vigentes en un futuro lejano. El secreto de la gloria imperecedera de estas ideas consiste en que abarcan un círculo temático de gran amplitud que abarca a la naturaleza, la sociedad y el hombre, sobre el cual incesantemente reflexiona el pensamiento humano.

La filosofía kantiana es capaz de introducir un orden peculiar en el discurso abigarrado prevaleciente en la ciencia contemporánea. Hasta que grado este orden es útil para nuestro tiempo y nuestra práctica social es una cuestión que esclarece el trabajo del investigador y la experiencia de la vida. En cualquier caso el sistema filosófico aunque dista de ser perfecto es mejor que el conocimiento caótico.

La obra de Kant apela a los conceptos más generales y por eso puede servir como instrumento de diferentes manipulaciones, servir al bien o al mal. Por esta razón el desarrollo de la filosofía kantiana merece una atención especial por sus seguidores y críticos.

En el siguiente número, invitamos a los autores a expresar sus opiniones, juicios y puntos de vista hacia la herencia creativa de Immanuel Kant y evaluar su vigencia.

УДК 1/14

Мальшев М.А.
Манола Сепульведа Гарса
Хвощев В.Е.

Антиномии «всеобщей истории» и гуманитарный прогресс

Цель данного доклада состоит не только в том, чтобы воспроизвести основные идеи Канта о всеобщей истории, но и в том, чтобы сопоставить эти идеи с историцистским подходом его младших современников: Гердера и Гегеля. Авторы анализируют такие ключевые концепции немецкого философа как: «биологическая несамодостаточность человека», «недоброжелательная общительность», «антогонизм», «гражданское общество», «вечный мир» и показывают их взаимодействия. Кант ставит вопрос о взаимной дополнительности между противоречивым развитием человечества и определенными моральными и правовыми успехами, которые могут быть достигнутыми под водительством правового государства и федерацией таких государств. Согласно немецкому мыслителю, только в этих условиях человечество в состоянии развить свои подлинно гуманистические предрасположенности и обеспечить устойчивый мир между народами. Но данная цель – это всего лишь надежда и как всякая надежда не гарантирована, ибо содержит в себе «телеологический риск». И тем не менее идея, предложенная Кантом, сопрягает борьбу за мир с моральным прогрессом и требованиями строгого права.

Ключевые слова: И. Кант, антиномия, история, право

Мальшев Михаил Алексеевич,
Мексика, АУШМ, профессор-исследователь, mijailmalychev@yahoo.com.mx

Манола Сепульведа Гарса,
Мексика, национальная школа антропологии, профессор-исследователь, mijailmalychev@yahoo.com.mx

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

Хвощев Владимир Ефимович,
Россия, ЮУрГУ, заведующий кафедрой политологии, vek@susu.ac.ru

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

UDC 1/14

Mikhail Malyshev
Manola Sepúlveda Garza
Vladimir Khvoshchev

Antinomies of the «universal history» and humanitarian progress

The object of this report is not only reproduce lines of Kant's discourse about the universal history, but to contrast his ideas with historicism of Herder and Hegel, his younger contemporaries. The authors analyze concepts such as: the "biological insufficiency of the human beings" the "unsociably sociability", the "antagonism" the "civil society", the "perpetual peace" and show that Kant sets up the idea about the complementary between the contradictory development of the humanity by means of conflicts and juridical achievements under the rule of an State of Law and Federation or such States. Only in this condition, according of the German thinker, the humanity would develop its truly human disposition and can reach a durable peace among the people. But this aim is a hope and as any hope is not guaranteed, because the future is uncertain. However Kant's proposal conjugates the struggle for peace with the moral progress and with the requirement of a strict law.

Keywords: I. Kant, antinomie, history, universal history, aw

Malyshev Mikhail, Mexico, Independent university of the Mexico state, professor , E-mail: mijailmalyshev@yahoo.com.mx

Manola Sepúlveda Garza, Mexico, The national school of anthropology and history, professor

Khvoshchev Vladimir, Russia, South Ural state university, managing faculty of political science, E-mail: vek@susu.ac.ru

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being, knowledge, action»

CDU 1/14

Malishev M.A.
Manola Sepúlveda Garza
Jvoschev V.E.

Antinomias de la “historia universal” y el progreso humanístico

El objetivo de la ponencia no sólo es reproducir las líneas principales del discurso de Kant sobre la historia universal, sino contrastar sus ideas con el enfoque historicista de sus contemporáneos menores: Herder y Hegel. Los autores analizan conceptos claves del filósofo alemán tales como la “insuficiencia biológica del hombre, la “insociable sociabilidad”, el “antagonismo”, la “sociedad civil”, la “paz perpetua”, y muestran que a través de ellos, Kant plantea la complementariedad entre el desarrollo contradictorio de la humanidad y ciertos logros morales y jurídicos bajo la dirección del Estado de derecho y la Federación de esos Estados. Sólo en estas condiciones, según el pensador alemán, la humanidad podría desarrollar sus disposiciones verdaderamente humanas y alcanzar una paz duradera entre los pueblos. Pero esta finalidad es una esperanza y, como cualquier esperanza, no está garantizada porque el futuro es incierto. Y sin embargo, la propuesta kantiana conjuga la lucha por la paz con la idea del progreso de la moral y las exigencias del derecho estricto.

Palabras-clave: I. Kant, antinomia, historia, historia universal, derecho estricto

Malishev Mihail Alekseevich, Independent Universidad Autonoma del Estado de Mexico , Profesor-Investigador, e-mail: mijailmalyshev@yahoo.com.mx

Manola Sepúlveda Garza, Mexico, Escuela Nacional de antropología e historia , profesor-investigador

Khvoshchev Vladimir, Russia, Jvoschev Vladimir Efimovich, Jefe de la cátedra de politología de los Montes Urales del sur , E-mail: vek@susu.ac.ru

La ponencia fue publicada con el apoyo del cuerpo académico: “Pensamiento contemporáneo: ser, conocer y hacer” de la UAEM

La concepción histórica de Kant versus el historicismo providencial de Herder

Según el esquema marxista, en la filosofía clásica alemana todo sistema posterior es una continuación que supera al anterior. En este movimiento ascendente e ininterrumpido, el ideario kantiano representaba un primer esbozo del idealismo especulativo coronado por el sistema hegeliano: un acorde majestuoso y espléndido que sirvió como preludio del pensamiento marxista. Según tal enfoque, la filosofía de Kant era un "embrión" del cual posteriormente crecería un organismo maduro que, por su variedad y riqueza, superaría en mucho las ideas iniciales de su fundador. Pero, como observó atinadamente el filósofo ruso Merab Mamardashvili "de Kant no se puede decir que es un Abraham que parió a Isaac: no ocupa ningún lugar en la metamorfosis de una mari-posa" (Mamardashvili, 2002: 10).

Otra deficiencia que se le imputaba a la filosofía kantiana es la ausencia de una visión global de la historia humana, que por su escala y auge, pudiera compararse con la filosofía de la historia de sus contemporáneos menores: Herder y Hegel. A propósito, el mismo Kant reconocía que no pretendía construir un panorama íntegro y sistemático del desarrollo universal de la humanidad. Sólo confiaba en que sus esbozos dedicados a la historia pudieran servir en calidad de prolegómenos para crear un trabajo de mayor envergadura. Y sin embargo, sus ensayos sobre la

filosofía de la historia perfilan los contornos de una antropología éticamente comprendida e históricamente comprobada; nos esclarece no sólo lo que hace del hombre la naturaleza, sino lo que el hombre mismo, como un ser libre, puede y debe hacer en la historia.

El núcleo de las reflexiones de Kant sobre la filosofía de la historia se encuentra básicamente en su esbozo: *Idea de una historia universal en el sentido cosmopolita*. Para lograr un mejor entendimiento de este ensayo, es necesario tomar en consideración el contexto histórico que motivó al pensador de Königsberg escribir ese trabajo. Lo que pasa es que Johann Gottfried Herder, ex-alumno de Kant, filósofo, poeta y pastor luterano, en 1784, editó la primera parte de su trabajo titulado *Ideas para la filosofía de la historia de la humanidad*. El eje central que atraviesa toda esa obra es el progreso universal que se revela en la perfección del género humano, como la cúspide de la evolución del universo divino. Según Herder, la historia de la humanidad empieza antes de la aparición del *homo sapiens* con la formación del sistema solar y la Tierra; luego, el mundo se mueve de lo inorgánico a lo orgánico, pasa de los organismos simples a los complejos, y este proceso evolutivo-providencial culmina con el surgimiento del hombre como un *microcosmo* o quintaesencia de la naturaleza provista, a fin de cuentas, de la Voluntad y de la Razón divina. Lo importante a subrayar es que Herder entiende el desa-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

rrollo histórico no como proceso unilineal, sino como movimiento polifacético. Aunque la Providencia tienda a una meta suprema, sin embargo, todo pueblo, toda época y toda civilización posee sus propias normas e ideales. Y es por eso, comenta Isaiah Berlin a Herder, "Lo que hace alemanes a los alemanes es... el hecho de que su modo de comer o beber, de impartir justicia, escribir poesía, rezar, enajenar la propiedad, levantarse y sentarse, obtener el alimento, vestirse, cantar, guerrear, organizar la vida política, tiene todo un cierto carácter común, una propiedad cualitativa, un diseño que es exclusivo alemán, por lo que difieren de las actividades correspondientes de los chinos o de los portugueses. Ninguno de estos pueblos o culturas... es superior a otro, sólo son diferentes; y como son diferentes, tienen objetivos diferentes; en eso residen su carácter específico y su valor... Los seres humanos sólo pueden desarrollar plenamente sus potencialidades si siguen viviendo donde nacieron y donde nacieron sus antepasados, hablando su idioma viviendo sus vidas dentro del marco de las costumbres de su sociedad y su cultura". (Berlin, 1992: 55-56).

Herder no niega que algunos pueblos sean más ilustrados que otros, y por eso su tarea consiste en ser tutores para los pueblos menos avanzados y ayudarles a revelar su identidad y originalidad cultural. A través de la óptica de la idea de la providencia, cada pueblo, cultura o civilización son medios, pero, a la vez, son fines que se bastan a sí mismos cuan-

do se les contempla en su propia luz. Herder confía que al final de la historia los diferentes pueblos y naciones se unirán y vivirán en el régimen de una gran familia humana; el Estado desaparecerá por su inutilidad, y bajo la tutela de los líderes de la comunidad mundial los pueblos desarrollarán sus talentos y capacidades polifacéticas.

La filosofía de la historia de Herder es ecléctica en su esencia. Todo lo que dice sobre la soberanía axiológica y la autonomía autosuficiente de cada época y de cada cultura se desvaloriza por su discurso providencialista. Por una parte, afirma que todas las cosas, acontecimientos e instituciones inútiles que trajo consigo el pasado se disminuirán y, finalmente, desaparecerán con el triunfo de la razón apoyada en la Providencia divina, esto es, en las leyes naturales inherentes al desarrollo de la historia. Y, por otra parte, según su opinión, toda la evolución social, incluyendo la época moderna, se presenta como un despliegue de acontecimientos absurdos y crueles. Finalmente, resalta la idea (en que ya se perfila la futura ironía siniestra de la Razón mundial de Hegel) de que todas las desdichas y tragedias de la historia son sólo un abono para el progreso futuro. Hasta la muerte violenta se piensa como una liberación comparada con la perspectiva de una agonía larga y penosa, o la esclavitud como un mal menor ante la muerte violenta. La Providencia que rige la marcha de la historia es un *gran burlador*. "En lo grande y en lo pequeño", escribe Her-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

der, "siempre lo mismo: azar, destino, divinidad. Lo que incitaba cualquier reforma no eran sino insignificancias que jamás tuvieron desde un principio el plan monstruoso que cobraron luego. Por el contrario, muchas veces cuando se trazaba de antemano un plan grande, humano, auténticamente meditado, fracasaba" (Herder, 1950: 84-85). Y sin embargo, la providencia divina conduce a la humanidad hacia la cúspide del universo por medio de la razón y de la libertad. "Quien más puede despreciar el género humano no podrá negar empero que en medio de tanta maleza prosperaron también entre los hijos de la tierra la razón y la libertad, estas nobles plantas que bajo la luz del sol celestial dieron también bellos frutos. Sería casi increíble, si la historia no nos lo dijera, a qué alturas se elevó el entendimiento humano y no sólo imitando a la divinidad creadora y conservadora, sino procurando también remediar su orden. En el caos del ser, que le muestran los sentidos, buscó y encontró unidad e inteligencia, leyes del orden y belleza". (Herder, 1959: 114). Y en otro lugar Herder literalmente "canta" un himno a Dios, creador del mundo y protector de su hijo predilecto, el ser humano, a quien le guía a través de los vaivenes de la historia para elevarlo a la cúspide de la gloria eterna. "¡Oh, gran padre del género humano: que sencilla y difícil a la vez es la lección que encargaste a nuestra especie como deber de toda su jornada! Sólo debíamos aprender razón y justicia y obrando así había de derra-

marse paso a paso la luz en las almas, la bondad en los corazones, la perfección en el estado político y la felicidad en la vida" (Ibíd: 507).

Sería erróneo ver en estos fragmentos una tendencia definitiva, aunque oculta, de la doctrina historicista que desde el inicio determinaba sus fantasías, y luego, heredada por Hegel, fue plasmada en el texto de su famosa "filosofía de la historia". Hegel, adivinado por Herder, no representa un sentido oculto de la doctrina del último. Pero, por otra parte, sería todavía más erróneo no tomar en consideración los planteamientos herderianos que adquirieron su pleno desarrollo en la filosofía de la historia hegeliana.

A primera vista parecería que la *Idea de una historia universal en sentido cosmopolita* se dirige en el cauce de un plan trazado por Herder: la evolución del ser humano transcurre "como un desarrollo continuo, aunque lento, de sus disposiciones originales" (Kant, 2006: 40). Siguiendo a Herder y anticipando a Hegel, Kant sostiene que cada hombre, al perseguir su propósito, según su talante, pero, frecuentemente, en mutua oposición, sigue, como hilo conductor, la intención de la Naturaleza. Pero a diferencia de sus contemporáneos menores, Kant no tiene el fervor progresista y llega a la conclusión de que "el tapiz humano se entreteje con los hilos de la locura y de vanidad infantil..." (Ibíd: 41). Además, la experiencia sobre la historia transcurrida hasta hoy nos enseña muy poco sobre la intención secreta

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

de la Naturaleza en relación a al ser humano; "porque esta órbita parece exigir tan largo tiempo antes de cerrarse que, basándonos en la pequeña parte recorrida hasta ahora por la humanidad en esa dirección, nos es tan difícil determinar la forma de la trayectoria y la relación de la parte con el todo" (Ibíd: 58). Y finalmente, en la conclusión de su ensayo, Kant constata con un tono irónico: "Parece una ocurrencia un poco extraña y hasta incongruente tratar de concebir una *historia* con arreglo a la idea de cómo debía marchar el mundo si se atuviera a ciertas finalidades razonables; parece que el resultado sería algo así como una *novela*" (Ibíd: 61). Es decir, si nuestra comprensión de la historia se hubiera apoyado en el racionalismo teleológico de Herder (y en mayor medida en el de Hegel), entonces el resultado sería una "novela", es decir: un cuadro utópico.

Al aceptar la idea de la "Providencia educadora" de su ex-alumno, Kant niega ver en Dios un Tutor celestial que, como un Gran Padre, se preocupa por sus hijos traviesos y poco razonables. Para Herder, el hombre es un microcosmo por estar dotado de una combinación perfecta de fuerzas, destrezas, instintos y capacidades que están adaptados armoniosamente a la naturaleza. Desde su creación está destinado a una vida despreocupada y, por consiguiente, puede y debe ser feliz en cualquier momento de su ontogénesis y en cada época de su filogénesis. Contrariamente a esta postura, Kant señala que, en

el aspecto puramente biológico, el ser humano cede a todos los animales superiores. En primer lugar, el hombre es pobre de instintos y no es capaz de heredar a sus descendientes ningunas destrezas o capacidades innatas, aunque si puede elaborarlas apoyándose en el uso de su propia razón. Pero tal uso debe desarrollarse en el seno de toda la humanidad como especie y no sólo en los individuos. La misma razón no actúa instintivamente sino que necesita tanteos, ejercicios y aprendizajes, para poder progresar lentamente de un peldaño a otro del conocimiento. De lo contrario, cada individuo "tendría que vivir un tiempo desmedido para poder aprender cómo usar a la perfección de todas las disposiciones naturales". Por eso la Naturaleza recurre a "una serie incontable de generaciones que se transmiten una a otra sus conocimientos para que, por fin, el germen que lleva escondido la especie nuestra llegue hasta aquella etapa de desarrollo que corresponda adecuadamente a su intención" (Ibíd: 43).

Kant considera que el ser humano, según su organización fisiológica y el pertrechamiento instrumental de sus órganos, cede a los otros animales. La Naturaleza "no le proveyó de los cuernos del toro, de las garras del león, ni de los dientes del perro, sino de sus meras manos" (Ibíd: 44). Hablando en términos de la antropología posterior, el pensador alemán se acercó a la idea de que la misma antropo-génesis se hizo posible sólo porque el antepasado de *homo sapiens* fue un animal ca-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

rente, biológicamente no adaptado y desespecializado. La naturaleza puso al ser humano ante un desafío implacable: perecer o sobrevivir, desarrollando un modo de conducta independiente y creativa. Y el hombre aceptó esta severa prueba de la naturaleza: compensó el déficit de sus instintos con el desarrollo de la razón que inicialmente fue colocado en él como disposición o aptitud. Esta tesis de Kant fue ampliamente confirmada y desarrollada en el siglo XX por la antropología filosófica de Max Scheler, Arnold Gehlen y Helmuth Plessner. Si el animal, en virtud de su especialización orgánica y mediante un amplio repertorio de instintos, está encadenado a un medio ambiente específico, el hombre no tiene un medio predeterminado y se caracteriza por la "apertura al mundo" que presupone su capacidad de previsión y aprendizaje. Según Gehlen, "el hombre está orientado –como Prometeo– a lo lejano, a lo no presente en el espacio y en el tiempo: al contrario del animal vive para el futuro y no en el presente" (Gehlen, 1987: 37). Kant se da cuenta de que el ser humano, carente de instintos que hubieran condicionado su conducta, debe determinarse a sí mismo, buscar una posición en el mundo y ocuparla. Si no tiene un ambiente definido debe crearlo; es decir, está obligado a ser un ente activo, pues, en el caso contrario, perecería. La carencia del pertrechamiento instrumental de su organismo el hombre la supera por el uso y perfeccionamiento de artificios y, en primer lugar,

mediante la producción y la cultura. Y otra carencia –la corta vida individual– la compensa con la educación, a través de la transmisión de los hábitos e innovaciones culturales de una generación a otra.

A diferencia del animal, el hombre, sostiene Kant, "no debía ser dirigido por el instinto..., sino que tendría que obtenerlo todo de sí mismo. La invención del vestido, de su seguridad y defensa exteriores, de todos los goces que hacen agradable la vida, su misma comprensión y agudeza, y hasta la bondad de su voluntad tenían que ser por completo obra suya. Parece que la Naturaleza se ha complacido en el caso del hombre en una máxima economía, y que ha medido el equipo animal del hombre con tanta ruindad, con tan ceñido ajuste a la máxima necesidad de una existencia en germen, como si quisiera que una vez se hubiera levantado el hombre, por fin, desde la más profunda rudeza hasta la máxima destreza, hasta la interna perfección de su pensar y, de ese modo (en la medida en que es posible sobre la tierra), hasta la felicidad, a él le correspondiera todo el mérito y sólo a sí mismo tuviera que agradecerse" (Kant, 2006: 44-45).

En la *Idea de una historia universal en sentido cosmopolita* hay un fragmento que está estrechamente vinculado con la problemática posterior de sus reflexiones éticas. "Parece, escribe Kant, que a la Naturaleza no le interesaba que el hombre viviera bien; sino que se desarrollara a tal grado que, por su comportamiento, fue-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

ra digno de la vida y del bienestar". (Ibíd: 45). El pensador alemán no niega que cada ser humano quiere vivir bien. Pero la idea de felicidad no puede ser expresada por medio del imperativo categórico, porque es imposible hacerla universal para todos los seres humanos y para todas las épocas y culturas. "nadie es capaz de determinar por un principio, con plena certeza, qué sea lo que le haría verdaderamente feliz, porque para tal determinación fuera indispensable tener omnisciencia" (Kant, 1995: 38). Así que, según Kant, es imposible elaborar una fórmula general para vivir bien, puesto que la felicidad de cada uno de nosotros depende de un sentimiento particular de placer y dolor y, además, en el mismo sujeto, el criterio de felicidad y los preceptos prácticos para alcanzarla varían en cada etapa de su vida. Sin embargo, el filósofo alemán nos dice que la misma Naturaleza quisiera que cada ser humano hubiera disfrutado de una felicidad merecida en correspondencia con su trabajo, diligencia y mérito. Por consiguiente, Ella inculca a su criatura la idea de que la aspiración de obtener algo gratuitamente, sin ningún esfuerzo y sin auto-coacción es simplemente inmoral e injusta. La Naturaleza pide alguna respuesta moral al desafío arrojado al ser humano por hacerlo tan peculiar en comparación con los otros seres vivos. Y esta respuesta le obliga al hombre a constituirse como un ser que se regula no sólo por las leyes biológicas, sino por las normas sociales y morales. Justamente en

esta exhortación al hombre para que desarrolle plenamente sus capacidades creativas, radica su liberación de la "culpable incapacidad" y la adquisición de su autonomía existencial.

El germen de la sabiduría, inicialmente colocado por la Naturaleza en el género humano, se desarrolló a través de la historia, hasta llegar a su cima en la época de la Ilustración. Para Kant, la Ilustración como la liberación del hombre de su "culpable incapacidad", significa la imposibilidad de servirse de su inteligencia sin la guía de otro. "Esta incapacidad es culpable porque su causa no reside en la falta de inteligencia sino de decisión y valor para servirse por sí mismo de ella sin la tutela de otro. "¡*Sapere aude!* ¡Ten el valor de servirte de tu propia razón!: he aquí el lema de la Ilustración" (Kant, 2006: 25). Pero, según el filósofo alemán, en el camino a la verdadera independencia existencial al ser humano le asechan diferentes barreras y, en primer lugar, la pereza y la cobardía. Sin embargo, el "oficio del *pensar por sí mismo*" y, por consiguiente, definir su propia vocación, es una prerrogativa de cada ser humano o, como diría Kant, una tarea que la misma Naturaleza le plantea al género humano. Sólo al dejar de ser juguetes de la evolución biológica, la especie humana puede entrar en el reino de la cultura y sólo, al disponer de la capacidad de madurez intelectual y moral, podrá servirse de su propia razón. Aunque resolver esta tarea –de asumir la responsabilidad de pensar por su propia cuenta y mante-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

ner una autonomía intelectual y moral sin retroceder al anonimato y sin perder la propia individualidad reflexiva- no es tan fácil. A propósito, sobre el mismo riesgo que amenaza al ser humano con la pérdida de su autonomía intelectual e identidad personal advertía José Ortega y Gasset. "Mientras que el tigre no puede dejar de ser tigre, no puede destiarse; el hombre vive en riesgo permanente de deshumanizarse. No sólo es problemático y contingente que le pase esto o lo otro, como a los demás animales, sino que al hombre le pasa a veces nada menos que *no ser hombre*. Y esto es verdad, no sólo en abstracto y en género, sino que vale referido a nuestra individualidad. Cada uno de nosotros está siempre en peligro de no ser el sí mismo único e intransferible que es." (Ortega, 1962: 305). Según Kant, esta capacidad de ser "único e intransferible" no es un don de la Naturaleza, sino una condición de posibilidad de que el hombre cumpla con su deber: se esfuerce por ampliar y mejorar sus disposiciones naturales.

La insociable sociabilidad: el papel del antagonismo en la historia

Herder considera que el altruismo, la benevolencia y la sociabilidad del hombre son las actitudes principales que están en la base de la línea magistral del desarrollo de la historia universal. La expresión más palpable y evidente del progreso moral, la ve en la formación de las asociaciones humanas, desde el clan y la tribu, hasta el Estado o la Federación de Estados. Kant no rechaza

el progreso en la solidaridad humana, pero considera que su base radica no tanto en el altruismo y en el amor, sino en el egoísmo grupal y en la discordia. Incluso enfatiza los motivos de pugna y de distensión para poner en tela de juicio la presencia de la Providencia sabia y bondadosa en la evolución natural e histórica de la humanidad. Más que eso, Kant plantea la siguiente interrogante: ¿la misma discordia no contendrá algún elemento edificante y previsor? Y responde: "El medio de que se sirve la Naturaleza para lograr el desarrollo de todas sus disposiciones es el *antagonismo* de las mismas en sociedad, en la medida en que ese antagonismo se convierte a la postre en la causa de un orden legal de aquellas. Entiendo en este caso por antagonismo la *insociable sociabilidad* de los hombres, es decir, su inclinación a formar sociedad que, sin embargo, va unida a una resistencia constante que amenaza perpetuamente con disolverla" (Kant, 2006: 46).

Kant adopta el modelo del "individualismo natural" de Thomas Hobbes y lo lleva hasta sus últimas consecuencias. Según el pensador alemán, al Estado que protege la vida de sus súbditos le precede el estado de naturaleza donde predomina la discordia mutua, esto es, la "guerra de todos contra todos". El individuo natural lleva la lucha contra sus semejantes partiendo de dos principios: el placer y el instinto de auto-conservación y calcula las posibles ventajas o desventajas para su vida de esta relación antagonica. La naturaleza engen-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

dró al hombre como *animal pensante* en el sentido estricto de esta expresión paradójica: como *animal*, el hombre debe conducir la guerra hasta el antagonismo extremo, pero como *animal pensante*, entiende que tarde o temprano este antagonismo se convertirá en una amenaza para su propia existencia. Como portador de la "*insociable sociabilidad*" aspira a formar la sociedad civil, pero como un egoísta se resiste a la tendencia de cooperar con sus semejantes. "Esta resistencia es la que despierta todas las fuerzas del hombre y le lleva a enderezar su inclinación a la pereza y, movido por el ansia de honores, poder o bienes, trata de lograr una posición entre sus congéneres, que no puede soportar pero de los que tampoco puede prescindir... Sin aquellas características, tan poco amables, de la insociabilidad, de las que surge resistencia que cada cual tiene que encontrar necesariamente por motivos de sus pretensiones egoístas, todos los talentos quedarían por siempre adormecidos en su germen en una arcádica vida de pastores, en la que reinaría un acuerdo perfecto y una satisfacción y versatilidad también perfectas, y los hombres, tan buenos como los borregos encomendados a su cuidado, apenas si procurarían a esta existencia suya un valor mayor del que tiene este animal doméstico... ¡Gracias sean dadas, pues, a la Naturaleza por la incompatibilidad, por la vanidad maliciosamente porfiadora, por el afán insaciable de poseer y de mandar! Sin ellos, todas las excelentes disposiciones

naturales del hombre dormirían eternamente raquíticas. El hombre quiere concordia; pero la Naturaleza sabe mejor lo que le conviene a la especie y quiere discordia. Quiere el hombre vivir cómodo y plácidamente, pero la Naturaleza prefiere que salga del abandono y de la quieta satisfacción, que se entregue al trabajo y al penoso esfuerzo para, por fin, encontrar los medios que le libren sagazmente de esta situación" (Ibíd, 46-48). Precisamente la bestialidad llevada a un extremo insoportable obliga a los seres humanos, en su faceta racional, a limitar voluntariamente su egoísmo zoológico y llegar a un acuerdo para fundar la sociedad civil.

A primera vista parece que Kant trata al antagonismo en concordancia con Hegel y Marx, como una contradicción que se caracteriza por una tensión más aguda e irreconciliable que está preñada de violencia y se resuelve de un modo radical a través de la revolución, en la que la parte más poderosa de la relación antagónica aniquila o subyuga a su voluntad a la otra parte. Se supone que el antagonismo es un medio para la realización de la necesidad histórica y una condición para el alcance del objetivo final: una sociedad futura de justicia, igualdad y armonía social. Pero el término de *antagonismo*, como lo entiende Kant, no coincide con el significado de este concepto desarrollado posteriormente en las doctrinas historicistas. En primer lugar, Kant nunca nos habla sobre los antagonismos que expresan los intereses de los grupos sociales absolutamente irre-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

conciliables entre sí. Y en segundo lugar, los antagonismos, como expresión de discordia, no necesariamente tienen que culminar en una revolución violenta. Según el filósofo alemán, el antagonismo es una lucha que se expresa en la hostilidad, la discordia, pero más frecuentemente se manifiesta en la competencia como una rivalidad individual por conseguir mayor reconocimiento, fama, prestigio y poder. Kant no excluye la competencia económica, pero los motivos de vanidad y de amor propio que alimentan los antagonismos son prioritarios en relación a la codicia. Para el filósofo de Königsberg, el significado principal del antagonismo es sacudir las comunidades primitivas que viven en la inercia y en la indolencia.

El filósofo alemán nunca dijo que los antagonismos son manifestaciones de necesidades históricas, simplemente irrumpen en las comunidades semidormidas y obligan a sus habitantes a retractarse de su inclinación a la ociosidad y entregarse al esfuerzo y al trabajo. En el transcurso de la historia, los antagonismos, como medios del despliegue de las disposiciones de los seres humanos, se doman, se encauzan a un orden legal y, por lo tanto, su hostilidad fatal e irreconciliable se ablanda. Kant no trató a los antagonismos como atributos eternamente inherentes al género humano: introducidos en el cauce legal, han servido y siguen sirviendo para el desarrollo de la humanidad, pero afirmar que sean siempre útiles en cualquier momento del futuro, en su opinión,

es un juicio arriesgado y dudoso. No hay que olvidar que, enfatizando su significado en el proceso de la evolución del *homo sapiens* y en su desarrollo histórico, Kant refutaba el punto de vista de su oponente, Herder, quien siempre le adscribía a los antagonismos cualidades pérfidas y puramente negativas.

Al exponer el proceso espontáneo de la historia que, según el pensador alemán, procede a través de pugnas y discordias, no tenemos que olvidar que, según él, este proceso desemboca en la formación de la *sociedad civil*. Para que surja dicho estado normativo es suficiente que cada individuo se concentre en sus objetivos particulares utilitarios, se guíe por ellos y tome en consideración las posibles consecuencias negativas. Estos planteamientos de Kant tienen mucho que ver con las ideas de Hegel expuestas en la introducción a su "Filosofía de la Historia". Según su compatriota menor, "la primera visión que de la historia tenemos nos presenta las acciones de los hombres, como naciendo de sus necesidades, de sus pasiones, de sus intereses y de las representaciones y fines que se forjan, según aquéllos. Nos presenta esas acciones de tal modo que en este espectáculo de la actividad, esas necesidades, pasiones, intereses, etc., aparecen como los únicos motores. Los individuos quieren sin duda, en parte, fines universales; quieren un bien... Pero las pasiones, los fines del interés particular, la satisfacción del egoísmo son en parte lo más poderoso" (Hegel, 1980: 79). Nada grande en la his-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

toria, dice Hegel, se ha realizado sin pasión; y aunque la pasión es una expresión de interés particular, no se opone a lo universal. Más que eso, los grandes personajes de la historia luchan y trabajan con gran ardor por realizar sus metas y objetivos; y cuando los alcanzan, no pasan ni siquiera a disfrutarlos: al fin y al cabo, no son dichosos. Alcanzado su objetivo caen al suelo como cáscaras vacías. Esta ironía de la Providencia histórica Hegel la llama el *ardid de la razón*. "La razón hace que las pasiones obren por ella y que aquello mediante lo cual la razón llega a la existencia, se pierda y sufra daño... Los individuos son sacrificados y abandonados. La idea no paga por sí el tributo de la existencia y de la caducidad; págalo con pasiones de los individuos" (Ibíd: 97).

Finalmente, Hegel utiliza la astucia de la *razón universal* para quitarle la responsabilidad a la Providencia divina y cargársela a los agentes de historia. "Los individuos desaparecen ante la sustancia universal, la cual forma los individuos que necesita para su fin. Pero los individuos no impiden que suceda lo que tiene que suceder" (Ibíd: 66). Más que eso, los héroes de la historia, a través de cuyas hazañas el espíritu universal sacrifica a los agentes de la historia, se encuentra por encima de cualesquier obligaciones morales y no pueden ser imputadas por sus acciones, mientras que por el no cumplimiento de sus tareas, los individuos comunes y corrientes se someten a severas sanciones. Según esta visión, las metas de la historia universal se encuentran

fuera del círculo de cualquier juicio moral. Esta, escribe Hegel, "se mueve en un plano más alto que aquel en que la moralidad tiene su propia sede... Lo que el fin último del espíritu exige y lleva a cabo, lo que la Providencia hace, está por encima de las obligaciones y de la responsabilidad que recae sobre el individuo por su moralidad". Y más adelante continúa, "Los actos de los grandes hombres, que son individuos de la historia universal, aparecen así justificados... Y los círculos morales, a que no pertenecen los hechos históricos y sus autores, no deben pretender nada contra estos, desde el punto de vista terrenal. La letanía de las virtudes privadas: modestia, humildad, amor al prójimo, caridad, etc., no deben esgrimirse contra ellos" (Ibíd: 142). Aquí tenemos no sólo la expresión filosófica de las sentencias moralizadoras dirigidas contra los "héroes de la historia"; tenemos una declaración franca e intencional del inmoralismo que pone la marcha de la historia y sus *guías* "más allá del bien y del mal".

Kant admite el despliegue natural de la historia sólo en el periodo inicial de la evolución humana. Pero cuando la humanidad logra superar la espontaneidad del desarrollo de la Historia, tiene que dejar de confiar en la "astucia sabia" de la *Providencia ardidada* que recurre al egoísmo, a la discordia y al antagonismo para alcanzar sus fines. El hombre socialmente maduro tiene que romper la "moral de la fuerza" y sustituirla por la "fuerza de la moral". La última es una expresión de

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

la conciencia que despierta su responsabilidad ante el desarrollo histórico.

Según Kant, el Estado de la *sociedad civil* es una organización que compagina la máxima libertad del ser humano con la exacta determinación y seguridad de los límites de la misma, para que sea compatible con la libertad de los otros. El filósofo alemán considera que este Estado no surge espontáneamente, sino que se establece por una decisión deliberada de sus integrantes en una situación crítica. A Kant no le preocupa si en la historia hubo un acuerdo entre los individuos sobre la fundación de este Estado que posteriormente lo denominaremos como "Estado de derecho". En su ensayo *En torno al tópico: Tal vez eso sea correcto en teoría, pero no sirve para la práctica* dice que el contrato original no necesariamente debe suponerse como un hecho histórico, pero por razón humana debe reconocérsele como la base en la que se funda una constitución civil universalmente válida para la comunidad humana. "La idea del contrato original tiene que obligar a todo legislador que dicta sus leyes, a hacer leyes como si éstas pudieran haber emanado de la voluntad única de todo un pueblo, y a que considere a cada súbdito, en la medida en que éste quiere ser ciudadano, como si hubiera expresado su acuerdo con una voluntad" (Kant, 1986: 37).

Así que Kant plantea un nuevo tema: la formación de la *sociedad civil* y lo considera como la tarea más importante entre todas

las adquisiciones históricas de la humanidad. El establecimiento de la sociedad civil no es un acontecimiento espontáneo, sino una "tarea suprema que la Naturaleza ha asignado a la humana especie". Esta tarea se distingue de la meta principal: el desarrollo pleno de todas las disposiciones y capacidades del ser humano. Sin la resolución de la primera es imposible crear las condiciones de la posibilidad de alcanzar la meta principal, cuyos contornos se ocultan en la lejanía del futuro. El "fin de la naturaleza" en relación al perfeccionamiento del hombre resulta paradójico: la misma naturaleza quiere que los seres humanos planteen y traten de realizar tales metas que ella no contiene en sí. «La producción de la aptitud de un ser racional para cualquier fin», escribe Kant, "en general..., es la cultura. Así, pues, sólo la cultura puede ser el último fin que hay motivo para atribuir a la naturaleza, en consideración de la especie humana" (Kant, 1998: 228).

Si nos abstraemos de diferentes interpretaciones del concepto de cultura, podríamos decir que tiene dos significados principales: la creación de *artificios* en forma de objetos que no existen en la naturaleza, y la formación de seres humanos como individuos talentosos, desarrollados y creativos. Kant no niega estos aspectos, pero los limita: el tránsito de la naturaleza al artificio y del hombre natural al hombre moral, encuentra su plena expresión en un futuro. Porque la creación de la cultura es posible sólo en los límites de la actividad teleológica.

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

“No tenemos más que una especie única de seres en el mundo, cuya causalidad sea teleológica, es decir, enderezada a fines” y entre todos estos fines, el hombre, “considerado como nómeno, es el único ser natural”, cuya “existencia tiene en sí el más alto fin” (el supremo bien del mundo) (Ibíd: 231). Según el filósofo alemán, al someter a la naturaleza externa a su voluntad, el ser humano debe pensar cómo puede dominar su propia naturaleza. Este dominio se realiza en convivencia con otros seres humanos quienes al principio, en el estado de Naturaleza, no son ni buenos, ni justos, ni honestos; estas cualidades pueden desarrollarse sólo en el marco de la sociedad civil. Para que dicha sociedad pueda establecerse y ejercer su influencia benévola en los individuos (inclinados al mal por naturaleza), sería necesario la realización justa de la ley, y para esto tendrían que haber existido hombres justos, incorruptibles, de honradez íntegra, capaces de resistir a cualquier tentación de usar el poder para sus propios intereses, suprimiendo el egoísmo y los vicios de los ciudadanos que violan las leyes. Así surge un círculo vicioso que representa una antinomia de la sociedad civil: para crear las condiciones favorables de la realización de las leyes a fin de que éstas pueda ejercer su influencia benévola en la conciencia de los individuos, tuvieron que haber existido hombres adecuados a esta ley. Pero estos “guardianes de la ley” que tienen la conciencia civil incorrupta no pueden aparecer antes que las

leyes ejerzan su influencia benévola en las mentes de los ciudadanos. El mismo Kant reconoce que este problema es *el más difícil y el que más tardíamente resolverá la especie humana*. Y continúa: “el hombre es un animal que, cuando vive entre sus congéneres, necesita de un señor. Porque no cabe duda que abusa de su libertad con respecto a sus iguales y aunque, como criatura racional, desea en seguida una ley que ponga límites a la libertad de todos, su egoísta inclinación animal le conduce seductoramente allí donde tiene que renunciar a sí mismo. Necesita un señor, que le quebrante su propia voluntad y le obligue a obedecer a una voluntad valedera para todos, para que cada cual pueda ser libre. Pero ¿de dónde se escoge este señor? De la especie humana claro está. Pero este señor es también un animal que necesita, a su vez, de un señor. Ya puede, pues, proceder como quiera, no hay manera de imaginar cómo se puede procurar un jefe de la justicia pública que sea, a su vez, justo; ya sea que se le busque en una sola persona, o en una sociedad de personas escogidas al efecto. Porque cada uno abusará de su libertad si a nadie tiene por encima que ejerza poder con arreglo a las leyes. El jefe supremo tiene que ser *justo por sí mismo* y, no obstante, un hombre. Así resulta que esta tarea es la más difícil de todas; como que su solución perfecta es imposible; con una madera tan retorcida como es el hombre no se puede conseguir nada completamente derecho” (Kant, 2006: 50-51).

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Según Kant, la "sociedad civil", tal como ésta se dibuja en las doctrinas iluministas, todavía no es la antítesis del estado de "guerra de todos contra todos", sino un estado de discordia, enmascarado por la ley donde reina la injusticia, porque allí se usa la misma ley en calidad de instrumento de los intereses de los gobernantes. En estas condiciones el poder otorga más oportunidades a los hombres descarados, astutos y cínicos que luchan por sus intereses egoístas no por medio de sus fuerzas individuales de la competencia, sino a través de la manipulación de los atributos del poder del Estado. Sólo el hombre que sea capaz de ser *dueño de sí mismo* y de luchar contra la depravación y corrupción será capaz también de enfrentar el abuso de la ley bajo la máscara de la ley y luchar contra la arbitrariedad bajo la máscara del derecho.

El pensador alemán considera que nuestra razón moral no es sólo un instrumento para alcanzar los fines individuales; es también nuestro legislador interno cuyas órdenes nos liberan de la sumisión ciega a las demandas externas y a los impulsos internos. Sólo en la medida en que el individuo logre tomar conciencia de estas órdenes y pueda someter sus impulsos y pasiones al control de su razón (esto es, "darse ley a sí mismo", obtener la autonomía moral) podrá oponerse a la expansión de la voluntad ajena, elevada al rango de ley.

Para Kant, la existencia humana se define como autodisciplina,

como una "intención moral en *lucha* y no la *Santidad* en la supuesta posesión de una completa pureza en las intenciones de la voluntad" (Kant, 1995: 150). La santidad, como acuerdo perfecto de las inclinaciones naturales con el deber moral, implica la posesión de pureza de intenciones, pero es alcanzable sólo para los ángeles y no por los seres humanos que tienen inclinaciones naturales que limitan sus capacidades racionales. Esto no significa que el hombre no sea capaz de elevarse a la virtud, esto es, subordinar sus motivos empíricos a las consideraciones morales. Sin embargo, tal subordinación tampoco implica que no somos susceptibles al riesgo de caer en la tentación e infringir la norma moral.

Siendo dualista, Kant, empero, no separa los principios contrastantes y no admite que entre estos últimos no debe haber ninguna interrelación. Al contrario, observa atinadamente Dulce María Granja: "La experiencia de obligación moral es un ejemplo palmario de dicha interacción. Si un mismo ser humano no fuera a la vez ser moral y natural, existiendo completa y simultáneamente en ambos dominios, la experiencia moral sería imposible" (Granja, 2010: 169). En la medida en que el hombre somete sus inclinaciones naturales a la legislación interna de su deber, actúa según las máximas que coinciden con el imperativo categórico. Qué el hombre haga lo que debe hacer: pero no hay que elevarlo al rango de un santo, pues esto signifi-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

caría la conformidad plena de sus deseos con la ley moral sin necesidad de ninguna restricción de su sensibilidad y, por lo tanto, en la base de la moralidad yace una obligación que conlleva al dominio sobre los impulsos naturales. El hombre merece más que la mera satisfacción de lo que tiene en sí y ante sí. Kant quisiera elevar al ser humano en sus dimensiones prácticas, artísticas y cognitivas sobre su propio ser empírico. Por eso la verdadera actitud moral no es la autocomplacencia, sino el anhelo de alcanzar lo más y mejor en su afán a elevar su persona y aportar al mejoramiento de la humanidad.

Justicia social y paz perpetua

El concepto de "señor" está incluido en la definición de nuestra existencia, pero como coacción interna. Kant presta atención a la autodisciplina que es inherente al deber moral. Ser dueño de sí mismo, escribe el filósofo ruso Erich Soloviev, es la única regla universal del dominio que admite la ética del imperativo categórico. Al mismo tiempo, la "posibilidad de dominarse a sí mismo no es un atributo general del hombre que se desprende de la experiencia histórica. Y ésta confirma que, aunque los hombres están destinados a ser dueños de sí mismos, en realidad, rara vez lo logran" (Soloviev, 2005: 239). Ser dueño de sí mismo presupone asumir el deber, esto es, poseer una instancia de coacción interna que luche contra las tentaciones y subterfugios de nuestro egoísmo y crea el fundamento de nuestra dignidad. De la responsabilidad moral no puede

ser liberada ninguna persona que trate de justificarse ante sí misma o ante los otros refiriéndose a situaciones adversas, a su "naturaleza" débil o a su "carácter" declinante. Justamente estas personas necesitan de un señor, porque, son incapaces de la autodisciplina, piden ayuda externa para mantener su autonomía interna, pues, en el caso contrario, su libertad amenaza a convertirse en desorden total, es decir: en la guerra de todos contra todos. "Ser dueño de sí mismo" es una demanda que la moral del imperativo categórico exige del hombre histórico; y la fórmula: "el hombre es un animal que necesita de un señor" es una constatación inductiva que se desprende de la observación sobre la historia real concreta. Como ser *pensante*, el hombre desea "una ley que ponga límites a la libertad de todos", pero su egoísta inclinación le conduce a excluirse de la jurisdicción de la ley: salvo a mí y a los míos, a los demás que se les aplique todo el peso de la ley. Y para éstos que tratan de excluirse del juicio moral, se exige un señor externo que represente las normas legales.

Parfiendo de estas afirmaciones, algunos intérpretes de la filosofía de Kant le reprochan ser pesimista, consideran que a pesar de todas sus declaraciones humanistas, se capitula ante la "madera retorcida" del ser humano que como una maldición grava toda su historia. Pero, en nuestra opinión, estas acusaciones son inconsistentes, ya que Kant no afirma que el ser humano esté retorcido fatalmente por su

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

naturaleza y que todos los intentos de enderezarle de antemano están destinados al fracaso. Reducir la antropología de Kant a esta metáfora, significaría cancelar su proyecto de la ilustración como una forma en que el hombre se libera de su incapacidad de pensar por sí mismo y de tener el valor de usar su propia razón. Para impulsar este proceso hace falta observar cierta condición que Kant perfila en su quinto principio de *Idea de una historia universal en sentido cosmopolita*. "Sólo dentro del coto cerrado que es la asociación civil, esas mismas inclinaciones producen el mejor resultado; como ocurre con los árboles del bosque que, al tratar de quitarse unos a otros el aire y el sol, se fuerzan a buscarlos por encima de sí mismos y de este modo crecen erguidos; mientras que aquellos que se dan en libertad y aislamiento, extienden sus ramas caprichosamente y sus troncos enanos se encorvan y retuercen" (Kant, 2006: 49-50). Tal es la respuesta metafórica a la metáfora planteada sobre la posibilidad de tallar de la madera torcida, como es el hombre natural, a algo completamente recto. En esta respuesta el énfasis se pone en la lucha por la construcción del "coto cerrado de la asociación civil". Para que sea exitosa esta lucha, según Kant, hay que tener "conceptos correctos acerca de la naturaleza de una constitución posible", poseer "una experiencia muy grande entrenada por la historia, y, sobre todo una buena voluntad dispuesta a aceptarla". (Ibíd: 51).

Si el hombre es sólo un animal que necesita de un señor quien también "está fabricado" de la misma "madera" sin ninguna transformación moral, entonces la tarea de formar un orden civil auténtico, sería imposible. En sus intentos de crear una sociedad basada en la justicia y la libertad, los hombres tropezarán con nuevas formas del viejo poder despótico o dictatorial. Pero cuando la necesidad del animal político en un señor empieza a satisfacerse por medio de la transformación de su conciencia, y cuando esta transformación se produce a través del dominio del hombre sobre sí mismo (completada, en medida del despliegue del imperativo categórico, con la coacción del poder externo), "la tarea suprema que la Naturaleza ha asignado a la especie humana" no será imposible.

Según Kant, "el problema de la institución de una constitución civil perfecta depende, a su vez, del problema de una legal *relación exterior entre los Estados*, y no puede ser resuelto sin éste último" (Ídem). En otros términos, es imposible formar un espacio global del derecho, sin desplegar las normas jurídicas universales a todos los países del mundo. Esta tarea es evidente, y de su resolución depende la conservación de la vida del género humano y la preservación de su seguridad. Pero en el camino su realización secular se encuentra la "insociable sociabilidad" y los "antagonismos sociales". La paradoja consiste en que la misma razón en condiciones de calamidades incesantes y de severas

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

desgracias, transforma sus ideas *a priori* sobre la paz eterna en la búsqueda de las vías prácticas y concretas para su realización. La lógica persuasiva y edificante de esta paradoja está preñada de una amarga ironía: sólo bajo la amenaza del exterminio total e implacable en las guerras devastadoras e incesantes, los Estados, unidos previamente en una "gran federación de naciones" decidirán, por fin, establecer las relaciones civilizadas basadas en la *paz perpetua*.

El concepto de *paz perpetua*, ausente en *la Idea de una historia universal en sentido cosmopolita*, surgió once años más tarde en el opúsculo *La paz perpetua* publicado en 1795. En su primer ensayo, Kant planteó: "La Naturaleza los empujan (a Estados), primero a los ensayos imperfectos, por último, y después de muchas devastaciones, naufragios y hasta agotamiento interior completo de sus energías, al intento que la razón les pudo haber inspirado sin necesidad de tantas y tan tristes experiencias, a saber: a escapar del estado sin ley de los salvajes y entrar en la unión de las naciones" (Ibíd: 52-53). La marcha del género humano hacia la federación de naciones se presenta como una de las etapas más importantes de la historia y estará preñada de alternativas fatales.

En la nota preliminar de *La paz perpetua*, Kant, con implacable ironía que excluye cualquier actitud enterrecida hacia la providencia de la Naturaleza, reproduce la inscripción ambigua que un hostelero holandés colocó bajo una pintura que representaba un

cementerio: "A la paz perpetua". La alternativa entre la guerra y la paz el filósofo alemán la llevó a una implacable antitética que excluye cualquier línea intermedia y conciliadora: la paz perpetua entre los pueblos, o la paz eterna en los cementerios; no existe una tercera opción. ¿A qué tipo de gente estaba dedicada este lienzo, pregunta irónicamente el filósofo de Königsberg?: "¿A todos los "hombres" en general, o especialmente a los gobernantes, nunca hartos de la guerra, o bien quizá sólo a los filósofos entretenidos a soñar el dulce sueño de la paz?" (Kant, 1995: 115). A juzgar por el texto de *la Idea de una historia universal en sentido cosmopolita*, Kant aprueba los proyectos de la paz de Saint-Pierre y Jean-Jacques Rousseau, a pesar de que estos planteamientos habían sido "tomadas a chacota", porque sus autores creyeron ingenuamente en la posibilidad de su rápida realización. Así que el sarcasmo del hotelero holandés, que compartió el pensador alemán, está dirigido a todos los hombres y en primer lugar, a los gobernantes que consideran las guerras como instrumento para conseguir gloria o para gozar de las peripecias inusitadas de una aventura.

Immanuel Kant no podía sospechar que, al transcurrir algunos decenios, a su doctrina de la paz le sería arrojado un desafío por parte de su compatriota Georg Wilhelm Friedrich Hegel quien justificó y aprobó las guerras porque consideraba que, siendo *motores del progreso*, protegen a las naciones del empantanamiento de

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

la rutina y de la podredumbre de la vida. El espíritu universal hegeliano se parece a un bandido en el trono que, para fortalecer su poder (que suele identificar con el poderío de su Estado) está dispuesto a ejercer una "generosidad" diabólica: sacrificar en aras de la "grandeza de su sed de esplendor" a los pueblos y naciones enteros, despilfarrar una enorme cantidad de la riqueza acumulada y convertir a sus súbditos en carne de cañón. Kant reconoce las enormes pérdidas de recursos de todo género aniquilados en las guerras devastadoras y frecuentemente absurdas, pero, a diferencia de Hegel, no trata de justificarlas como si se tratará de una necesidad histórica o de un mandato de la providencia divina. Tampoco apela al *espíritu objetivo* (como guía de la historia empírica y, a la vez, como "teodicea única y contundente"), al cual, según Hegel, le es inherente una integridad absoluta, que de antemano excluye cualquier posibilidad de deficiencia o carencia. Todo lo que contradice a la libertad absoluta de *espíritu objetivo*, todo lo material, lo azaroso o lo absurdo puede surgir sólo por el capricho de este mismo demiurgo lúdico y juguetón, en virtud de su propia voluntad, como una objetividad suelta que este aventurero poderoso produce para su propia diversión, contemplando como sufre de diferentes desgracias, calamidades y muertes la miserable especie del *homo sapiens* en su camino hacia la suprema sabiduría que le revela el demiurgo irónico. Lo más aborrecible en esta justifi-

cación de las guerras no es que un filósofo concreto, llamado Hegel, les de su sanción personal; lo detestable es que Hegel las aprueba en nombre de Dios que es inmanente a la historia y que considera a los conflictos armados como un factor inextirpable destinado a sanar la convivencia humana.

A diferencia de su contemporáneo menor de Stuttgart, el filósofo de Königsberg no estuvo convencido de que la misma razón fuera capaz de "predecir si la disensión, tan connatural a nuestra especie, no acabará por prepararnos, a pesar de nuestro estado tan civilizado, un tal infierno de males que en él se aniquilen por una bárbara devastación ese estado y todos los progresos culturales realizados hasta el día". Incluso si esta regresión a la barbarie no sucediera, hay que admitir que en el camino hacia las relaciones civilizadas entre los Estados, la humanidad, probablemente, experimentará serias pruebas. Los acontecimientos siniestros del siglo XX -dos guerras mundiales, regímenes totalitarios más crueles en la historia de la humanidad que exterminaron a millones de víctimas inocentes en los campos de concentración, y la gigantesca catástrofe atómica que amenaza al exterminio de la humanidad entera- confirman las advertencias severas del anacoreta de Königsberg quien como nunca sigue siendo vigente.

Según Kant, a través de una serie de calamidades sociales y catástrofes históricas, la misma Naturaleza obliga a la humanidad a tomar conciencia de bus-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

car otra alternativa. Pero, para el filósofo alemán, la paz perpetua no es sólo una lección amarga y cruel de la providencia espontánea de la historia universal, sino también y, quizás, en mayor medida, representa un deber sagrado del ser humano. Como sujeto moral el hombre se contrapone a la historia, e incluso, a sí mismo como un individuo condicionado por relaciones históricas concretas; sin embargo, él debe aplicar su razón moral a la esfera de la práctica social. La historia tendría que ser compaginada con el imperativo categórico de la moral, aunque aquélla no sea la fuente de ésta. ¿Qué significación práctica puede tener la razón moral en la vida humana, si sus principios básicos tienen sus raíces más allá de la historia y de la vida política? La misma historia conduce a un punto neurálgico en que se hace ineludible el cumplimiento de las demandas morales y de las leyes jurídicas.

Para Kant, los principios de la política son distintos a los de la moral; si los primeros parten de motivos de prudencia y utilidad, los segundos se basan en el imperativo categórico que dice: "Obra de tal modo que puedes querer que tu máxima debe convertirse en ley universal, sea cualquiera el fin que te propongas". Por lo que para alcanzar la coexistencia pacífica entre los pueblos, Kant propone hacerlo por medio de la justicia que se expresa a través del imperativo categórico. Así que "procurad ante todo acercaros al ideal de la razón práctica y a su justicia; el fin que os propongáis –la paz perpe-

tua- se os vendrá a las manos" (Ibíd: 241). La paradoja consiste en que para alcanzar la meta deseable, hay que abstraerse de cualquier persecución de utilidad compaginada con ella. "Tiene la moral de característico, sobre todo en lo que concierne a los principios del derecho público..., que cuando menos subordina la conducta a los fines propuestos y al provecho apetecido, físico o moral, tanto más se acomoda, sin embargo, a ese fin y le favorece en general" (Ídem). En la concepción kantiana, la paz perpetua corona una práctica metódica y sistemática de la realización de las máximas de los seres humanos según las exigencias del imperativo categórico y el orden jurídico. Aunque entre la paz y la justicia no existe una armonía preestablecida, sin embargo, las dos están unidas y se correlacionan, y en esta unión el rigorismo de la justicia siempre tiene prioridad en relación al objetivo de conservar la paz. Incluso, el pensador alemán no se detiene ante el famoso lema de los juristas romanos: *Fiat justitia, peccat mundus*. En su opinión, "a pesar de cierto dejo de fanfarronería..., es un principio valiente de derecho, que ataja todo camino tortuoso de insidias y violencias" (Ibíd: 242). A la larga, el rigor de la justicia es un modo seguro para alcanzar la paz duradera.

Para el filósofo alemán, la justicia es una categoría central: es el criterio que otorga la dignidad moral al poder; es la condición obligatoria de su reconocimiento y respeto por parte de los ciudadanos. La justicia por sí misma no

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

es una gran virtud: ser justo es sólo el *minimum minimorum* para el hombre moral; nadie puede afirmar que tiene una moral elevada si en sus relaciones con los demás se dirige sólo por el principio: "dar a cada cual lo suyo", y no es capaz de ser bondadoso, generoso o misericordioso. Pero cuando se trata de alguien que ejerce el poder (reconcilia intereses, distribuye bienes, arregla quejas, designa castigos, etc), entonces, la categoría de justicia adquiere una importancia decisiva. Cuando surge la necesidad de regular los conflictos, el valor de la justicia resulta más alto que otras virtudes. El poder tiene todas las razones para esperar que la observación de la justicia sirva para la realización del progreso económico, social y cultural del país; sin embargo, la misma justicia nunca debe ser considerada sólo como un medio para obtener estas finalidades, puede coadyuvar al progreso sólo cuando se ponga por encima de todos los intereses pragmáticos, y los que detentan el poder la ejerzan como su deber primordial e, incluso, sagrado. Así que su realización debe ser el imperativo categórico del poder. Kant considera que las leyes que garantizan la justicia tienen que rebasar los otros actos gubernamentales, tales como el desarrollo de la economía y el crecimiento del bienestar, entre otros. En su opinión, ninguna reforma, iniciada por el gobierno, tendrá éxitos si a ésta no le precede una serie de medidas jurídicas dirigidas a la exterminación de los abusos principales del despotismo, paternalismo, la corrupción y la creación

de las condiciones necesarias para el desarrollo de los derechos humanos. Sólo al cumplir su "deber primario", el gobierno puede esperar que sus iniciativas encuentren aprobaciones y apoyos entre sus ciudadanos.

Resumiendo lo dicho anteriormente, podemos constatar que es imposible evitar una impresión desoladora cuando contemplamos la marcha de las generaciones humanas en la escena de la historia universal; "a pesar de la esporádica aparición que la prudencia hace a veces, a la postre se nos figura que el tapiz humano se entreteje con hilos de locura, de vanidad infantil, de maldad y de afán destructivo también infantil (Kant, 2006: 41). Aunque la historia con todos sus horrores se presenta como absurda, Kant intenta revelar algún sentido en la marcha de los pueblos en el tiempo. La tendencia magistral de la evolución del género humano, que el filósofo alemán designa como "Naturaleza", se manifiesta no tanto en la "sobrepotección materna", sino en la actitud severa de una madrastra que, no obstante, quisiera preparar a su educando para las duras peripecias que le espera en el futuro. En sus dones al hombre, la Maestra-Naturaleza es parca, porque, finalmente, anticipa que su *discípulo* elabore otra actitud ante su existencia en el mundo, diferente de todos los demás seres vivos. Y esta actitud es la cultura, cuyas características principales son los objetos artificiales, la actividad teleológica y la elaboración de reglas convencionales. Siendo

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

una anomalía en el reino animal, el ser humano crea nuevas formas de la regulación de su conducta que no se encuentran en la naturaleza. A estas pertenecen la moral y el derecho, entre otras. En el proceso histórico el hombre puede someterse a cambios profundos, pero estar fuera de cualquier moral y seguir permaneciendo en la historia, es imposible.

Kant entiende que en el espacio de la vida cotidiana la intención moral, por perfecta que sea, está destinada a la impotencia trágica. Pero cuando se trata las obligaciones prácticas, la defensa de los derechos humanos que nos concierne a todos, está en primer plano. En estas condiciones, el esfuerzo moral se convierte en solidaridad, vinculada con el sentimiento de protesta común contra la injusticia y la necesidad de superar la amenaza de los desastres. Así que "la tarea de la Naturaleza para la especie humana" radica en asegurar el estado de derecho y la sociedad civil como fuerzas moralmente movilizadoras. La fuerza del derecho, a diferencia del derecho de la fuerza, es la expresión de la esperanza histórica de Kant quien apreciaba altamente el rigorismo del servicio abnegado al deber, pero, al mismo tiempo, comprendía que las predicas morales no tienen un efecto social de largo alcance. La práctica de la misma historia es testimonio que sólo el combate a favor de los derechos humanos es capaz de alcanzar éxitos concretos. Esto sucede porque la misma historia obliga a la humanidad a la lucha solidaria por derecho, por el estado de

derecho y por la paz. El proceso histórico no contiene las garantías providenciales que hagan triunfar la justicia sobre la voluntariedad y arbitrariedad y, sin embargo, demuestra de forma contundente que los regímenes que pisotean las exigencias elementales de los derechos humanos, son cada vez menos viables y duraderos. Según Kant, a la justicia absoluta (reino de la felicidad moralmente merecida, realización plena de las capacidades individuales y la inmortalidad conmensurable a la conciencia de la vida gastada en aras de la perfección de sí mismo y de sus congéneres) se le puede pensar sólo como una realidad trascendente. Mientras que aquí, en este mundo, es posible esperar sólo sus logros morales y jurídicos en forma limitada bajo la égida del Estado de derecho y la Federación de tales Estados. Sólo en estas condiciones, la humanidad podría desarrollar sus disposiciones verdaderamente humanas y alcanzar la paz entre los pueblos. Pero esta finalidad es una esperanza y como cualquier esperanza no está garantizada porque contiene un "riesgo teleológico", y por eso admite la posibilidad de pronósticos perturbadores e, incluso, por medio de ellos alimenta su tenacidad estoica.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Bibliografía

1. Mamardashvili, Merab. (2002). Variaciones kantianas. Moscú, Ágrafo (en ruso).
2. Berlin, Isaiah. (1992). El fuste torcido de la Humanidad. Barcelona, Península.
3. Gehlen, Arnold. (1987). El hombre. Su naturaleza y su lugar en el mundo. Salamanca, Sígueme.
4. Granja, Dulce María. (2010). Lecciones de Kant para hoy. México, Antropos.
5. Hegel, G. W. F. (1980). Lecciones sobre la filosofía de la historia universal. Alianza, Madrid.
6. Herder, Johann Gottfried. (1950). Filosofía de la historia para la educación de la humanidad. Buenos Aires, Nova.
7. Herder, Johann Gottfried. (1959). Ideas para una filosofía de la historia de la humanidad. Buenos Aires, Losada.
8. Höffe, Otfried. Immanuel Kant. Barcelona, Herder, 1986.
9. Kant, Immanuel. (2006). Filosofía de la historia, México, F. C. E.
10. Kant, Immanuel. (1986). Teoría y práctica. Madrid, Técnos.
11. Kant, Emanuel. (1998). Crítica del juicio. México. Editores mexicanos unidos.
12. Kant, Manuel. (1995). Fundamentación de la metafísica de las costumbres. Crítica de la razón práctica. La paz perpetua. México, Porrúa.
13. Ortega y Gasset, José. (1962). Obras completas. T. V, Madrid, Revista de Occidente.
14. Soloviev, Erich. (2005). El imperativo categórico de la moral y del derecho (en ruso).

УДК 128 + 129

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса

Религия как продукт «чистого разума»

Настоящее исследование затрагивает некоторые существенные моменты религии с позиции Канта. Принципиальные идеи этой позиции немецкий автор развил в своей книге Религия в пределах одного только разума. Возможность религии предшествует и обуславливает чистая моральная вера. Истинная религия, согласно автору, заключается в том, что во всех наших обязанностях мы должны считать Бога всеобщим законодателем. Чистая религиозная вера возможно потому, что Бог отпечатал в сердце человека моральный закон в форме божественного повеления.

Ключевые слова: человек, причина, бог, религия, мораль

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса, Мексика, АУШМ,
профессор-исследователь
rushgonzalez@hotmail.com

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE

UDC 128 + 129

Roberto Andrés González Hinojosa

Religion as a product of «pure reason»

In the present investigation around some significant considerations of religion from the perspective of Kant times are crossed. This concern the german author has developed in the book entitled: Religion within the Bounds of bare Reason. The possibility of religion is preceded and conditioned by the pure moral faith. True religion, according to author, is that in all our duties we shall consider God is universal legislator. Pure religious faith is possible given that God has inscribed in the human heart the moral law in the form of divine command.

Keywords: Man, reason, God, religion, morality.

Roberto Andrés González Hinojosa, Mexico, Independent university of the Mexico state, professor
rushgonzalez@hotmail.com

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being, knowledge, action»

CDU 128 + 129

Roberto Andrés González Hinojosa

La religión como producto de la «razón pura»

En la presente investigación se recorren algunos momentos significativos en torno a las consideraciones de la religión desde la perspectiva de Kant. Esta preocupación el autor alemán la ha desarrollado principalmente en el libro titulado: La religión dentro de los límites de la mera razón. La posibilidad de la religión está precedida y condicionada por la fe moral pura. La religión verdadera, según el autor, consiste en que en todos nuestros deberes habremos de considerar a Dios como legislador universal. La fe pura religiosa es posible toda vez que Dios ha inscrito en el corazón del hombre la ley moral en la forma de mandamiento divino.

Palabras-clave: Hombre, razón, Dios, religión, moral.

Roberto Andrés González Hinojosa,
Universidad Autónoma del
Estado de México, profesor
rushgonzalez@hotmail.com

La ponencia fue publicada con
el apoyo del cuerpo académico:
"Pensamiento contemporáneo:
ser, conocer y hacer" de la UAEM

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

Uno de los temas más acuciantes en el transcurso de la tradición, sin duda, ha sido el de la religión; pues en ésta se resuelve la relación que el hombre guarda respecto a la divinidad. Digamos que en la religión se define el puesto y papel del hombre en el mundo frente a lo divino: aquí el hombre se descubre, sin más, como mortal; y lo divino como lo otro que subyace al otro lado, que no es mortal, sin embargo es la representación excelsa del yo (que se parece a mí, pero no soy yo). En la meditación filosófica de la religión acaece un encuentro y una negación entre lo uno y lo otro. La acotación ontológica que sobreviene al ser del hombre por parte de la divinidad encuentra, no obstante, en la religión un horizonte genuino de despliegue por el que el espíritu es impulsado, y a la vez llamado, hacia la trascendencia. Pues como dice Eliade, la existencia sería imposible sin una conexión con el cielo, no se puede vivir sin una apertura hacia la trascendencia. Esta apertura encuentra un horizonte legítimo de despliegue justamente en aras de la religión.

La presente investigación tiene como foco principal de atención el tema de la religión; se ha partido del planteamiento que Kant realiza acerca de este punto. Cabe reconocer que este autor ha tenido gran influencia en el desarrollo de la filosofía de la religión posterior, pues nos presenta una concepción *sui generis* en donde ésta (la religión), lejos de partir de nociones tales como la de dogma, autoridad ministerial, fe estatutaria, mito, revelación o

ritual; parte más bien del anhelo de una 'fe religiosa pura', la cual va estar íntimamente ligada a una suerte de 'fe moral pura'. "Kant ha marcado todo un estilo de hacer filosofía de la religión, con repercusiones diversas. Su exposición culmina en la afirmación de Dios desde la conciencia moral" (Gómez Caffarena, 2001: 179). Podría decirse que la religión adviene al mundo como objeto de atención sólo a partir del cauce de la moral. Este giro es muy curioso, pues en nuestro autor la religión no constituye el principio de la moral, sino a la inversa, es la moral quien va a constituir la condición de posibilidad para la religión. Podría decirse que una de las declinaciones o consecuencias lógicas de la moral decanta en la religión, toda vez que "para Kant la religión significa la comprensión de nuestros deberes como mandamientos divinos" (Copleston, 1992: 323). Sobre este punto regresaré más adelante.

Deseo partir de un planteamiento que Kant hace en la *Crítica de la razón pura* en la sección dedicada a la 'Doctrina trascendental del método' donde dice: "Todo interés de mi Razón (tanto especulativa como práctica) se une en las tres preguntas siguientes: 1) ¿Qué puedo saber?, 2) ¿Qué debo hacer?, 3) ¿Qué me está permitido esperar?" (Kant, 1999: A 804, B 832ss). A la primera de estas preguntas responde la Metafísica; a la segunda la moral; y a la tercera la religión. Kant mismo reconoce que la primera de estas cuestiones la ha desarrollado tanto en la *Crítica de la razón pura* como en los *Prolegómenos*;

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

así también la segunda de las preguntas mentadas la ha desarrollado en la *Fundamentación de la metafísica de las costumbres*, así como en la *Crítica de la razón práctica*. El autor de Königsberg estaba conciente que le hacía falta la factura de un tratado ocupado en dar una respuesta sostenida a la tercera de las interrogantes mencionadas.

Así, vemos que en una carta a C. Fr. Stäudlin, profesor de teología, de fecha 4 de mayo de 1793, Kant escribe lo siguiente: "Mi plan, hecho ya desde hace tiempo, del trabajo que me incumbe del campo de la filosofía pura se encamina a la solución de estos tres problemas: 1) ¿qué puedo saber (Metafísica), 2) ¿qué debo hacer? (Moral), 3) ¿qué me está permitido esperar? (Religión). Con el libro *La religión dentro de los límites de la mera razón* he intentado llevar a cabo la tercera sección de mi plan" (Kant, 1991: 16). Esto es, nuestro autor desarrolla la pregunta '¿qué me está permitido esperar?' en el libro referido por él mismo, dedicado a la religión; aquél trabajo no es propiamente un tratado de teología, sino, como el propio autor lo aclara: "una investigación filosófica de la Religión y no una intromisión en los derechos exclusivos del teólogo" (Kant, 1991: 27).

La 'fe religiosa pura' se funda en la 'fe moral pura', la cual a su vez se ancla a una 'fe racional pura', toda vez que la fe religiosa es conducida en su marcha por lo que arriba mencionamos, a saber, la 'fe moral pura'. Y como la moral en cuanto moral, en la perspectiva de Kant, se funda en

la razón pura, luego entonces, va a ser precisamente esta moral pura lo que haya de darle sustento a la fe religiosa:

El fin último, o el bien supremo, no es, en efecto posible por la sola acción de los hombres, como tiene que serlo el cumplimiento del deber propio, sino solo por una presencia sobrenatural que, sin embargo, no puede ser comprendida en su naturaleza, ni conseguida mediante ciertos procedimientos, ni experimentada como tal, ni podemos contar con ella en concreto en los asuntos de nuestra vida moral, sino que solo –en cuanto ante todo hacemos por nuestro propio esfuerzo moral el bien que está a nuestro alcance (Martínez Marzoa, 1991: 17).

Esto quiere decir que es el pensamiento de la moral lo que conduce al hombre hasta la meditación de la religión. El bien supremo no se consigue por la experiencia, tampoco puede ser comprendido en su naturaleza, ni alcanzado mediante cierto ritual o culto; sino solo mediante nuestro propio esfuerzo moral que está a nuestro alcance, esto sería lo que permite al hombre encumbrarse hasta el cobijo del bien supremo. Ésta es una fe religiosa pura, toda vez que no se funda en la experiencia empírica de lo divino, ni en procedimientos determinados, sino en la fe moral; es decir, en la fe racional pura.

Esto significa que, desde la perspectiva de Kant, Dios entra en la filosofía a partir de la razón, por cuanto que el hombre es el ámbito de la presencia que deja aparecer la divinidad en el mundo. Lo divino no solo entra a la

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

filosofía, también entra en el ámbito de la razón en virtud de que el hombre es el ser en donde la razón se vuelca y reconoce finita, y desde esta finitud se establece la diferencia entre la divinidad y el ser mortal. La razón contingente del hombre constituye la demarcación ontológica entre lo finito y lo infinito. En esta demarcación se erige una zona de encuentro y conflicto en la que el hombre lidia a cada momento por asirse al bien supremo y en donde la divinidad le marca, adviniendo, su delimitación. La razón finita constituye el punto por el que Dios adviene al pensamiento, y el hombre queda prendido de ese encuentro; es más, podría decirse que es solo a partir de este encuentro donde el hombre queda definido en lo que es en cuanto que aspira al bien supremo en virtud de su finitud; pues si no se reconociera como una razón finita semejante anhelo perdería todo sentido. Sin embargo, solo porque el ser del hombre se reconoce como una razón finita es que se proyecta hacia la trascendencia por su anhelo de encuentro con Dios: en esta proyección el hombre alcanza a ser lo que es y deja que la divinidad advenga a su encuentro, permitiendo al Dios ser en lo que le toca ser.

No es casual que la fe pura, sustentándose en la fe racional pura, se encuentra abrigada justamente por la razón, la cual para Kant es la facultad que puede anticipar al pensamiento remontándolo más allá del conocimiento teórico posible, más allá del ámbito de la experiencia posi-

ble (Kant, 1999: B XIV). La razón sería el vehículo por el que el hombre, tomado de una fe racional pura, se permite proyectar su ser hacia la trascendencia.

Resulta sumamente curioso el hecho de que en la religión, el pensamiento vuelve a encontrar los confines que definen la esencia del hombre. Ciertamente es que ya Heráclito había dicho que "*los límites del alma, por más que procedas, no lograrás encontrarlos aun cuando recorrieras todos sus caminos*" (Heráclito B 45). Sin embargo, los límites a los cuales se refiere el autor de Éfeso no son los del conocimiento, sino los existenciales, mismos que no reconocen acotación sino hasta la muerte; es decir, la muerte vendría a ser el límite de todas las posibilidades de la existencia humana. Pero en Heráclito no se anhela un encuentro con la divinidad, sino marcar la pauta para el despliegue del espíritu en el horizonte de un mundo donde han huido los dioses y se ha vuelto posible para el crecimiento del ser del hombre. Por el contrario, el autor de Königsberg reconoce que el hombre es el único ser conciente de sus límites. Y que su existencia se desarrolla entre los márgenes de sus limitaciones. Sin embargo, el hallazgo que acaece en Kant en torno a los límites, en aras de la religión, toma un sesgo diferente al concerniente a los límites del conocimiento, expuesto en la *Crítica de la razón pura*. Toda vez que esta delimitación vuelve a conducir al hombre hasta el umbral de un encuentro en cuyo vértice se juega justamente el puesto de éste en el cosmos. En

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

la religión el hombre es conducido a un encuentro con el ser superior divino, respecto del cual finca cualitativamente su diferencia ontológica; aquí el hombre comienza a existir en su demarcación y la divinidad se le deja ser en su otredad: el hombre existe en el claro de esta diferencia. Este encuentro religioso orquestado por el hombre es al mismo tiempo una negación y una promesa de ser más: el hombre se sabe hombre frente al Dios que le saluda desde la religión: se sabe menos que Dios, pero también sabe que puede colaborar con la divinidad.

En este sentido, esta acotación no puede interpretarse solo como una negación, tal como sucede con la razón en el horizonte del conocimiento, en donde el entendimiento es delimitado sin más por el ser en sí, obligándolo a retroceder al ámbito de lo fenoménico. Por el contrario, en la religión la razón es conducida hacia un horizonte de despliegue posible, en donde, al tiempo que se vuelve a descubrir finita, sin embargo se avizora participando de un plan divino.

La religión abre un cauce por el que la razón puede desplegarse, a través precisamente de la fe, esto es, de la fe moral pura; en la que el hombre se ve proyectado hacia el bien supremo caminando de la mano con la divinidad en el horizonte justamente de la vereda moral. Kant nos dice acerca de Dios lo siguiente: "Pero éste es el concepto de Dios como soberano moral del mundo" (Kant, 1991: 100). Esto es, para el autor alemán Dios es el legis-

lador supremo, cuyos preceptos habrán de entenderse asimismo como mandamientos, los cuales tendrán que traducirse en verdaderos deberes. "La religión verdadera consiste según Kant en que en todos nuestros deberes consideremos a Dios como el legislador universal al que se le debe reverencia" (Copleston, 1992: 322). Desde luego, Kant está pensando en una comunidad ética caracterizada por la virtud libre, y no una comunidad jurídica en la que el deber puede ser entendido con un carácter restrictivo y estatutario. De hecho la virtud de la fe es el principio que se erige en piedra angular para una comunidad ética. La característica de una comunidad como éstas es que a Dios se reconoce sin más como legislador universal.

El autor hace la distinción entre dos formas de comunidad, la jurídica y la ética, aunque parece que en ambas acepta el precepto bíblico que dice: "*no hay autoridad sino de parte de Dios, y las que hay, por Dios han sido establecidas*" (Ro. 13: 1). En ambas formas de comunidad Dios es el legislador, pues sería Él quien ha establecido los deberes. No obstante, hay que hacer la distinción entre las maneras de hacer o prescribir la legislación de deberes entre estas dos formas de comunidad.

Respecto a la comunidad jurídica, Kant dice: "se podría también pensar un pueblo de Dios según leyes estatutarias, esto es: según leyes en cuyo seguimiento no se trata de la moralidad, sino de la legalidad de las acciones; este pueblo es una comunidad

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

jurídica" (Kant, 1991: 100). En este tipo de comunidad la conducta social de los hombres se encuentra regida por una legislación de corte positivo según leyes estatutarias, en donde el estado posee la facultad de reprender y castigar a todo aquel que se atreve a traspasar la jurisdicción que marca la ley. La comunidad jurídica está regida por una serie de ordenanzas de carácter restrictivo, por lo mismo no se trata de la moralidad propiamente dicha, sino de la legalidad de las acciones. La organización de la comunidad jurídica se haya fundada en los derechos y obligaciones de los habitantes de un determinado territorio, en donde la ley positiva se encuentra recogida en una constitución política, a partir de la cual se marca la pauta del comportamiento social entre los individuos. Es así que si la ley estatutaria afirma, por ejemplo, que cada ciudadano está obligado a proteger su propiedad y a no invadir una porción de tierra mayor a la que el estado le reconoce como suya; y si alguno, omitiendo esta ley, invade la propiedad sin el consentimiento del otro; ahí es cuando el estado puede proceder en contra de aquel que ha usurpado la propiedad que no le correspondía. El deber legal es policiaco, pues se basa en una autoridad jurídica.

A Kant le interesa poner las bases donde pueda fundarse una comunidad de Dios por vía de la moral y el ejercicio de la virtud. Esta comunidad no puede establecerse por la vía jurídica, por una simple razón, a saber, "porque esa constitución será

considerada en la sección histórica como institución según leyes civiles políticas, cuyo legislador es, sin embargo, externo" (Kant, 1991: 100). Esto es, en la comunidad jurídica el deber de los hombres viene prescrito desde afuera por una ley civil y política. El ejercicio de la obediencia de esta ley es de carácter restrictivo, pues su seguimiento no se trata de la moralidad propiamente, sino de la legalidad de las acciones, aquí no se realiza la tarea de la pura razón moralmente legisladora; se actúa por la restricción que dictan las normas positivas.

Por contraste a una comunidad jurídica, Kant piensa que la fe religiosa pura puede encontrar respuesta en una fe moral pura; esto es, en una comunidad ética: "Por lo tanto, ha de haber alguien distinto que el pueblo que para una comunidad ética pueda ser mostrado como públicamente legislante" (Kant, 1991: 99). Podría afirmarse que el origen de las leyes éticas, en el horizonte de la religión, es Dios. Y éstas deben distinguirse de las jurídicas, pues si bien las últimas son restrictivas, las primeras precisan el libre ejercicio de la virtud, toda vez que no se encuentran demarcadas por una constitución civil o política, sino que representan los verdaderos deberes, los cuales son representados justamente como mandamientos de Dios. Para el autor alemán la única vía de acceso a la divinidad es por la ley moral. En torno a esto dice: "la ley moral es la única vía válida de acceso a la fe en Dios" (Copelsto, 1992: 323). Solo el ejercicio libre de la virtud

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

puede conceptualizarse sin límites, es decir, el ejercicio de la virtud puede conceptuarse ilimitadamente. Solo la buena voluntad puede ser ilimitada. "Aunque la autonomía de la voluntad es el único principio de todas las leyes morales son también simultáneamente mandatos divinos" (Fischer, 2000: 309).

Tenemos, pues, aquí un deber de índole peculiar, no un deber de los hombres para con los hombres, sino del género humano para consigo mismo, toda vez que en la idea de la razón, éste tiende hacia un fin unitario, a saber, la promoción del bien supremo como bien comunitario. "Como tal, se trata de un ser ético común que, a diferencia del orden jurídico propio del Estado, va siempre ligado a la idea de una humanidad universal (Pannenberg, 2002: 243). Con esta idea Kant encuentra el cauce metodológico que le permitirá confeccionar el pensamiento de una comunidad moral íntimamente ligada al concepto de un deber con características universales. El anclaje conceptual reúne en un punto la idea de Dios como legislador universal, y la idea de una humanidad universal, a partir de la construcción cotidiana del bien moral.

Insistiendo un poco en esto, aclaramos que como el supremo bien moral no es efectuado por el solo esfuerzo de la persona particular, sino que exige la unión de las personas en un todo en orden al mismo fin; esta unión puede encontrar sustento solo apelando a la idea de Dios. Aquí puede verse, una vez más, como es que

florece la necesidad de la idea de Dios como legislador universal. Kant dice: "se sospechará ya de antemano que este deber necesitará del supuesto de otra idea, a saber: la de un ser moral superior mediante cuya universal organización las fuerzas, por sí insuficientes, de los particulares son unidas en orden a un efecto común" (Kant, 1991: 98). Pero la intención de la virtud no es representado como poder externo, sino que emana de nosotros mismos. Esto representa la gran diferencia entre la ley jurídica y la ley moral, a saber, la primera organiza el comportamiento del hombre pero desde afuera; mientras que en la segunda, por la ley moral el hombre se ve obligado, desde sí mismo, a cultivar la virtud: aquí no hay restricción jurídica alguna, sino un llamado a desplegar la virtud de una manera ilimitada. En este punto podría decirse que Kant propone un humanismo ético en el horizonte de un teísmo moral; esto es un humanismo religioso, pues como dice Gómez Caffarena: en Kant se puede localizar "un humanismo ético que se autofunda, y que apela a Dios para poder ser coherente (Gómez Caffarena, 2001: 186).

En este relieve podemos captar una vez más, de una manera gráfica, el momento en el cual la razón finita se entrelaza con la razón divina. La comunidad ética, ciertamente es una idea muy elevada y, a decir verdad, nunca es plenamente alcanzable, por muchas razones, entre otras, porque "Dios es el único santo, el único feliz, el único sabio, y el justo juez" (Fischer, 2000: 310); así tam-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

bién, porque en el ser del hombre acaece una lidia en la que hay una pugna entre el llamado del deber y el rehusamiento de sus apetitos: en el hombre la razón y la voluntad no siempre suelen ir de la mano. No obstante, Kant dice que "no está permitido al hombre estar inactivo respecto a este negocio y dejar que actúe la Providencia, como si cada uno estuviese autorizado a perseguir sólo su interés moral privado" (Kant, 1991: 101). De hecho, en la idea de una comunidad ética, no puede existir un interés moral privado, sino que el interés ha de ser común, puesto que ha de atañer a todos, toda vez que ha de ser universal. El deseo de todos los hombres de buena voluntad es que venga el reino de Dios, y que se haga su voluntad sobre la tierra. El libro santo dice: "*Venga tu reino. Hágase tu voluntad, como en el cielo, así también en la tierra*" (Mt. 6: 9).

En la idea de una comunidad ética ésta habrá de estar regida por un deber de carácter universal, en donde el empeño particular de los integrantes haya de enderezarse en pos de un interés común y general. Esta idea Kant la asevera en el entendido de que "la voluntad de Dios está originalmente escrita en nuestro corazón" (Kant, 1991: 105). Porque si no existiese esta condición, entonces no habría posibilidad de fundar un pueblo de Dios. Sin embargo, Kant mismo reconoce que para erigir una comunidad ética se precisa el concurso entre el hombre y el mandamiento divino. Se trata, como dice, Pannenberg "del establecimiento de un reino de Dios en la tierra me-

dante la creación y expansión de una sociedad según leyes de virtud" (Pannenberg, 2002: 242). Aquí tiene lugar la posibilidad del encuentro entre la razón finita y la razón divina, en la medida en que el hombre es capaz de escuchar el mandamiento divino, que está escrito ya en el corazón de éste para actuar en consecuencia, no dejando que el ejercicio del ser propio lo desarrolle solo la divinidad, pues sin el trabajo activo del mortal semejante comunidad ética no sería ni siquiera pensable. El hombre colabora con la divinidad obedeciendo el mandamiento divino que se encuentra escrito ya en su propia naturaleza, sin que sea una promesa o amenaza ulterior, o externa, lo que haya de activar el respeto a la ley de Dios.

Dice Kant que el deber no es sino el mandamiento divino que le ha sido dado al hombre, y la religión surge justamente de su obediencia. No es posible servir a Dios más de cerca que haciendo su voluntad. En todo caso, ¿qué ha de hacer el hombre para caminar conforme la voluntad de Dios? ¿Cómo se ha de venerar a la divinidad? "Más bien ha de proceder como si todo dependiese de él, y solo bajo esta condición puede esperar que una sabiduría superior concederá a sus bienintencionados esfuerzos la consumación" (Kant, 1991: 101). Justamente por esto, el autor de Königsberg agrega que una comunidad ética bajo la legislación moral divina se representa solo bajo la forma de una iglesia. Ésta última sería el nombre de la comunidad reunida por mandamiento divino: "Esta última se rea-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

liza concretamente en la figura de una Iglesia, que representa el reino de Dios en la tierra" (Pannenberg, 2002: 243).

Ahora bien, desde la perspectiva del autor, existen dos variantes del concepto de iglesia, una puede ser entendida como universal, y otra relativa. En este sentido, la iglesia universal estará estrechamente relacionada con la religión verdadera. Mientras que la iglesia relativa no podrá adjetivarse como religión universal. La religión verdadera estaría fundada sobre esta roca, a saber, la necesidad y universalidad de sus leyes; mientras que la relativa, estaría caracterizada por unas leyes provisionales.

Para entender esto se requiere plantear la pregunta siguiente: ¿cómo desea Dios ser venerado u obedecido?, ¿o por una ley meramente estatutaria o bien por medio de una ley puramente moral? Kant va afirmar que la iglesia verdadera va a venerar a Dios a través de la segunda opción, a saber: "atendiendo a la [ley puramente moral] puede cada uno conocer por sí mismo mediante su propia Razón la voluntad de Dios, que está a la base de la Religión; pues propiamente el concepto de la divinidad procede sólo de la conciencia de estas leyes y su necesidad..., permite pensar así un solo Dios, y también una Religión" (Kant, 1991: 105). Insistiendo, el concepto de religión surge a partir del servicio a Dios a través de la atenta escucha de sus mandamientos en la práctica moral como gestión de un asunto divino. La universalidad de la ley moral se finca justamente en su necesidad, toda vez que el man-

damiento divino habrá de traducirse en el deber moral (ley puramente moral). Y como este deber, tal como se ha mencionado más arriba, Dios lo ha escrito originalmente en el corazón de todos los hombres, luego podrá ser reconocido universalmente por todos los mortales indistintamente. De esta manera es que se afianza la idea de la iglesia universal como la única verdadera. La cual adquiere dicho título no por capricho o presunción, sino porque es la única que se ciñe escrupulosamente al sagrado mandato de Dios.

Cabe mencionar que en esta iglesia, al ser universal, se encuentra unida, aun cuando en su interior haya opiniones diversas y contingentes: su unidad estaría respaldada por la necesidad moral del precepto divino. En esta iglesia no se requeriría de una autoridad política como el Papa o los obispos, toda vez que ésta "ha de estar bajo leyes originales, que hayan sido prescritas públicamente como por un código, no bajo símbolos arbitrarios que, por faltarles la autenticidad, son contingentes, expuestos a la contradicción y mudables" (Kant, 1991: 103). Una iglesia que no está fundada en la fe religiosa pura no puede denominarse universal, aun cuando el término 'católico' literalmente signifique eso. La iglesia mal llamada católica no puede ser la universal, toda vez que se encuentra fundada en una fe particular revelada que es histórica y contingente, cuya obligatoriedad de sus preceptos no pueden generalizarse para todos los mortales, pues proviene en muchos casos del capricho o aleva-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

sía de sus líderes. Una iglesia tal, lejos de ser universal, es más bien relativa.

Por contraste a la iglesia universal, Kant cuestiona la arrogancia que prevalece en las otras iglesias que históricamente han sobrevivido entre mutuas acusaciones y persecuciones, descalificándose recípro-camente: la intolerancia que se vive en el interior de este concierto se ha debido justamente la falta de universalidad en sus estatutos, los cuales han provenido, en el mejor de los casos, por una suerte de revelación o inspiración subjetiva. A esta otra iglesia el autor le denomina relativa.

La iglesia relativa se encuentra ligada a una religión que, aunque se tilde de universal (católica), no puede serlo ni en teoría ni en la práctica, pues procede estatutariamente; es decir, el comportamiento de sus feligreses procede a partir de la interpretación subjetiva del libro santo, instituida mediante el principio de autoridad de algún obispo o pastor, apelando al misterio y a la relatividad de su revelación. Esta iglesia requiere funcionarios para guiar a las ovejas, pues los estatutos que se dictan tienen que ser enseñados y aprendidos doctrinariamente como parte de un catecismo. Aquí, en esta iglesia, respecto a sus estatutos, sucede algo semejante que acontecía con la comunidad jurídica, a saber, las reglas de los creyentes habrán de provenir de una fuente externa al sujeto. Es decir, los reglamentos son asimilados como parte de un credo compuesto históricamente. No obstante, "si aceptamos leyes estatutarias de Dios y hacemos

construir la Religión en nuestro seguimiento de ellas, entonces el conocimiento de la misma no es posible mediante nuestra propia Razón solamente, sino sólo por revelación, la cual haya sido dada a cada uno en secreto o públicamente para ser propagada entre los hombres mediante la tradición" (Kant, 1991: 105). La legislación estatutaria, supone una revelación en el marco de una tradición, es una legislación que no ha llegado o puede llegar a todo hombre, toda vez que no se trata aquí de la ley moral, sino de un estatuto diseñado por la inspiración de algún ministro: *sus estatutos son obligaciones válidas (o asimilables) solo para el grupo que las acepta, pero no son nunca deberes.*

De esta manera podemos ver que, desde la perspectiva de Kant, una religión que se ha levantado sobre el dogma de una serie de estatutos no puede identificarse como la verdadera iglesia universal, sino que se corresponde con una iglesia relativa, pues sus reglas constituyen obligaciones (para los integrantes de esa cofradía) no son deberes. La religión verdadera ha de constituir inexorablemente la base de la iglesia universal, y ésta no se conduce por una serie de estatutos, arbitrarios o subjetivos; por el contrario, reconoce en la necesidad de la ley moral su única base y la fuente de su universalidad. Esta ley moral es universal toda vez que Dios la ha escrito en la naturaleza del hombre y puede ser reconocida en la letra del libro santo bajo la forma de mandamiento divino.

Kant termina diciendo que la

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

religión verdadera habrá de crecer poco a poco por su fuerza interior en orden a un reino de Dios, fundada en el mandamiento divino expresado en una regla universal y unitaria que comprenda y abarque todos los deberes de la condición moral interna como externa del hombre, pues atendiendo a esta petición el hombre permitirá que venga efectivamente el reino de Dios a la tierra, al tiempo que el mortal, desplegando su dominio propio, es abrazado en la sombra del Altísimo.

¿Cuál es la letra de esta regla moral a la que Kant se refiere? Ésta aparece escrita en el Nuevo Testamento ahí donde dice: "Amarás al Señor tu Dios con todo tu corazón, y con toda tu alma, y con toda tu mente. Y a tu prójimo como a ti mismo" (Mt. 22: 37-39). En esta regla se contienen todos los deberes, amén de que expresa la condición moral tanto interna como externa del hombre, a saber: "1) haz tu deber por ningún otro motivo que la estima inmediata de él, esto es: ama a Dios (al legislador de todos los deberes) por encima de todo; 2) en una regla particular, a saber: la que concierne como deber universal a la externa relación a otros hombres: ama a cada uno como a ti mismo" (Kant, 1991: 156). La consigna de amar a Dios sobre todas las cosas nos conduce directamente a la filiación de la condición moral interna del hombre, pues exige la estimación del deber de manera pura, mediante una fe pura. Esta obediencia nos conduce a la realización de la misma mediante el cumpli-

miento de una regla particular relacionada con mis semejantes, a saber: amar a nuestro prójimo como a nosotros mismos. Kant asiente con la cabeza consintiendo las palabras del Maestro de Galilea quien decía que "De estos dos mandamientos depende toda la ley y los profetas" (Mt. 22: 40). Pues el hombre al amar a su semejante cumple a cabalidad con su deber. La validez de este mandamiento no reposa en ninguna interpretación subjetiva, pues aun cuando los hombres en la vida cotidiana vivan odiándose, el mandamiento que llama a cada uno a amar a su semejante refulgirá con una validez pura.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Bibliografía

1. Biblia, La Santa Biblia, versión Reina Valera. (2000). Florida, Publicaciones Españolas.
2. Copleston, Frederick, Historia de la filosofía, de Wolff a Kant, T. 6. (1992). Barcelona, Ariel.
3. Fischer, Norbert, La pregunta filosófica por Dios. (2000). Valencia, Edicep.
4. Gómez, Caffarena, "Filosofía de la religión de Kant" en, Filosofía de la religión. (2001). Madrid, Trotta.
5. Heráclito en, Mondolfo, Rodolfo, Heráclito. (2000). México, Ed. SXXI.
6. Kant, Crítica de la razón pura. (1999). Madrid, Alfaguara.
7. Kant, La religión dentro de los límites de la mera razón. (1991). Madrid, Alianza.
8. Martínez, Marzoa, "Prólogo" en, Kant, La religión dentro de los límites de la mera razón. (1991). Madrid, Alianza.
9. Pannenberg, W., Una historia de la filosofía desde la idea de Dios. (2002). Salamanca, Sígueme.

УДК 141.13

Давиде Эухенио Датурси

Энцо Пачи: от феноменологизма И. Канта к трансцендентному мышлению

Цель настоящего доклада – очертить возможности более детального исследования присутствия кантовской мысли в экзистенциалистских произведениях Энцо Пачи. Если неокантианство представляет философскую школу весьма далекую от экзистенциалистского мышления, то стоит признать важность Пачи для раскрытия некоторых узловых тем философии Канта, таких как отличие феномена от ноумена, феномена от «трансценденции». Предпринятое нами исследование итальянского автора охватывает конец сороковых и начала пятидесятых годов, для которых характерно определение понятия «трансцендентности» как имманентного принципа, присущего самой реальности и как основополагающего критерия для выяснения отношения между экзистенцией и разумом, жизнью и ценностью, причем Пачи частично изменяет первоначальный смысл данных понятий, предложенных немецким философом.

Ключевые слова: Кант, Пачи, Антонио Банфи, трансцендентность

Давиде Эухенио Датурси, Мексика,
Автономный университет штата
Мехико, профессор-исследователь,
davide.datursi@ibero.it

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 141.13

Davide Eugenio Daturi

Enzo Paci: from phenomenology of I. Kant an edging to transcendental thinking

The intention of this report is to introduce to a possible research around the presence of Kantian thought in the early works of existentialist Enzo Paci. Despite neokantism represents a philosophical school far from existentialist thought, we must recognize the importance that some central concepts of Kantian philosophy, such as the difference between phenomenon and noumenon, or that of "transcendental" have in the writings of the first Paci. There is no doubt that the research of this author arrives in the late forties and the first half of the fifties to the very particular definition of the concept of "transcend-dental" as a immanent principle of the reality and a fundamental concept to clarify the relationship between existence and reason, life and value, although Paci modifies partially the original intentions of the German philosopher.

Keywords: Kant, Enzo Paci, Antonio Banfi, trascendental.

Davide Eugenio Daturi, Mexico, Independent university of the Mexico state, professor, E-mail: davide.daturi@ibero.it

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being, knowledge, action»

CDU 141.13

Davide Eugenio Daturi

Enzo Paci: dal fenomenologismo kantiano al pensiero trascendente

L'intenzione di questo conferenza è quella di introdurre a una possibile ricerca più particolareggiata sulla presenza del pensiero kantiano nelle prime opere esistenzialiste di Enzo Paci. Malgrado il neokantismo rappresenti una scuola filosofica lontana dal pensiero esistenzialista, bisogna riconoscere la importanza che alcuni concetti centrali della filosofia kantiana, come quello della differenza tra fenomeno e noumeno, o quello di "trascendentale" hanno negli scritti del primo Paci. Non v'è dubbio che la ricerca di questo autore arriva tra la fine degli anni Quaranta e la prima metà degli anni Cinquanta alla definizione molto particolare del concetto di "trascendentale" come un principio immanente alla stessa realtà e un concetto fondamentale per chiarire la relazione tra esistenza e Ragione, vita e Valore, anche se Paci cambi in parte le intenzioni originali del filosofo tedesco.

Parole-chiave. Kant, Enzo Paci, Antonio Banfi, trascendental.

Davide Eugenio Daturi, Universidad Autónoma del Estado de México, davide.daturi@ibero.it

La ponencia fue publicada con el apoyo del cuerpo académico: "Pensamiento contemporáneo: ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

L'importanza dell' opera di Enzo Paci (Nato a Monterado (Ancona) nel 1911, studiò filosofia fino a diventare allievo a Milano di Antonio Banfi. Incominciò la sua carriera di docente, insegnando storia della filosofia all'Università di Pavia e, a partire dall'anno accademico 1957/1958, filosofia teoretica all'Università Statale di Milano. All'inizio degli anni Cinquanta creò la rivista *Aut Aut*, che direbbe dal 1951, e nella quale sono testimoniati i suoi molti interessi letterari e culturali. Tra i suoi allievi più famosi ricordiamo Giovanni Piana, Carlo Sini, Salvatore Veca, Pier Aldo Rovatti, Mario Vegetti. È morto a Milano nel 1976) nel panorama filosofico italiano è senza dubbio duplice. Da una parte a partire dai primi testi giovanili degli anni Venti, questi funzionò come elemento di contatto, con certe spiccate vene critico-dialettiche, tra una nuova generazione di filosofi che reagivano al provincialismo accademico dell'*intelligenza* italiana (Sicuramente a eccezione di Antonio Banfi e XXX, e pochi altri, c'era nella filosofia italiana dell'Ottocento piuttosto la tendenza a citare o riflettere il sistema teorico di autori stranieri, come Marx o Hegel, ma per il resto era poco comune che questi varcassero le Alpi per condividere le proprie teorie e dar vita a una lettura in comune su questioni generali) e i maestri universitari che proponevano una lettura troppo ristretta della filosofia, la quale sembrava incapace di rendere conto delle trasformazioni politiche e sociali che erano iniziate con le grandi rivoluzioni dell'Otto-cento e che reclamava-

no una nuova nozione di Ragione e di Storia.

Per altri versi invece, l'opera di Paci trova una propria lunga e genuina importanza per il modo in cui questi si incaricò, insieme ad altri personaggi centrali della storia della filosofia italiana del Novecento, come Dal Pra, Garin, Anceschi, Pareyson, Abbagnano, Formaggio e Geymonat (Ma qui, senza dubbio, la lista potrebbe proseguire), di traghettare il pensiero localistico e distaccato della cultura italiana verso i lidi del panorama filosofico europeo, però non solo attraverso i viaggi nei grandi centri universitari mondiali, come la Sorbona o Lovanio, e i mezzi di comunicazione, come le riviste, tra le quali spicca ovviamente la perla assoluta nata dalla volontà dello stesso Paci, *Aut-aut*. Fu sui banchi di scuola, a volte perfino dei licei di un'Italia in ricostruzione, ancora prima di diventare professori universitari, dove alcuni di loro, tra i quali il nostro, formarono un gruppo solido di studenti che passati indenni alle rivoluzioni studentesche del '68, divennero eccellenti ricercatori e attenti insegnanti che segnarono e segnano tuttora a loro volta una stagione altamente prolifica della filosofia italiana e internazionale. Pensando a questa generazione, vengono in mente personaggi come Umberto Eco, Gianni Vattimo, Salvatore Veca, Giovanni Piana, Gabriele Scaramuzza, Carlo Sini, Pier Aldo Rovatti, Mario Vegetti, per citarne solo alcuni (Da cui, a sua volta, dovremmo ricordare la nuova generazione di filosofi come Maurizio Ferraris, Franco Volpi o Giulio Giorello).

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Non v'è dubbio che l'opera del primo Paci nasce da una reazione, come abbiamo cercato di esporre in un altro momento (Cfr. Daturi, D., *Il problema dell'uomo nell'esistenzialismo positivo di Enzo Paci*, in questa stessa rivista), alla difficoltà di superare mediante l'idealismo crociano o la metafisica dell'atto di Giovanni Gentile (Come del resto, avrebbe fatto poi Sartre in Francia negli anni Trenta, con Bergson (1, p. 32)), la crisi evidente che attraversavano la società e la cultura italiana degli anni Venti. Di fronte a una borghesia troppo timorosa dello spettro comunista e incapace per di più di proiettare in sede parlamentare l'idea positiva di una società unita, su un tessuto sociale diviso tra gli operai delle nuove fabbriche e i contadini, poveri e sfruttati, da una parte e la vecchia aristocrazia decadente dall'altra, l'ideologia fascista potette appiattire gli animi della classe ricca, promettendo la falsa speranza di una stabilità, che alla fine non sarebbe mai arrivata, in cambio di un consenso tacito o in molti casi anche esplicito.

Tuttavia, malgrado i controlli continui della censura fascista, durante gli anni Venti e Trenta in Italia viveva in forte fervore, una attività critica che brulicava intorno ad alcune figure uniche dell'*intelligentia* italiana di quegli anni, tra le quali spiccava il maestro milanese Antonio Banfi.

Paci, che nacque come filosofo proprio sui banchi delle lezioni di epistemologia ed estetica di Antonio Banfi, ebbe modo di avvicinarsi in quegli anni iniziali a quelle problematiche che, malgrado le trasformazioni teoriche

che ricevette durante gli anni il discorso filosofico (Normalmente si è soliti dividere l'ampia produzione filosofica di Enzo Paci in tre parti, o momenti principali della sua ricerca, che fanno perno su tre altrettanti temi fondamentali: l'esistenzialismo positivo, il relazionismo ed il ritorno alla fenomenologia degli anni Sessanta, con l'accostamento di questa teoria al marxismo. Mentre il primo periodo può essere pensato come un momento di preparazione, anche se non va scartata a priori l'idea che nel giovane Paci esistesse già un nucleo fondamentale di idee che avrebbero attraversato poi tutta la sua attività teoretica, negli anni Cinquanta, i volumi aperti dal testo *Fondamenti di una sintesi filosofica*, introducono il tema che forse caratterizza in modo più emblematico la sua produzione, che come abbiamo riferito fu definito dallo stesso autore *relazionismo*. Infine, il ritorno a una piena coscienza della sua origine fenomenologica, sebbene sia stato detto che fin dal periodo esistenzialista Paci avesse attinto alla fonte di questa scuola filosofica, motivo per il quale si potrebbe parlare in generale di una fenomenologia come esistenzialismo positivo in Enzo Paci, riporta questo autore su di un tema che sicuramente non aveva mai totalmente abbandonato, perlomeno da un punto di vista metodologico, al quale si aggiungerà la ricerca, ardua nei suoi fondamenti, di fusione con la visione marxista dell'uomo e della natura) paciano, lo avrebbero accompagnato per tutta la vita.

Non v'è dubbio che, già in Banfi c'era nel secondo decennio

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

del secolo scorso, la volontà di chiarire la relazione tra Ragione e Storia, il Valore e la Vita. Di questo autore, si sa che aveva fatto i suoi primi studi universitari in Germania, con la volontà di avvicinarsi alle idee moderne dell'ambiente tedesco e portare un po' d'aria nuova nella filosofia italiana. Tra i professori con cui aveva studiato e che poi lui stesso ebbe a far conoscere in Italia, c'erano due filosofi in particolare, Max Dessoir e George Simmel. Se il primo aveva avuto un certo influsso in lui per il "suo movimento di idee che egli aveva suscitato con [...] associazioni, congressi e riviste imperniate sul nuovo concetto di *allgemeine Kunstwissensch-haft*" (4, p.78), era stato il secondo, invece a segnare "di una profonda influenza in ogni campo lo spirito del giovane filosofo" (4, id.). Tuttavia, non va negato il fatto che lo spirito del giovane Banfi era animato anche dalla necessità di riscoprire la vita simmeliana dietro la ragione trascendentale introdotta dei neokantiani di Marburgo, che rappresentavano un terzo elemento fondamentale degli studi di questo autore. Di fatto, convinto seguitore di Natorp, accolse a braccia aperte l'idea di questo filosofo di allargare il campo trascendentale ad altre sfere dell'azione umana, come l'etica, la religione o l'estetica, ma non poté accettare, alla fine, la riduzione della ragione umana a un Logos trascendentale extraumano, che anche se partiva da una lettura kantiana, spostava il sottile ago della bilancia in una posizione pericolosamente idealista. Per questa ragione, durante gli anni Venti, come di lui dice Formaggio,

proprio perché spinto dal concetto simmeliano della vita, Banfi dovette "correggere il neokantismo con la fenomenologia" (4, p. 77).

La scoperta della fenomenologia, divenne per Banfi, e lo sarebbe stato poi anche per Paci, la scoperta di un metodo che salvava allo stesso tempo la pretesa di una razionalità di fondo da una parte, senza però cadere in una metafisica della Ragione, e il concetto simmeliano della vita, dall'altra, come principio irriducibile alla Ragione, e che in un certo modo avrebbe dato la possibilità di comprendere il mondo intersoggettivo e di chiarire la relazione tra lo sviluppo simbolico e razionale dell'uomo e della storia. Di questi aspetti, come si sa, se ne sarebbe occupato Husserl, proprio nei suoi testi finali.

Si capisce allora perché il risultato più significativo dell'opera di Banfi si chiami "idea di esteticità". Mescolando la teoria kantiana delle idee, come concetti trascendentali, leggi o principi generali che non possono essere ridotte a esempi specifici, con il motto husserliano di andare "verso le cose stesse", Banfi trovò nell'esperienza sensibile il senso di qualsiasi tipo di sviluppo teoretico del reale, in una relazione tra mondo e ragione, vita e valore di corrispondenza biunivoca, in cui, come dice Formaggio, dalla vita emergeva "l'universalità teoretica in cui si autonomizza la legge ideale del campo, secondo un'alta libertà speculativa"(4, p.79). In questo senso andava allora interpretata l'idea di Banfi secondo la quale "la teoreticità è sempre un momento della vita"(2, p.146).

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Fin dai suoi primi studi, Paci riprodusse dentro di sé il descritto panorama di idee presenti nell'opera e nel pensiero del suo maestro, ma c'era soprattutto un problema in particolare che rappresentava il vero centro delle prime ricerche paciane, vale a dire la questione dell'irriducibilità dell'esistenza alla Ragione, senza cadere né in un decadentismo neoromantico, né in un trionfalismo metafisico.

Seguendo quest'idea, l'obiettivo del breve scritto che presentiamo oggi è quella di introdurre degli spunti generali sull'influsso delle letture kantiane nell'esistenzialismo del primo Paci, dimostrando che la critica evidente di quest'ultimo alla lettura kantiana dell'uomo e della storia, sono mitigate in parte dall'idea che il pensiero di Kant rappresenta un precedente importante per lo sviluppo dell'esistenzialismo, fatto per il quale, quest'ultimo non potrebbe esistere senza il primo. Vediamo allora in che senso si può parlare di Kant come un filosofo pre-esistenzialista.

A parte gli studi del filosofo di Konisberg, che ovviamente si facevano sui banchi di scuola superiore e universitari, non v'è dubbio che Paci poté ritornare su questo autore proprio grazie ad Antonio Banfi. A un Banfi che come Paci viveva negli anni Trenta il profondo problema di non riuscire a riconoscersi nell'*establishment* politico-ideo-logico fascista e nelle soluzioni di una filosofia che o si dimostrava platealmente a favore del regime o che invece, come nel caso dell'idealismo crociano, continuava nella falsariga di una teoria metafisica che non poteva rendere conto dell'esistenza indi-

viduale, con tutta la forza dell'esperienza personale, se non riducendola al senso trascendente di uno spirito assoluto.

In un altro testo, qui già citato, abbiamo ricordato in quali termini si sviluppa la filosofia esistenzialista paciana. Vale la pena solo ricordare alcuni caratteri generali esposti in altra sede con un differente proposito.

Tra i vari elementi della critica banfiana all'idea di filosofia esiste un vero *leit motiv* che come abbiamo visto consiste nel cercare di superare certi limiti del neokantismo mediante lo sviluppo di un attento analisi fenomenologico dei processi della coscienza.

Non v'è dubbio che nel primo Paci si riflette la stessa esigenza fenomenologica di rigore descrittivo, ma a partire da una critica dell'eccessivo formalismo presente della scuola neokantiana, che "si può considerare la corrente più lontana dell'esistenzialismo" (6, p.67). Bisognerebbe, invece, secondo questo filosofo, poter parlare della relazione tra esistenza e Ragione partendo dall'idea stessa di uomo, inteso come il soggetto empirico che ogni giorno si trova gettato nella vita e vive dentro di sé la realtà continua del nulla come la sua più intima possibilità.

Di fatto, nei suoi primi scritti, Paci introduce una versione tutta italiana di esistenzialismo, conosciuto come *positivo*. Invece di seguire la strada di un Heidegger o di un Jaspers, i quali alla fine sembravano proiettare fuori dall'uomo e dalla sua realtà la figura di un ente trascendente, l'Essere o Dio, Paci crede invece che sia possibile parlare di una

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Ragione trascendente rispetto all'uomo, però senza perdersi in un pericolosa metafisica di stampo idealista. E in questo discorso è importante proprio la figura di Kant. In un certo modo, Kant e il suo "trascendentale", filtrato dal neokantismo che conosceva grazie a Banfi e dall'esistenzialismo di Abbagnano, divenne, anche senza che Paci se ne rendesse conto, l'antidoto che questo filosofo usò non solo per attrarre la filosofia crociana nel cammino di una filosofia critica (Famoso fu il dibattito aperto con Croce e poi pubblicato da Paci nel testo *Esistenzialismo e Storicismo*), ma anche per mitigare la deriva nichilista delle espressioni esistenzialistiche d'Oltralpe e in alcuni casi perfino nostrane.

Se da una parte, non c'è dubbio che il Kant a cui si riferisce Paci nei suoi scritti esistenzialisti rimane ancorato ai limiti di una interpretazione offerta dai neokantiani di Marburgo, che come abbiamo detto, nulla aveva a che vedere con la visione esistenzialista dell'uomo, tuttavia, è anche vero che il riferimento a Kant, rappresentò per Paci proprio la possibilità di aprire un cammino positivo dentro una filosofia esistenzialista che correva senza dubbi il rischio di una deriva metafisica.

Per questa ragione, non ci sorprende il fatto che Kant sia presente nelle opere del primo Paci in modo continuo ma contraddittorio. In effetti, come vedremo più avanti, Kant sarà allo stesso tempo l'autore che non ha saputo far proprie le richieste storicistiche presenti in Vico, ma che allo stesso tempo è anche colui che è

riuscito a sviluppare un discorso rigoroso sulle caratteristiche fondamentali della natura umana, aprendo il cammino a una vera e propria antropologia filosofica.

D'altra parte, per capire nella sua complessità la posizione del primo Paci è anche necessario ricordare che il periodo fascista rappresenta un momento molto complesso per l'*intelligentia* italiana, in cui l'esperienza della guerra e della sofferenza umana, finirono per influire sulla maniera di vedere l'uomo e di concepire la stessa attività filosofica. Non v'è dubbio che sebbene Kant ed Hegel rappresentassero i due più grandi filosofi dell'età moderna, il loro modo di concepire l'uomo e la storia, poteva essere considerato o come una riduzione dell'uomo a un soggetto teoretico-conoscitivo, con la perdita del senso del suo esistere storico e intersoggettivo; dall'altra parte in Hegel, malgrado l'importante introduzione dell'elemento storico-dialettico, il senso invece si installava in una realtà metafisica esterna alla storia, con la conseguenza di far perdere di vista anche qui il significato dell'esistenza individuale. Si può capire allora che la contrapposizione generalizzata a una visione dogmatica e metafisica dell'uomo, e a favore di una nuova rivalutazione del carattere storico e determinato dell'esistenza individuale e l'accento posto sul problema dell'essere e del nulla, non era certo una scelta di partito, magari di ascendenza marxista, ma era dovuta soprattutto a un bisogno di superare i limiti di una filosofia che non era riuscita a spiegare il senso dei tremendi fatti successi

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

nella prima metà del Ventesimo secolo.

Se consideriamo il percorso formativo di Paci, in generale possiamo pensare prima di tutto a un momento esistenzialista degli anni Trenta e Quaranta, in cui questi si scontra con le filosofie neokantiane ed hegeliane. Un testo che sicuramente riflette il già descritto aborrimiento dell'idealismo e di ogni tipo di dogmatismo filosofico è *Ingens Sylva* che insieme a *Il nulla e il problema dell'uomo e Esistenzialismo e storicismo*, chiude il periodo così detto esistenzialista delle opere di quest'autore.

Nel primo dei testi citati, dedicato all'opera di Vico, Paci ritorna in vari momenti sulla filosofia kantiana con l'atteggiamento apparentemente contraddittorio o ambiguo, che dir si voglia, di cui dicevamo sopra.

La lettura paciana dell'opera kantiana, presente nel testo del 1949 dedicato a Vico, parte dall'idea che secondo il nostro, Kant ha introdotto la figura di un soggetto cosciente che sa molto su quali sono i limiti e le possibilità della propria conoscenza ma invece non sa niente su che cosa siano l'esistenza e la storia, che colloca invece fuori dall'orizzonte della conoscenza in una zona oscura che chiama *cosa in sé*. Tuttavia va detto che proprio l'idea kantiana della irriducibilità tra fenomeno e noumeno rappresentava secondo Paci una idea altamente positiva. Una prima ragione la dimostra l'analogia con quella che Vico considerava la relazione tra uomo e Natura, in cui la seconda poteva essere pensata come un'oscura *cosa in sé*. Mentre per Vico l'uomo pote-

va conoscere con nozione di causa le cose umane, cioè quelle fatte dall'uomo, non poteva dire la stessa cosa della natura, la quale rimaneva solo un oggetto della conoscenza divina, quindi alla stessa stregua della *cosa in sé* kantiana.

Per altri versi, la comparazione paciana tra Vico e Kant, trova su maggiore differenza nel fatto che se Kant ha sul primo "il vantaggio dell'approfondimento e della precisione teoretica", Vico invece ha su quest'ultimo "quello della storicità e della sensibilità umana" (5, p. 43).

Per capire questo punto, bisogna ricordare il contesto storico e l'ambiente della guerra appena terminata in cui Paci scriveva. Non v'è dubbio che dietro la decisione di quest'autore di occuparsi di Vico, c'era la tremenda esperienza umana, di dolore e sofferenza, del conflitto bellico da cui gli italiani stavano uscendo. La questione paciana allora faceva un riferimento esplicito, recuperandolo, al concetto vichiano di barbarie umana, inteso come la forza che, nonostante gli sforzi della ragione umana per proporre ed introdurre un nuovo concetto di società, ritornava violentemente. Nella storia della filosofia nessun filosofo aveva sottolineato con tanta forza, contrapposto a tutti i tipi di trionfalistici umanismi, il problema della barbarie umana. Parlando proprio di questo tema Paci dice:

Quando Vico afferma che l'uomo non conosce la natura vuol dire dunque, in realtà, che la natura non è razionalità, non è spiritualità, ma sforzo, violenza,

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

conato, bestialità che non è ragione ma che potrà, nel corso della storia, diventare ragione (5, p. 69).

Di fatto, c'è da dire che, perfino davanti agli eventi disastrosi della prima metà del Diciannovesimo secolo, in cui si era riflessa tutta la violenza della barbarie umana, la proposta dell'esistenzialismo positivo di Paci era quella di introdurre una nuova lettura dell'uomo che potesse riunire il bisogno di razionalità, che poi era il maggior risultato della recente tradizione filosofica, con il rispetto per l'individuo e le sue scelte, perché alla fine il discorso doveva trovare nell'idea di libertà il suo punto di arrivo.

Si può dire quindi, che nello scritto del '49, mentre da una parte Paci riconosce il valore della distinzione kantiana tra fenomeno e noumeno e la collega alla distinzione di Vico tra umano e naturale, dall'altra, secondo il nostro, il rigore teoretico di Kant non può giungere a una definizione di uomo vera-mente esistenzialista, come essere gettato in una realtà sensibile e storica; tuttavia, è probabilmente questa differenza tra questi due autori che, uscendo da una semplice comparazione accademica, risulta positiva se vista come punto di partenza per una lettura generale del problema della relazione tra esistenza e ragione. Non esisterebbe infatti un Vico migliore di un Kant o viceversa. Kant e Vico secondo Paci si completano a vicenda, dando la possibilità di aprire un discorso che in ambedue i filosofi era rimasto incompiuto.

In questo modo, inoltre, appare evidente la maniera di Paci di

concepire la filosofia. L'obbiettivo del filosofo non deve essere allora quello di fare una critica fine a se stessa al pensiero di due autori, ma bensì quello di analizzare gli aspetti positivi di entrambi i filosofi, cercando di sviluppare un discorso che li riunisca in un unico orizzonte di senso. In questo consiste senza dubbio l'attività di storico della filosofia che Paci continuerà a proporre anche dopo il cosiddetto periodo esistenza-lista, vale a dire, un lavoro di comprensione in cui il filosofo non solo fa parlare gli autori studiati, ma anche in cui lui stesso possa parlare attraverso di loro, e quindi in un certo senso avvicini alcuni aspetti delle loro teorie dentro un discorso in comune, però sempre nell'orizzonte di una ricerca propria e sempre aperta.

Non v'è dubbio che soprattutto con Kant, Paci mise in atto la stessa sottile manovra di interpretate. Perché sebbene il filosofo tedesco dimostrasse grandi limitazioni al momento di non arrivare a pensare a un uomo come soggetto storico, determinato dai bisogni fisici e collegato alla dimensione della vita intersoggettiva, Kant rimarrà sempre il filosofo della scoperta da una parte dei limiti della conoscenza e della centralità dello schematismo (Che in vari momenti Paci considererà fondamentale, soprattutto nella sua teoria estetica) e dall'altra soprattutto dell'idea di "trascendentale", intesa non solo come chiave fondamentale d'interpretazione del potere conoscitivo umano, ma anche, secondo Paci come punto di partenza per dar vita a una vera e propria antropologia, in cui l'uomo si erge sopra la realtà sociale in cui vive come

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

soggetto storico. In questo modo vanno lette le parole di Paci secondo il quale in Vico "l'ideale trascendentale di Kant, si muove all'interno della cosa *in sé*, trasforma la natura in realtà sociale, è il principio attivo della dialettica storico-sociale"(5, p.69).

Per capire meglio quest'ultimo punto conviene ricordare un altro testo paciano del periodo esistenzialista, intitolato *Il nulla e il problema dell'uomo*, in cui i limiti kantiani che in *Ingens Silvae* Paci aveva contrapposto alla novità del pensiero vichiano sull'uomo e sulla storia, si stemperano in modo molto particolare. In questo libro, secondo il nostro, quell'universo che Kant ci aveva insegnato a vedere, ponendo i limiti verso un fuori inconoscibile ma garantendo la forza umana che si dirige proprio all'interno del mondo fenomenico, doveva essere riconsiderato al di fuori della sfera puramente conoscitiva, verso la fondazione di un'vera antropologia. Centrale in questo senso sarebbe allora la questione del corpo e delle relazioni che ogni uomo intrapprende con gli altri corpi e dentro le limitazioni spazio-temporali che lo costituiscono, che sono quelle che gli impongono di vivere in un luogo e momento determinato. In questo modo, il richiamo a Kant andava più lontano di una semplice riflessione epistemologica e cercava di valere come una massima, a lasciare stare le cose che non si possono conoscere per occuparsi quindi solo di ciò che si può conoscere veramente. Da qui, allora, nasce l'idea paciana che in questo modo, vale a dire partendo dall'incontro-scontro con la fini-

tezza della propria esistenza e delle proprie azioni l'uomo può arrivare a comprendere il proprio fine. "Qual è questo fine? – si domanda Paci – Non è quello di conoscere l'essere perfetto e assoluto ma di vivere in modo da fare, da costruire, con la nostra azione, un essere che sia il più possibile perfetto e assoluto"(6, p.58). L'uomo perfetto quindi si fa a partire dalla finitezza in cui si trova gettato e dall'azione che, trascendendo le limitazioni spazio-temporali e naturali del corpo, gli permette di agire liberamente davanti alla natura, o meglio 'al di là' di questa. È quindi con l'azione guidata kantianamente dalla legge morale, e fisicamente contrapposta a una perenne forza negativa che scaturisce dalla relazione con il mondo, che finalmente si superano nell'uomo i limiti della impossibilità tra esistenza e ragione, tra barbarie umana e scelta razionale.

Tuttavia va anche detto che, pur dimostrando chiaramente la complessità della problematica, non v'è dubbio che la visione paciana che abbiamo descritto, si stempera ne *Il Nulla e il problema dell'uomo*, ritornando anche se parzialmente a un dualismo interno. Infatti, introducendo la idea di una scissione nell'uomo tra il corpo sensibile da un parte e la legge morale che cerca di trascendere l'esperienza immediata della vita dall'altra, Paci sembrerebbe pensare a un'umanità divisa dentro di sé tra la continua possibilità di ritorno alla barbarie, di vichiana memoria, spinta dall'origine animale che caratterizza la natura umana, e la civiltà come conquista, *in fieri* e mai rag-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

giunta totalmente, della stessa umanità. Lungi però da voler ridurre il discorso paciano a una posizione trascendente y metafisica, che smentirebbe invece l'idea di una superazione positiva di ogni tipo di metafisica, è anche vero che la proposta del nostro deve essere compresa a partire dall'idea centrale di *trascendentale*. È infatti in questo senso, vale a dire a partire da una rilettura del concetto kantiano, che va inteso l'uomo nell'esistenzialismo positivo paciano. Proprio perché diviso tra sensibilità immanente e ragione trascendente, l'uomo è un essere trascendentale. "[Kant] – ci dice Paci – rifiuta una realtà fuori dell'uomo, trascendente, e rifiuta una realtà data, materiale, sensibile, immanente. La vera realtà è al di là dell'uomo ma deve valere nei limiti dell'umanità, è qualcosa di eterno che deve essere vivo nella storia: è perciò *trascendentale*"(6, p.67). Quindi, esisterà sempre da una parte un ideale di civiltà mai raggiunto completamente e dall'altra "l'*ingens sylva* vichiana con la quale bisogna pur combattere per creare la civiltà e che non è mai definitivamente vinta"(6, p.73), ma al di fuori di questa visione, ci sarà il problema ultimo del trascendentale, che riflettendo l'impossibilità di propendere a priori a favore di una parte o dell'altra, si trova a fondamento della problematicità stessa dell'esistenza.

L'invito di Kant, allora, a costruire la civiltà superando la barbarie, che comunque rimarrebbe sempre latente come possibilità mai superata, sembrerebbe uscire dall'orizzonte aperto dalla propo-

sta esistenzialista, proprio perché non porta il trascendentale verso le sue ultime conseguenze, vale a dire, quelle introdotte dall'angoscia umana di chi si trova gettato dall'esistenza su un precipizio con la possibilità sicura di annullamento. Consapevole dei limiti della filosofia kantiana, sulla scorta della teoria di Abbagnano, Paci propone quindi di avvicinare Kierkegaard a Kant, in quanto il primo avrebbe "posto in luce il rischio che comporta l'essere come possibilità e libertà"(6, p.104), cercando allora di fondere in un'unica visione le prospettive dei due filosofi. Secondo Paci nell'orizzonte dell'esistenzialismo di Kierkegaard va inquadrato il senso della trascendentalità dell'uomo proposto nell'antropologia kantiana e soltanto in questo modo si può parlare giustamente di un esistenzialismo positivo. L'uomo quindi è il trascendentale perché in se stesso, vale a dire sulla propria finitezza, fonda la propria possibilità. Per questa ragione quindi è libero. "L'uomo – sostiene Paci – deve garantirsi il proprio fondamento, il proprio valore, non illudersi mai che esso sia già dato e garantito dalla storia: la storia è la conquista perenne dell'eterno, l'impegno a mantenere il valore nel tempo"(6, p.109). Questo impegno, allora, potrà mantenersi nella stretta collaborazione tra gli uomini in cui nasce e si realizza il valore. In questo modo alla fine, l'esistenzialismo positivo boccia tutti i tipi di negatività e quelle critiche che lo avevano tacciato di decadente e neoromantico, proponendo una visione problematica dell'uomo come luogo in cui confluiscono mediante la pro-

**Symposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

pria azione il particolare e l'universale, storia personale e storia eterna, esistenza e valore, pero sempre stemperati nella limitazione e finitezza del fare umano.

Da queste poche pagine introduttive risulterà chiaro che la filosofia kantiana è senza dubbio presente nell'opera di Paci, anche se la lettura di quest'ultimo cerca di riportare il senso dell'opera del filosofo tedesco in una piú ampia discussione sulla relazione tra esistenza e Ragione. Alla fine non c'è dubbio che, nonostante Paci abbia piú volte considerato la teoria kantiana incompleta, dal momento che escludeva una idea di individuo come essere determinato e gettato nella storia, costituito da certi elementi fondamentali che lo determinano come esistente, è proprio la introduzione dell'idea di "trascendentale" che filtrata attraverso la visione dei neokantiani e della fenomenologia, puó recuperare il valore della trascendenza che piú che collegarsi all'apriori delle categorie dell'intelletto, si relaziona con il concetto kantiano di 'idea', come regola generale che non si applica a nessuna esperienza particolare ma che comunque está presente internamente nella stessa relazione tra l'uomo, come essere esposto alla propria esistenza, e il mondo. Questo concetto, che Paci quindi riprende da Kant, dimostra che secondo il nostro, superando i limiti di una lettura meramente epistemologica dell'uomo e anche quelli di una ragione come guida formale della moralità, il cammino aperto da Kant, non andava verso una trascendenza metafisica, cosí come puó sem-

brare nella Critica del Giudizio, bensí si apriva all'idea di uomo e quindi a una antropologia.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Bibliografía

1. A.A.V.V., *Vita e Verità*, Interpretazione del pensiero di Enzo Paci, Bompiani, Sonzogno, 1991
2. Banfi, A., *I problemi di una estetica filosofica*, Milano 1962.
3. Civita, A., *Bibliografia degli scritti di Enzo Paci*, La Nuova Italia, Firenze, 1983.
4. Formaggio, D., *Problemi di Estetica*, Aesthetica Edizioni, Palermo, 1991.
5. Paci, E., *Ingens Silvae*, Bompiani, Milano, 1994.
6. Paci, E., *Il nulla e il problema dell'uomo*, Bompiani, Sonzogno, 1988.

УДК 141.13

Мариано Родригес Гонсалес

Чувство возвышенного и человеческое достоинство

В настоящем докладе сделана попытка показать как объединены разум и чувственность при разработке теории чувства возвышенного в работе Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», эссе, которое вышло в свет в 1764 году, и которое вместе со «Снами духовидца проясненных грезами метафизика» представляет нам философа из Кёнигсберга в амплу литературного стилиста. Он полагает, что человек сам по себе, в силу собственной природы и в универсальном смысле обладает возвышенным характером. И действительно, для Канта главный принцип, направляющий добродетельную жизнь, – это чувства красоты и достоинства человеческой природы.

Ключевые слова: Кант, возвышенное, достоинство, красота, разум

Мариано Родригес Гонсалес, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь, E-mail: arianorodrigonzalez@live.com.mx

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 141.13

Mariano Rodríguez González

A sublime and a human dignity

In the present report will attempt to show how reason and senses come together in the development of a theory about the feeling of the sublime in the work entitled "Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime" and testing to see the light in 1764 and revealed, along with visionary dreams, the best pawn Königsberg philosopher as a literary stylist. The hold that the human being has, in itself, inherently and universally, a sublime character. Indeed, the basic principle governing the virtuous life is, says Kant, the 'sense of the beauty and dignity of human nature'.

Keywords: Kant, sublime, dignity, beauty, reason

Mariano Rodríguez González, Mexico, Independent university of the Mexico state, professor, E-mail: marianorodrogonzalez@live.com.mx

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being, knowledge, action»

CDU 141.13

Mariano Rodríguez González

El sentimiento de lo sublime y la dignidad humana

En la presente ponencia se intentará mostrar cómo se unen razón y sentimientos en la elaboración de una teoría sobre el sentimiento de lo sublime dentro de la obra de Immanuel Kant titulada "Observaciones sobre el sentimiento de lo bello y lo sublime", ensayo que ve la luz en 1764 y que revela, junto con los «Sueños de un visionario», lo mejor del empeño del filósofo de Königsberg como estilista literario. El sostendrá que el ser humano posee, en sí mismo, por su propia naturaleza y universalmente, un carácter sublime. En efecto, el principio básico que rige en la vida virtuosa es, dice Kant, el 'sentimiento de la belleza y la dignidad de la naturaleza humana'.

Palabras-clave: Kant, lo sublime, dignidad, belleza, razón

Mariano Rodríguez González,
Universidad Autónoma del Estado
de México, e-mail: marianorod
rogonzalez@live.com.mx

La ponencia fue publicada con
el apoyo del cuerpo académico:
"Pensamiento contemporáneo:
ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Introducción

La posición filosófica de Kant se caracterizó por tratar de mediar y conciliar los grandes debates intelectuales de su tiempo; así por ejemplo, en *Los pensamientos sobre la verdadera estimación de las fuerzas vivas*, uno de sus primeros trabajos, trata de arreglar el desacuerdo entre Descartes y Leibniz. Posteriormente, en los escritos que elabora entre 1750 y 1760 intenta avenir el choque doctrinal entre la física newtoniana y la metafísica leibniziana. En términos generales, podría decirse que Kant busca una síntesis que permita resolver la controversia entre racionalismo y empirismo preservando los logros definitivos que han alcanzado cada una de las dos partes contendientes. Ahora bien, esto no significa que la filosofía de Kant sea un mero sincretismo; por el contrario, identificar y rastrear la historia de los ingredientes que intervienen en la formación de la filosofía kantiana puede ser de enorme ayuda para apreciar la manera innovadora y brillante con la que Kant organiza estos materiales conocidos y familiares. Considero que eso es precisamente lo que el filósofo de Königsberg trató de llevar a cabo, y en la presente ponencia se intentará mostrar cómo se unen razón y sentidos en la aplicación sintética de racionalismo y empirismo en la elaboración de una teoría sobre el sentimiento de lo sublime dentro de la obra titulada "*Observaciones sobre el sentimiento de lo bello y lo sublime*", ensayo que ve la luz en 1764 y que revela, junto con los *Sueños de un visionario*, lo mejor del empeño del filósofo de

Königsberg como estilista literario. El sostendrá que el ser humano posee, en sí mismo, por su propia naturaleza y universalmente, un carácter sublime. En efecto, el principio básico que rige en la vida virtuosa es, dice Kant, el 'sentimiento de la belleza y la dignidad de la naturaleza humana'.

La vida es una experiencia infeliz cuando los sentimientos no son respetados y es gran infortunio la disociación entre sentimiento y razón. En las líneas siguientes mi objetivo es aclarar, en contra de lo que suele pensarse, que Kant está lejos de promover tal disociación. En efecto, es imposible que la acción moral esté privada de sentimientos, pues uno y el mismo es el sujeto que siente, piensa, quiere y actúa; los sentimientos, en toda su gama, están presentes en la acción moral, pero no como motivos determinantes de la voluntad, excepción hecha del sentimiento de respeto hacia la ley moral, el cual ha de ser, según Kant, el motivo determinante de la voluntad cuando ésta obra automáticamente. Cuando la acción es moral, la voluntad está determinada por ese sentimiento, que no es otro que el sentimiento de lo sublime que suscita en nosotros la contemplación del ser humano como fin en sí mismo y de la ley moral, con su terrible majestad. Estos nos estremecen y sobrecogen y el sentimiento que producen en nosotros está lejos de ser un placido deleite; es más bien el sentimiento de algo sagrado y sublime que nos embarga y desborda, que nos arrebató y nos pasma.

Iniciaremos nuestro análisis

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

con los rasgos en que se distingue el sentimiento de lo sublime para pasar después a las observaciones que hace Kant en torno a lo bello y consecuentemente acotar algunas conclusiones.

Construcción del concepto de lo sublime.

A partir del siglo XVII encontramos nuevas consideraciones respecto a lo sublime, más por un cambio teórico que por una transformación de la sensibilidad. En efecto bajo la influencia de los nuevos descubrimientos científicos y sus aplicaciones prácticas, había nacido una nueva forma de considerar la naturaleza y de relacionarse con ella. Así, por ejemplo, las grandes expediciones geo-gráficas habían ensanchado como nunca antes el horizonte del mundo habitado y los exploradores descubrían nuevas riquezas naturales; los recientes aparatos ópticos; como el microscopio y el telescopio, contribuían en la concepción moderna científica del mundo ampliando la manera de investigar y de ver el mundo fenoménico. Los grandes ríos y océanos, el desierto inmenso y los volcanes, las cordilleras y las cumbres inaccesibles, las islas remotas y los litorales desconocidos, son realidades que llaman poderosamente la atención humana.

Veremos que, en contraste con la concepción racionalista de la belleza, en la cual la grandiosidad y la magnificencia eran categorías estéticas de gran importancia, de modo tal que dicha concepción la belleza era en buena medida afín a lo sublime, ahora lo sublime será considerado en tajante separación con lo

bello. En efecto, lo sublime aparecerá en lo sucesivo como un ejemplo desmesurado, desordenado y desbordante; lo sublime se concebirá en claro contraste con la idea neoclásica de la belleza que imperaba en ese momento, según la cual lo bello era lo pulcro, ordenado y regular y que tomaba la naturaleza como modelo y parámetro del arte. Ciertamente la naturaleza siguió considerada como el modelo al que el arte había de referirse pero su concepción será ahora distinta: ya no será tratada únicamente de una naturaleza en que impera la regularidad y que obra de acuerdo con leyes claramente definidas que son expresión del orden y armonía de la mente divina. La naturaleza será también lo inabarcable e insondable, lo desmedido y salvaje, lo implacable e indómito, lo despiadado y feroz que incluirá en ella todo lo que nos deja sentir lo inaccesible, por ejemplo: la soledad del desierto, la inmensidad del amor, la infinita bóveda celeste. El gusto por lo sublime encontró su paradigma en la poesía de John Milton, especialmente en el '*Paraíso Perdido*'.

A mediados del siglo XVII se aprecia en Inglaterra un renacimiento del interés por lo sublime; ahí aparece en 1636 una edición del *peri hypsous* (Lo sublime, de Longino) y en 1652 la segunda traducción de este texto a una lengua moderna, veintitrés años antes de la famosa traducción francesa que Boileau publicara en 1675. Entre los autores ingleses, el concepto de lo sublime fue examinado desde los primeros años del siglo XVIII por Dennis,

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Addison, Shaftesbury, Berkeley y Bailie quienes ampliaron este concepto de modo que ya no quedó referido exclusiva-mente al discurso literario como un componente poético o retórico, como ocurría en *peri hyosous*. Así por ejemplo, Dennis consideró lo sublime como expresión de la pasión desmesurada e impetuosa; Shaftesbury, en cambio, lo identificó con la virtud más elevada a la que puede llegar el ser humano y con Dios en cuanto creador de la naturaleza; por su parte, Bailie, lo definió por primera vez en términos de la respuesta del espectador y lo asignó al poder de las facultades humanas.

Sin embargo, las obras decisivas en la nueva manera de considerar lo sublime fueron las obras de Home y Burke.

Burke analiza lo bello y lo sublime desde un punto de vista empírico, señalando los efectos fisiológicos producidos por los objetos en los individuos, de modo tal que se puede afirmar la universalidad del testimonio de los sentidos. Burke vincula lo bello con el sentimiento de seguridad y con ciertas emociones de orden social como la familiaridad, la comprensión y el compañerismo. En cambio, él enlaza lo sublime con las arduas decisiones del heroísmo y con el esfuerzo que reclama enfrentar aquello que nos es extraño y ajeno, aquello que nos sorprende e inquieta por estar más allá de nuestro alcance personal. Considera que las cosas pequeñas y suaves son bellas porque se avienen a los órganos sensibles del ser humano y facilitan su buen funcionamiento; en cambio, considera sublimes aquellas

cosas con las cuales difícilmente trabajan los órganos de los sentidos o que entorpecen su buen funcionamiento, como por ejemplo, la oscuridad o la luz excesiva. Así pues, para Burke lo bello y lo sublime son propiedades de las cosas, atributos de los objetos que permanecen en ellos y que pueden ser descubiertos por la experiencia. De este modo, el análisis de Burke no es otra cosa que un catálogo de las reacciones uniformes que todo el mundo tiene ante los objetos de tal experiencia.

Burke proporciona una explicación meramente empírica de lo sublime como una emoción que se genera por un sentimiento de miedo, debido a algo que amenaza nuestra integridad física o nuestra vida, que nos inquieta y produce cierta pena, pero que no deja de excitar en nosotros sentimientos agradables y a veces un verdadero placer al percatarnos de que no estamos en un peligro real; así, el sentimiento de lo sublime es calificado por Burke como un "horror delicioso" que se genera por el esfuerzo que hacen los sentidos por abarcar su grandeza. Burke recibió la noción de lo sublime del campo retórico y la transportó hasta el campo de la psicología empírica, pero no la despojó de una importante significación un rasgo que no poseen los seres humanos comunes y corrientes sino que sólo es alcanzable por individuos de sensibilidad extraordinaria: el último lo atribuyó a la divinidad y a la cima de la virtud humana y el primero lo asignó al genio.

El sentimiento de lo sublime y la dignidad humana en Kant

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Kant es una figura fundamental en la historia de la estética y las dos obras que sobre ésta materia publicó en vida, las Observaciones sobre el sentimiento de lo bello y lo sublime y la Crítica de la Facultad de Juzgar, constituyen en conjunto la primera gran aportación de Teoría Estética en los tiempos modernos. No obstante que en estas dos obras hay una separación de 24 años, se puede mostrar que en las Observaciones ya se perfilan algunos temas esenciales del núcleo de la 'Analítica de lo Bello' y la 'Analítica de lo Sublime' que encontramos desarrollados de manera completa y madura en la 'Crítica de la facultad de Juzgar'.

Ya Mendelssohn, en su breve ensayo sobre lo sublime y lo ingenuo, publicado cinco años antes de la obra de Kant que nos ocupa, examinaba a lo sublime con referencia exclusiva a las ciencias de lo bello y esbozaba los primeros rasgos de dos formas de lo sublime que hasta entonces habían permanecido indiferenciados: lo sublime de la grandeza y lo sublime de la fuerza o de poder. En efecto, así como hay un inconmensurable de la grandeza o magnitud extensa, así también hay una inconmensurabilidad inextensa, de intensidad que suscita, como lo sublime extenso, una sensación de terror. Sin embargo Mendelssohn y, antes de él, Shaftesbury consideraron lo sublime un rasgo que no poseen los seres humanos comunes y corrientes sino que sólo es alcanzable por individuos de sensibilidad extraordinaria: el último lo atribuyó a la divinidad y a la cima de la virtud humana y el primero lo asignó al genio.

Kant se separará con claridad tanto de la concepción meramente empírica y fisiológica de lo bello y lo sublime defendida por Burke como de la concepción de Mendelssohn, y en eso radica uno de los aspectos más importantes de su concepción. El sostendrá que el ser humano posee, en sí mismo, por su propia naturaleza y universalmente, un carácter sublime. En efecto, el principio básico que rige en la vida virtuosa es, dice Kant, el "sentimiento de la belleza y la dignidad de la naturaleza humana". La dignidad inherente a la naturaleza humana unifica a todos los seres humanos, es decir, es el común denominador que subyace bajo toda diversidad humana observable y es el fundamento del sentimiento de lo sublime y de la tesis según la cual todo ser humano posee, en sí mismo, un carácter sublime. Aquí hay dos puntos que es necesario precisar. El primero se refiere a la influencia de Rousseau que detallaremos ahora recordando las palabras del propio Kant según las cuales "Rousseau es el Newton del mundo moral". La analogía que Kant establece entre Newton y Rousseau radica en que así como Newton fue el primero en hacernos ver el orden y la regularidad del mundo físico en el cual los demás no habían percibido más que una multiplicidad desordenada, así también Rousseau descubre en la pluralidad y diversidad humana la unidad de una naturaleza y condición universalmente compartidas por todo ser humano. Este descubrimiento no será para Kant un simple cambio teórico sino una transformación ética radical que se reflejará en

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

las metas de su existencia.

Ahora bien, pienso que Kant es atraído por Rousseau precisamente en el aspecto en el que la formación pietista de su infancia y juventud lo hacía afín al pensador ginebrino. Sin embargo, no todo en Rousseau resulta atractivo para Kant: hay ideas de Rousseau que son calificadas por Kant, textualmente, de extrañas absurdas y desconcertantes, tal y como lo dice, sin ambages.

Dejando a un lado la belleza del estilo de Rousseau, frente a la cual Kant se sentía tan vivamente impresionado, Kant reconoció en Rousseau dos importantes tesis que había recibido en su formación pietista mucho antes de conocer a Rousseau: la tesis de la dignidad del ser humano con independencia de su rango o posición social y la tesis de la educación de la humanidad. El pietismo establecía la doctrina del valor humano individual, de la dignidad inherente a todo ser humano e insistía en la importancia de la educación pública y su vinculación al bienestar social de las clases económicamente más bajas. Así pues, podría decirse que Kant reencontró estas dos doctrinas, originalmente pietistas, en el pensamiento de Rousseau pero que no las fundó sobre la base sentimentalista sobre la cual las cimentó el autor de Emilio.

Rousseau se había dado a conocer por su Discurso sobre las artes y las ciencias (1750) que le valió el primer premio en el concurso convocado por la Academia de Ciencias de Dijon. El tema del concurso propuesto por la academia consistía en responder la siguiente pregunta: ¿El floreci-

miento de las ciencias y las artes ha contribuido a mejorar las costumbres? Rousseau plantea el problema del progreso en general mostrando todo lo que puede tener de contradictorio y concluye que el progreso de la ciencia y el arte no ha contribuido verdaderamente a mejorar las costumbres, sino más bien a extraviarlas. Ciertamente Rousseau estaba expresando, antes y más claramente que otros, su reprobación al presupuesto comúnmente extendido entre sus contemporáneos sobre la omnipotencia de la inteligencia y el pensamiento racional. En este momento son pocas aún las mentes especialmente perspicaces que pueden prever la crisis espiritual que planteará la modernidad, sin embargo, las paradojas planteadas por mostrarnos de qué manera el ser humano llega a ser movido por el sentimiento de respeto a la ley, es decir, por el deber, el cual, como motivo determinante del obrar, nos permite reconocer que todo ser humano es un fin en sí mismo y que tiene dignidad y no precio. Este capítulo está íntimamente conectado con la última sección de la Crítica de la razón práctica, la "Metodología", en la que Kant aborda el tema del papel de la educación y de la enseñanza moral; ahí nuevamente vemos la vinculación entre razón y sentimiento. Las concepciones que Kant presenta de la razón y de la sensibilidad están lejos de ser ideas en las que dichas facultades se excluyen mutuamente e imposibilitan sostener la unidad de las diversas facultades humanas. Por el contrario, Kant considera que el papel de la educa-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

ción es generar una sinergia, un concurso activo y concertado de estas facultades para procurar y fomentar el bien sumo en la vida presente fijado como meta. También trataré de mostrar que el sentimiento de respeto como motivo determinante de la voluntad es el rasgo moral por excelencia de la doctrina kantiana.

Consideraremos ahora que la manera más segura de distinguir lo sublime de lo bello es remitirnos a los distintos efectos que producen en el ánimo. La percepción de lo bello engendra un deleite plácido, fruto del ejercicio libre, reposado y armonioso de todas las facultades del sujeto. El fundamento de este placer, singular e inconfundible, es el sentimiento de seguridad o confianza que podemos poner en nuestras facultades cognoscitivas y la conciencia que tenemos de que están en conformidad con el mundo externo; pero el ser humano no sólo tiene sentimientos estéticos de placer y agrado, los tiene también de miedo y terror. En efecto, en la consideración de un objeto sublime el espíritu queda sobrecogido de una especie de temor; se siente anonadado, pasmado ante una grandeza dominante que lo subyuga; la admiración, el respeto y hasta el espanto son las notas características de este sentimiento. Sublime es el sentimiento que produce en nosotros un objeto grande por sobre toda comparación, un objeto en comparación con el cual todo lo demás es pequeño; a su vista nuestro espíritu se siente como elevado y engrandecido; se despierta en nosotros algo como un esfuerzo interior que nos impul-

sa hacia lo alto, una aspiración a igualarse, si se pudiera, con aquella grandeza. Por esto el análisis señala en el sentimiento de lo sublime un momento especial de tensión; a este anhelo de elevación sigue inmediatamente el sentimiento de nuestra impotencia: nos hallamos demasiado débiles para subir tan alto, nos sentimos sin fuerzas bastantes para concebir con exactitud aquella inmensa grandeza que supera la capacidad de nuestras facultades. El sentimiento de lo sublime es un sentimiento de elevación y expansión a la par que de reconocimiento de la propia limitación: no encontramos en nosotros capacidad para abarcar en su conjunto el objeto que nos suscita este sentimiento, ni medida ni término de comparación que nos ayude a formarnos una idea exacta de él; pero al mismo inducidos en la sociedad de manera meramente convencional, sino que tienen su basamento en la naturaleza humana misma, la cual puede ser atribuida y exigida a cada ser humano. Sin duda la capacidad del sujeto para determinarse a sí mismo por la idea ética no hace que el sujeto deje de sentir en él obstáculos de diversa especie, pero sí le hace ver su supremacía sobre ellos al superarlos, modificando la disposición de su ánimo de modo tal que puede representarse el bien moral como sublime y la ley moral con todo su poderío como principios humanos capaces de determinarlo a la acción.

Detengámonos aquí un poco más a fin de señalar una última idea a favor de la tesis de la unidad de las diversas facultades en

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

la antropología filosófica que Kant nos brinda. Ciertamente esta unidad no es una unidad sistemática en la que las facultades dependan unas de otras para ser lo que son; se trata más bien de una unidad de interrelación vital y orgánica gracias a la cual se establece una conexión tan grande entre las facultades que muchas veces es posible concluir acertadamente, de la manifestación de una de ellas, los rasgos de otra. Cuando la idea de bien está acompañada por afecto, recibe, dice Kant, el nombre de entusiasmo. El entusiasmo es calificado por Kant como sublime pues sin él nada grande puede ser llevado a cabo; en efecto, el entusiasmo proporciona al ánimo un impulso que actúa mucho más poderosa y duraderamente que el impulso debido a las representaciones de los sentidos. Así pues, es muy erróneo pensar que si se le quita a la ley moral todo aquello que pueda hacerla recomendable a los sentidos se le dejará sin emoción alguna y sin ninguna fuerza impulsora, de modo que no encerrará más que una fría aprobación carente de vida. Kant abre su *Fundamentación de la metafísica de las costumbres* con una frase que ha provocado escándalo hasta el día de hoy: "lo único incondicionalmente bueno es la buena voluntad"; y enseguida sostiene que "incondicionalmente bueno" significa "moralmente bueno". Kant cierra su *Crítica de la razón práctica* señalando que la ascética ética tiene como finalidad fomentar la buena voluntad, la cual nos remite a dos sentimientos o disposiciones del ánimo en el

cumplimiento del deber: el valor y la alegría. Aquí entra, además de la fortaleza y la renunciación, un ánimo habitualmente alegre, pues la ascética no significa penitencia o tortura de sí mismo, ya que esto último sólo engendra un odio secreto a la virtud y el deber; la ascética consiste, según sugiere Kant, en la disciplina que uno ejerce sobre sí mismo para controlar los sentimientos espontáneos si éstos llegan a ser una amenaza para la moral; pero esta disciplina sólo puede ser meritoria y ejemplar por la alegría que la acompaña.

Aspiro a dejar surgir el texto kantiano lo más fiel e intensamente posible y no quiero concluir estas líneas referentes al sentimiento de lo sublime sin hacer referencia a algunas ideas en que se enfatiza aún más claramente la cooperación o sinergia de los sentimientos que Kant propone como un importante elemento de su filosofía moral. En *El fin de todas las cosas*, obra que se publica en 1794, diez años antes de la muerte de su autor, el pensador prusiano señala que cuando se trata no sólo de representarse el deber sino también de procurarlo, es decir, cuando se buscan los motivos subjetivos de las acciones y no sólo los objetivos. Así, cuando se indaga lo que el ser humano hará y no sólo lo que debe hacer, el amor es un complemento indispensable de la imperfección de la naturaleza humana, entendido éste como la aceptación libre de la voluntad de otro bajo las propias máximas de uno mismo. En efecto, lo que no se hace gustosamente con amor, se hace tan mezquina-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

mente, inventando pretextos y regateando cicateramente al mandato del deber, que no hay mucho que esperar del mero deber como único móvil si no lo acompaña el amor.

Bibliografía

1. Kant, Immanuel. *Observaciones acerca del sentimiento de lo bello y lo sublime*, trad. De Luis Jiménez Moreno, Madrid, Alianza, 1990.
2. Baumbarten, A.G., J.J. Wincelmann, M. Mendelssohn y J. G. Hamman, *Belleza y verdad, sobre la estética, entre la Ilustración y el romanticismo*, trad. de Vicente Jarque y Catalina Terrasa, Barcelona, Alba Editorial, 1999.
3. Burke, Edmund. *Indagación filosófica acerca del origen de nuestras ideas acerca de lo bello y lo sublime*, trad. de Menene GraBaleguer, Madrid, Tecnos, 1987.
4. Carchia, Gianni. *Retórica de lo sublime*, Madrid, Tecnos, 1994.
5. Martínez Marzoa, Felipe. *Desconocida raíz común (Estudio sobre la teoría kantiana de lo bello)*, Madrid, Visor, 1987.

УДК 141.13

Мигель-Анхель Собрино

Основы образовательного проекта Иммануила Канта

Этот доклад кратко развивает мысли Канта об образовании. Цель статьи – проанализировать и выявить связь главных педагогических идей, которые составляют стержень образовательного проекта Канта. Метод, практикуемый в данном исследовании, позволяет обнаружить основную идею, заключенную в человеческой природе, так как ее понимает автор, а также показать формы образования, которые соответствуют ее двум главным аспектам (телесному и духовному) а также раскрыть как они, будучи связаны друг с другом, создают единый образовательно-просветительский проект нашего автора.

Ключевые слова: образование, практический разум, мораль, автономия, долг, свобода, природа, максимы.

Мигель-Анхель Собрино,
Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE

UDC 141.13

Miguel Ángel Sobrino Ordóñez

Bases of educational project of I. Kant

This report briefly develops the educational thought of Kant. The objectives are to analyze and to intermingle the main pedagogical ideas that constitute the educational project of Kant. Method that is put into practice, can find his essential idea, the human nature, examine how conceives it of the author, as well as to show to us what are the educational forms corresponding to its two aspects constituting (physical and spiritual), and how they relate to each other to set up the educational project illustrated by this author.

Keywords: education, practical reason, morality, autonomy, duty, freedom, nature, maxims

Miguel Ángel Sobrino Ordóñez,
Mexico, Independent university of
the Mexico state, professor

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being,
knowledge, action»

CDU 141.13

Miguel Ángel Sobrino Ordóñez

Funamentos del proyecto educativo de Immanuel Kant

Este ponencia desarrolla brevemente el pensamiento educativo de Kant. Los objetivos son analizar y poner en relación las principales ideas pedagógicas que constituyen el proyecto educativo de Kant. El método que se pone en práctica, permite encontrar su idea esencial, la de naturaleza humana, examinar cómo la concibe el autor, así como mostrar cuáles son las formas educativas que corresponden a sus dos aspectos constitutivos (corporal y espiritual), y cómo se relacionan entre sí para configurar el proyecto educativo ilustrado de este autor.

Palabras clave: educación, razón práctica, moralidad, autonomía, deber, naturaleza, libertad, máximas.

Miguel Ángel Sobrino Ordóñez ,
Universidad Autonoma del Estado
de Mexico, profesor

La ponencia fue publicada con
el apoyo del cuerpo académico:
"Pensamiento contemporáneo:
ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

La Organización de Naciones Unidas para la Educación y la Cultura (UNESCO), a partir de la década de los 90s, ha marcado las políticas educativas que sus países asociados deberían tomar en cuenta para reformular sus propias políticas. Dichas políticas se fueron estableciendo a través de la realización de una serie de Conferencias Internacionales, cuyos informes contienen principios para la reformulación de las políticas educativas: el Informe final de la Conferencia Mundial sobre Educación para Todos, realizada en Jomtien, Tailandia en marzo de 1990; el Informe a la UNESCO de la Comisión Internacional sobre la Educación para el siglo XXI, titulado *La Educación encierra un tesoro*, publicado en 1996; el Informe Final del Foro Mundial sobre Educación realizado en Dakar, Senegal en el 2000; el Primer Encuentro Internacional de Educación Preescolar realizado en el año 2000. En todos estos documentos se proponen a las competencias educativas como un principio para resolver el abismo existente entre teoría y práctica. Por otra parte, no hay que perder de vista el enorme influjo que la Organización para la Cooperación y el Desarrollo Económico (OCDE) ha ejercido en sus países miembros y no miembros, especialmente con su *Programme for International Student Assessment (PISA)*, implementado 1997 con el propósito de ofrecer resultados sobre el rendimiento educativo de los alumnos de quince años en áreas consideradas clave, como son la competencia lectora, la matemática y la científica, como su Proyecto de

Definición y Selección de Competencias (DeSeCo).

La Conferencia Mundial sobre Educación para Todos (CMEPT), celebrada entre el 5 y el 9 de marzo de 1990 en Jomtien, Tailandia, marcó el inicio de un movimiento que conserva su vigencia gracias al Foro Consultivo Internacional sobre Educación para Todos ("Foro EPT"). Su propuesta consistía en propiciar iniciativas complementarias a nivel nacional y respaldarlas eficazmente, además de procurar mantener el espíritu de cooperación entre países, organismos multilaterales, bilaterales y Organizaciones no Gubernamentales. La Conferencia Mundial sobre Educación para Todos, (EPT) sostiene que ante tanta información es necesario contar con capacidades y habilidades que permitan emplearla de una manera más satisfactoria. Para poder obtener un mejor aprendizaje y elevar así el nivel de vida de las personas, lo cual es posible mediante una educación de calidad, pues se espera que la educación básica sea la plataforma para conseguir el progreso científico, tecnológico y social, permitiendo así una educación de calidad, sin exclusión de ninguna persona. Sin embargo, en dicho informe se reconoce que la educación actual es deficiente, que debe mejorarse y ser pertinente, pues reconoce que una educación básica sólida es fundamental para fortalecer los niveles superiores de la enseñanza y la comprensión, la capacidad científicas y tecnológicas, y, por consiguiente, para alcanzar un desarrollo autónomo, al igual que para satisfacer sus necesida-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

des básicas de aprendizaje. La importancia de la educación es obvia, ya que se trata de un derecho fundamental. Ningún país ha logrado prosperar sin educar a sus habitantes. La educación es la clave para un crecimiento sostenido y la reducción de la pobreza, ayuda a aumentar el nivel de seguridad, de salud, de prosperidad y de equilibrio ecológico en el mundo. Fomenta el progreso social, económico y cultural, la tolerancia y la cooperación internacional. La educación en sí es probablemente el medio más eficaz para controlar el crecimiento demográfico, reducir la mortalidad infantil, erradicar la pobreza y garantizar la democracia, la paz y el desarrollo sostenible. La educación básica es el cimiento del aprendizaje a lo largo de toda la vida y de la adquisición de aptitudes. Pese a las anteriores consideraciones, hoy día se sigue hablando de una "crisis en la educación" a nivel mundial; pero además se acusa a las políticas educativas de un reduccionismo psicologista y de un olvido a las propuestas realizadas por los filósofos y teóricos del hecho educativo.

En este trabajo vamos a realizar un comentario sobre algunos aspectos de las *Lecciones de Pedagogía* de Kant a la luz de la problemática actual que presenta el hecho educativo. Mi intención es mostrar cómo establece una unidad entre la educación física y la educación de la voluntad, superando de ese modo el reduccionismo del proceso educativo.

Como profesor de la Facultad de Filosofía en la Universidad de

Königsberg, de la que fue profesor ordinario desde 1770, Kant estaba obligado –como lo otros profesores del claustro– a impartir lecciones de pedagogía con carácter alterno. La materia de pedagogía se consideraba complementaria hasta el punto de no contar con profesor titular, por lo que todos los profesores de la Universidad debían impartirla periódicamente. Kant impartió sus lecciones sobre pedagogía en cuatro ocasiones: durante el semestre invernal de 1776/77, en el semestre estival de 1780 y, de nuevo, en los semestres de invierno de 1783/84 y 1786/87. Pudo, para ello, servirse del *Lehrbuch der Erziehungskunst zum Gebrauch für christliche Eltern und künftige Jugendlehrer* (1780) [Manual de técnica educativa para uso de los padres cristianos y los futuros profesores de la juventud] del Dr. Friedrich Samuel Bock, consejero consistorial y antiguo colega suyo; y de la obra de Johann Bernard Basedow, *Vorstellung an Menschenfreude und vermögende Männer über Schulen, Studien und ihren Einfluß in die öffentliche Wohlfarth. Mit einem Plane eines Elementarbuches der menschlichen Erkenntniß* (1768) [Presentación a los amigos de la humanidad y hombres de medios con respecto a las escuelas, estudios y su influencia sobre el bienestar público], fundador del Instituto Filantrópico de Dessau. Los apuntes de estos cursos fueron publicados por Friedrich Theodor Rink en 1803 –con el beneplácito de Kant–, en Nicolovius (Königsberg), poco menos de un año antes de la muerte del filósofo. Se trata, pues, del último escri-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

to que ve la luz antes de su muerte. En ellas puede decirse que se discuten las ideas básicas de Kant sobre pedagogía. Según la recopilación de *Sobre pedagogía* de Kant efectuada por Rink, cabe señalar, en forma simplificada, varios niveles de exposición. En ellas, en cualquier caso, aparecen modélicamente reflejadas, tanto las ideas pedagógicas básicas del Kant filósofo en relación con su proyecto, como sus conversaciones con intelectuales de la época. Con todas las diferencias que median en el pensamiento, sin embargo comparte con Locke y con Rousseau la idea de que la reforma y el desarrollo sociales no eran posibles sin una educación racional. Y al igual que para aquéllas, también para la educación resulta decisiva su filosofía moral. Kant expresaba su talante intelectual cuando afirmaba que hay dos cosas que le conmovían y sobreco-gían el alma: "el cielo estrellado sobre mí y la ley moral dentro de mí" Él mismo most-raba la raíz de su dedicación filosófica cuando citaba los tres interrogantes básicos del pensamiento, las tres preguntas radicales: ¿qué puedo saber?, ¿qué debo hacer?, ¿qué puedo esperar?, que se resumen e integran en una: ¿qué es el hombre? Una breve reflexión sugiere que la educación tiene parte en todas las respuestas a estas preguntas.

Sus ideas sobre educación hay que buscarlas en obras tales como: *La Crítica de la Razón Práctica*, *la Fundamen-tación de la Metafísica de las Costumbres*, *la Crítica del Juicio*, *La Paz Perpetua*, *la Idea de una Historia Universal desde el punto de vista de*

la cosmopolítica, *La Religión dentro de los límites de la razón*, y *la Respuesta a la pregunta ¿Qué es la Ilustración?* La influencia de Kant es en este caso fundamental, pues no sólo fijó de forma magistral los principios que guiaban el proyecto ilustrado en su obra: *¿Qué es la Ilustración?*, sino que en sus lecciones sobre Pedagogía expuso de forma sucinta, pero muy densa, las principales ideas que debían servir de orientación a un *proyecto educativo ilustrado*, siendo éste aquél capaz de aunar las condiciones naturales del individuo, con el desarrollo de su conocimiento, de ideas propias, de comportamiento moral, y con la generación de reglas del gusto. Mediante la educación de las capacidades individuales, éste proyecto pretende alcanzar a conciliar los intereses privados (subjetivos) con los fines universales que exige el Estado y la humanidad, haciendo posible que el individuo sea capaz de lograr un mejor conocimiento y comportamiento moral, que socialmente se alcance un mayor bienestar, y que el ser humano, como participe de la idea de humanidad, alcance una mayor perfección.

En sus propias palabras, la finalidad de la educación es "hacer buenos a los hombres, capaces de obrar rectamente; capaces de escoger el camino recto". Esto es la esencia de la vida moral del individuo, que se expresa y condensa en la rectitud de conducta. ¿Hacia qué encamino mis acciones?; esta podría ser la cuestión práctica decisiva en la vida personal. Cuando se tiene una conducta recta se sabe responder certeramente. Se

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

torna esencial entonces la cuestión del criterio: lo que me dice qué es recto y qué no. Para Kant ese criterio debe ser firme y seguro; capaz de orientarnos en las encrucijadas prácticas de la vida. Como profesor de lógica que era, denomina a dicho criterio con términos cognoscitivos, destacando sus dos cualidades primordiales: es el imperativo categórico. «Imperativo» significa el orden o relación a la acción; no tiene forma especulativa o posibilista; indica con firmeza cómo debe obrarse. Por su parte «categórico» se dice del juicio que afirma o niega algo sin restricción ni condición ninguna. El criterio, pues, bajo la forma de imperativo categórico, tiene que expresar una obligación, una vía o camino de acción por una parte (imperativamente), y expresarla de forma que no ofrezca ningún resquicio a la duda (categóricamente). El imperativo categórico es la realización práctica de la idea de deber. El deber es la sustancia de la moral kantiana y tiene que poder ejecutarse con seguridad de acertar (rectitud), a pesar de las dudas que pueda suscitar en la acción. Uno de los apotegmas logrados de Kant dice «haz lo que debas, suceda lo que quiera». La moral kantiana se articula con su teoría del conocimiento, cuyas verdades tienen que ser, ante todo, universales. Si una verdad es particular, para Kant pierde todo su valor. A esta exigencia se une otra de carácter ético y antropológico: la afirmación de la autonomía de pensamiento y acción. Según esto, el criterio supremo el imperativo categórico debe ex-

presar el deber de forma que sea válido en toda situación y circunstancia, y que se funde en la voluntad del hombre por forjar una conducta recta. Así sale el imperativo categórico: «obra de tal forma que la norma de tu acción [autonomía] pueda ser ley [deber] universal para todos [verdad universal]».

Para el filósofo de Königsberg no es posible pensar la acción educativa como un acto desligado de cierta concepción ideal del hombre, de la convivencia social, de la vida política; por tal motivo su pensamiento en el ámbito de la se comprende desde la Ética, pero es importante no perder de vista que la razón pura y la razón práctica no son sino usos de la misma facultad humana, recordemos que en la 'Introducción' a su *Crítica de la razón Práctica* precisa los usos de la razón, distinguiendo el uso teórico del uso práctico. El uso teórico se refiere a los objetos de la mera facultad de conocer; el uso práctico, en cambio, se ocupa de los fundamentos de determinación de la voluntad por la cual (Cfr. Kant: 1995: 29). Concluidas las Críticas, Kant se entregó a los problemas concretos de la vida diaria. Así sus ideas centrales en materia de Ética se aplican, particularmente, a los casos concretos del Derecho, de la Política y de la Educación. Esta última es, por lo tanto, Filosofía Práctica. En tal sentido, Kant señala, en sus lecciones de pedagogía, que toda empresa educativa se halla naturalmente orientada al futuro: "Un principio del arte de educar que deberían tener en vista sobre todo los hombres que hacen pla-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

nas para la educación, es: los niños deben ser educados no de acuerdo con el estado presente del género humano, sino de acuerdo con el posible y mejor estado futuro, es decir: según la idea de la humanidad y todo su destino. Este principio es de gran importancia. Los padres educan comúnmente a sus hijos sólo de modo que se adecuen al mundo actual, aun cuando este esté corrompido. Pero sería mejor que los educaran para que así se produjera un estado futuro mejor. [...] La buena educación es justamente aquello de donde proviene todo el bien que hay en el mundo" (Kant, 2009: 37-38). Según expone en sus lecciones de Pedagogía, las dos artes más difíciles para la humanidad son la de gobernar a los hombres y la de educarlos, pues en los dos casos, la naturaleza no nos ha dotado de instinto alguno. Particularmente, en lo que se refiere a la educación, Kant considera que estamos frente al problema más grande que pueda plantearse el ser humano, afirmación con la cual no podemos menos que estar de acuerdo si se tiene en cuenta que se trata de decidir lo que el mismo ser humano quiere ser. El hombre es la única criatura que requiere educación. Los animales no la requieren; ellos se defienden por instinto; el hombre no sólo requiere de cuidado, sino de disciplina e instrucción. Ahí tenemos el esquema general del proceso educativo (Kant, 2009: 27). El hombre llega a ser hombre exclusivamente por la educación; es lo que la educación hace de él. En la educación se encuentra el gran secreto de la perfección de

la naturaleza humana; por ella el hombre puede alcanzar su destino pero, ningún individuo puede alcanzarlo solo. No son los individuos sino la especie humana, la que puede lograr este fin (Kant, 2009: 31). Dado que el hombre tiene que mejorarse a sí mismo, es decir, cultivarse a sí mismo, se ve cuán difícil es la tarea. Ésta se da paso a paso en la medida en que una generación transmite a otra su experiencia. Esto significa que la educación es un fenómeno socio-cultural e histórico de carácter intergeneracional.

A través de la educación se desarrolla una serie de disposiciones pero ese proceso no se da por sí mismo, razón por la cual, Kant considera que la educación es un arte. Para Kant el origen del arte de educar, puede ser "mecánico", es decir, sin plan alguno o razonado, de acuerdo con principios. Dado que mecánicamente se cometen muchos errores, el proceso educativo debe ser racional. Esto significa que lo mecánico debe transformarse en ciencia. Así surge la Pedagogía, uno de cuyos principios es que no se debe educar con base en el estado actual de la especie, sino teniendo en cuenta un posible mejor estado del futuro. No se trata de que triunfen nuestros hijos en el mundo actual, ni de que los príncipes consideren a los súbditos como instrumentos de sus propósitos; el fin de la educación es construir un mundo mejor, es decir, el perfeccionamiento de la humanidad. Kant piensa en el bien de la especie. Va más allá de las mismas instituciones educativas y de quienes las dirigen, pues, lo que cuenta es el desarro-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

llo de la humanidad (Cfr. Kant, 2009: 32). De igual manera es enfático al afirmar que solamente con el esfuerzo de personas que tienen interés por el bien del mundo y que son capaces de concebir un estado mejor como posible futuro, es posible una aproximación de la naturaleza humana a sus propios fines. Lo que Kant busca es salvar la virtualidad de la especie. Teniendo en cuenta la finitud del individuo, solo en la especie, por medio de la vida en sociedad y mediante el trabajo, puede darse la transición de la vida natural a la vida civil. Así el hombre se ve obligado a obrar consultando a la razón antes que recurriendo a sus instintos. Esa transición es la principal responsabilidad de la educación. De lo anterior se sigue que debemos desarrollar en los alumnos un sentido cosmopolita, de modo que puedan sentir la alegría ante la idea de un mundo mejor, aun cuando éste no sea para provecho directo de sí mismos o de su propio país. En consecuencia "El proyecto de una teoría de la educación es un magnífico ideal, y no es ningún inconveniente que no estemos de inmediato en condiciones de realizarlo" (Kant, 2009: 32).

La educación es un arte cuya aplicación debe ser perfeccionada por muchas generaciones y en múltiples dimensiones. En este sentido la educación abre el horizonte para que la humanidad pueda realizarse plenamente. Seguramente es algo que todavía no hemos logrado, pero hacia lo cual tenemos la obligación de dirigirnos. Establecida la finalidad esencial de la educación entra a

considerar las dimensiones a través de las cuales podemos desarrollar una serie de disposiciones, es decir, lo que consideramos como excelencias. Tales dimensiones son: el cuidado, la disciplina, la instrucción y la cultura, la sabiduría (prudencia) y la moralidad (Kant, 2009: 41-42). De acuerdo con esta enumeración la educación debe: i) Cuidar, entendiéndolo por ello la precauciones que los padres deben de tomar con el fin de que los hijos no hagan uso perjudicial de sus fuerzas. Se trata de favorecer la crianza y facilitar el desarrollo de los niños. Es ante todo una acción previsora en relación con posibles errores, ii) Disciplinar, pues ella impide que el hombre se desvíe de su destino, que es la humanidad, por sus impulsos naturales; somete a los hombres a las leyes de la humanidad y los inicia en el acatamiento de las mismas. Se trata de impedir que la parte animal se imponga sobre la humanidad, tanto en el individuo como en la sociedad. La disciplina, es básicamente domesticación del salvajismo y, precisamente por eso, debe iniciarse en una edad temprana; iii) Cultivar a los hombres, es decir desarrollar la habilidad o la posesión de la aptitud para orientarse a todos los fines posibles, desarrollar las habilidades que hacen falta para ejercitar bien nuestras diversas facultades. iv) Hacer prudentes a los hombres, que aprendan a vivir en sociedad, que desarrollen ciertos hábitos propios de una vida civilizada y cosmopolita; v) Moralizar, la más importante de las dimensiones de la educación, pero la menos puesta en prácti-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

ca; para comprender la afirmación kantiana de que la educación debe procurar la moralización, es importante no perder de vista que es engañoso fundar la ley moral en inclinaciones y necesidades naturales; el hombre no puede estar volcado a cualquier fin sino a los buenos que son aprobados y aceptados, necesariamente y al mismo tiempo, por todos y cada uno de los hombres. Estamos frente a la idea de perfección que todavía no hemos alcanzado pero que, necesariamente, debe orientar nuestra acción. Claro que si esa idea es correcta no será imposible vencer las dificultades que se presenten en el camino de su realización.

Refiriéndose a su tiempo, cuestión que es aplicable a nuestra situación, afirma que "Vivimos en la época de la disciplina. De la cultura y de la civilización; pero nos falta mucho todavía para la época de la moralización. En el estado actual del hombre se puede decir que la felicidad de los estados crece simultáneamente con la misma de los hombres. Y queda todavía la cuestión de si en un estado rudimentario, en el que no tuviéramos toda esta cultura, no seríamos más felices que en nuestra actual situación. Pues, ¿cómo se puede hacer felices a los hombres si no se los hace morales y sabios? (Kant 2009: 43). La Educación no debe ser una actividad mecánica, sino descansar en principios, es decir, que éstos se conviertan en una segunda naturaleza. Debe orientarse a la autonomía, es decir, a que cada uno sea capaz de conducirse a sí mismo. A este respecto cuando

habla de la Ilustración, afirma que es la salida del hombre en su condición de menor edad de la que él mismo es culpable. La minoría de edad es la incapacidad de servirse de su propio entendimiento sin la dirección de otro. De allí la divisa de la Ilustración: ten el valor de servirse de tu propio entendimiento; sin embargo, como afirma: "resulta difícil para cualquier individuo el zafarse de una minoría de edad que casi se ha convertido en algo connatural... De ahí que sean muy pocos quienes han conseguido, gracias al cultivo de su propio ingenio, desenredar las ataduras que les ligaban a esa minoría de edad y caminar con paso seguro" (Kant, 2013: 88-89).

Para la Ilustración, solo se exige libertad y por cierto la más inofensiva de las que puedan llamarse libertad, a saber: la libertad de hacer uso público de la propia razón en todo respecto. Pero infortunadamente, por todos lados encontramos limitaciones a la libertad. Lo que Kant propone es que se debe buscar que el estudiante actúe bien de acuerdo con sus propias máximas y no por costumbre, y que no solamente practique el bien, sino que lo haga porque es el bien. Es necesario que el estudiante valore el principio y las consecuencias de la acción a partir de la idea de deber. La educación es, por encima de todo, formación de la conciencia, es decir, formación para el cumplimiento del deber por el deber. El concepto del deber contiene el de una voluntad buena. Aquí resuenan en toda su significado los planteamientos de la *Fundamentación de la Metafísica*

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

ca de las Costumbres. Aunque todo el mundo nos engañe, no debemos engañar y aunque podamos mentir no podemos aceptar que eso sea una Ley Universal. Es importante tener en cuenta que el cumplimiento del deber está por encima de cualquier inclinación, así ésta concuerde con aquel. "conservar la propia vida supone un deber y además cada cual posee una inmediata inclinación hacia ello. Pero, por esa causa, el angustioso desvelo que tal cosa suele comportar para la mayoría de los hombres no posee ningún valor intrínseco y su máxima carece de contenido moral alguno. Preservar su vida conforme al deber, mas no por mor del deber. Por el contrario, cuando los infortunios y una pesadumbre desesperanzada han hecho desaparecer por entero el gusto hacia la vida, si el desdichado desea la muerte, más indignado con su destino que pusilánime o abatido, pero conserva su vida sin amarla, no por inclinación o miedo, sino por deber, entonces alberga su máxima un contenido moral" (Kant: 2012: 87).

En el proceso de formación, particularmente en la escuela, la obediencia tiene prelación. La obediencia es, en primer lugar, acatamiento a la voluntad de quien lo dirige y, en segundo lugar, acatamiento a la voluntad reconocida como razonable y buena. Puede derivar de la fuerza o de la confianza. La última es voluntaria. En sentido moral, la obediencia es sumisión a las reglas del deber. Hacer algo por deber, significa obedecer a la razón. El hombre no llega a ser moral, sino, solo cuando eleva su

razón a las ideas de deber y de ley. Esto significa que el concepto del deber no sólo entraña una significación normativa, sino que también es la única fuerza eficaz como móvil. De allí que hemos de esforzarnos porque la idea de obligación se convierta en motivo suficiente para realizar todos nuestros actos. Kant, considera que la pedagogía busca transformar el proceso espontáneo de la educación en conocimiento sistemático. En ese sentido habla de Ciencia de la Educación que, a su juicio es *educación física* o *educación práctica*. La primera es la época en la que el estudiante debe mostrar sumisión y obediencia pasivas; la segunda es aquella en la que se le permite hacer uso de su capacidad de reflexión y de su libertad guiado siempre por las leyes. En la primera rige una fuerza mecánica; en la segunda, una fuerza moral; la primera descansa en el ejercicio y la disciplina, la segunda se basa en máximas. En esta última, como se ha señalado, es necesario que el estudiante valore en todo caso el principio y las consecuencias a partir de la idea de deber, idea que está ligada al imperativo categórico, es decir, al mandato que representa la necesidad práctica de la acción posible. El deber es una exigencia interior; no se trata de una inclinación, ni de un concepto obtenido de la experiencia; al contrario, gracias al deber tiene lugar la vida moral. Para juzgar si un comportamiento es leal se requiere tener el concepto de Lealtad. Tampoco radica en el propósito sino en la máxima. El deber es la necesidad de la acción por respeto a

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

la ley. Y ¿cuál es esa ley que determina la voluntad? Kant responde: el imperativo categórico, que se expresa en los siguientes términos: “yo nunca debo proceder de otro modo salvo *salvo que pueda querer también ver convertida en ley universal a mi máxima*. Aquí es la simple legitimidad en general... lo que sirve de principio a la voluntad” (Kant, 2012: 94)

La educación física se refiere al desarrollo natural (bio-sico-físico). Entre los temas que aborda tenemos al juego, la sexualidad y el trabajo. El primero es un impulso natural que requiere vigilancia y, en la medida en que fortalece al cuerpo, previene de accidentes desastrosos, pero es perjudicial al niño que todo lo vea como juego. En cuanto a la sexualidad, dado que se desarrolla mecánicamente (espontáneamente) es imposible conservar al adolescente en la ignorancia. Sobre esto es necesario hablar de manera clara, franca y precisa, pues en esta etapa hay capacidad de juicio y la naturaleza ya ha preparado el momento para abordar el tema. El trabajo también es de gran importancia, precisamente, porque el hombre requiere ocupación. (Hay que suponer, por lo tanto, que debe haber cierta preparación). La educación pragmática, hace referencia al sentido moral que, como ya lo hemos dicho, guarda relación con la voluntad, el deber y la libertad. La educación además, comprende la cultura escolar que hace referencia a ciertas habilidades y destrezas y a la misma pragmática que tiene que ver con la prudencia. Las

primeras proporcionan al educando valor como individuo y la segunda valor como ciudadano. En la educación pragmática es esencial la formación moral que nos da valor como especie humana. Aquí es importante no perder de vista que Kant distingue claramente las esferas de la naturaleza y de la libertad. En la primera (naturaleza) el entendimiento se orienta a buscar la explicación de los fenómenos, actividad que es recompensada con la unidad del saber universal y legal de la experiencia; en la segunda (libertad) el entendimiento no tiene que buscar fuera de sí los principios que justifiquen y legalicen su acción, sino, que se determina así mismo, en forma autónoma, aunque desde el saber de la ciencia natural aparezca como ilegalidad. La libertad es un concepto que aunque problemático teóricamente, es indispensable prácticamente, pues la libertad no puede ser explicada por la razón pura, pero es una exigencia de la razón práctica. En el Prólogo a la *Crítica de la Razón Práctica*, Kant se refiere al paralelismo entre ésta y la razón especulativa; en tal sentido es importante retomar el “Prefacio” a la segunda edición de la *Crítica a la Razón Pura*, donde sostiene que la moral supone necesariamente la libertad como propiedad de nuestra voluntad, poniendo a priori como datos de la Razón, principios prácticos originados en ella misma, absolutamente imposibles sin esta suposición. Que la Razón especulativa haya demostrado que es imposible concebir la libertad y con ella la moral, no significa que ésta no

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

pueda hacerlo. De lo contrario la libertad y con ella la moral quedarían supeditadas al mecanismo de la naturaleza (causalidad). Mas como la moral solo necesita que la libertad no esté en contradicción consigo misma y que al menos pueda ser concebida (pensada) sin ser indispensable un mejor conocimiento, la moral puede perfectamente conservar su lugar así como la física el suyo (Cfr. Kant, 1967: 139).

La filosofía de Kant opera bajo la etiqueta de *idealismo crítico* (*Kritisches Idealismus*) y funciona como precursora del idealismo alemán (*Deutsches Idealismus*). El idealismo crítico sujeta los procesos cognoscitivos del sujeto cognoscente a una revisión. En este sentido, siguen resultándonos vivas las preguntas que guiaron su meditación: *¿qué puedo saber?*, *¿qué debo hacer?*, *¿qué me es permitido esperar?* y *¿qué es el hombre?* De ellas, especialmente la última parece gozar de una generalidad que la torna atractiva, a la vez que sospechosa. Pues, es cierto que hoy tal pregunta llama la atención con tan sólo oírla; mas, también lo es el que cualquiera exigiría aclarar qué, en realidad, se pregunta con ella. En el presente caso, entonces, es preciso averiguar lo que inquiría Kant con su pregunta por el hombre. Las cuatro preguntas están íntimamente ligadas a la comprensión que el filósofo de Königsberg tuvo de la filosofía. En la *Lógica* (1968a,) nos presenta dos conceptos de ella: uno escolar [*Schulbegriffe*] y otro mundanal [*Weltbegriffe*]. Respecto del primero sostiene que «la filosofía es el sistema de conocimientos

filosóficos o de conocimientos de la razón por conceptos» (Kant, 1968, 23); del segundo, en cambio, dice que «es la ciencia de los fines últimos de la razón humana». Ambas acepciones no son equivalentes, sino que «este último concepto más alto otorga dignidad a la filosofía, esto es, un valor absoluto». Así entendida, la filosofía se comprende «*in sensu cósmico*» es decir, en cuanto «que se refiere a lo que necesariamente interesa a todos» (Kant, 2000: B 868), lo que no ocurre así en lo que se refiere al concepto escolar. Ahora bien, las cuatro preguntas antes mencionadas se plantean dentro de la filosofía en sentido cosmopolita [*weltbürgerlichen*] y, por consiguiente, atañen a todos.

Como modo educativo, la formación moral se distingue de los otros porque el educando ha de comprender lo que debe hacer, es decir: si hace lo que debe sin comprender que lo debe hacer, entonces no se estará formando moralmente. Esto significa no hacerlo por autoridad externa, ya sea la naturaleza o un individuo (el educador). Sin embargo, tal comprensión por parte del niño (capacidad de la razón, *Verunft*) es algo muy difícil de conseguir (exige de los padres y educadores la mayor inteligencia -*die meisten Einsichten*-), y no se puede esperar que en todo momento el niño entienda las razones perfectamente, que la educación moral sea cumplida desde el principio, y por ello una parte preliminar de la formación moral no puede dejar de ser en cierta medida disciplinaria, a saber: la presente, que pertenece a la Educa-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

ción física. Reservamos el término «formación», traducción del alemán *Bildung*, para designar el modo educativo propio de la moral. Ciertamente, dicho término, por la generalidad de su significado, no aparece en el tratado referido exclusivamente a la educación moral. Cuando se distingue de los dos modos educativos anteriores, como ya se indicó anteriormente, parece significar una educación «positiva» en vez de «negativa», esto es: formadora propiamente de contenidos y no meramente libradora de defectos. “La educación <*Bildung*> comprende la disciplina <*Zucht*> y la instrucción <*Unterweisung*>. Ningún animal, que se sepa, necesita de ésta; ninguno de ellos aprende nada de los viejos, excepto los pájaros, que aprenden su canto” (Kant, 2000: 31). Así, “La educación comprende: los cuidados y la formación <*Bildung*>. Ésta es: a) negativa, o sea la disciplina, que meramente impide la faltas; b) positiva, o sea la instrucción <*Unterweisung*> y la dirección; perteneciendo en tanto que tal a la cultura” (Kant, 2000: 40). Por eso afirma que “La cultura moral tiene que fundarse en las máximas, no en la disciplina. Esta impide los vicios, aquélla forma el modo de pensar” (Kant, 2000: 71). Dicha «positividad», pudiendo referirse a cualquier tipo de contenidos (toda educación significa ganar «algo» de que se carecía), cabe referirla especialmente a la moral, por ser ésta el más importante y en definitiva auténtico objeto de la educación del hombre: en efecto, la libertad –*sensu strictu*– es la facultad más valiosa

del hombre, a la cual están subordinadas las otras dos (y por la cual, a su vez, el animal queda netamente excluido de la educación). Para nuestro filósofo, “esta educación se compone: a) de la formación escolástico-mecánica, que se refiere a la habilidad <*Geschicklichkeit*>; entonces es didáctica (instructor) <*Informator*>; b) de la formación pragmática, que se refiere a la prudencia <*Klugheit*> (ayo) <*Hofmeister*>; c) de la formación moral, que se refiere a la moralidad. El hombre necesita de la formación escolástica o instrucción para llegar a alcanzar todos sus fines <*aller seiner Zwecke*>. Le da un valor en cuanto a sí mismo como individuo. La educación por la prudencia le hace ciudadano, porque adquiere un valor público. Aprende con ella, tanto a dirigir la sociedad pública a sus propósitos como a adaptarse a ella. Finalmente, por la formación moral adquiere un valor en relación con toda la especie humana <*des ganzen menschlichen Geschlechts*>” (Kant: 2000: 45). Sólo dentro de la Educación práctica se podrá hablar en rigor de formación moral. Así, aunque se afirme que: “Es preciso que las máximas nazcan del hombre mismo [...] Si se quiere fundamentar la moralidad, no hay que castigar. La moralidad es algo tan santo y tan sublime, que no se la puede rebajar y poner a la misma altura que la disciplina” (Kant, 2000: 72), no obstante es inevitable una inicial intromisión del aspecto disciplinario-pragmático en la formación moral. Con certeza se trata de educación moral, en tanto que el objetivo es ya explí-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

citamente la constitución del carácter, pero tales inicios poseen todavía rasgos propios del modo disciplinario y de los contenidos pragmáticos. Así, en la descripción de las propiedades del carácter del niño, la principal de ellas es la obediencia. El cariz disciplinario es, no obstante, matizado: la obediencia pertenece al carácter de un niño, pero "en especial" al de un alumno. A su vez, se diferencian dos tipos de obediencia: la absoluta, por coacción, y la obediencia hacia la voluntad conocida como racional y buena de un tutor, basada en la confianza. La primera es sumamente «necesaria» porque le forma como ciudadano, cuando tenga que obedecer leyes a pesar de que no le guste.

Actualmente la ética está gravemente inclinada hacia el relativismo. Si cupiera expresar en un lema absoluto, análogo al kantiano —lo que es imposible por el carácter relativo— el criterio del relativismo, podría utilizarse el título de la obra de teatro de Pirandello: «Así es, si así os parece». El relativismo ético contradice de raíz la filosofía moral kantiana. Aquél tiene total vigencia, pero no anula a ésta porque aún permanece su inercia, bajo la forma del respeto al sentido del deber. Por eso la sensibilidad ética actual se encuentra en tensión, escorándose a veces hacia el rigorismo, y otras hacia la incertidumbre. No obstante, en ambas posiciones, la kantiana y la actual, destaca igualmente el ideal de la autonomía moral: éticamente, lo que importa es juzgar y decidir desde uno mismo, sin depender

de otros. En esto concuerdan plenamente Locke, Rousseau y Kant, aunque con sustanciales diferencias de contenido. El más radical de los tres es Rousseau; Locke, como siempre, el más templado; Kant, el más riguroso. Rousseau afirmaba la autonomía como principio absoluto para la acción humana; Kant sólo insiste en la autonomía de la voluntad.

El intento de suturar la ruptura entre ciencia y ética que vive la Ilustración explica en buena medida la razón de ser de la moral kantiana. En esta época se empieza a vivir la disociación entre teoría y praxis, que pervive hasta nuestros días. Esto significa que la solución kantiana no ha prosperado; pero no por ello deja de perdurar la influencia de sus ideas. Para entender la naturaleza de este conflicto puede recurrirse al mismo Kant, según lo expresa en su obra *Fundamentación de la metafísica de las costumbres*. Allí, Kant distingue entre: a) filosofía teórica: fundada en el concepto de naturaleza; sus leyes son necesarias y universales (siempre las mismas, para todos los seres vivos); de aquí viene su certeza; b) filosofía práctica: fundada en el concepto de libertad; aquí nace el problema. En la filosofía práctica las leyes son contingentes y particulares como efecto de la ley humana; por eso no proporcionan certeza universal; como mucho ofrecen cierta seguridad subjetiva. Kant no puede admitir esta situación, y no se arredra ante la tarea que debe afrontar: refundar la ética. Para ello es preciso analizar y criticar estas leyes contingentes para fundamentar-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

las debida-mente (según Kant): o sea, de modo que sean necesarias y universales. De esta manera, al tiempo que se salva el conflicto entre teoría y praxis, el ser humano encontrará certeza objetiva en el mundo moral. Para entender la empresa kantiana, debe recordarse la doctrina lógica de la modalidad del ser. Hay cuatro modos de ser: a) lo imposible: ni es, ni puede ser; b) lo posible: no es, pero puede ser; c) lo necesario: es y no puede dejar de ser; y d) lo contingente: es, pero podría no ser.

Las leyes de la naturaleza o mundo físico son necesarias si son verdaderas; si son falsas, son imposibles. Por el contrario, las leyes morales fundadas en la libertad, en buena medida son contingentes y posibles. Hay leyes éticas que parecen ser absolutas, como ciertos preceptos negativos; por ejemplo, «no matar». Sin embargo, en ciertas – aunque bien escasas e infrecuentes- condiciones, matar no es malo, como en la guerra justa. La racionalidad humana, según Kant, exige constituirse como filosofía teórica: por eso deberá comprender y fundamentar las leyes morales como las leyes naturales: esto es, como necesarias y universales. Entonces, aunque se ha comenzado distinguiendo netamente filosofía teórica y filosofía práctica, al cabo ésta debe subordinarse cognoscitiva-mente, guiarse y desarrollarse por aquélla. Kant confiaba en que podrían encontrarse esos principios supremos y universales; creía que podrían derivarse del imperativo categórico. Sin embargo, su posteridad no los ha encontrado; de ahí la caída en el

desencanto, esto es, en el relativismo. Permanece no obstante su inercia e, instintivamente, la sensibilidad actual aguarda aún el descubrimiento de más algoritmos lógicos que puedan garantizar una vida recta, sino para todos, sí para la mayoría.

En la pedagogía kantiana es prioritario el ideal de autonomía; según decía, la educación «debe sacar al hombre de su minoría de edad autoculpable». No obstante, esta autonomía tiene que desplegarse según las condiciones apuntadas en la filosofía moral; o sea, que la autonomía tiene que articularse con el deber. Se debe decidir autónomamente, pero desde la voluntad dictada por la razón (en esto coincide con Locke), y no desde una apetencia u opinión subjetiva, y por tanto, ni necesaria ni universal. Este peso de la razón se percibe hoy como gravoso y excesivo: de ahí la revitalización moral de los sentimientos. Sin embargo, para Kant, moralmente, el sentimiento es algo negativo pues desvía y distrae de los dictados de la razón pura; por eso los sentimientos conducen a la debilidad. Y efectivamente, debe reconocerse que si hay algo empírico y contingente en el hombre, eso son los sentimientos. Nuestro filósofo teme la fuerza de los sentimientos; por eso concluye en un cierto pesimismo antropológico y pedagógico. En su *Antropología en sentido pragmático* se encuentra otra sentencia de gran fuerza expresiva, pero vivencialmente negativa: «el hombre es de una madera tan torcida que nunca llega a enderezarse». Ante el poder de la afectividad en la conducta humana, Kant ha insisti-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

do en la pedagogía del esfuerzo y del sacrificio. Lo que produce placer es, cuando menos, sospechoso, pues indica que el hombre se complace en sí mismo, desviándose de la rectitud que debe tener su conducta. Por lo mismo no admite la felicidad como fin (*eudaimonía*); para él esto es una hipocresía moral, pues es un intento de disfrazar la complacencia de dignidad ética. Lo cual revela que Kant entendía la felicidad como placer, y especialmente, placer sensible. Pero como el niño no puede entender esto, y no es realmente autónomo, debe suplirse su razón y su voluntad con mandatos. Con esta opinión, en cierto sentido, recae en el conflicto de Locke entre habituación y autonomía. No obstante insiste en que dichos mandatos sólo son pedagógicamente válidos si contribuyen a que se vaya preparando la futura autonomía moral de la voluntad; esto se realiza mediante la «educación física», concebida por Kant como educación del cuerpo que prepara la de la mente, y que consiste en: a) cuidados: para tener un cuerpo sano; b) disciplina: para sujetar las pasiones; y c) cultura: entendida como *cultivo*, que comprende el cultivo del cuerpo y prepara el cultivo del alma (facultades superiores, sentimientos de placer y disgusto, formación del temperamento-carácter –que apunta ya directamente a la educación moral-. Dentro de la cultura, además se incluye la educación escolar (aprendizaje de las letras y los números, y las ciencias). Pero como el niño no puede entender esto, y no es realmente autónomo,

debe suplirse su razón y su voluntad con mandatos. Con esta opinión, en cierto sentido, recae en el conflicto de Locke entre habituación y autonomía. No obstante Kant insiste en que dichos mandatos sólo son pedagógicamente válidos si contribuyen a que se vaya preparando la futura autonomía moral de la voluntad; esto se realiza mediante la «educación física», concebida por Kant como educación del cuerpo que prepara la de la mente, y que consiste en: a) cuidados: para tener un cuerpo sano; b) disciplina: para sujetar las pasiones; y c) cultura: entendida como *cultivo*, que comprende el cultivo del cuerpo y prepara el cultivo del alma (facultades superiores, sentimientos de placer y disgusto, formación del temperamento-carácter –que apunta ya directamente a la educación moral-. Dentro de la cultura, además se incluye la educación escolar (aprendizaje de las letras y los números, y las ciencias).

El desarrollo de la autonomía individual es la «educación moral». Se trata de que el hombre sea bueno; esto es, de que tenga un buen carácter que le permita obrar con rectitud. Ser bueno es hacer cosas buenas; pero las acciones no se definen como buenas por la realización de un fin heterónomo, sino por el cumplimiento del deber establecido autónomamente en el imperativo categórico. En definitiva, lo que en la acción moral es la coherencia interna entre la voluntad libre y la ley moral universal. La educación moral se orienta por: a) el desarrollo de *habilidades* morales para la conducta social; b) tener sentido *productivo*

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

por el que mis acciones me reporten el mayor beneficio posible; c) tener sentido de la *moralidad* por el que descubro la ley y el deber. El ideal prevalente de autonomía lleva a Kant a no recomendar las sanciones (premios y castigos) y la imitación de modelos o héroes en la educación moral; aunque reconoce que las sanciones resultan inevitables en la educación física. Por tanto, difícilmente se comprende la continuidad en la acción pedagógica desde el tránsito de la educación física a la moral.

A manera de conclusión podemos afirmar que si tratamos de relacionar el pensamiento general de Kant con el tema que aquí hemos tratado, esa relación puede expresarse en los siguientes términos. Del mismo modo como en el campo teórico no se rige el conocimiento por el objeto, sino éste por aquel, en el terreno práctico es el deber puro el marca la pauta frente a lo empíricamente real. De aquí se desprende que la educación, como el derecho y la política, no puede dar un solo paso sin contar con la moral.

Los planteamientos de Kant, sobre educación y pedagogía valen para el mundo de hoy. Si por ahora nos limitamos a la educación orientada hacia la moralización, la educación se presenta como la posibilidad de contribuir a la construcción de la sociedad moderna, a la reconstrucción de la democracia y a la observancia de los Derechos Humanos. Aunque el cumplimiento de estos propósitos fuera un deseo irrealizable, la verdad es que se trata de una exigencia. No podemos obrar en otra dirección si queremos mantenernos en el plano de

lo humano. De allí se sigue que tenemos la obligación de recurrir al discurso normativo, como posibilidad de que podamos vivir en paz. En cierto modo se mantiene el programa de Platón: La razón debe someter a la fuerza. Desde la filosofía no tenemos otro camino.

La influencia de Kant es en este caso fundamental, pues no sólo fijó de forma magistral los principios que guiaban el proyecto ilustrado en su obra: *¿Qué es la Ilustración?*, sino que en sus lecciones sobre Pedagogía expuso de forma sucinta, pero muy densa, las principales ideas que debían servir de orientación a un *proyecto educativo ilustrado*, siendo éste aquél capaz de aunar las condiciones naturales del individuo, con el desarrollo de su conocimiento, de ideas propias, de comportamiento moral, y con la generación de reglas del gusto. Mediante la educación de las capacidades individuales, éste proyecto pretende alcanzar a conciliar los intereses privados (subjetivos) con los fines universales que exige el Estado y la humanidad, haciendo posible que el individuo sea capaz de lograr un mejor conocimiento y comportamiento moral, que socialmente se alcance un mayor bienestar, y que el ser humano, como partícipe de la idea de humanidad, alcance una mayor perfección.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

Bibliografía

1. Kant, I., (1967) *Crítica de la Razón Pura. Prefacio a la segunda edición, Trad. J. del Perojo. Buenos Aires, Editorial Losada*
2. Kant, I., (1968a) *Kritik der reinen Vernunft. III. Walter de Gruyter, Akademie Textausgabe.*
3. Kant, I., (1968b) *Logik, Vol. IX, Berlín, Akademie Textausgabe. Walter de Gruyter.*
4. Kant, I., (1977) *Schriften zur Anthropologie, Geschichtsphilosophie, Politik und Pädagogik 2. Frankfurt am Main, De Suhrkamp*
5. Kant, I., (1985) *Tratado de Pedagogía, Trad. Maldonado C. E., Bogotá, Ediciones Rosaristas*
6. Kant, I., (1995) *Crítica de la razón práctica. Trad. de E. Miñana y Villagrasa y Manuel García Morente. 2ª ed. Salamanca, Ediciones Sígueme.*
7. Kant, I., (2000) *Crítica de la razón pura. Versión española de Pedro Ribas. Madrid, Alfaguara.*
8. Kant, I., (2003) *Pedagogía. Edición de Mariano Fernández Enguita. Traducción de Lorenzo Luzuriaga y José Luis Pascual, Madrid, Akal.*
9. Kant, I., (2009) *Sobre Pedagogía. Traducción y nota preliminar de Oscar Caeiro. Córdoba, Editorial Universidad Nacional de Córdoba, Encuentro Grupo Editorial.*
10. Kant, I., (2012) *Fundamentación de la Metafísica de las Costumbres, 2ª ed. Edición de Roberto Aramayo. Madrid, Alianza editorial.*
11. Kant, I., (2013) *¿Qué es la Ilustración? Edición de Roberto R. Aramayo. 2ª. ed. Madrid, Alianza editorial.*
12. Villacañas Berlanga, J, L., (1987) *Racionalidad crítica. Introducción a la filosofía de Kant. Madrid, Tecnos.*

Неокантианский дискурс философии истории: методологические аспекты

В докладе дается анализ методологических аспектов неокантианского дискурса философии истории, которые получили концептуальную разработку в трудах представителей Баденской школы, в работах М. Вебера, а также – в творчестве ряда русских ученых в конце XIX – начале XX вв. Неокантианство рассматривается как влиятельное направление в исторической эпистемологии, которое стало главным критиком позитивизма и метафизики в философии и методологии истории. Следуя за И. Кантом, неокантианцы соединили онтологию истории не только с исторической эпистемологией, но и с аксиологией, т.е. с учением о ценностях. Доклад раскрывает основные положения неокантианской философии и методологии истории, разработанные В. Виндельбантом, Г. Риккертом, М. Вебером, А.С. Лаппо-Данилевским, В.М. Хвостовым и Д.М. Петрушевским. Главная заслуга неокантианцев Баденской школы – выявления специфики методов исторической эпистемологии, которая заключается в применении идеографического или индивидуализирующего подхода. Данный подход предполагает приоритетное изучение ценностей, составляющих основу человеческой культуры. «Отношение к ценности» для неокантианцев является важнейшим критерием отличия «наук о духе» от «наук о природе». Ценностный подход выступает необходимой методологической процедурой гуманитарного познания. М. Вебер совершил попытку соединения позитивистского и ценностного подхода в методологии философии истории, ввел в научный оборот понятие «идеальный тип». Одной из важных заслуг русских неокантианцев является соединение номотетических и идиографических методов в исследовательской практике. А.С. Лаппо-Данилевский дал новое понимание структуры методологии истории, раскрыл разнообразные способы интерпретации исторических источников, показал роль психологического фактора в эволюции истории. В творчестве В.М. Хвостова с позиции неокантианства был дан заслуживающий внимания критический анализ понятия прогресса. Д.М. Петрушевский показал, что историческая эпистемология имеет собственный логический стиль, который требует дополнительного анализа.

Ключевые слова: неокантианство, Баденская школа, методология истории М. Вебера, русские неокантианцы, философия истории, методология истории, историческая эпистемология, идиографический метод, аксиологический подход

Доклад подготовлен при поддержке гранта РФНФ: № 14-13-66501

Русакова Ольга Фредовна, Институт философии и права УрО РАН, rusakova_mail@mail.ru

UDC 1/14

Rusakova O.F.

Nneo-kantian philosophy of history: methodological aspects

The report provides an analysis of methodological aspects of neo-Kantian's discourse of philosophy of history, which was conceptual developed in the works of the representatives of the Baden school, M. Weber's works and also – in the works of Russian scientists in the late XIX - early XX centuries. Neokantianism is regarded as an influential trend in historical epistemology, which has become the main critic of positivism and metaphysics in philosophy and methodology of history. Following Kant, Neokantians connected ontology not only with the history of historical epistemology, but also with axiology, i.e. with the teaching of values.

The report describes the main provisions of neo-Kantian philosophy and methodology of history, developed by W.Vindelband, H. Rickert, M. Weber, A.S. Lappo-Danilevsky, V.M. Khvostov and D.M. Petrushevski. The main merit of the Baden neo-Kantian school – identifying the specific methods of historical epistemology, which is the use of ideographic or individualizing approach. This approach involves the study of priority values that form the basis of human culture. For the neo-Kantian «the attitude to the value» is an important criterion of distinction «the human sciences» from the «sciences of nature». Value approach is a necessary methodological procedure of human cognition. M.Weber has made an attempt to connect positivist and value approaches to the methodology of philosophy of history, has entered into a scientific turn the concept of «ideal type». One of the main merits of Russian neo-Kantian – combination nomothetic and ideographic methods in research practice. Lappo-Danilevsky gave a new understanding of the structure of the methodology of history, revealed a variety of ways to interpret historical sources to show the role of psychological factors in the evolution of history. In the work of Khvostov from the perspective of neo-Kantianism was given a noteworthy critique of the concept of progress. Petrushevsky showed that historical epistemology has its own logical style that requires further analysis.

Keywords: neo-Baden school, M.Weber`methodology of history, Russian Neo-philosophy of history, methodology of history, historical epistemology, ideographic method axiological approach

Rusakova Olga Fredovna, Institute
of Philosophy and Law, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
rusakova_mail@mail.ru

At support of the RFH, the scientific
project №14-13-66501

CDU 1/14

Rusakova O.F.

Modelo neokantiano de filosofía y metodología de la historia

La autora analiza el modelo neokantiano de la filosofía y metodología de la historia que fue elaborado conceptualmente en la obra de los representantes de la escuela de Baden y en los trabajos de algunos científicos rusos a finales del siglo XIX y a inicios del siglo XX. El neokantianismo se considera como una dirección importante en la epistemología histórica que se convirtió en la crítica principal del positivismo en la metafísica, en la filosofía y en la metodología de la historia. Siguiendo a Kant, los neokantianos unieron la ontología de la historia con epistemología histórica. El mérito principal de los neokantianos de la escuela de Baden es el descubrimiento de la específica del enfoque ideográfico o individual. Esta actitud pone prioridad en el estudio de los valores que constituyen la base de la cultura humana. La actitud ante los valores es un criterio importante de la distinción entre las "ciencias del espíritu" y las ciencias de la Naturaleza. El enfoque valorativo sirve como un procedimiento metodológico necesario del conocimiento humanitario. En el artículo se investigan las tesis principales de la filosofía neokantiana y de la metodología de la historia, elaboradas por W. Windelband, H. Rickert, A. C. Lappo-Danilevsky, V. V. Jvostov y D. M. Petrushevsky.

Palabras-clave: escuela de Baden, neokantianos rusos, filosofía de la historia, metodología de la historia, epistemología histórica, enfoque axiológico.

La ponencia fue publicada con el apoyo del RHNF proect № 14-13-66501

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Неокантианская философия истории в начале XX века совершила настоящий методологический переворот в области исторической эпистемологии: разработка аксиологического метода исторического познания, введение в оборот понятия «идеальный тип», соединение номотетических и идиографических методов в исследовательской практике, что в значительной степени обогатило академический дискурс мировой философии истории.

В Европе методологические аспекты дискурса неокантианской философии истории получили обоснование и концептуальную обработку, прежде всего, в творчестве представителей Баденской философской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), а также – в работах М. Вебера. В России неокантианский подход к изучению философии истории был методологически фундаментально разработан академиком Санкт-Петербургской АН А.С. Лаппо-Данилевским, профессором Московского университета В.М. Хвостовым и академиком АН СССР Д.М. Петрушевским.

Неокантианство как влиятельное методологическое направление в исторической эпистемологии в начале прошлого столетия выступило в качестве главного критика позитивистского подхода к изучению истории, а также – метафизического (онтологического) подхода, сторонники которого игнорировали гносеологическую и аксиологическую проблематику при осмыслении предмета философии истории.

Сущность позитивистской методологии истории можно определить как сугубо сциентистскую ориентацию на превращение истории в точную науку путем внедрения в ее исследовательский арсенал методов и процедур, включенных в научный оборот другими дисциплинами, получившими в авторитетных кругах статус науки. При этом, как правило, отрицается методологическая специфика исторического творчества.

Другая характерная черта позитивистской методологии истории – умаление значения философии истории, под которой подразумевается спекулятивное, умозрительное, далекое от науки знание [14, с. 67].

К началу XX века отчетливо проявился кризис метафизического подхода, согласно которому теория истории сводилась к теории объективного исторического процесса. Интерес исследователей направлялся только на объект, без учета роли субъекта в историческом познании. Методология истории рассматривалась как часть онтологии. Эти черты были свойственны целому ряду направлений тогдашней философии истории: марксизму, неогегельянству, неопозитивизму.

Как известно, значительный вклад в преодолении онтологического подхода в свое время предпринял И. Кант, который совершил попытку перевода онтологии на путь гносеологии или «трансцендентной методологии». Кант методологически связал онтологию не только с гносеологией, но и с аксиологи-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ей. Кантовская критика онтологизма и его методология нашла многочисленных последователей, усилиями которых сложилось неокантианское направление в философии и методологии истории [5, с. 218–219].

Представителей неокантианства постоянно интересовали вопросы классификации наук, специфики исторического познания (историческая эпистемология) и проблемы своеобразия методов истории. Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) выделил два типа научного познания: номотетическое и идеографическое: «В первом случае мышление стремится перейти от установления частного к пониманию общей связи, во втором – оно останавливается на тщательном выяснении частного» [3, с. 324]. В соответствии с данным делением науки разделились по предмету: «Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было» [3, с. 320]. Для первого типа наук господствующим методом познания является номотетический или генерализующий, для второго – идеографический или индивидуализирующий.

Историю Виндельбанд относит ко второму типу, поскольку исторические события уникальны, неповторимы, и их сведение к общим законам огрубляет представления об исторических процессах и явлениях.

Специфичен не только метод, но и объект познания исторических наук. Таким объектом, по Виндельбанду, выступают

ценности культуры. Виндельбанд в связи с этим предлагал даже заменить термин "история" лучшим и более точным термином – «наука о культуре».

Ученик Виндельбанда Генрих Риккерт (1863–1936) считал, что необходимо отличать методологию истории не только от методологии естественных наук, но и от социологического метода познания. Если для социологии главной задачей является отыскание законов общественной жизни, то цель истории «всегда является изображение единичного, более и менее обширного хода развития во всей его единственности и индивидуальности» [13, с.219]. Историк, который занимается поиском законов, по мнению Риккерта, перестает быть историком, а само понятие «исторический закон» есть ничто иное как «*Contradictio in adjecto*» или нарастающие противоречия [13, с. 221].

В неокантианской интерпретации методология истории выступает уже не в роли «подмастерья» у передовых естественнонаучных дисциплин и социологии, а самостоятельным «мастером», обладающим собственным научным инструментарием.

Предмет исторической науки Риккерт трактует как функцию индивидуализирующего исторического метода, применение которого высвечивает собственные объекты исторического исследования. Такими объектами выступают всеобщие человеческие ценности, «которые по отношению к общественным или социальным

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

интересам обладают значением). «Главным объектом исторического исследования является ... человек, как социальное существо, ... поскольку он участвует в реализации социальных ценностей» [13, с.215]. Процесс реализации всеобщих социальных ценностей в течение исторического развития обозначается термином «культура». В итоге «главным предметом истории является изображение частей и целого культурной жизни человека». При этом под культурой Риккерт понимает не какую-то особую область общественной жизни, а систему всеобщих человеческих ценностей, таких, например, как государство, право, религия, экономическая организация, искусство и т.д.

Генерализующий метод, по Риккерту, не в состоянии дать исчерпывающего изображения культурных ценностей. На это способен только индивидуализирующий исторический метод. Вот почему история как носительница данного метода отвечает потребностям культурного человека. «Культурных человек (Kultur Mensch), – подчеркивает Риккерт, – всегда будет относить действительность к всеобщим культурным ценностям, так что необходимо должен возникнуть вопрос, каким образом реализовалась культура в ее единичном развитии, и ответ на этот вопрос может дать одна лишь индивидуализирующая история, а никакая не генерализующая наука» [13, с. 217]. «Отношение к ценности» для Риккерта, таким образом, является важнейшим критерием отличия «наук о духе» от «наук о природе», а также

необходимой методологической процедурой гуманитарного познания.

Философия истории, по Риккерту, призвана установить принципы исторического универсума – всеобщей истории как предельной культурной целостности. Эти принципы по своему характеру не являются законами, поскольку открываются путем не генерализующего, а индивидуализирующего метода. В этой связи проблема исторического закона считается Риккертом очередной натуралистической догмой, от которой должна отказаться научная философия истории: «Для философии истории понятие закона как принципа исторического универсума является ... логически столь же противоречивым, как и понятие исторического закона в качестве цели эмпирической исторической науки. Конечно, философия истории занимается «общим», но лишь постольку, поскольку она имеет дело с историческим универсумом, именно поэтому также и ее объектом всегда является единичный и индивидуальный рад развития, членами которого состоят такие же индивидуумы» [13, с. 227].

Любой, так называемый, исторический закон, по Риккерту, на самом деле является «формулой ценности». Так понятие «исторический процесс» есть не что иное как возрастание ценности, связанное с возникновением нового. «Поэтому, если философия истории как наука о принципах, вообще имеет *raison d'être*, то она должна быть учением о ценностях,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сообщающих единство историческому универсуму и вместе с тем расчленяющих его» [13, с. 235].

Другая онтологическая проблема философии истории – проблема смысла исторического бытия, согласно Риккерт, также неразрывно связана с культурно-ценностной установкой исторической науки: «Вся культурная жизнь есть историческая жизнь и культурные люди, к которым принадлежат также и натуралисты, не могут, будучи культурными людьми, не стремиться к тому, чтобы дать себе отчет относительно смысла культуры и тем самым относительно смысла истории» [13, с. 237].

Ценностные установки, лежащие в основе той или иной исторической теории, приводят ее авторов к определенному учению о смысле истории. В качестве примера Риккерт рассматривает марксистскую материалистическую концепцию истории. Ее центральной ценностной установкой является победа пролетариата как класса над буржуазией. В соответствии с этим вся история понимается марксистами как история классовой борьбы, что и сообщает ей ценность и единство. «Таким путем материалистическое понимание истории находит общие принципы исторической жизни, но точно также и всю историю со всеми подробностями вполне определяет абсолютная ценность, ожидаемая победа пролетариата. В настоящей борьбе самым главным моментом, вследствие его решающего значения, представляется борьба за экономические бла-

га. Ввиду этого в истории повсюду самая главная роль отводится экономической жизни, а поэтому также разделение истории на эпохи должно соответствовать различным формам хозяйства. Отсюда и возникает «материалистическое», то есть экономическое понимание истории» [13, с. 237–238].

Говоря в целом о неокантианской концепции методологии истории, необходимо признать ее большой вклад в обоснование специфического предмета и метода исторической науки, а также в разработку особой дисциплины – методологии истории, – занимающейся вопросами специфики исторического познания и исторического типа мышления, и составляющей важную часть современной философии истории. Несомненной заслугой неокантианцев было развитие теории ценностей и разработка аксиологического подхода к изучению исторических явлений.

Вместе с тем, неокантианская трактовка методологии истории несла на себе печать определенной однобокости, поскольку отличалась гипертрофированием идиографического метода; это, в свою очередь, приводило к известному научному сепаратизму исторических исследований, жесткому размежеванию истории с другими научными дисциплинами, в том числе – с социологией.

Большое влияние на формирование дискурса современной философии истории оказали работы выдающегося немецкого мыслителя Макса Вебера (1864–1920).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Вебер начал свою научную карьеру как неокантианец, однако, увлекшись социологией, разработал собственную методологию, в которой стремился соединить ценные элементы методологии неокантианства и социологического позитивизма. Не случайно некоторые исследователи называют веберовскую методологию позитивистско-неокантианской [16, с. 444–445].

Центральной категорией веберовской методологии истории является понятие идеального типа. Идеально-типическое, по Веберу, есть синтез общего и индивидуального. Идеальными типами называются общие понятия, приложимые не только к повторяющимся явлениям истории, но и к неповторимым историческим индивидуумам. Познание общего, по Веберу, открывает путь к познанию индивидуального и наоборот. Вот что по этому поводу писал исследователь творчества Вебера Ф.И. Неусыхин: «Рукою Вебера стерта резкая грань, проведенная Риккертом между индивидуальным и общим ...Общее дано нам в истории как индивидуальное, ибо оно никогда не выступает изолированно, а всегда входит в состав какого-нибудь индивидуального исторического целого» [11, с. 643–644].

Идеальный тип, по Веберу, является теоретическим конструктом, который выступает определенным масштабом для познания исторической реальности, средством для изображения индивидуального. «По своему значению, – писал Вебер об идеальном типе, – это

чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того, чтобы сделать отчетливым определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно-дисциплинарная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные ... Идеальный тип в данной его функции – это прежде всего попытка охватить исторические индивидуумы или их определенные компоненты генетическими понятиями» [2, с. 584]. Даже если историк отказывается от попыток формулировать идеальный тип, считая его абстрактной конструкцией, неприемлемой для исторического исследования, он все равно, считает М. Вебер, неосознанно пользуется такого рода конструкциями.

Вебер, говоря о конструктивистском, интерпретационном характере идеального типа, предупреждал об опасности отождествления его с реальной исторической действительностью, а также – об искушении «подогнать» под его конструкцию определенные явления. Наглядным примером такого «насилия над действительностью» Вебер считал отношение марксистов к понятиям и законам развития истории, являющимися, по сути, идеально-типическими конструктами [2, с. 593–602].

В веберовской трактовке история и социология принадле-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

жат к наукам о культуре и в этом плане обе дисциплины применяют метод идейно-типического конструирования. Однако между историческими (генетическими) и социологическими идеальными типами, по Веберу, имеются определенные различия: социология, образуя типовые понятия, ищет общие правила (законы) событий, историческая же наука стремится, прежде всего, к анализу индивидуальных, важных в культурном отношении действий, образований личностей. Примером генетических идеальных типов у Вебера выступают такие понятия как «средневековый город», «культура капитализма», «протестантская этика», «кальвинизм» и др.

Генетический идеальный тип применяется исследователем локально в контексте конкретного времени и пространства. Его анализ связан с исследованием различных по своей природе факторов, сочетание которых способствовало появлению на исторической арене нового феномена. Методологию многофакторного анализа Вебер противопоставляет различным видам мировоззренческого монизма, и прежде всего – монизму марксистской теории истории, которая, по его мнению, гипертрофирует значение экономического фактора [2, с. 561]. Для Вебера экономический фактор выступает только одним из возможных факторов, объясняющих тот или иной исторический феномен, и не важно, принадлежит ли он к сфере экономической жизни, искусства или религии.

С позиции многофакторного подхода Вебер выстраивает собственную теоретическую модель капитализма, противопоставляемую им марксистскому монизму. В отличие от Маркса Вебер не считал капитализм технологически необходимым этапом развития человечества. При изучении генезиса капитализма он исходил из постулата: любое явление в истории вначале выступает не как реальность, а как мотивация. Только на основе раскрытия мотивации можно создать идеальный тип любого социального явления, построить его мысленную модель.

Идеальная мыслительная модель капитализма, созданная Вебером, строится на базе ценностного подхода, связанного с синтезирующим понятием «интерес эпохи». В роли такого понятия выступает категория «дух капитализма», которая предполагает раскрытие определенного менталитета, мотиваций, интересов, анализа типовых социальных институтов, права, этических и религиозных норм.

Теоретическое моделирование истории европейского капитализма осуществляется Вебером на основе разработки теории адекватной причинности. Суть данной теории: происхождение исторического события обусловлено множеством факторов, один из которых является решающим для его генезиса. Так, анализируя происхождение европейского капитализма, Вебер установил, решающим системообразующим фактором, воплотившим дух капитализма, явился протестан-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тизм с его новой хозяйственной этикой [1, с.44–271]. Он отнюдь не отрицал, что протестантизм не был ни единственной, ни даже достаточной причиной возникновения капитализма. Протестантизм – это не столько причина, сколько целостно образующий фактор формирования особой культуры капитализма.

Этот же метод выявления решающего фактора был применен Вебером при анализе происхождения Первой Мировой войны. При анализе истоков данной войны Вебер предлагает применить прием моделирующего вычитания, то есть мысленного построения того, что могло бы произойти, если бы отсутствовал тот или иной фактор. Например, следует предположить, что бы произошло, если бы Пуанкаре не был в 1914 году президентом Франции, если бы царь Николай II не подписал указ о мобилизации за несколько часов до того, как то же самое сделал австрийский император, если бы Сербия не приняла австрийский ультиматум и т.д. Далее следует сопоставить нереальный, мысленный ход событий, построенный на предположении, что один из предшествующих элементов изменен, с реальным их развитием для того, чтобы сделать вывод, что мысленно измененный элемент был одной из причин проявления характерного признака в изучаемом феномене.

Данный прием стал своего рода методологическим вызовом Вебера тем историкам, которые считают, что история не знает сослагательного наклонения и что не возможно знать то-

го, что не произошло. Чтобы труд действительно был аналитическим, необходимо представить, каким было бы событие без определенного акта или элемента, с ним связанного.

Кроме метода реконструкции деталей ирреального (виртуального) течения событий Вебер предлагает метод моделирования иного конечного исторического результата. К примеру, если бы мы смогли счесть правдоподобным завоевание Греции Персией, то мы бы поняли, что победа персов привела бы к удушению пути развития рациональной мысли, которая стала важным вкладом Греции в развитие всего человечества. В этой связи битву при Марафоне следует считать одной из причин, необходимых для развития мировой культуры. Такого рода методология показывает, что историческая причинность носит не необходимый, а вероятностный характер. Степень вероятности зависит от соотношения способствующих и не способствующих определенному событию обстоятельств.

Вероятностный характер, согласно Веберу, имеют и причинные связи, которыми занимается социология. Однако, в отличие от историка, имеющего дело с локальными и временными факторами, определяющими характер идеально-типической модели исторического явления или процесса, социолог оперирует так называемыми «чистыми» идеальными типами, образованными путем абстрагирования от пространственно-временных параметров. Наглядным примером моделирования

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

такого рода идеального типа может служить веберовская типология легитимности власти (рациональная, традиционная, харизматическая).

Таким образом, веберовская концепция идеального типа сужала поставленную неокантианцами Баденской школы методологическую пропасть между историей и социологией. Если по сравнению с неокантианским принципом индивидуализации Вебер усиливает момент генерализации, то, напротив, в социологии он смягчает неокантианский номотетический подход, вводя момент «индивидуализации».

В России неокантианский дискурс философии истории получил наиболее последовательную и глубокую разработку в творчестве выдающегося ученого Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), автора трехтомной «Методологии истории».

Основное ядро всей методологии истории, по мнению Лаппо-Данилевского, составляет теория исторического знания, поскольку именно она занимается установлением исходных принципов исторического познания, суть которых заключается в рассмотрении следующих вопросов:

с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные нашего опыта?

какое значение историк должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях?

каков критерий исторической оценки, на основании ко-

торого историк производит выбор материала?

в каком смысле историк пользуется понятиями «эволюция», «прогресс», «регресс» и т.п. [7, с. 15]?

Методологии истории, согласно Лаппо-Данилевскому, в качестве составного компонента включает также методологию источниковедения. «Методология источниковедения, – поясняет он, – устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя в праве утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует)» [7, с. 16].

Наконец, важным компонентом методологии истории, по мнению ученого, является методология исторического построения, которая «устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует)» [7, с. 16].

Лаппо-Данилевский считал, что в отличие от философии истории, методология истории не ставит перед собой цели изучения объективного исторического бытия (исторической онтологии). Ее область очерчивается главным образом проблемами получения исторического знания, т.е. исторической эпистемологией. Вот что он писал об особенностях методологии истории: «...Она более определена по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только учение о принципах и методах

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его «исторических судеб» [7, с.16].

Лаппо-Данилевский, разделяя неокантианский подход к пониманию философии и методологии истории, дополнил его новыми идеями. В современных исследованиях выделяются три важных момента данной новизны: «Во-первых, не отказываясь от характерного для Виндельбанда и Риккерта дуалистического противопоставления естественно-научного и исторического методов, он относил к наукам идеографическим не только историю общества, но и историю природы, а к наукам номотетическим наряду с естественными науками – психологию и социологию ... Во-вторых, он первый провел различие по предмету и методу между социологией и историей и, таким образом, обосновал специфику исторического метода, показав его отличие от естественнонаучного и социологического методов. В-третьих, он и в самой истории различал номотетическую и идеографическую точки зрения и формулировал задачи номотетического и идеографического построения исторического знания» [5, с. 221–222].

По мнению Лаппо-Данилевского, все метафизические построения теории исторического процесса стремятся объединить данные нашего опыта, при помощи общих понятий, например, таких, как «эволюция», «эволюционный ряд», «цивилизация», «исторические

циклы», «культурно-исторический тип», «закон». Однако, ставя перед собой задачу выявления общего, закономерного, повторяющегося, типического в истории, номотетически ориентированные исследователи, не учитывают главный интерес, лежащий в основе исторической науки – интерес к индивидуальному, конкретному, неповторимому. Дело в том, что один и тот же объект можно рассматривать с номотетической и идеографической точек зрения. Человек ценит не только обобщения, но и конкретное. Научное удовлетворение нашего интереса к конкретному дается особым родом науками – историческими [7, с.225]. Это не значит, что историка должны интересовать исключительно индивидуальные особенности объектов. В своих построениях, отмечает Лаппо-Данилевский, историк широко пользуется обобщениями, к примеру, законами душевной жизни, законами ритма, законами психических мотиваций, психологии толпы. Историк может пользоваться также понятием «тип». Однако пользуется он всеми формами обобщения иначе, чем представители других наук. Для естествоиспытателей, например, обобщения представляют главную научную цель, в то время как для историков они – средства [7, с. 226]. Так, пользуясь понятием о типе французского солдата революционной эпохи, историк обратит внимание, прежде всего, на те или иные отклонения от сконструированной модели, отметив, к примеру, индивидуальные особенности Гоша или Напо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

леона. Историко-идеографическая точка зрения, утверждает Лаппо-Данилевский, требует объяснений и анализа различных отклонений от типичного [7, с. 229].

Идиографическая точка зрения на теорию исторического знания, согласно Лаппо-Данилевскому, не исключает рассмотрения «коллективных» объектов. Всякий раз, когда историк имеет дело с «коллективным существом» (социальная группа, народ, государство и т.д.) он не выходит за рамки метода, поскольку подходит к нему как к целостности, имеющей свое индивидуальное лицо, характеризующее совокупностью определенных признаков.

Лаппо-Данилевский подчеркивает, что образование индивидуальных понятий в исторической науке связано со следующими необходимыми процедурами:

1. Отбор фактического материала в соответствии с представлением об его историческом значении и ценности;

2. Построение целостного образа исследуемого объекта, основанного на понимании и переживании его ценности.

Указанные процедуры предполагают применение аксиологического подхода к объекту исторического исследования. Путем аксиологического анализа определяется, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению [7, с. 244].

Историк, занимающийся конкретным исследованием, не производит специального ана-

лиза того, что следует считать ценным, а что нет. Отнесение к ценности в его сознании происходит как бы автоматически, само собой. Если, например, историк признает как само собой разумеющуюся ценность государства, то и поступки людей или отдельные события он будет соотносить с данной ценностью, имея при этом в виду, насколько полезны или вредны они для государства. Точно так же, взяв за основу общезначимое представление о культуре как ценности, историк станет оценивать и отбирать для своего исследования только те объекты, которые соответствуют его понятию о культурных ценностях.

В рамках методологии истории Лаппо-Данилевский выделяет ее особую отрасль – методологию источниковедения, которую характеризует как «специальную методологию», отнюдь, не тождественную со вспомогательными историческими дисциплинами. Методолого-источниковедческая концепция Лаппо-Данилевского в своей основе содержала идею об истории как «науке о духе». В соответствии с данной установкой исторический процесс рассматривается в свете эволюции психической жизни людей, а исторический источник понимается как «реализованный продукт человеческой психики» [8, с. 374]. Согласно ученому, исторический источник, во-первых, призван отразить духовную жизнь прошлого; во-вторых, сам источник является продуктом духовной деятельности; в-третьих, на складывание содержания источника в первую оче-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

редь влияет духовная атмосфера его времени; в-четвертых, методы анализа источников должны базироваться в основном на психологическом подходе к ним.

В широком смысле исторический источник трактовался Лаппо-Данилевским как продукт человеческого творчества, генетически связанный с прошлой человеческой деятельностью. Сама эта связь истолковывалась им как основа для признания возможности отражения в источнике объективно существовавших социальных процессов. Деятельность, породившая источник, рассматривалась Лаппо-Данилевским как связующая нить между историком как субъектом познания и исторической реальностью как объектом исторического изучения. В связи с этим сам источник трактовался как «непосредственный результат той самой деятельности человека, которую историк должен принимать во внимание при построении исторической действительности, включающей и означенный результат» [8, с. 386].

Согласно Лаппо-Данилевскому, в любом источнике запечатлена психическая деятельность, а если это письменный, знаковый источник, – то и мысленные впечатления автора источника о современной ему действительности [8, с. 387]. Отсюда – главная задача историка – обнаружение духовно-психического содержания источника, представляющего собой объективированную форму человеческого творчества.

В зависимости от степени близости познающего субъекта

(историка) к запечатленному в источнике факту (информации) Лаппо-Данилевский давал классификацию источников, где все источники подразделялись на два основных вида: остатки и предания.

К остаткам Лаппо-Данилевский относил такие источники, которые дают историю возможность непосредственно считывать информацию о запечатленных в них фактах прошлого. Например, к источникам-остаткам он относил материальные памятники культуры в их натуральном виде. Источники-предания – это уже иной тип источников, более опосредованный, поскольку заложенная в них информация уже прошла определенную интерпретационную обработку либо в виде изобразительных образов, либо в виде словесных описаний. К примеру, такой источник, как склеп, является остатком, а его изображение (картина склепа) и его описание будут относиться к опосредованным источникам-преданиям.

К разновидностям источников-остатков Лаппо-Данилевский относил также определенную часть письменных источников, например, юридические акты, документы международных договоров, международные трактаты и т.д. Такого рода источники, по его мнению, следует отличать от преданий, т.е. рассказов о совершенных юридических сделках, заключенных договорах и т.д. На основании источника-остатка историк «получает возможность по нему непосредственно заключать о том, что и факт, остаток

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

которого доступен его исследованию, действительно существовал». Напротив, когда историк имеет дело не с остатком факта, а с его отображением в предании, он не обладает возможностью по одному непосредственному восприятию источника заключить о существовании факта. Поэтому историк должен прежде подвергнуть данный источник специальному анализу на достоверность, так как не исключено, что его содержание может быть вымыслом [8, с. 386].

Основная разница между источником-преданием и источником остатком заключается в том, что в последнем случае «исторический факт как бы сам о себе отчасти свидетельствует перед историком» [8, с. 387], т.е. выступает одновременно и «подсудимым» и «свидетелем». В предании же «подсудимый» (факт) и «свидетель» (изображение, рассказ) разделены. При этом показание «свидетеля» (художника или рассказчика) не обязательно совпадает с показаниями «подсудимого» (изображаемого или обозначаемого).

В основе приведенной классификации источников, по словам самого Лаппо-Данилевского, лежит теоретико-познавательная точка зрения, которая «допускает возможность рассматривать хотя бы один и тот же объективно данный конкретный источник или в качестве остатка культуры, или в качестве исторического предания» [8, с. 385–386]. Все дело в том, с каких позиций данный источник изучается, а не в различие самих источников. Если

историк изучает по данному источнику ту деятельность, продуктом которой этот источник является, то источник рассматривается как остаток, если же историк изучает по тому же источнику другую деятельность, продуктом которой данный источник не является, то по отношению к ней он будет преданием.

Важной методологической проблемой источниковедения Лаппо-Данилевский считал вопрос о способах интерпретации источников. Он выделял следующие методы интерпретации: психологический, технический, типизирующий, индивидуализирующий. Главная роль отводилась психологическому методу. Сущность данного метода Лаппо-Данилевский определял следующим образом: «Психологическое истолкование источников основано... на принципе признания чужой одушевленности: оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаруживается в данном продукте...» [8, с. 114].

Основная трудность психологической интерпретации состоит в том, чтобы переживаемое историком представление совпало с чужим, запечатленным в источнике представлением о наблюдаемом материальном образе. Достижение такого совпадения затруднено, во-первых, различиями между психикой историка и психикой автора источника, во-вторых, часто встречающейся неопределенностью значения какого-либо знака, отражающего состояние психики автора источника. Так, например, восклицание «Ах!»

может иметь различные смыслы: горе, радость, удивления, усталость и т.д. [8, с. 422].

Говоря о типизирующем методе интерпретации источников, Лаппо-Данилевский указывал на его собственно исторический характер, поскольку данный метод предполагает понимание источника в контексте той эпохи, в которой он возник, под влиянием которой сложилось его содержание.

Лаппо-Данилевский выделял два вида типизирующей интерпретации: систематическую и эволюционную. Когда речь идет о культуре как определенной системе, то применяется систематический метод, когда же имеется в виду стадия эволюции, то применяется эволюционный подход.

Индивидуализирующий метод интерпретации, по Лаппо-Данилевскому, состоит в том, чтобы раскрыть индивидуальные особенности деятельности, породившей источник. «Вообще, – писал он, – историк исходит из индивидуальных особенностей психики автора для окончательной интерпретации соответствующих особенностей его произведения, взятого в его ценности» [8, с. 495]. При помощи индивидуализирующей интерпретации историк проникает в тайники личного творчества автора, что позволяет лучше понять содержание самого источника.

Понимание индивидуальности автора можно достигнуть двумя путями: аналитическим и синтетическим. «При анализе личности автора историк может исходить или из биографиче-

ских данных о нем, или сосредоточивать свое внимание на его произведение, восходя от него к личности автора» [9, с. 498]. В первом случае историк приходит к пониманию авторского замысла через анализ его жизненного пути, во втором – через целостное восприятие произведенного автором источника. При этом сам источник можно рассматривать как факт биографии его автора. Так, например, мемуары Наполеона связаны с его пребыванием на острове Св. Елены. «Мысли» Бисмарка относятся к периоду расцвета его государственной карьеры, а «Воспоминания» – к периоду жизненного заката [8, с. 501–502].

Наконец, технический метод интерпретации, согласно Лаппо-Данилевскому, сводится к пониманию средств, которыми пользовался автор для представления своих мыслей и которые запечатлялись в форме источника. Иначе говоря, техническая интерпретация есть восхождение от формы к содержанию источника, его замысла и предназначения. Так, например, по почерку в известном смысле можно судить о характере автора.

При изложении способов технической интерпретации исторических источников Лаппо-Данилевский указал на познавательные возможности искусственного воспроизведения или моделирования формальных и содержательных сторон источника. Лаппо-Данилевский приводит пример, когда ученый-металлург Гоулэнд построил

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

первобытную плавильную печь, с помощью которой стремился понять, как в глубокой древности изготавливались бронзовые вещи. Тот же метод моделирования можно применить и для понимания письменных источников: «Надлежащее понимание свойств чужой речи и письма, в случае нужды, легче усвоить путем их искусственного воспроизведения» [6, с. 453].

Все методы интерпретации источников, применяемые в их единстве, рассматривались Лаппо-Данилевским как способы адекватного осознания прошлого. Подводя итог своего методологического анализа исторического знания и способов интерпретации источников, Лаппо-Данилевский отмечал, что историческое понятие имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет «соучаствовать в культурной жизни человечества» [8, с. 765].

Неокантианскую традицию дискурсного конструирования новой философии и методологии истории вслед за Лаппо-Данилевским в России развивали В.М. Хвостов (1868–1920) и Д.М. Петрушевский (1863–1942).

Основной труд Вениамина Михайловича Хвостова по методологии истории – «Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории. Курс лекций» – выдержал четыре издания (1910, 1914, 1919 и 2006). Он состоит из трех отделов. В первом отделе «Место истории в системе научного знания» определялся предмет исторического исследования,

выяснялось соотношение истории с другими дисциплинами, определялось ее место в классификации наук, раскрывались задачи исторического познания, а также рассматривались вопросы соотношения мышления и опыта, опыта внутреннего и внешнего субъекта и объекта, имманентной и трансцендентальной реальности. Именно в этом отделе получил свое развитие кантовский философский дискурс. В нем же содержится обзор методологии истории Риккерта, а также основных этапов эволюции мировой исторической науки.

Во втором отделе «Основные принципы исторической науки» Хвостов стремится соединить неокантианскую модель методологии истории с социологической теорией и с социальной психологией, в частности, апеллирует к методу факторного анализа, к учению о психологии масс. Автор подробно рассматривает следующие факторы исторического процесса: человеческий фактор, фактор подражания, факторы внешней природы, факторы устойчивости и изменчивости, фактор эмиграции. В фокусе внимания исследователя – проблемы исторической психологии. Автор обращается к анализу таких понятий как «дух эпохи», «социальная психика», «творческий синтез». Хвостов подчеркивает: «Каждому, кто работает в области истории, никогда не следует забывать, что мы имеем здесь дело не с физической или механической, но с психической причинностью,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

основным законом которой является известный нам закон творческого синтеза» [17, с. 337]. Согласно автору, закон творческого синтеза в применении к общественно-психической жизни порождает явление, которое называется творчеством культурных ценностей. Культурная часть человечества испытывает постоянный интерес ко всякому шагу, произведенному людьми в направлении культурного творчества. Этим объясняется интерес данной части общества к истории в целом. «История, – отмечает Хвостов, – есть наука о тех шагах, которое совершало культурное человечество на своем пути к созданию всякого рода культурных ценностей, логических, этических и эстетических» [17, с. 86].

В третьем разделе «Пределы исторического познания и метод истории» подвергаются критике онтологические теории исторического прогресса, а также отмечается методологическая противоречивость концепции прогресса И. Канта, в которой отсутствует согласование между внутренними (нравственными) и внешними (правовыми) факторами поступательного развития истории: «...С одной стороны, Кант, как моралист, являясь сторонником свободы воли и видя назначение человека в безусловном исполнении нравственного закона, полагает весь смысл человеческого существования в отдельной личности; с другой стороны, по теории Канта, как философа истории, человечество в своем развитии постоянно прогрессирует,

и конечная цель исторического прогресса состоит во введении правового порядка, свободы личности и международного мира. Такого прогресса требует чистый разум и наличность его доказывается такими историческими фактами, как идеи Французской революции ... Эти две теории не вполне согласованы между собой, так как недостаточно выяснена Кантом связь между чисто моральным самоусовершенствованием на почве свободы умопостижимой воли и бессмертия души и развитием человечества в сторону установления правового порядка, обеспечивающего только внешнюю легальность поведения членов общества» [17, с. 341].

В ходе собственных размышлений об историческом прогрессе Хвостов приходит к следующему выводу: «По моему мнению, понятие «прогресса» не может быть считаемо строго научным. Это вытекает из самого определения этого понятия: прогресс есть развитие, направленное к цели, которой мы придает положительную ценность» [17, с. 343–344]. А поскольку строго научным путем нельзя установить масштаба ценностей, к которым стремятся люди, то нельзя и доказать наличность прогресса или регресса. В этой связи лучше не прибегать к понятию прогресса вообще [17, с. 345].

В заключительной главе раздела «Исторический метод» автор раскрывает важную роль этологии как науки о характере для профессиональной подготовке

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

современного историка, указывает на необходимость использования в исторических исследованиях целого ряда вспомогательных дисциплин.

На близких к Хвостову методологических позициях стоял и другой известный отечественный теоретик истории – Дмитрий Моисеевич Петрушевский. Первоначально разделяя идеи неокантианства, Петрушевский затем перешел на позиции синтеза обобщающего и индивидуализирующего методов исторической эпистемологии. Этот синтез он обосновывал единством логического стиля, присутствующего всем наукам. В своей работе «К вопросу о логическом стиле исторической науки» Петрушевский утверждал, что «историческая наука ничем не отличается по своему логическому существу, по своему логическому стилю от всякой другой науки; она является и наукой об индивидуальном, и наукой об общем, и не может не быть наукой об общем, даже если бы и стремилась ограничить свою сферу исключительно индивидуальным» [12, с. 15].

Петрушевский считал, что логический стиль исторического исследования формируется как путем применения социологических понятий, так и обращением к конкретно-индивидуальным особенностям своего предмета. Исторический интерес сочетается, таким образом, с социологическим. «И историк хозяйства, и историк социальных отношений, и историк политического развития изучают материал или с индивиду-

ализирующей, или с генерализирующей точки зрения, имея в виду или выяснить ту или иную индивидуальную хозяйственную, социальную, политическую и т.п. историческую комбинацию, или же построить общие социологические, по существу, систематические категории, которые бы дали им возможность разрешать и свои индивидуализирующие проблемы в области истории хозяйства, социального строя или политического развития» [12, с. 20].

В качестве центральной проблемы исторической эпистемологии для Петрушевского выступала проблема соотношения исторического познания и современности. Говоря о процессе складывания исторического знания, он отмечал, что именно современность формирует в мышлении историка определенные «предвзятые» представления, с позиций которых он осознает события прошлого.

Неокантианская версия философии и методологии истории после долгого перерыва, связанного с определенными идеологическими установками советской гуманитарной науки, вновь оказалась востребованной российским научным сообществом в конце 1990-х годов – начале XXI вв. Важной вехой в привлечении внимания исследователей к творчеству российских неокантианцев стала научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского, проведенная в Санкт-Петербурге в 2003 г. [8]. Большая роль в теоретической

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

реконструкции русской неокантианской философии и методологии истории принадлежит целому ряду отечественных исследователей, среди которых, прежде всего, следует назвать Н.М. Дорошенко [4; 5], А.В. Малинова [9], С.Н. Погодина [10], О.В. Сеницына [15]. В работах современных авторов утвержда-

ется важная мысль о том, что одной из бесспорных заслуг русских неокантианцев при разработке философско-методологических проблем истории является признание возможности соединения номотетических и идиографических методов в исследовательской практике.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н.Давыдова; Предисл. П.П.Гайдено. – М.: Прогресс, 1990.
2. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики //Культурология 20 век. Антология. – М., 1995.
3. Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи. – СПб., издание Д.Е. Жуковского, 1904. – 374 с.
4. Дорошенко Н.М. Методология истории: теоретические и философские основания. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2007. – 375 с.
5. Дорошенко Н.М. А.С. Лаппо-Данилевский — основоположник российской методологии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск. I. /Отв. ред. А.В.Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2003. – С. 217–225.
6. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск. I. /Отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2003. – 415 с.
7. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть 1. Теория исторического знания: Пособие к лекциям, читан. студентам С.-Петербургского университета в 1909/10 уч. году. – СПб., 1910. – 278 с.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 2. – СПб, 1913. – 796 с.
9. Малинов А.В. Очерки по философии истории в России в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Интерсоцис, 2013. – 494 с.
10. Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. Изд-во: Искусство. – СПб., 2001. – 288 с.
11. Неусыхин А.И. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки. – В кн.: Вебер М. Избранное. – М., 1994.
12. Петрушевский Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки. Изд-во «Петроград». – Пг., 1915. – 25 с.
13. Риккерт Г. Философия жизни /Генрих Риккерт // Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. – 460 с.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

14. Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. – 354 с.

15. Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX–начале XX вв. – Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. ист. н.: специальность: 07.00.09. Казанский гос. ун-т, Казань, 2000. – 40 с.

16. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. – М., 1994.

17. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 392 с.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedenija [The elected products]. Per. s nem. Sost., obshh. Red. i poslesl. Ju.N.Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko. M., Progress, 1990.

2. Veber M. «Obektivnost'» poznaniya v oblasti social'nyh nauk i social'noj politiki ["Objectivity" of knowledge in the field of social sciences and a social policy] Kul'turologija 20 vek. Antologija. M., 1995.

3. Vindel'band V. Preljudii: Filosofskie stat'i i rechi [Preludes, philosophical articles and speeches]. SPb., izdanie D.E. Zhukovskogo, 1904. 374 p.

4. Doroshenko N.M. Metodologija istorii: teoreticheskie i filosofskie osnovanija [Methodology of a history: the theoretical and philosophical bases]. SPb., Izd-vo Politehn. Un-ta, 2007, 375 p.

5. Doroshenko N.M. A.S. Lappo-Danilevskij – osnovopolozhnik rossijskoj metodologii istorii [A.S. Lappo-Danilevsky – the founder of the Russian methodology of a history] Istoricheskaja nauka i metodologija istorii v Rossii HH veka: K 140-letiju so dnja rozhdenija akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chtenija po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vypusk. I. Otv. red. A.V.Malinov. SPb., Izdatel'stvo «Severnaja Zvezda», 2003, p. 217–225.

6. Istoricheskaja nauka i metodologija istorii v Rossii XX veka [Historical science and methodology of a history in Russia XX centuries] K 140-letiju so dnja rozhdenija akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chtenija po teorii, metodologii i filosofii istorii. Vypusk. I. Otv. red. A.V. Malinov. SPb., Izdatel'stvo «Severnaja Zvezda», 2003, 415 p.

7. Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii [Methodology of a history]. Chast' 1. Teorija istoricheskogo znaniya: Posobie k lekcijam, chitan. studentam S.-Peterburgskogo universiteta v 1909/10 uch. godu. SPb., 1910, 278 p.

8. Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii [Methodology of a history]. Vyp. 2. SPb, 1913, 796 p.

9. Malinov A.V. Oчерки по философии истории в России в 2 т. [Sketches on philosophy of a history in Russia] Vol. 1. SPb., Intersocis, 2013, 494 p.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

10. Malinov A.V., Pogodin S.N. Aleksandr Lappo-Danilevskij: istorik i filosof [Alexander Lappo-Danilevsky, the historian and the philosopher]. Izd-vo, Iskusstvo. SPB., 2001, 288 p.

11. Neusyhin A.I. Jempiricheskaja sociologija Maksa Vebera i logika istoricheskoi nauki [Empirical sociology Maks Veber and logic of a historical science]. V kn. Veber M. Izbrannoe, M., 1994.

12. Petrushevskij D.M. K voprosu o logicheskom stile istoricheskoi nauki [To a question on logic style of a historical science]. Izd-vo «Petrograd». – Pg., 1915, 25 p.

13. Rikkert G. Filosofija zhizni [Philosophy of life], Kiev: Nika-Centr, Vist-S, 1998, 460 p.

14. Rusakova O.F. Filosofija i metodologija istorii v XX veke, shkoly, problemy, idei [Philosophy and methodology of a history in XX century schools, problems, ideas], Ekaterinburg, Izd-vo UrO RAN, 2000, 354 p.

15. Sinicyn O.V. Neokantianskaja metodologija istorii i razvitie istoricheskoi mysli v Rossii v konce XIX–nachale XX vv [Neokants methodology of a history and development of historical idea in Russia in the end XIX–beginning XX vv.]. Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d. ist. n.: special'nost': 07.00.09. Kazanskij gos. un-t, Kazan', 2000, 40 p.

16. Trjol'ch Je. Istorizm i ego problemy. Logicheskaja problema filosofii istorii [Historicism and his problems. A logic problem of historical philosophy], M., 1994.

17. Hvostov V.M. Teorija istoricheskogo processa: Oчерki po filosofii i metodologii istorii. Kurs lekcij [The theory of historical process. Sketches on philosophy and methodology of a history. A rate of lectures], Izd. 4-e, stereotipnoe, M., KomKniga, 2006, 392 p.

УДК 1/14

Русаков В.М.

Проблема различения объекта и предмета права: актуальность кантинского дискурса

В докладе рассматриваются актуальные аспекты философии Канта, посвященные определению и разграничению предмета права и морали, философской и политической антропологии. В современных условиях капиталистической реставрации в России вновь актуальны рассуждения Канта о моральной автономии личности и правовом государстве, недопустимости подмены права моралью. Новые объекты права (бизнес, авторское право, государственные границы) обостряют интерес к всеобщей парадигме права. Современный либерализм, претендующий на формулирование парадигмы права, утрачивает гуманистический характер. Ряд поднятых Кантом проблем не могли быть решены, потому что отсутствовали необходимые условия и предпосылки (социальное государство, правовое государство) или они являются вечными проблемами (проблема человеческой природы, проблема зла и добра, справедливости).

Ключевые слова: философия права, антропология, политическая философия, либерализм, консерватизм, капитализм, общественный договор, естественное право, право, мораль, категорический императив, справедливость, наказание

Русаков Василий Матвеевич, Россия, Екатеринбург, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-13-66501 (2014г)

УДК 1/14

Rusakov V.M.

Kant and contemporary issues of the object and the subject of law

The report covers the relevant aspects of Kant's philosophy on the definition and delimitation of the subject of law and morality, philosophical and political anthropology. In modern conditions of capitalist restoration in Russia relevant again reasoning Kant on moral autonomy of the individual and the rule of law, the inadmissibility of substitution rights morality. New facilities law (business, copyright, state border) increase the interest of the universal paradigm of law. Modern liberalism, claiming the formulation of the paradigm of law, ceases to be humanistic in nature. A number of raised Edging problems could not be solved, because there was no necessary conditions and prerequisites (welfare state, legal state) or they are the eternal problems (the problem of human nature, the problem of good and evil, justice).

Keywords: philosophy of law, anthropology, political philosophy, liberalism, conservatism, capitalism, social contract, natural law, law, ethics, categorical imperative, justice, punishment

Rusakov Vasily Matveevich - Russia, Ekaterinburg, the professor managing faculty of philosophy and cultural science of Institute of the international communications

Work is executed at support of grant RFH № 14-13-66501 (2014r)

CDU 1/14

Rusakov V.M.

Kant y los problemas actuales del objeto del derecho

En el artículo se analiza los aspectos actuales de la filosofía de Kant, dedicados a la definición y delimitación entre el objeto del derecho y de la moral, entre antropología política y antropología filosófica. En las condiciones contemporáneas de la restauración capitalista en Rusia, vuelve a ponerse actual el discurso de Kant referido a la autonomía moral, al Estado de derecho, y a la inadmisibilidad de la sustitución del derecho por la moral. Nuevos objetos del derecho (negocio, derecho de autor, fronteras estatales) agudizan el interés al paradigma general del derecho. Algunos problemas planteados por Kant no podían ser resueltos porque habían estado ausentes de las condiciones necesarias (el Estado social, el Estado de derecho) o porque representan eternos problemas (problema de la naturaleza humana, del mal y del bien, de la justicia).

Palabras-clave: filosofía del derecho, antropología, filosofía política, liberalismo, conservadurismo, pacto social, derecho, imperativo categórico, justicia, castigo

La ponencia fue publicada con
el apoyo del № 14-13-66501
(2014r)

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Давние споры о политической принадлежности государственно-правового учения Канта (консерватизму, либерализму) имеют под собой основательную историю и теоретическую подоплеку. Надо сказать, что и сегодня эти споры остаются весьма и весьма небезынтересными. Чтобы лучше это понять, восстановим некоторые детали исторического контекста, в котором эти идеи родились.

Начать надо с парадокса гоббсовского решения дилеммы «война всех против всех» – «безопасность и порядок», который заключается в том, что решение индивидов в виде заключаемого «общественного договора» порождает так называемый «естественный закон» («предписание мира и благоразумного следования правилам справедливости, беспристрастия, скромности и милосердия»), но который теперь с неумолимостью (насильственно, неправовым способом, а не по внутреннему желанию индивида) проводится государством и принуждает его исполнять в любом случае. «В жертву этому миру (как гарантированному состоянию) логически рассуждающий благоразумный индивид должен принести не только свои «естественные страсти» (злону, ненависть, мстительность и т.д.), но и свое свободно выбранное право [8,189]. Т.е. сама государственная власть отнюдь не обязана соотноситься с «естественным законом!» Индивид предпочел «гражданское (подзаконное) состояние» – «естественному»

на основе юридической рациональности (на рационально-эгоистических основаниях), но коль скоро «гражданское состояние» достигнуто, юридическая рациональность излишня и даже вредна: индивид теперь в качестве подданного должен твердо запомнить: что закон делает не юриспруденция, а разум и приказы государства! [1,211]. Понятно, что Гоббс меньше волновали деспотические злоупотребления государственной власти по сравнению с опасностями гражданской войны и междоусобицы. «Хотя люди могут возражать, что ... неограниченная власть должна вести ко многим дурным последствиям, однако последствия отсутствия такой власти значительно хуже» [1,171]. Это и есть концепция права как воли правителя, возведенной в закон.

Понятно, какими историческими обстоятельствами были вызваны к жизни эти идеи, не сразу обнаружившие все следствия этого парадокса. Кант вполне отдает отчет в занимаемой позиции и подтверждает: «Отсюда следует, что всякое неповиновение верховной законодательной власти, всякое подстрекательство к деятельному выражению подданными неувольствия, всякое возмущение, которое переходит в бунт, составляет самое наказуемое преступление в обществе, потому что оно разрушает самые его основы. И такое запрещение абсолютно, так что, если даже эта власть или ее исполнитель, глава государства, нарушит первоначальный договор и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тем самым, по мнению подданных, утратит право быть законодателем, так как уполномочивает правительство действовать совершенно насильственно (тиранически), то все же подданному не разрешается никакое сопротивление как ответ насилием на насилие» [2,90]. Более того, он последователен в этом: «Против законодательствующего главы государства нет правомерного сопротивления народа... Малейшая попытка в этом направлении составляет государственную измену (*proditio eminentis*), и такого рода изменник может караться только смертной казнью, как за попытку погубить свое отечество» — говорит он в «Метафизике нравов» [2,242].

Но что получается в итоге? Разум и воля («наиндивидуальное существо») – государства – приобретает сверхразумный смысл: индивид теперь не имеет права своим разумом определять – что есть добро, а что есть зло, что есть норма, а что – патология. Это может делать только верховная власть (только она может признать кого-либо виновным, только она имеет право на вооруженное насилие и различные предписания). Морально-психологические следствия такого состояния не отличаются от состояния войны всех против всех: вечный страх и испуг перед произволом всемогущего государства исключают моральные добродетели. Это хорошо представляли мыслители XVIII в. [6,179] Государственная власть функционирует тем лучше, чем больше утверждена

в гражданах верноподданническая трусость, она не нуждается в «любви к отечеству», благородстве. И, наоборот, стоит только государю опустить свою карающую длань – зашатаются ее коренные устои.

Однако государственно-правовые теории XVIII в. уже опирались и на новые историко-политические реалии и достижения теоретического анализа: они выделили особую *реальность права*, отличную от реальности административно-бюрократических государственных установлений. Они ищут «противовесы» со стороны первой – для второй. Утвердить примат (и соответственно ограничивающее значение) права по отношению к возведенной в закон воле государя (Ж.-Ж. Руссо) [8,195–196].

В противовес Гоббсу, с точки зрения философии Просвещения естественное состояние не содержит в себе никакого внутреннего напряжения, которое заставляло бы людей искать наиндивидуальной государственной опеки. Руссоистский идеал такого изначального идилического состояния позднее был воспринят анархистами (П. Кропоткин) и др., которые находили естественными отнюдь не «борьбу всех против всех», но человеческую солидарность, сопереживание и сочувствие, взаимопомощь, в том числе – ссылаясь на пример живых существ в природе. Именно неравенство и неравенство собственности, имущества рождает борьбу групп и государственное принуждение,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

которое лишь для маскировки рядится в форму права. Равенство в бесправии, достигаемое в деспотизме, рождает стремление к равенству в свободе перед лицом закона. Необходимо правовое государство, в котором государственная власть лишь средство установления такого.

Но и в гоббсовом государстве и в руссоистском правовом – индивид лишь – расчетливо выбирает то, что более удобно для него, а не на всеобщих и безусловных моральных основаниях. Но будут ли индивиды следовать закону и праву, если страх, связывающий индивидов и в том и другом случае – исчезнет, или они вновь предпочтут свои «естественные» страсти и стремления? Если у Гоббса – это воля созданной теперь наиндивидуальной верховной власти, то у Руссо – наиндивидуальная воля народного собрания или «народа как собрания» [8,198]. В этом заключается идея «народного суверенитета». Некий народ выступает в роли носителя благоразумия, благоразумной рациональности. Но «воля народа», вознесенная на роль высшей инстанции, неожиданно приобретает черты того самого деспотизма, с которым она должна была бороться. Провозглашался принцип непосредственной единой и неделимой воли (суверенитета) и вытекающий отсюда принцип прямого народоправства, исключаяющий всякое политическое представительство.

Но еще Платон и Аристотель,

как известно, невысоко отзывались о морально-психологических и иных качествах «народа», а тем более толпы: добродетельных, ответственных и моральных индивидов в нем всегда меньше, чем лодырей и мошенников. Недаром Руссо вынужден был разграничить «народ» как невидимое коллективное существо, носитель коллективного разума и «народ» как наличную совокупность индивидов – главного хранителя политических и иных предрассудков, невежества и пр. Вводится различие: «Общая воля» и «воля совокупная» или «Народ» в сущности и «народ» в явлении. Как же решалось это противоречие? Через «исключительную личность» («Законодатель») – именно она первоначально способна постичь политическую разумность, присущую всему коллективному существу «народ». Вообще, фигура «Законодателя» (не нынешнего властителя, не избранника или представителя народа) весьма одиозна: он, скорее, «вождь», «наставник» народа, «пастырь» его, ибо он вряд ли может понятно объяснить народу – откуда и почему у него такая высшая мудрость, поскольку наличная совокупность народа достаточно невежественна и предрассудочна. А потому «Законодателью» разрешается выдавать свои прозрения за божественные установления и т.п., лишь бы народ воспринял это.

Чем же это отличается от ранее защищаемого Гоббсом ничем не ограниченного Властителя, носителя ничем не ограни-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ченного произвола? Кант, несомненно, продолжатель антигоббсовской трактовки общественного договора: строго правовое ограничение принуждающей государственной власти.

Кант видит порок прежнего воззрения в *антропологических* посылах Просвещения – в понимании человека как разумного эгоиста, расчетливо-осмотрительного искателя счастья и личной выгоды [8, 205-206]. Но это гоббсовский человек, с которым просветители полемизируют в философии политики. Это антропология «Левиафана»! На почве такой антропологии утвердить примат права по отношению к возведенной в закон воле верховного правителя – невозможно. Этот «человек» не знает никаких иных побудительных мотивов своего поведения, кроме своих влечений, стремления к личному индивидуальному благополучию.

Кант строит *новую антропологию*: его человек – это существо, принципиально способное стать господином самому себе и потому не нуждается во внешней опеке в своих ценностных и смысложизненных ориентациях. «Человек вообще» сам, независимо от внешнего авторитета знает, что является его долгом, имеет силу бороться за его исполнение и верит, что эта борьба может завершиться победой над всякими иными мотивами [8, 207].

Способность человека давать себе закон и без всякого внешнего принуждения бороться за осуществление этого закона Кант называет «моральной

автономией», а потому *правопорядок* есть *социальное пространство* человеческой моральности. Лишь признание за человеком его принципиальной благонамеренности его свободной воли ведет к признанию с его стороны за государством права принуждать и карать его в тех случаях, когда он предал свое морально-политическое значение и на деле в объективно регистрируемом преступном деянии обнаружил, что не является господином самому себе.

Всякому политическому соглашению индивидов, принимаемому в видах их взаимных выгод, должно по логике дела предшествовать их порознь, независимо друг от друга принятое решение жить в соответствии с *категорическим* (моральным) императивом.

Как актуально звучат выводы Канта: индивиды вступают в общественный договор не в качестве разумно-эгоистичных (опасливых стяжателей личной выгоды), а в качестве моральных существ. Справедливо замечает по этому поводу отечественный исследователь: «В определениях права, которые по сей день фигурируют в наших энциклопедиях, словарях, популярных юридических изданиях, примечательным образом отсутствует понятие свободы — самое важное для уяснения смысла правовой нормы. На передний план властно выдвигаются такие выражения, как «регулирование», «управление» и «регламентация» [7, 427].

В то же время, надо хорошо чувствовать, что он толкует: ни

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

одна существующая в обществе инстанция не вправе предписывать человеку, ради чего он должен жить, в чем ему следует видеть свое личное благо и счастье, а тем более угрозами добиваться выполнения подобных предписаний [8,210]. Он снова и снова заклинает: «Правление отеческое, при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно... такое правление есть величайший деспотизм» [2,79]. Он считал, что народ никогда не может рассматриваться государственной властью, правителями как неподготовленный к освободительным акциям государства [3,133]/

Но спросим себя: является ли человек в полном смысле моральным, т.е. «господином» своих страстей и влечений? Нет, говорит Кант. Иначе люди были бы святыми. Моральный индивид находится в состоянии постоянной борьбы с противоречащими моральному императиву влечениями и страстями. Индивид, потерпевший поражение в этой борьбе подвергается правомерному принуждению только за причиненный фактический ущерб другому человеку, свое же поражение он несет в своей совести и никогда не должны наказываться обществом в качестве внутреннего морального акта (греха, раскаяния и искупления).

Право на внутреннюю свободу – нельзя навязывать ему представления о его счастье, судить

его за зло, которое он причиняет себе сам (религиозные суды за преступление против своей бессмертной души). Кант считает, что заботой внешней карающей власти должны быть не пороки, а только преступные деяния индивидов, только зло, причиняемое другому человеку, т.е. конфликты, объективно регистрируемые. И не дело внешней власти каким-либо образом «гармонизировать» их отношения, не в урезонивании, умиротворении, а силой поделить то, что сами индивиды не смогли поделить миром. («Исключить войну, воздав каждому свое»).

Но что «свое»? Только то, «чего он достиг благодаря своему таланту, прилежанию и удаче» [2,81]. Что, однако, противоречиво: привести собственность в согласие с личной заслугой – должно быть первоочередной задачей принуждающей власти. Но ведь это и есть так ненавистная Канту «отеческая забота» государства о благополучии подданных. И это был еще один пункт, с которым послекантовской теоретической мысли пришлось разбираться.

Справедливость – для него центральная категория. Правительственная «мудрость» вовсе не является чьей-то особой привилегией, норма, которой обязан следовать правитель, чиновник, судья – она а priori известна всем. Нам слишком хорошо известна сегодня «приватизация» истины в последней инстанции: всевозможная «высшая» государственная таинственность и «сакральное» знание, на поверку оказывающиеся либо трюиз-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мами, либо элементарным сокрытием некомпетентности в вопросах государственного управления.

Справедливость может содействовать прогрессу, если она становится выше любых устремлений и отправляется властью как ее первейший моральный долг. Не во власти правителей творить хозяйственный социальный или культурный прогресс. Правовой порядок выгоден обществу, но эта выгода не может быть естественной мерой самого права. Нельзя подчинять справедливость общему или общественному благу. Нельзя сводить правовую справедливость к целесообразности и тем более – «полезности»: ни одна затеваемая правительством реформа не будет иметь успеха, если прежде того не будет реализована правовая справедливость.

Интересно представление Канта о наказании, вытекающее из его концепции прав: не может быть исправительных, воспитывающих наказаний, не может быть и устрашения – т.е. наказывать «чтоб другим неповадно было» – тогда наказание носит превентивный характер, т.к. наказываются другие люди, не совершившие еще никакого преступления.

Преступление должно рассматриваться внешней принуждающей властью как отношение виновника и потерпевшего, отношение конфликтное, возмездное отмщение ущерба. Между преступлением и наказанием не должно быть никакого морального компонента, ре-

флексии (категорическое исключение презумпции виновности, моральных подозрений, превентивной репрессии).

Однако особую трудность для правовой оценки поведения индивидов представляет для Канта феномен убежденно злой свободной воли, когда преступление совершается не по слабости характера, не под давлением спонтанной склонности или неодолимых внешних обстоятельств, а как бы из принципа человеконенавистничества. Пессимизмом веет от его вывода: «Стало быть, основание злого находится не в каком-либо объекте, который определяет произвол через склонность, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, которое произвол устанавливает себе для применения своей свободы, т. е. в некоторой максиме. Итак, если мы говорим: человек по природе добр или он по природе зол, то это значит только то, что он имеет в себе (непостижимое для нас) первое основание признания добрых или признания злых побуждений» [2,31].

Заметим, что и сегодня человечество не слишком приблизилось к ответу на этот вопрос.

Как видно, проблемы, над решением которых билась мысль И.Канта, остаются злободневными: это различие предмета права и морали, поскольку на практике в правовое регулирование вновь затаскиваются моральные предметы – «чувства верующих», «любовь к родине», «уважение к начальству», «политические убежде-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ния» (например, «историческая память»).

Возникновение все новых и новых объектов права, точнее, введение их (предпринимательство; государственные границы в воздухе, космосе, морском шельфе, авторство; детство; половая и гендерная самоидентификация; коррупция, обращение с животными и т.п.) – при расплывчатом представлении о предмете права неизбежно приводят к расшатыванию его системы, к выхолащиванию его сути, к злоупотреблениям и в конце – правовому нигилизму. С каждым новым объектом права при расплывчатости исходных принципов права наиболее часто происходит безосновательное расширение права за счет принципов, не принадлежащих ему (религиозных, моральных, эстетических, эзотерических), обозначая на деле одно: требование исполнительной властью все новых регуляторов от законодателя и послушное бездумное умножение им псевдоноваций под соусом введения в правовое поле все новых объектов.

Учтем, что «Кант хорошо представлял и может быть лишь однажды в истории политической мысли реализовала основные принципы радикального либерализма [8,185], который «почил в Бозе».

На смену ему давно пришел современный либерализм «рыночных фундаменталистов», на деле во всем мире отстаивающий не «моральную автономность личности», а интересы транснационального капитала.

С точки зрения такого либерализма кантовская морально-правовая антропология – сущий нонсенс: человек, его свобода и самоценность выступают какким-то анахронизмом в мире дутого финансового капитала, анонимных биржевых спекуляций, «саморегулирования невидимой рукой рынка». Вопреки тому, что сегодня в мировой экономической науке выстрадано представление о роли «человеческого капитала», «инвестиций в человека», – такой «рыночный фундаментализм» преподносит себя как единственно верное, «вечно живое и всепобеждающее» учение.

Право в руках этих сил превратилось в орудие плохо замаскированного уничтожения человеческого в человеке: «демос» целенаправленно и планомерно при помощи псевдоправовых игрищ с избирательным правом превращают в «охлос»; производится систематическая проповедь ужесточения судебной-карательной системы; создание правового вакуума (или, по крайней мере, – правовых лакун) в отношении носителей государственной власти, которые под различными предложениями, а то и «просто так» выводятся из-под действия права; «приватизация» права в виде наследственного или неподотчетного и несменяемого депутатства.

«Не прошло и года с момента созыва Генеральных штатов, как революция заставила вспомнить тревожные предупреждения Руссо о возможности отчуждения, заключенной в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

любом представительстве. В конце 1789 года Национальное собрание отменило все «священные инструкции» (наказы) и право отозвания депутатов избирателями. Депутатский корпус отторг себя от уполномочившей его нации. Началось правление «именем народа, ради народа, но без народа», напоминает нам исторические аналогии Э.Соловьев [7,428]. Российский законодатель проделал тот же путь, убрав право народа на референдум, на ходу меняя избирательный закон (сроки, порог явки, свободу объединений, равное право на свободу использования СМИ, порог прохождения в парламент, порядок выдвижения и регистрации кандидатов и т.п.).

Конечно, кантовское понимание права несет на себе черты исторической ограниченности: многое из того, что казалось ему самоочевидно ясным – увы, как показало дальнейшее развитие политико-правовой реальности, оказалось далеко не таковым: уже отмеченный выше феномен «злой воли». Дело в том, что Кант никак не объясняет ее, в его концепции просветительского юридического гуманизма нет необходимых теоретических средств. Ведь с его точки зрения человек «по природе своей» морально автономен (свободен). Но XX век показал жуткую реальность индустриального культивирования «злой свободной воли», возведения ее в ранг антропологической нормы. И это не обязательно связано с тоталитарными расистскими, националистическими режимами – «рыночный

фундаментализм» вполне дает цветные упаковки различных вариантов вытравливания человеческих смысложизненных ориентаций: «эффективные менеджеры» в науке, медицине, образовании, управлении, экономике, международных отношениях. Сегодня самая «эффективная» предпринимательская деятельность – наркотоорговля, проституция, торговля оружием, убийства (теракты, локальные агрессивные «уроки демократии»). Формальная «свободная воля», сидящая в самой сердцевине современного либерально-охранительского режима не имеет объяснения зла в рамках чисто антропологического подхода (да и что он может сказать: такова «природа» человека?).

Кант категорически разводит мораль и право, необходимость принудительной государственной власти не может и не должна связываться ни с какими заботами об обеспечении счастья индивидов: это всецело является их собственным личным делом, делом их личного свободного выбора и таланта. Понятно, что Кант стремится пресечь тем самым попытки «принудительного осчастливливания» людей государством. Но не зря в конце XIX в. появляются вначале практики, а затем и терии «социального государства», – которое берет на себя бремя не только обеспечения неких минимально необходимых уровней социально-экономического и культурного благосостояния людей, но и самой социальной справедливости. Кант печется, прежде всего,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

об уничтожении пороков «отеческого правления», реализации «правового государства», но оно должно быть социальным.

Кант порицает юридические привилегии, проистекающие из обладания собственностью, но признает объектом частного права не только вещи и отношения людей, но и самого человека, что приводит к оправданию закрепленной в законе власти мужа над женой, господина над слугой.

Кант непоследователен в толковании суверенитета народа: «Каково бы ни было происхождение верховной власти, предшествовал ли ей договор о подчинении или же власть явилась сначала, а затем уже установился закон, – для народа, который находится под владычеством гражданского закона, все это бесцельные и угрожающие опасностью государству рассуждения» – таким образом, «моральная автономия личности» сильно урезается до границ самосознания – наслаждайся тем, что ты высонравственное автономное существо, с которым никто не имеет права обращаться как с неразумным малолетним дитем. «Гражданин государства и притом с позволения самого государя, должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к обществу» [2,95]. Кант, фактически, оправдывает форму сопротивления индивида неправоу власти лишь как «фигу в

кармане»: «Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы было ее происхождение». Он оспаривает право народа на восстание, право наказывать главу государства, если даже тот нарушает свой долг перед страной [2,255]. Он лишь допускает внешнее повиновение при внутреннем неучастии – отношение к неправоу деспотической власти [2, 317., 95-96, 245, 99. 255].

С этой точки зрения уже европейский анархизм (и особенно – русский, П.А. Кропоткин) глубоко понимал необходимость, но недостаточность «моральной автономии» личности только в свободе. Потому что не только важно понять, с чем мы имеем дело: «свобода от» или «свобода для», но и в чем коренятся причины человеческой свободы/несвободы. И здесь бесценным является опыт марксистского анализа (против которого «ополчились все силы старого мира» – только теперь куда как более мощные в сравнении с меттернихами и бисмарками! Как известно, К. Маркс считал философию Канта «немецкой теорией французской революции» [5,88] и только он оказался способен объяснить необъяснимое для Канта упорство деспотизма в его нежелании ничего реально реформировать, даже перед лицом неминуемой гибели.

Однако вряд ли все дело в том, что нынешней нашей юриспруденции было бы весьма полезно переосмысление парадигмы права и законности

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

с учетом уроков исторического развития правовой мысли: дело, скорее, в «параличе воли» (либерально-охранительная идеология и политика парализовала власть, себя, а также российский демос, который робко сопротивляется превращению его в охлос).

История развития России в конце XX в. продемонстрировала, казалось бы, невероятный кульбит – попытавшись вернуться минимум на сто лет назад к тем давним развилкам исторического процесса в отчаянной надежде то ли понять – куда девалась та «Россия, которую мы потеряли», то ли ответить другому современному вопрошателю – («как это все случилось?»), то ли вовсе утвердительно ответить на жутковатый вопрос нашего великого соотечественника П.Я. Чаадаева [9]. В течение последней четверти века правящий класс предпринял столь решительную попытку капиталистической реставрации, «отпрыгнув» куда-то во времена «дикого» капитализма, попытавшись столь решительно вытравить весь советский период отечественной истории, что только

циничное уродование истории XX века сегодняшним западным истэблшментом и внезапно вдруг вновь заплодоносившее «коричневое чрево» в Украине невольно заставляет отшатнуться и задуматься о смысле подобных исторических кульбитов.

Поэтому социально-политическое развитие современной России способно внезапно актуализировать кантианский дискурс, проблемы, которые совсем недавно – если и не считались окончательно сданными в архив, то все же не рассматривались как злободневные, а, скорее – принадлежащими историко-философскому процессу. Но в этой логике даже, казалось бы, чисто историко-философские проблемы обнаруживают необыкновенную остроту.

Например, кто бы в США от 4 July – Independence Day, а во Франции – от 14 июля отрекся под столь же диким предлогом, под которым попытались вытравить из исторической памяти российского общества день 7 ноября, заменив его «днем изгнания поляков из кремля»? Подобные примеры можно было бы умножать.

Библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан. – М., 1936.
2. Кант И. Метафизика нравов. – Соч. в 6 тт. – Т.4, ч.2.
3. Кант И. Религия в пределах только разума / Трактаты и письма. – М., 1980.
4. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе. – Соч. – Т. 4(2).
5. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 1.
6. Монтескье Ш. О духе законов. – М. 1954.
7. Соловьев Э.Ю. Личность и право.
8. Философия Канта и современность. – М., 1974.
9. Чаадаев П.Я. Философические письма. Первое письмо. // П.Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранных писем. Т.1-2. – М., 1991.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. Gobbs T. Leviatan [Leviatan], M., 1936.
2. Kant I. Metafizika npravov [Metaphysics of customs]. Soch. v 6 tt. Vol. 4, ch. 2.
3. Kant I. Religija v predelah tol'ko razuma [Religion in limits only reason]. Traktaty i pis'ma, M., 1980.
4. Kant I. Ob iznachal'no zlom v chelovecheskoj prirode [About initially angry in a human nature]. Soch. Vol. 4(2).
5. Marks K., Jengel's F. Soch. Vol. 1.
6. Montesk'e Sh. O duhe zakonov [About spirit of laws], M., 1954.
7. Solov'ev Je.Ju. Lichnost' i pravo [The person and the right].
8. Filosofija Kanta i sovremennost' [Philosophy of the Kant and the modernity], M., 1974.
9. Chaadaev P.Ja. Filosoficheskie pis'ma. Pervoe pis'mo [Philosophical letters. The first letter], P.Ja. Chaadaev. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannyh pisem. Vol. 1–2, M., 1991.

Трансцендентальный идеализм в условиях постсовременности: к проблеме актуальности кантианской философии

В докладе рассматривается трансцендентально-этическая концепция немецкого мыслителя И. Канта и проблема ее понимания современным человеком. Актуальность статьи определяется тем, философия Канта обладает загадочной парадоксальностью. С одной стороны, в рамках программных вузовских курсов по философии она зачастую оказывается не вполне понятна современному молодому поколению, что происходит не только из-за обилия специальных терминов, используемых философом, но и из-за неспособности выразить кантианскую философию («языком современности»). Но с другой стороны, как свидетельствуют современные медийные ресурсы, неподдельный и устойчивый интерес к идеям великого философа продолжает сохраняться на протяжении многих веков на самых разных уровнях культурного пространства и в самых различных формах социальных практик. Исходя из установки прояснения этой парадоксальности, в статье ставится цель выстроить аргументацию взаимосвязи кантианских идей с современностью. Задачами статьи, таким образом, являются последовательное изложение ключевых идей и установок кантианского трансцендентализма, таких как «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас» (ноумен и феномен), понятие «гносеологического дуализма», кантианский агностицизм, понимание сущности «априорных структур», а также понятие категорического императива. В докладе выстраивается обоснование обозначенных идей и установок философа в формате их «осовремененного» прочтения, с привлечением иллюстративного материала, характеризующего резонанс кантианской философии в современном культурном пространстве. На основе осуществленного анализа делается ряд последовательных выводов о некоем образующемся новом когитальном поле кантианских идей и установок в «системе координат» современных реалий. В заключении на основе осуществленного развернутого обоснования в докладе делается вывод о том, что в пространстве (пост-)современности, ключевыми характеристиками которой являются «смерть Бога», «смерть Автора» и «смерть субъекта», когда человек вынужден искать способы и возможности обретения/восстановления глубинных экзистенциальных оснований, философия И. Канта не может утратить своей актуальности.

Ключевые слова: этика, феномен, ноумен, категорический императив, трансцендентальный субъект, смерть субъекта, телоцентризм

Гредновская Елена Васильевна,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, заведующая кафедрой философии,
E-mail: nebytiya_net@mail.ru

Дыдров Артур Александрович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, доцент,
E-mail: zenonstolk@mail.ru

UDC 141.13 + 101.2

Grednovskaya E.V., Dydrov A.A.

Transcendental idealism in terms of postmodernity: the issue of the relevance of Kantian philosophy

This report is about the transcendental ethical concept by the German philosopher Immanuel Kant and the problem of its understanding in modernity. Relevance of the manuscript – Kant's philosophy has mysterious paradox. On the one side, in the program of philosophical courses in university, Kant's philosophy is often not well understood by today's young generation, which is not only due to the abundance of technical terms, which were the philosopher used, but also because of the inability to express the Kant's philosophy in "the language of our time". But on the other side, as evidenced by the modern media resources, genuine and sustained interest in the ideas of the great philosopher continues to persist for many centuries at various levels and cultural space in various forms of social practices. Based on the installation clarify this paradoxical, the aim of the manuscript is to build a relation between the ideas of I. Kant and modernity. The objectives of the article, thus, are consistent presentation of key ideas and attitudes to Kant's transcendentalism, such as the "thing-in-itself" and "thing-for-us" (noumenon and phenomenon), the concept of "epistemological dualism", Kant's agnosticism, understanding of the essence "a priori structures", as well as the concept of the categorical imperative. The manuscript builds study, which identify the ideas and attitudes of the philosopher in the format of "modernized" reading, the assistance of illustrations, which characterize the response of the Kant's philosophy in the contemporary cultural space. The basis of this analysis carried out a number of inferences, which were made about a certain field of the formed new appropriate Kant's ideas and attitudes in the "frame of reference" of contemporary realities. In conclusion, this report, based on the implementation of full-scale study, concludes that in the (post-)modernity, the key features of today are the "death of God", "death of the author" and the "death of the subject", when a person is forced to look for ways and means of gaining / recovery of deep existential reason. In this context the philosophy of I. Kant can not lose its relevance.

Keywords: ethics, phenomenon, noumenon, the categorical imperative, the transcendental subject, the subject of death, physicality in the center

Grednovskaya Elena Vasilievna,
Russia, South Ural state university,
managing faculty of philosophy, E
-mail: nebytiya_net@mail.ru

Dydrov Arthur Alexandrovich,
Russia, South Ural state university,
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Философия И. Канта является образцом строгости и наукообразности мысли Просвещения. «Трансцендентальный идеализм» – именно так маркируется кантианская философия – понятен далеко не всякому человеку, знакомящемуся с трудами кенигсбергского философа, а тем более современному человеку, знающему о философии И. Канта из преподавательских лекций. И. Кант ввел в оборот понятия трансцендентального субъекта, гипотетического и категорического императивов, антиномий чистого разума, априорного и апостериорного знания и многие другие, малопонятные современному клиенту образовательного учреждения. Однако Кант как знаковая фигура философии XVIII-XIX столетий не забыт до сих пор.

Многие помнят, вышедший в начале 80-х в советской России культовый шедевр «Москва слезам не верит», где герой некогда известный, но спившийся хоккеист, предстает перед зрителем в питейном заведении, пропитанном запахом «Жигулевского» пива, дымом дешевого табака, гулом пьяных голосов. И в этом контексте вязкой фактуры звучит полупьяный голос: «Категорический императив Канта гласит: "поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать законом всеобщего законодательства"». В данной ситуации – очевидная ирония авторов фильмов над «философическим» безграничным ресурсом опьяненного сознания. Но это верно лишь отчасти, ведь в этом контексте

не звучат имена и цитаты Аристотеля, Макиавелли, Ницше.

В продолжение темы кинематографа, раздвигающей географические границы влияния Канта на современность, следует привести еще один пример – французскую ленту «Последние дни Иммануила Канта» (реж. Ф. Коллин, 1994). Фильм снят в черно-белом формате и квазидокументалистской манере. В данный контекст органично вписывается высказывание М.К. Мамардашвили: «Если жив Кант, если мысленно я держу Канта живым, то жив и я...» [7]. Главный герой фильма ведет обычную жизнь. В мире своей повседневности он пьет кофе, общается с друзьями, идет по тропе со своей всем известной пунктуальностью кенигсбергского мыслителя. И в завершении он уходит («навсегда»), совпадая лишь на короткое время с собственным памятником, совершив переход из мира феноменов в ноуменальное измерение. Почему же опять Кант, а, например, не Декарт, не Беркли и не Руссо?

Двухтысячные годы также не остались в стороне от «кантовской загадки». В сентябре 2013 года в интернете появилась новость, оставшаяся не прокомментированной официальными лицами: в Ростове-на-Дону двое молодых людей устроили в баре перестрелку из травматического оружия, где причиной размолвки приятелей оказалось, по их признанию, расхождение в понимании идей Канта...

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Исходя из многолетнего опыта преподавания курса философии, в рамках которого обсуждение идей Иммануила Канта является соответствующим программой министерства образования РФ, можно выразить некоторые предположения, проливающие свет на причину популярности немецкого мыслителя.

Онтология Канта тесно связана с гносеологической проблематикой. Бытие «разворачивается» по направлению к мыслящему и познающему разуму, к трансцендентальному субъекту, двумя планами – как «вещь-в-себе» и как «вещь-для-нас», как ноумен и как феномен. По выражению Т. Маккенны, учение И. Канта призвано было решить «феноменально-ноуменальную» проблематику [10, с. 183]. Это традиционно именуют «гносеологическим дуализмом» (А. В. Гулыга [3], Л. А. Калинин [4], К. Н. Любутин [6] и др.). М. Фридман маркировал философию И. Канта как «проект трансцендентальной философии» [11, с. 72].

При первом знакомстве с курсом философии терминология, разумеется, вызывает определенные трудности у студентов нефилософских специальностей. Понятие «гносеологического дуализма» могло бы быть совершенно неясным, если бы не аргументация самого Канта, отпечатывающаяся в сознании современного студента.

«Вещь-в-себе» (или: «вещь-сама-по-себе», ноумен), – это то, утверждал философ, к чему ты еще не прикоснулся чувствами, ощущениями, что нахо-

дится за пределами нашего чувственного и осознаваемого восприятия (апперцепции). «Вещь-для-нас» – уже то, что предстало в нашем мышлении (в виде образа, представления, понятия). Но обе эти «вещи» двигаясь к познающему субъекту казалось бы из одного источника, тем не менее есть расходящиеся лучи «гносеологического дуализма», в оптический обман которого и попадает всякий, добровольно, или принудительно начинающий познавать и окружающий мир, и себя самого.

Приведем еще один пример, использование которого может принципиально изменить ситуацию непонимания, кризиса коммуникации. Современным студентам, как и многим жителям XXI в., знаком бесценный опыт первого виртуального «знакомства с собой»: достаточно включить видео или аудиозапись, где субъект видит или слышит «другого себя» – чуждого и чужого. То, что оказалось схваченным объективом – это и есть «вещь-для нас», это то, что явилось, предстало, сконструировалось. Но в тайниках непознаваемой сущности, остается неприкосновенной человеческая подлинность, непостижимость «вещи-в-себе». Кантианский агностицизм – одна из установок, с которой приходится мириться. Современному человеку больше не нужны специальные комментарии, он это знает на своем опыте. Субъект хочет познавать мир, хочет познавать себя, но обязательно попадает в ловушку «двойного стандарта», в котором ему до-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ступен лишь отблеск «вещи-в-себе», в то время как «вещь-для-нас», явление, поверхность – то, чем человеку приходится довольствоваться.

Согласно постструктуралистскому дискурсу, мир можно уподобить «пестрому лоскутному одеялу», а человека («умершего» субъекта, по выражению М. Фуко) своего рода бриколажу. Человек, по выражению В.Ю. Сухачева, «заперт» в зеркала [8, с. 21] Органы чувств «собирают» этот мир и вещи этого мира по кусочкам, по фрагментам в гигантскую мозаику, размещенную в нашем сознании. И уже никто сейчас не сомневается, что и наши органы чувств также «собирают» мир и вещи, стягивая их по кусочкам в виртуальное пространство нашего мышления: глаза «поставляют» цвет и форму, слух – звуки и т.д. И если субъект попытается отобразить в сознании «вещь-в-себе», пребывающую за пределами юрисдикции разума, то он сможет это сделать, лишь «разобрав» ее на части. Вещь ускользает и не дается сразу целиком. Однако вещь, согласно Канту, собирается в сознании, при активном участии и посредством априорных структур.

И понимание сущности «априорных структур» современному студенту было бы не доступно, если бы не уже состоявшееся овнешнение пространства виртуальной реальности человеческого сознания, если бы не «манифестация мысли», визуализировавшаяся в «новой парадигме чувствительности», по выражению Ж. Бод-

рийяра, «человека виртуального» [1, с. 76], в инструментально-аппаратных средствах, гиперреальных изображениях. Ведь все это теперь очевидно свидетельствует об одном: мир может быть сконструирован, смоделирован, виртуализирован, воспроизведен в своей симулятивности «третьего порядка» [2, с. 9–10], где априорные структуры, точно пауки, неутомимо и непрестанно ткут полотно «реальности» вещей, представляющих «исключительно для нас». Но при этом согласно Канту, нет никакой гарантии, что априорные структуры наверняка позволяют человеку новую «целостность вещи», «собранную» в мышлении в точном соответствии с действительностью. Нет инструкции по сборке. Нет списка комплектующих. Нет описания комплектации. Нет гарантии доставки.

В таком случае, если критериев «подлинной сборки» вещи не существует, если нет никакого плана и инструкции, а воссоздающаяся в нашем мышлении вещь лишь «одна из», то не является ли это условием свободы конструирования множества реальностей? По крайней мере, на это указывает постмодернистская парадигма. Но, кроме того, ведь и сам Кант полагал, что не нужно искать того, что эмпирически принципиально не подтверждаемо. Не вполне ли достаточно для нас в таком случае только лишь идеи целостности вещи, как, например, идеи Бога, для того, чтобы понять мир и себя, без необходимости подтверждать его существование?

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Этика Канта фундирована мыслью о том, что человеку еще только нужно стать человеком, что без некоторых специальных усилий в этом направлении животная природа человека не сможет быть преодолена. Но помимо априорных структур в глубинах разума человека есть еще одна неутомимость и непрерывность – категорический императив. И согласно Канту, принципиально важно преодоление животного начала в человеке, важна даже попытка преодоления. Ярым противником категорического императива Канта был мыслитель-иррационалист Ф. Ницше. «Разве не чувствуется категорический императив Канта, как опасный для жизни!» – писал Ницше в «Антихристе» [8]. И еще: «Что действует разрушительнее того, если заставить человека работать, думать, чувствовать без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без удовольствия? Как автомат "долга"? Это как раз рецепт *decadence*, даже идиотизма... Кант сделался идиотом...» [8]. Грубость Ницше, выраженная оскорблением, очевидно, сразу приковывает к себе внимание. Однако автор «Антихриста» «заковал» кантовское понятие о долге в кавычки, указывая, по крайней мере, на бессосновность этого понятия. Ното *moralis* в ницшеанском дискурсе уподобляется механизму, машине, скованной алгоритмом, а человек здесь – тюремщик, лишивший свободы самого себя.

Идея о преодолении животного начала в человеке, возможно, оказалась бы еще дальше от ценностного мира современной молодежи, чем это могло бы показаться на первый взгляд, если бы не вездесущий «телоцентризм» эпохи постмодерна. С одной стороны, культура сама «позволяет» человеку репрезентировать себя, прежде всего, через тело, заманивая возможностью свободы и освобождения именно через обретение власти над ним, игрой с ним. С другой стороны, уже очевиден и на деле понятен экзистенциальный тупик, порожденный этим приглашением, ибо в телесно-природном обрести свободу невозможно, «свобода» – категория внеприродная, а, стало быть, и внетелесная.

В работе «Метафизика нравов» И. Кант писал об этике долга, «которая одновременно есть цель» [5, с. 122–123], что, собственно говоря, и дает определяет возможность, этический ресурс и личностную автономию для преобразования своей «животной природы» в природу человеческую. В общее поле аргументации Кант включает тему самоубийства. Несмотря на определенную терминологическую, а в некоторых аспектах и содержательную, архаичность разворачиваемого обоснования (например, в отношении, так называемого «частичного самоубийства» и т.п.), логика запрета на «лишение себя жизни» неожиданным образом оказывается удивительно свежей, животрепещуще-современной и безоговорочно ясной.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Кант говорит: недопустимо «накладывать на себя руки» из эгоистических побуждений, где под эгоизмом он, понятное дело, понимает, игнорирование «интересов всего человечества» в своем поступке, в «максиме своей воли», ведь это не может стать всеобщим законодательством! Ведь это не может быть примером для всего человечества!

И, кроме того, если недопустимо относиться «к человеку как к средству», но можно и нужно относиться к нему «только как к цели», а человек, убивающий себя, тем самым желает прекратить свои страдания, следовательно в этом акте он относится к «человеческому существу в своем лице» как средству – средству устранения имеющихся страданий. А цель, зарезервированная в нем ресурсом всего Человечества, которая одновременно еще и есть долг, «твой собственный долг перед самим собой», оказывается нереализованной. «Стремление к самосовершенствованию и счастье другого», – вот что находится по ту сторону отношения к человеку как средству, как к вещи, как к чему-то, чем субъект якобы имеет право распоряжаться [5, с. 318–319].

Парадоксально, но именно потребительское отношение к реальности, и делает, на наш взгляд, понятной современному человеку эту непростую кантовскую мысль. Именно готовность выгодно продать свое тело, образ, интеллект на современном рынке труда и в состязании амбиций, делают абсолютно про-

зрачной кантовскую идею об «отношении к себе как средству». Но если современный человек проглотит ее, то он проглотит и кантовскую пилюлю внутри: не относись к себе так! Ты не имеешь права, ведь в тебе – все человечество.

В завершении следует обратить внимание и на самое современное положение дел. В Интернете в 2015 году вновь появились фотографии и сообщения, связанные с именем Канта. Так, очередное медийное сообщение гласит: «В Калининградской области, на стене дома, где Кант проживал, работая домашним учителем, появилась оскорбительная надпись "Кант – лох"». Ну и далее – серия публикаций, широкий резонанс возмущений, поисков вандалов, раскаянье найденной виновницы... Однако в этой истории любопытно то, что широко озвученный «вандализм» в отношении великого философа по сути своей оказался не оскорблением, а бессознательным объяснением в любви (возможно, самой абстрактной и самой что ни на есть общечеловеческой), ну или, как минимум, выражением сострадания, ибо разговорно-сниженное понятие «лох», обозначает всего лишь «наивный, доверчивый человек», а надпись на стене дома сопровождается сердечком с цветком, что на языке граффити вообще является знаками любви и толерантности.

В философских кругах, как уже было отмечено ранее, хорошо известно об отрицательном отношении Ф. Ницше к

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

сформулированному Кантом нравственному закону. Философ-иррационалист протестовал против сковывания человечества узами морали, уравнивающей людей в правах и возможностях. Однако, судя по всему, именно в XXI в., в эпоху «смерти Бога», «смерти Автора» и «смерти субъекта», в эпоху

«отмены» всех оснований и крушения логоцентризма, когда человек постсовременности мучительно ищет способы и возможности реставрировать свой фундамент, восстановить основания и структуры, философия И. Канта не утратит своей актуальности.

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Гулыга, А.В. Немецкая классическая философия / А.В. Гулыга. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
4. Калинин, Л.А. На краю романтизма или за его пределами? Э.Т.А. Гофман и природа искусства в эстетике Канта // Кантовский сборник. 2011. – № 2. – С. 38–51.
5. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 тт. Т.4 / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – С. 107–438.
6. Любутин, К.Н. Философия Канта: проблема трансцендентального субъекта / URL.: <http://kant-online.ru/>.
7. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция / URL.: <http://www.mamardashvili.com/archive/interviews/continuity.html>.
8. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству / URL.: <http://nietzsche.ru/works/main-works/antihrist/>.
9. Сухачев, В.Ю. Страсти по Декарту: между метафизикой cogito и телесной практикой // Вестник Псковского вольного университета. – Т.2. – №4. – С.18-29.
10. McKenna, T. Kantianism and the judgement of beauty in light of the problem of true totality and its basis in the forms and structures of social existence // Critique. – 2014. – №42(2). – pp. 183–195.
11. Friedman, M. Philosophy of natural science in idealism and neo-Kantianism // The Impact of Idealism: The Legacy of Post-Kantian German Thought. – 2011. – pp. 72–104.

References

1. Bodrijjar Zh. Prozrachnost' zla [Transparency of evil], M., Dobrosvet, 2000, 258 p.
2. Bodrijjar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic exchange and death], M., Dobrosvet, 2000, 387 p.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

3. Gulyga, A.V. Nemeckaja klassičeskaja filosofija [Germany classic philosophy], M., Rol'f, 2001, 416 p.
4. Kalinnikov L.A. Na kraju romantizma ili za ego predelami? [At the edge of romanticism or outside?] Je.T.A. Gofman i priroda iskusstva v jestetike Kanta. Kantovskij sbornik, 2011, № 2, p. 38–51.
5. Kant I. Metafizika npravov [Metaphysics of morals] Sochinenija v 6 tt. Vol. 4, M., Mysl', 1965, p. 107–438.
6. Ljubutin K.N. Filosofija Kanta: problema transcendental'nogo subekta [Kant's philosophy: problem of the transcendental subject]. URL <http://kant-online.ru/> (accessed 15.10.2015).
7. Mamardashvili M.K. Ideja preemstvennosti i filosofskaja tradicija [The idea of continuity and philosophical tradition]. URL <http://www.mamardashvili.com/archive/interviews/continuity.html> (accessed 15.10.2015).
8. Nicshe F. Antihrist. Prokljatie hristianstvu [Antichrist. Curse of Christianity]. URL. <http://nietzsche.ru/works/main-works/antihrist/> (accessed 15.10.2015).
9. Suhachev V.Ju. Strasti po Dekartu: mezhdju metafizikoj cogito i telesnoj praktikoj [Passion according to Descartes: cogito between metaphysics and bodily practices]. Vestnik Pskovskogo vol'nogo universiteta, p. 2, № 4, 18–29 p.
10. McKenna T. Kantianism and the judgement of beauty in light of the problem of true totality and its basis in the forms and structures of social existence. Critique. 2014. № 42 (2), p. 183–195.
11. Friedman M. Philosophy of natural science in idealism and neo-Kantianism. The Impact of Idealism: The Legacy of Post-Kantian German Thought, 2011, p. 72–104.

УДК 128 + 129

Вишев И.В.

Центральная мировоззренческая проблема смерти и бессмертия человека в контексте философского учения И. Канта

Проблема смерти и бессмертия человека — центральная в любом мировоззрении, в том числе и прежде всего в философском. Её решение предложил и Иммануил Кант под углом зрения таких особенностей своей философии, кратко рассмотренных в начале статьи, как агностицизм в специфической форме учения о «вещах в себе», о которых мы можем только знать, что они существуют и аффицируют органы чувств; априоризм, учение об антиномиях разума, трансцендентальном и трансцендентном познании, категорическом императиве, признание дуализма души и тела, понимание философии как здоровья души и др., сложившихся и проявившихся в докритический и критический периоды его творческой эволюции. В статье рассмотрен также довод Канта, направленный против теологических доказательств бессмертия души, согласно которому никому из людей смерть не может быть известна, поскольку для этого необходима жизнь, реальный опыт. Проведено сравнение кантовского восприятия и оценки смерти как возможно мягкого ощущения освобождения от страданий и аналогичных взглядов Ламетри и Циолковского, призванных освободить людей от страха смерти и облегчить им утрату жизни. Особое внимание обращено на то, что Кант, в итоге, тоже признает вечную жизнь человека после смерти, но только с моральной точки зрения и стремления к высшему благу, т.е. заменяет теологические доказательства постулатами о бессмертии души, свободе воли и бытии бога.

Ключевые слова: центральная мировоззренческая проблема, агностицизм, априоризм, антиномии, трансцендентальность, трансцендентность, философия как здоровье души, старение, смерть, бессмертие, теология, моральный закон, постулат, свобода воли, бессмертие души, бытие бога, практическое бессмертие человека, будущая цивилизация бессмертных.

Вишев Игорь Владимирович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, профессор, E-mail: iv-vishev@mail.ru

UDC 128 + 129

Vishev I.V.

The central world outlook problem of death and immortality of the human in the context of Immanuel Kant's philosophical doctrine

The problem of death and immortality of the human is central to any world view. It is particularly important in the philosophical aspect. Immanuel Kant proposed a solution to this problem from the standpoint of agnosticism in the specific form of the doctrine "Das Ding in sich" ("thing in itself"). These features of his philosophy are briefly considered in the beginning of the report. About things in themselves we can only know that they exist and "afficere" sense organs. Author of the report also concerns such aspects of the Kant's philosophy as "apriorism", the doctrine of the antinomies of Mind, the transcendental and transcendent cognition, the categorical imperative, the recognition of the body and soul dualism, the understanding of philosophy as a healthy of soul etc., developed and manifested in subcritical and critical periods of the philosopher's creative evolution. The author of the report also considered the Kant's argument directed against theological proofs of immortality. According to this argument anybody from people can not know what is death, because it requires a life, a real experience. The author of the report pointed out that Kant perceives and evaluates the death as a soft sense of liberation from suffering. The scientist has compared Kant's views with similar ones of Lametry and Tsiolkovsky aimed to free people from fear of death and alleviate for the loss of life. Particular attention is paid to the fact that Kant, in a result, recognizes the eternal human life after death, but only from the moral point of view and aspiration to the highest blessing. Kant replaces the theological postulates by evidence of the immortality of the soul, the free will and the being of God.

Keywords: the central world outlook problem, agnosticism, transcendence, philosophy as health oppress, ageing, death, immortality, theology, the moral law, a postulate, freedom of will, immortality oppress, life of the god, practical immortality of the person, the future civilization immortal.

Vishev Igor Vladimirovich, Russia,
South Ural state university, profes-
sor, E-mail: iv-vishev@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Иммануил Кант (1724–1804), явился одним из крупнейших мыслителей не только эпохи Просвещения, но и всей истории философской мысли. Он стал основоположником классической немецкой философии, с которого и началась философская революция. До него познающий субъект рассматривался как нечто пассивное, подобное зеркалу, отражающему внешний мир, а содержание сознания этого субъекта, определяемым внешними предметами к которым только и приписывалась активность. Кант в корне перевернул это представление. Согласно кантовскому философскому учению, субъект, познающий эти предметы, дает им законы их бытия. Поэтому каковы вещи «в себе», т.е. вне сознания, существующие вне нас, мы не знаем и знать не можем. Вещи же, какими мы их представляем, есть наше собственное создание, продукт познающего субъекта. В этом, в частности, и проявился агностицизм философии Канта, который и стал одной из главных ее особенностей [1, с. 40–41]. Подобная разновидность агностицизма, однако, не была столь последовательна, как, например, в философии Д. Юма, поскольку все-таки допускала существование вещей вне нас, о которых мы можем знать лишь то, что они существуют и официцируют наши органы чувств. Поэтому впоследствии это учение критиковали слева и справа, т.е. одни за непоследовательность такого материалистического допущения, а другие именно за это допущение.

Другой принципиально значимой особенностью Канта является априоризм (от лат. a priori – из предшествующего). Под ним понимается философское учение, согласно которому существует знание, полученное человеком до опыта и независимо от него, причем эта первичность по отношению к опыту и независимость от него представляется преимуществом такого знания, обеспечивая его несомненную достоверность по сравнению с обусловленным опытом знанием. Основу безусловной всеобщности и необходимости теоретических истин (т.е. положений математики и математического естествознания) рационалистский априоризм усматривал в их несомненности и самоочевидности. Согласно Канту, априорным является только форма, способ организации знания [1, с. 41–43].

Так, с его точки зрения равенство углов треугольника двум прямым (впрочем, как практически вся евклидова геометрия) не зависит от опыта и оставалось истиной даже в случае исчезновения всего материального мира. Иными словами, человек, по Канту, обладает как бы изначальными, в определенном смысле, врожденными знаниями. В итоге он разрывал явление и сущность. Однако при этом нельзя не заметить, что вскоре появились различные модели неевклидовых геометрий (Н.И. Лобачевского, и др.). Это лишний раз подтвердило, что знание человека является результатом отражения свойств объективной реальности. Сам же Кант объективным считал то, что обладает логическими признаками всеобщности и необхо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

димости, т.е. опять-таки как некая конструкция разума.

Заметное место в философии Канта занимает его учение об антиномиях, под которыми понималось сопоставление обоюдно противоречащих высказываний о предмете, допускающих одинаково убедительное логическое обоснование. Он, например, считал, что с одинаковой убедительностью можно обосновать и конечность и бесконечность мира, т.е. опять все сводилось к логическим построениям ума [1, с. 323–342].

К числу ключевых философских понятий в учении Канта относятся и такие, как трансцендентальность и трансцендентность. Под первым понимается всякое познание, занимающееся не сколько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*. Под вторым – такое знание, которое переступает за границы человеческого разума и является в этом смысле недоступным теоретическому познанию, становясь исключительно предметом веры. Трансцендентное – это все то, что выходит за пределы возможного опыта, например, Бог, бессмертие души и т.п.) [2, с. 113].

Наконец, в связи с рассматриваемой темой необходимо упомянуть учения Канта о категорическом императиве от (лат. *imperativus* – повелительный) – безусловном нравственном велении, будто бы изначально присутствующим разуму вечному и неизменному лежащему в основе морали. Согласно категорическому императиву, человек дол-

жен поступать так, чтобы нормы его поведения могли стать принципом всеобщего законодательства, по Канту, существует основной закон чистого практического разума, согласно которому надо поступать так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства. В итоге оказывалось, что этика Канта говорит не о действительной моральной оценке поступков человека, а о том, каковы чисто формальные повеления «практического разума». Скажем, с точки зрения такого учения, спасение или какая-то другая помощь другу не является истинно нравственным поступком, поскольку эта норма данного поступка не может стать принципом всеобщего законодательства [3, с. 187–189].

Оригинально понимание Кантом места и значения философии в жизни человека. Кант высказал в этой связи исключительно важную и ценную мысль, чёткую как формула: «Философия есть здоровье разума. В этом ее воздействие» [4, с. 247]. И далее он завершает ее следующим размышлением и выводом: «Но так как человеческое здоровье... является нескончаемым заболеванием и новым выздоровлением, то одной только диетой практического разума (например, его гимнастикой) нельзя добиться того, чтобы поддержать равновесие, которое называется здоровьем и висит на волоске; однако философия должна (терапевтически) воздействовать как лекарство; для ее применения

требуется фармакопия и врачи (только эти последние вправе предписывать лечение); причем полиция должна бдеть о том, чтобы только профессиональные врачи, а не простые любители советовали, какую философию следует изучать и чтобы эти последние не превратили в шарлатанство искусства, основ которого они не знают» [4, с. 247]. Можно только сожалеть, что об этом суждении Канта упоминают более чем редко.

Все приведенные и другие особенности философского учения Канта не могли не сказаться на его решении проблемы смерти и бессмертия человека, которую он не мог обойти как центральную проблему любого мировоззрения, в том числе и особенно - философского. Наложила свою печать на понимание им этой проблемы творческая эволюция Канта, в которой вполне определенно различаются два периода – докритический, когда он занимался преимущественно натурфилософской проблематикой, и критический, ознаменованный его переходом на агностические позиции.

На первом этапе он выдвинул гипотезу о происхождении солнечной системы, которая впоследствии стала называться гипотезой Канта-Лапласа, когда последний придал ей математическое выражение. Им была высказана также исключительно ценная идея о замедлении вращения Земли вследствие приливного и отливного трения. Эти и другие представления Канта вносили историчность и развитие в картину мира, пробивая

первые бреши в ее механистическую версию. Иными словами, шаг за шагом выяснялось, что и наша солнечная система, и Земля, да и мир в целом имеют свою историю, изменяются во времени. Вместе с тем общий уровень развития и философской мысли, и естествознания не мог не сказаться на представлениях и понимании изучаемых явлений. Данное обстоятельство наглядно проявилось и в отношении кантовского решения проблемы смерти и бессмертия человека.

Свидетельством тому может служить взгляд Канта на природу смерти. В сочинении под примечательным названием «Стареет ли Земля с физической точки зрения» Кант утверждал: «Все предметы природы подчинены следующему закону: тот же механизм, который вначале работал над их совершенствованием, продолжая менять вещь и после того, как она достигла своего совершенства, постепенно лишает ее благоприятных условий и в конце концов незаметно доводит ее до полной гибели. Этот образ действия природы ясно обнаруживается в устройстве растительного и животного царств» [5, с. 95]. Так что ему приходилось оперировать такими общими и неопределенными понятиями, как «механизм», «сила», «устройство» и т.п. Он считал: «Та самая сила, которая побуждает деревья к росту, приносит смерть, после того как они завершают свой рост» [5, с. 95]. И это естественно, поскольку в то время, еще не было известным ни клеточное строение расте-

ний и животных, ни генетика, ни многое другое.

Поэтому и сам этот «механизм» представлялся Канту очень абстрактно. Он так описывал его: «Когда волокна и сосуды уже не способны расширяться, питательный сок, продолжая проникать в различные части растения, начинает закупоривать и уплотнять внутренность каналов, и из-за того, что движение соков затруднено, растение в конце концов засыхает и умирает» [5, с. 95]. Действие этого закона Кант распространяет на онтогенез животных и людей. «Тот же механизм,— продолжал он, — благодаря которому животное или человек живут и растут, приносит им в конце концов смерть, когда рост их заканчивается. Ибо, в то время как питательные соки, поддерживающие жизнь животного, отлагаясь на каналах, перестают их расширять и увеличивать в объеме, внутренние полости этих каналов сужаются, кругообращение соков затрудняется, и животное съживается, стареет и умирает» [5, с. 95]. Естественно, рисуемая Кантом картина происходящего очень упрощена, но в то же время присутствует и показательный момент предвидения, в связи с чем нельзя не вспомнить, например, о возможных холестериновых бляшках, забивающих кровеносные сосуды, затрудняющих тем самым ток крови, а в итоге грозящих серьезными нарушениями здоровья и даже летальным исходом.

Действие того же кантовского «закона» он распространяет, но вряд ли правомерно, и на историю нашей планеты. Кант полагал: «Точно также и постепенное ухудшение состояния Земли до такой степени вплетено в цепь перемен, которые вначале способствовали ее совершенствованию, что оно может стать заметным лишь через длительный промежуток времени» [5, с. 95]. Однако подобного рода экстраполяция, превращающая, по сути дела, Землю в живое существо, не соответствует современным представлениям науки. В то же время понимание Кантом и природы смерти, и ее причин носит вполне естественно научный, и даже можно сказать – материалистический, характер.

Но этот немецкий философ придерживался и принципиально иной точки зрения, с позиций которой, по сути дела, он отводил все традиционно теологические доказательства бессмертия души, хотя, в конечном счете, от признания ее подобного свойства (впрочем, некоторые философы исходят из такой точки зрения и сегодня). «Смерть, – утверждал Кант, – никому из людей не может быть известна по собственному опыту (ибо для опыта нужна жизнь), ее наблюдают только на других. По хрипам и судорогам умирающего нельзя судить, причиняет ли она боль; скорее это чисто механическая реакция жизненной силы и, может быть, мягкое ощущение постепенного освобождения от страдания» [6, с. 187]. И в этой связи Кант вполне логично обращается к вопросу

всегда животрепещущему и актуальному, - о страхе смерти. Он особо подчеркивает: «Свойственный всем людям, как самым несчастным, так и самым мудрым, естественный страх смерти есть, следовательно, как правильно говорит Монтень, не ужас перед смертью, а ужас при мысли о том, что ты умер (т.е. мертв); кандидат в мертвецы полагает, что мыслит труп, который уже не есть он, все-таки как самого себя в темной могиле или еще где-нибудь» [6, с. 187]. При этом Кант отмечает: «Это заблуждение устранить невозможно, ибо оно коренится в самой природе мышления, как разговор с самим собой и о самом себе. Мысль: *меня нет* вообще не может существовать, ибо, если *меня нет*, то я не могу и осознать, что *меня нет*» [6, с. 187]. Однако подобного рода мысли и образы тревожили и тревожат людей во все времена, и потому они не устают заниматься поиском различных приемов утешения и самоутешения перед лицом смерти.

Кантовские суждения о «боли», «мягких ощущениях» при встрече человека со смертью напоминают высказывания французского материалиста и врача того же XVIII века Ж.О. Ламетри, правда, как материалист, причем представитель именно смертнического материализма, который исходит из непреложности и неустранимости смерти, т.е. подчинение законам природы, он более последовательно и жестко стремится освободить людей от страха смерти, не останавлива-

ясь даже перед ее приукрашиванием и, наоборот, умалением радости и ценности жизни. И все это ради призыва Ламетри: «Будем спокойно жить для того, чтобы спокойно умереть» [7, с. 373].

И несколько ниже он продолжает, не уставая преукрашивать смерть: «Смерть вооружена вовсе не острым оружием. Скорее – насколько я мог судить о ней по ее приближениям – можно сказать, что она затягивает на шее умирающих мягкую петлю, которая не столько давит, сколько действует как приятный наркотик, это – своего рода смертельный опий: вся кровь пьянеет, чувства притупляются; кажется, что умираешь, подобно тому как испытываешь ощущение, что засыпаешь или падаешь в обморок, ощущая при этом своего рода наслаждение» [7, с. 373–374]. Понятно, очень трудно дискутировать с чужим восприятием «приближающейся» смерти, но похоже, что оно в данном случае весьма преувеличено.

И далее Ламетри настойчиво продолжает в том же духе: «И действительно, как спокойна и приятна смерть, наступающая постепенно, не застающая врасплох и не поражающая внезапно, – смерть, которую предвидишь и которая дает именно то ощущение, которое необходимо, чтобы наслаждаться ею. Я несколько не удивляюсь, что подобная смерть может ввести в соблазн своей обольстительной прелестью. Никакие страдания и насилия не сопровождают ее. Сосуды закупориваются один за другим, жизнь

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

уходит понемногу, с какой-то небрежной вялостью; что-то так нежно притягивает к себе, что с трудом решаешься обернуться в другую сторону» [7, с. 374].

И он заключает: «Стоит больших противоестественных усилий не впасть в искушение умереть тогда, когда пресыщение жизнью заставляет видеть в смерти лишь удовольствие». Этот дифирамб привлекательности смерти заканчивается такой аналогией: «Смерть и любовь завершаются одинаково – испусканием духа. Вместе с любовным замиранием происходит зачатие, вместе с умиранием от ножиц Атропы происходит уничтожение. Возблагодарим природу, которая, посвятив самые острые наслаждения воспроизведению нашей породы, сохранила нам достаточно приятные наслаждения для тех моментов, когда она уже не может сохранить нас в живых».

И, наконец, Ламетри так завершает свой неумеренный панегирик трагического финала человеческой жизни: «Наиболее общий тип смерти – смерть неощутимая. Люди уходят из этого мира, так же как приходят в него, – незаметно для себя» [7, с. 374].

А затем он излагает и свой взгляд на жизнь. «Чем рискуем мы, умирая?» - вопрошает Ламетри. «И сколько риска, напротив, представляет собою жизнь!» - восклицает он. Подобного рода увещевания делаются для того, чтобы людям было легче покинуть – её.

Кстати сказать, похожие убеждения во многом разделял материалист и панпсихист К.Э.

Циолковский, правда, уже в контексте своей космической философии, одной из важнейших особенностей которой стало утверждение, что субъективно смерти нет «а есть только непрерывное, сознательное и блаженное существование» [8, с. 140]. Тем самым он стремился придать оптимистичность материалистическому мировоззрению. Вместе с тем Циолковский не остановился перед категоричным умалением ценностей и прелестей реальной земной жизни человека. «Ведь эти радости и огорчения, – полагал он, – так ничтожны, так мелочны, что не худо и разорвать с ними навеки. Стоит ли поправлять дрянный, полусгнивший, полуразвалившийся дом? Не лучше ли снести его до основания, употребить на дрова, раз приготовлен для нас великолепный дворец, никогда даже нам не снившийся» [9, с. 17]. Однако Циолковский неправоммерно отождествлял материю и вселенную, поскольку последнее, в отличие от первой ограничено во времени и потому не было тех «дециллионов в дециллионной степени лет», из которых он исходил, так что, скорее всего, подобных дворцов нам все-таки никто не приготовил, и потому как нашу родную планету и космическое пространство нам придется благоустраивать самим.

В отличие от Циолковского, которого вполне обоснованно можно отнести к представителям бессмертнического материализма, Ламетри, свои размышления на эту тему, завершает следующим утверждением

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ем: «Смерть есть конец всего. После нее, повторяю, пропасть, вечное небытие; все сказано, все сделано; сумма добра и сумма зла равны; нет больше забот, затруднений; нет больше нужды разыгрывать роль: «фарс окончен» [7, с. 374–375]. И действительно, с материалистической точки зрения, человека после смерти не ожидают ни страдания, связанные с самим приходом смерти, ни райские блаженства, удивительно однообразные в христианстве и несравненно более красочные в исламе, ни, что более вероятно, вечные адские мучения, одинаково ужасно расписываемые и в той, и в другой религии. Так, например, преподобная Феодора, повествует: «Но вот пришла смерть. Она была как бы подобие человеческого, но состоящее из костей. Она носила различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, пилы, топоры и многие другие, мне неизвестные. Увидела все это я – и душа моя затрепетала. Но ангел сказал ей: – Не медли! Освободи душу от уз плоти. Скоро и тихо освободи ее, на ней нет больше тяжести грехов. Смерть подошла ко мне и маленьким топором сначала отсекла ноги, потом руки, потом другими орудиями ослабила все члены мои, отделяя их от суставов. Потом отсекла мне голову. Потом смерть сделала питье и насильно напоила меня. Я не могла вынести горечи, содрогнулась и выскочила душа из тела» [10, с.26–27]. Возникает закономерный вопрос, а какова, с позиции такого рода верования, будет участь заурядных

грешников? Так что верующим, действительно, есть чего страшиться.

Возвращаясь к воззрениям самого Канта, необходимо, по логике вещей, рассмотреть его интерпретацию проблемы дуализма души и тела, при этом нельзя не подчеркнуть особо, что он ясно осознавал несоместимость позиций идеализма и материализма. Кант считал, что «человек сознает себя также как предмет своих внешних чувств, т.е. он имеет тело; связанный с телом предмет внутреннего чувства называется душой человека. Что человек состоит не из одного только тела, это можно строго доказать, если рассматривать это явление как вещь саму по себе» [6, с. 438].

И он так продолжал обосновывать свой взгляд на эту проблему: «В самом деле, во всяком познании (стало быть и в самопознании) необходимо должно быть единство сознания, и это единство не допускает, чтобы представления, распределенные между многими субъектами, составляли единство мысли. Поэтому материализм никогда нельзя применить в качестве принципа, объясняющего природу нашей души» [6, с. 438]. Действительно, принцип материализма не объясняет природу нашей души, поскольку он, по существу, отрицает само ее существование как особую субстанцию божественного происхождения. Материализм рассматривает человеческий организм как целостную систему, в которой органично взаимодействует телесное и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

психическое, не существуя одно без другого, как работа машины не может существовать отдельно от машины, разумеется, отнюдь не в механическом значении этого понятия.

А Кант продолжал: «Если же мы станем рассматривать и тело, и душу лишь как явления, то вполне возможно, так как и то и другое – предметы чувств, и если мы примем в соображение, что ноумен (понятие идеалистической философии, обозначающее умопостигаемую сущность, предмет интеллектуального созерцания, в отличие от феномена как объекта чувственного созерцания. – И.В.), лежащий в основе указанного явления, т.е. внешний предмет как вещь сама по себе, быть может, представляет собой простую сущность... Не говоря уже об этом затруднении, т.е. о том случае, когда душа и тело принимаются за две специфически различные субстанции, взаимодействие которых составляет человека, никакая философия, тем более метафизика, не может решить, что и какую долю вносят в представления внутреннего чувства душа и тело в отдельности и не лишилась ли бы душа всякого рода представлений (созерцания, ощущения и мышления), если одну из этих субстанций отделить от другой» [6, с. 438].

И далее он делает вывод принципиальной значимости: «Следовательно, никак нельзя узнать, может ли душа после смерти человека, когда его материя рассеяна, продолжать жить, т.е. мыслить и желать, даже если субстанция ее остает-

ся; другими словами, [нельзя узнать], дух ли она (ведь под этим словом подразумевают сущность, которая и без тела может сознавать себя и свои представления) или нет» [6, с. 438]. Поэтому Кант не приемлет теоретически-догматического доказательства лейбницевско-вольфовской метафизики о бессмертии души. «Скорее, – считает он, – а priori можно усмотреть, что такое доказательство совершенно невозможно, потому что мы познаем себя единственно посредством внутреннего опыта, а всякий опыт может быть осуществлен только при жизни, т.е. когда душа и тело связаны между собой; стало быть, мы вовсе не знаем, чем мы станем и к чему будем способны после смерти, мы никак не можем познать отдельно природу души; ведь для этого нужно было бы попытаться отделить душу от тела еще при жизни» [6, с. 439].

При этом Кант прибегает к интересному сравнению. Он полагал, что: «такая попытка была бы похожа на то, как если бы кто-то стал перед зеркалом с закрытыми глазами и на вопрос, чего он хочет этим достигнуть, ответил: я хочу узнать, какой у меня вид, когда я сплю» [6, с. 439]. И приведенные рассуждения Канта, и подобного рода его образные сравнения призваны, как мне представляется, показать невозможность рациональными средствами, доказать и бытие бога, и бессмертие души. Поэтому, на мой взгляд, трудно согласиться со следующим выводом Л.М.Григорьевой. «Таким образом, – заключает

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

она, - Кант не опровергает существование Бога. Кантовская теория познания имеет дело лишь с кругом человеческого опыта и его переработкой с помощью чистых форм разума. Он лишь показал, что существование вещи нельзя усмотреть в содержании ее понятия. Посредством своих понятий рассудок может мыслить любой предмет лишь в его возможности. Он показал, что ни доказать, ни опровергнуть существование Бога невозможно» [11, с. 24]. Поэтому Кант всё-таки занял, по моему мнению, однозначную позицию (иначе он не выдвигал бы соответствующие постулаты), но другое дело, можно ли считать имеющими доказательную силу самих кантовских рассуждений или нет.

Как бы там ни было, Кант отнюдь не собирался отказываться ни от признания бытия бога, ни от признания бессмертия души. Он лишь переводит решение этих вопросов в иную, моральную, плоскость. В этой связи Кант заявляет, что «с моральной точки зрения мы имеем достаточное основание допускать даже вечную жизнь человека после смерти (после конца ее земной жизни), следовательно, допускать бессмертия души. Это учение есть практически-догматический переход к сверхчувственному, т.е. к тому, что составляет только идею и не может быть предметом опыта, хотя и имеет объективную реальность, действительную, однако лишь в практическом отношении» [6, с. 439].

И он заключает: «Стремление к высшему благу как конечной цели побуждает признать продолжительность [жизни], соответствующую ее бесконечности; оно незаметно восполняет отсутствие теоретических доказательств, так что метафизик не чувствует недостаточности своей теории, потому что действие морального чувства втайне не дает ему заметить недостатки познания, якобы выведенного им из природы вещей и в данном случае невозможно» [6, с. 439]. Так что Кант, будучи сыном своего времени, не сумел проявить, казалось бы, напрашивающуюся последовательность, оставшись на религиозно-идеалистических позициях, хотя в то же время жили такие материалисты и атеисты, как Ж. Ламетри, Д. Дидро, П. Гольбах и др.

Однако ни материалистические, ни, тем более, атеистические воззрения для него не были приемлемы ни в мировоззренческом, ни в методологическом, ни в социокультурном отношениях. В значительной, если не в решающей степени, это было обусловлено тем, что Кант исходил из представлений телеологии. Так, он утверждал: «Есть физическая телеология, которая дает нашей теоретически рефлектирующей способности суждения достаточный довод для того, чтобы признать существование разумной причины мира» [12, с. 290]. И продолжал: «Но мы обнаруживаем в нас самих, и еще более в понятии разумного, обладающего вообще свободой (своей каузальности) существа и мораль-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ную телеологию, которая, поскольку целевая связь вместе со своим законом может быть априорно определен в нас самих, следовательно, познана как необходимая, не нуждается для этой внутренней закономерности в разумной причине вне нас, так же как, находя целесообразное в свойствах геометрических фигур (для всевозможного искусного построения), мы не считаем нужным искать наделивший их этой целесообразностью высший рассудок).

А далее Кант заключал: «Однако эта моральная телеология касается нас как существ мира и, следовательно, как существ, связанных с другими вещами в мире, судить о которых как о целях или как о предметах – для них мы сами суть конечная цель – и предписывают нам эти моральные законы» [12, с. 290]. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на традиции телеологических воззрений, уходящих своими истоками, прежде всего к учению Аристотеля о причинах, среди которых особое место заняла как раз целевая причина, не существующая, согласно взглядам философского материализма и атеизма, поскольку иначе она устраняет все препоны для безудержной игры воображения относительно самых различных сверхъестественных сил.

Однако в то же время нельзя не привести следующее пространное рассуждение Канта, которое, как я понимаю, представляет собой, с одной стороны, пример проявления его личного страха перед смертью,

попытку самоутешения – с другой, и вообще, в конечном счете, оправдание апелляции к религии. «Исполнение долга, – считал он, – заключается в форме серьезной воли, а не в причинах, служащих средством к успеху. Следовательно, если допустить, что какой-либо человек, побуждаемый отчасти слабостью всех столь восхваляемых спекулятивных аргументов, отчасти обнаруженными им в природе и в нравственном мире несообразностями, принял положение: Бога нет, то он оказался бы в своих собственных глазах недостойным, если бы счел вследствие этого закона долга лишь воображаемыми, незначимыми, необязательными и решился бы преступить их» [12, с. 294].

И он продолжал: «Если впоследствии такой человек уверится в том, в чем он сначала сомневался, он тем не менее останется при таком образе мыслей недостойным, пусть он даже из страха или из надежды на награду, но без внутреннего уважения к долгу, выполнял бы свой долг с такой точностью, с какой это только и можно требовать. Наоборот, если он как верующий искренне и бескорыстно исполняет свой долг, следуя своему сознанию, но при мысли, что его можно убедить в том, что Бога нет, сразу же считает себя свободным от всех нравственных обязательств, то с его внутренними моральными убеждениями дело обстоит плохо» [12, с. 294–295]. Так что и верующий, по Канту, должен быть «особого сорта».

И затем Кант обращается для иллюстрации к известному философскому авторитету. «Мы можем, следовательно, – делает он вывод, – представить себе добропорядочного человека (например, Спинозу), который твердо уверился в том, что Бога нет и (поскольку в отношении объекта моральности это ведет к одинаковым следствиям) нет и будущей жизни; как он будет судить о внутреннем определении своей цели, заданной моральным законом, который он в своих поступках уважает? Он не ждет от исполнения этого закона выгоды ни в этом, ни в ином мире; он лишь стремится бескорыстно делать добро, к которому тот священный закон направляет все его силы» [12, с. 295]. Но этим Кант не хочет и не может удовлетвориться.

И поэтому, говоря о таком человеке, Кант продолжает: «Однако его стремлению поставлен предел; он может иногда ждать от природы случайного содействия, но никогда не может надеяться на закономерное и совершаемое по постоянным правилам (такими, каковы суть и должны быть внутренне его максимы) согласие с той целью, содействие в осуществлении которой он все же считает своей обязанностью и стимулом» [12, с. 295]. И далее прямотаки в теологическом духе Кант предостерегает: «Обман, насилие и зависть всегда будут преследовать его, хотя сам он честен, миролюбив и благожелателен; и добропорядочные люди, которых он еще встретит, будут, несмотря на то, что они

достойны счастья, постоянно подвергаться природой, которая не обращает на это внимания, всем бедствиям – лишениям, болезням и безвременной смерти, подобно остальным животным Земли, пока всех их (честных и нечестных, здесь это значения не имеет) не поглотит глубокая могила и не отбросит тех, кто мог считать себя конечной целью творения, в бездну лишенной цели хаоса материи, из которого они были извлечены» [12, с. 295]. Так что без подобных угроз не может обойтись и религиозно-идеалистически мыслящий философ.

Разумеется, события реального опыта далеко не всегда могут быть подвергнуты однозначной проверке (например, определить возможный и действительный срок жизни того или иного человека), тем более посмертного, не подлежащего подобной проверке в принципе, даже согласно воззрениям самого Канта. Поэтому, с одной стороны, не принимая религии в её, так сказать, «чистом виде», в частности теологические доказательства бытия бога, он в то же время, по сути дела, компенсирует их соответствующими постулатами собственного изобретения: о свободе человеческой воли, бессмертии души и бытии Бога.

Сущность свободы человеческой воли Кант разъясняет, как всегда пространно, следующим образом. «Воля, – считает он, – есть вид причинности живых существ, поскольку они разумны, а свобода была бы таким свойством этой причинно-

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

сти, когда она может действовать независимо от посторонних определяющих ее причин, подобно тому как естественная необходимость была бы свойством причинности всех лишенных разума существ – определяться к деятельности влиянием посторонних причин» [13, с. 225]. И продолжает: «Проведенная дефиниция свободы негативная, и поэтому она ничего не дает для проникновения в ее сущность; однако из этой дефиниции вытекает положительное понятие свободы, которое более богато содержанием и плодотворно». И далее Кант дает следующие разъяснения: «Так как понятие причинности заключает в себе понятие законов, по которым в силу чего-то, что мы называем причиной, должно быть дано нечто другое, а именно следствие, то хотя свобода и не есть свойство воли по законам природы, тем не менее нельзя утверждать, что она совсем свободна от закона; скорее она должна быть причинностью по неизменным законам, но только особого рода; ведь в противном случае свободная воля была бы бессмысленной» [13, с. 225].

А затем Кант заключал: «Естественная необходимость была гетерономией действующих причин, так как каждый результат был возможен только по тому закону, что нечто другое определяло действующую причину к причинности; а чем же другим может быть свобода воли, как не автономией, т.е. свойством воли быть самой для себя законом? Но положение

воля есть во всех поступках сама для себя закон означает лишь принцип поступать только согласно такой максиме, которая может иметь предметом саму себя также в качестве всеобщего закона. Но это есть как раз та формула категорического императива и принцип нравственности; следовательно, свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, – это одно и то же» [13, с. 225–226].

Допущение свободы воли человека (дискуссионного вопроса в теологии) было необходимо Канту для обоснования положения, что если бы человек не был свободен следовать «голосу» нравственного закона, то последний будто бы лишился всякого основания и смысла. Действительно, по Канту, человек не может рассчитывать на то, чтобы в течение своей реальной жизни он смог достигнуть нравственного идеала и блаженства.

Поэтому Кант оказывается перед необходимостью допустить бессмертие души. Его, и снова весьма пространно, он обосновывает так: «Осуществление высшего блага в мире есть необходимый объект воли, определяемый моральным законом. А в этой воле полное соответствие убеждений с моральным законом есть первое условие высшего блага. Оно, следовательно, должно быть так же возможным, как и его объект, так как содержится в этой же заповеди – содействовать этому благу» [14, с. 519]. И такое допущение потребовалось Канту для того, чтобы обосновать

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

возможность посмертных наград и наказаний.

А затем он утверждал: «Полное же соответствие воли с моральным законом есть святость – совершенство, недоступное ни одному разумному существу в чувственно воспринимаемом мире ни в какой момент его существования. А так как оно тем не менее требуется как практически необходимое, то оно может иметь место только в *прогрессе*, идущем в бесконечность к этому полному соответствию и согласно принципам чистого практического разума необходимо признавать такое практическое движение вперед как реальный объект нашей воли. Но этот бесконечный прогресс возможен, только если допустить продолжающееся до бесконечности существование и личность разумного существа (такое существование и называют бессмертием души)» [14, с. 519].

И Кант делает такой вывод: «Следовательно, высшее благо практически возможно только при допущении бессмертия души, стало быть, это бессмертие как неразрывно связанное с моральным законом есть постулат чистого практического разума (под ним я понимаю теоретическое, но как таковое, недоказуемое положение, поскольку оно неотъемлемо присуще практическому закону, имеющему а priori безусловную силу)» [14, с. 519–520]. Таким образом, Кант, признавая возможность бесконечного прогресса, связывает его не с реальной человеческой историей, а с по-

смертной участью людей, считая ее, как уже отмечалось, в то же время непроверяемой человеческим опытом.

Логика религиозно-идеалистического мировоззрения, в случае признания им бессмертия души, с необходимостью требует признания существования «гаранта» справедливого посмертного воздаяния. Она сжато и наглядно выражена самим Кантом. «Моральный закон в предыдущем анализе, – подчеркивал он, – вел к практической задаче, которая предписывается только чистым разумом без всякой примеси чувственных мотивов, а именно к необходимой полноте первой и самой главной части высшего блага – нравственности и, так как эта задача может быть полностью разрешена лишь в вечности, моральный закон вел к постулату бессмертия» [15, с. 521]. И Кант делает следующий принципиально важный вывод: «Этот же закон должен вести и к возможности второго элемента высшего блага – к соразмерному с этой нравственностью счастью – так же бескорыстно, как и прежде, из одного лишь беспристрастного разума, а именно к допущению существования причины, адекватной этому действию, т.е. постулировать бытие Бога как необходимо относящееся к возможности высшего блага (а этот объект нашей воли необходимо связан с моральным законодательством чистого разума)» [15, с. 521–522]. Как говорится, «что и требовалось доказать».

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Впрочем, доказательством эти рассуждения не считает и сам Кант, а лишь желаемым допущением. Однако «доказательство» и «допущение» имеют принципиально разный статус. Первое, будучи теологически утвержденным, требует неукоснительного исполнения, а второе можно принять или не принимать.

Правда, дальше Кант пытается «убедительным образом» обосновать свои представления, но на деле это оказывается лишь повторением или некоторой детализацией прежних утверждений. Так, он еще раз, в частности, подчеркивает, что блаженство, по его словам, «нельзя достигнуть в этом мире под именем счастья (поскольку это зависит от наших сил), и потому оно делается лишь предметом надежды» [15, с. 527]. И далее в том же духе, вплоть до признания религии. Кант в этой связи особо подчеркивает, что «после того как порождено основывающееся на законе моральное желание содействовать высшему благу (привести нас к царству божьему), которое прежде не могло появиться ни в одной своекорыстной душе, и ради этого желания сделан шаг к религии, – только тогда это учение о нравственности можно назвать и учением о счастье, так как надежда на счастье начинается только с

религии» [15, с. 528–529]. Так круг замыкается.

Между тем, спустя два с лишним столетия, открылись вполне реальные перспективы бесконечного прогресса человеческого общества и каждой отдельной личности. Эти идеи уже несколько десятков лет разрабатываются в контексте концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения, представляющей собой действенную альтернативу религиозно-идеалистическим верованиям и учением. Прочной основой этой концепции являются успехи развития естественных и социально-гуманитарных наук. Среди них можно напомнить такие открытия последнего времени, как реальная возможность клонирования человека, расшифровка его генома, использование регенерации стволовых и индуцируемых плюропатентных клеток, достижения крионики, нанотехнологии, синбиологии, «компьютерного бессмертия», и многие другие. Но и они отнюдь не являются последним словом науки, социальный и научно-технический прогресс продолжают открывать реальные пути и средства возникновения цивилизации практически бессмертных людей, сохраняющих оптимальные параметры их телесной и духовной жизнедеятельности [16, с.66–74].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. – М.: ЧОРО, 1994.
2. Кант И. Пролегомены // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
3. Кант И. Критика практического разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
4. Кант И. Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. – М.: ЧОРО, 1994.
5. Кант И. Старее ли Земля с физической точки зрения // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. – М.: ЧОРО, 1994.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. – М.: ЧОРО, 1994.
7. Ламетри Ж.О. Система Эпикура // Ж.О. Ламетри. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1983.
8. Циолковский К.Э. Научная этика // К.Э. Циолковский. Очерки Вселенной. – М.: ПАИМС, 1992.
9. Циолковский К.Э. Причина космоса. – Калуга: Издание автора, 1925.
10. Денисов Л. Как проводит душа первые сорок дней по исходе из тела? – М.: 1900.
11. Григорьева Л.М. Опроверг ли И. Кант онтологическое доказательство бытия Бога? // Теология и науки о религии: монография / под общей редакцией М.А. Малышева и В.Е. Хвощева; Россия–Мексика. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во Научно-образовательного центра «Комплексные проблемы общественных наук». – 2011.
12. Кант И. О моральном доказательстве бытия Бога // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. – М.: ЧОРО, 1994.
13. Кант И. Основоположения метафизики нравов // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
14. Кант И. Бессмертие души как постулат чистого практического разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
15. Кант И. Бытие Божье как постулат чистого практического разума // И. Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994.
16. Вишев И.В. Цивилизация будущего – социум практически бессмертных людей // Горизонты цивилизации. – Челябинск: «Энциклопедия», 2010.

References

1. Kant I. Kritik chistogo razuma [Criticism of clean reason]. I. Kant. Sbranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 3, M., ChORO, 1994.
2. Kant I. Prolegomeny. Kant. Sbranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 4, M., ChORO, 1994.
3. Kant I. Kritik prakticheskogo razuma [Criticism of practical reason]. I. Kant. Sbranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 4, M., ChORO, 1994.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

4. Kant I. Blagaja vest' o blizkom zaključenii dogovora o vechnom mire v filosofii [Good message about the close conclusion of the contract about an everlasting peace in philosophy], I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 8, M., ChORO, 1994.

5. Kant I. Stareet li Zemlja s fizicheskoj točki zrenija [Whether the Earth from the physical point of view grows old], I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 1, M., ChORO, 1994.

6. Kant I. Antropologija s pragmaticheskoj točki zrenija [Anthropology from the pragmatistical point of view], I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 7, M., ChORO, 1994.

7. Lametri Zh.O. Sistema Jepikura [System Epikura], Zh.O. Lametri. Sochinenija. 2-e izd., M., Mysl', 1983.

8. Ciolkovskij K.Je. Nauchnaja jetika [Scientific ethics], K.Je. Ciolkovskij. Očerki Vselennoj, M., PAIMS, 1992.

9. Ciolkovskij K. Je. Prichina kosmosa [The reason of space], Kaluga, Izdanie avtora, 1925.

10. Denisov L. Kak provodit duša pervye sorok dnej po ishode iz tela? [How the soul will carry out first forty days after outcome from a body?], M., 1900.

11. Grigor'eva L.M. Oproverg li I. Kant ontologičeskoe dokazatel'stvo bytija Boga? [Whether has denied And. An edging the ontologic proof of life of the God?], Teologija i nauki o religii: monografija, pod obshhej redakciej M.A. Malysheva i V.E. Hvoshheva; Rossija–Meksika, Cheljabinsk, Izdatel'skij centr JuUrGU, Izd-vo Nauchno-obrazovatel'nogo centra «Kompleksnye problemy obshhestvennyh nauk», 2011.

12. Kant I. O moral'nom dokazatel'stve bytija Boga [About the moral proof of life of the God], I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 5, M., ChORO, 1994.

13. Kant I. Osnovopolozhenija metafiziki nravov [Bases of metaphysics of customs], I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 4, M., ChORO, 1994.

14. Kant I. Bessmertie duši kak postulat čistogo praktičeskogo razuma [Immortality oppress as a postulate of clean practical reason], I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 4, M., ChORO, 1994.

15. Kant I. Bytie Bozh'e kak postulat čistogo praktičeskogo razuma [Life Divine as a postulate of clean practical reason], I. Kant. Sobranie sochinenij v 8 tomah. Vol. 4, M., ChORO, 1994.

16. Višev I.V. Civilizacija budušhego – socium praktičeski bessmertnyh ljudej [Civilization of the future - a society of practically immortal people], Gorizonty civilizacii, Cheljabinsk, «Jenciklopedija», 2010.

УДК 141.411

Хвощев В.Е.

ФРАГМЕНТЫ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ОПЫТА И. КАНТА

Сила – едва ли не центральное понятие в разных науках – мало отличается в естественно-научных трактовках картезианства, кантианства, современных исследователей. Все они ориентированы на проявления некоторой сущностной основы, безуспешно познать которую пытаются философы и теологи. Распространённое в настоящее время в литературе обращение к понятию силы представителей социально-гуманитарных наук (к soft, hard, smart формам силы) во многом лишь укрепляют мифический статус этого понятия. Однако некоторые догадки Р. Декарта и И. Канта в этом направлении, пусть не подхваченные их последователями, заслуживают особого внимания.

Ключевые слова: И. Кант, кантианство, Р. Декарт, картезианство, тело, сила, активность

Хвощев Владимир Ефимович,
Россия, ЮУрГУ, заведующий
кафедрой политологии,
vek@susu.ac.ru

UDC 141.411

Khvoshchev V.E.

Fragments of the I. Kant's works on natural sciences

Force is one of the central concepts in multiple sciences. Remarkably, this concept is treated similarly by the natural scientific interpretations of Cartesianism, Kantianism and by contemporary researchers. All of them focus on the manifestation of some basic substance that is also studied unsuccessfully by philosophers and theologians. Presently, works in the field of social sciences and humanities frequently refer to the concept of force (power) and use ambiguous terms such as 'soft', 'hard', 'smart', which only reinforces a mythical status of this concept. However, some insights by Descartes and Kant in this area, often overlooked by their followers, deserve special attention.

Keywords: Kant, Kantianism, Descartes, Cartesianism, body, force, activity

Khvoshchev Vladimir, Russia,
South Ural state university, man-
aging faculty of political science,
E-mail: vek@susu.ac.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Человек не часто наделяет вещи точными именами, ещё реже даёт вразумительные определения своим понятиям. Удивительно, но тысячелетия философствования не выявили основного, главного свойства человека, общества, природы, которое бы указывало на их общую сущность и объясняло движение материи и сознания. Нельзя сказать, что есть недостаток такого рода попыток. Все они теряются во второстепенных потоках мысли и могут извлекаться из этих потоков как отдельные догадки, побочные продукты строительства мировоззренческих конструкций без фундамента. Между тем основа для разработки методологии науки и практики была рядом. Требовалось всего лишь соединить грани триады «материя–движение–сознание» в единую смысловую фигуру, обозначив присущее им общее свойство.

Одним из первых, кто сделал заметный шаг в этом направлении, был Аристотель с учением об энтелехии, явно недооценённым ни его, ни нашими современниками. Впрочем, недооценка приобретённого человечеством знания для индивида вполне естественна: отдельный человек может либо не обладать этим знанием, либо это знание не подтверждается его ограниченным опытом, а, значит, не включено в систему личного мировоззрения.

Во многом соизмеримым с Аристотелем мыслителем не столь далёкого прошлого является И. Кант, обогативший наши представления о природе, о

человеке и, что особенно важно, об их общей сущности.

Было бы несправедливым не отметить большие заслуги предшественников и преемников того и другого в деле осмысления свойств и качеств природы и человека, материи и сознания. Их догадки заложили возможности для расширения устоявшихся понятий и придания им новых смысловых значений. Вряд ли возникли у И. Канта столь глубокие представления, к примеру, об активности природы без его знакомства с идеями Г.В. Лейбница (1646–1716), К. Вольфа (1679–1754), Д. Бернулли (1700–1782), Г.Б. Бюльфингера (1693–1750).

Это их усилиями укрепились в науке такие понятия как «сущностная сила», «действующая сила», «движущая сила», «живая сила», посредством которых безуспешно детерминировалась универсальная каузальность материи, движения, сознания. Понятиям этим присущ был общий недостаток – внешняя расположенность источника силы, обманчиво подсказанная человеческими ощущениями. «Когда не видят дальше того, чему учат нас чувства, то эту силу считают чем-то таким, что всецело сообщено телу извне и чем тело ни в какой мере не обладает, когда оно находится в покое» – отмечал в своё время И. Кант [1, т.1, с. 62]. Но «...мы точно не знаем, что делает тело, когда оно действует в состоянии покоя» [1, т.1, с. 65]. Если допустить, что тело, действует каким-то образом и в состоянии покоя, то из этого пря-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мо следует обладание им некоторой скрытой внутренней силой. Тогда «...силу тела следовало бы вообще скорее назвать *vis activa* (активная сила), чем *vis motrix* (движущая сила)» [1, т.1, с. 63]. А чтобы не запутаться в смысловых оттенках понятия силы, ещё лучше было бы использовать для обозначения свойства тела, способного привести его в самодвижение, особое название – активность. Иначе говоря, здесь и ниже под активностью будет пониматься потенциальная сила тела, определяющая его способность двигаться за счёт внутренней предрасположенности к движению, без учёта внешнего воздействия.

Такое свойство тела может быть осмыслено только в соединении эмпирического знания с логикой мышления. «...мы точно не знаем, что делает тело, когда оно действует в состоянии покоя» [1, т.1, с. 65] и кое-что узнаём, наблюдая его движение. Движение в «состоянии покоя» является в кантовской логике формой существования «чистой» силы и представляет собой суть «вещи в себе». «Тело должно заключать в себе основание для сохранения равномерного, свободного и непрерывного движения в не оказывающем ему сопротивления пространстве» [1, т.1, с. 80].

Таким образом, «чистая» сила является имманентно присутствующим любому материальному телу свойством. Однако в реальном мире нет места автономным процессам. В нём всё проникнуто взаимодействием и, кажется, нет «чистых» сил, а есть

только некоторые их результирующие.

Впрочем, И. Кант рисует несколько иную картину взаимодействия: «...тело приобретает свою силу не от внешней причины, которая привела его в движение, после внешнего побуждения эта сила возникает из природной силы самого тела» [1, т.1, с. 80]. Другими словами, тело при взаимодействии с другим телом вовсе не обменивается с ним энергиями, импульсами, другими параметрами движения, не ограничивается приобретением совместной результирующей силы, а мобилизует внутреннюю свою силу, которая реализуется во внешней среде в мере, соответствующей «побуждению» другой стороны, другого тела. В таком представлении тела по отношению друг к другу играют роль своего рода регуляторов высвобождения внутренней силы другого. Как видно, И. Кант усматривает в реакции каждого из взаимодействующих тел процесс качественный, отличающийся от механистического обмена или простой передачи параметров движения. «Естественное тело обладает способностью самостоятельно увеличивать в себе силу, возбуждённую в нём извне причиной его движения, так что в нём могут оказаться степени силы, которые не были вызваны внешней причиной движений, и при том большие, чем эта причина, не поддающиеся, стало быть, измерению той мерой, которой измеряется картезианская сила, и требующие иной оценки» [1, т.1, с. 79].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Кантианская модель взаимодействия не отменяет привычных картезианских представлений. Она лишь оставляет за ними узкую сферу механики, предлагая конструкцию, объясняющую характер процессов, протекающих в более широком диапазоне взаимодействий. Модель силы И. Канта позволяет интерпретировать многие процессы макро- и микро-уровней, преодолевать энергетические дисбалансы взаимодействующих тел. Закон сохранения энергии в такой трансляции силы теряет прежний смысл и значение: энергия может неожиданно появляться при взаимодействии тел или также не-предсказуемо исчезать.

Этот тезис еще более наглядно демонстрируется в социальных формах движения – в проявлениях сил материальной и духовной природы, а особенно – в их взаимодействии. Возникают вопросы – «...каким образом материя в состоянии порождать в душе человека представления...» [1, т.1, с. 65] и «...как это возможно, чтобы сила, вызывающая только движение, могла порождать представления и идеи? Ведь это столь различные роды вещей, что нельзя понять, каким образом один из них мог бы стать источником другого»? Не говоря уже «...о том, в состоянии ли также и душа приводить в движение материю» [1, т.1, с. 65] и «...в состоянии ли душа вызывать движение...может ли присущая ей сила быть предназначена к действию вовне, т.е. способна ли она во вне себя воздействовать

на другие существа и вызывать изменения?» [1, т.1, с. 66]. В этом случае появляется «...трудность, когда речь идёт о действии души на тело, и каким образом эта трудность может быть вообще устранена благодаря названию *vis active*» [1, т.1, с. 65]. Однако вопреки всем этим трудностям у И. Канта есть ответы на поставленные им вопросы: «...материя может вызывать в душе представления» [1, т.1, с. 67], а «...душа должна быть в состоянии действовать вовне...» [1, т.1, с. 66].

Любое свойство тела остаётся за пределами понимания пока не получит количественной интерпретации. Подобная возможность появляется, когда сущность тела обретает его конкретную форму. В этом процессе виртуальная «чистая» сила становится силой реальной, представляющей собой некоторую результирующую силу, поскольку переход от сущности к явлению означает переход от автономного бытия тела в мир взаимодействия его с другими объектами.

Такая особенность явления «чистой» силы вносит дополнительную ясность в современные концепции «мягкой», «жесткой», «умной» силы. Все они характеризуют взаимодействие объектов, все они относительны, субъективны, эмоциональны, метафоричны. «Чистая» сила не может быть ни «мягкой», ни «жесткой», ни «умной». Она есть главное свойство, определяющее сущность тела, объекта, вещи. Но и являясь миру в конкретных формах, «чистая» сила должна отображаться в строгих

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

научных категориях без сопровождения прилагательными, заимствованными из бытовых ассоциаций.

Для этих целей лучшим образом подходит понятие «*vis active*», предложенное самим И. Кантом, правда, не без некоторых сомнений [1, т.1, с. 65]. К сожалению, его последователи не обратили должного внимания на отмеченное И. Кантом различие между «*vis active*» (активная сила) и «*vis motrix*» (движущая сила). По этой причине, к примеру, у Г. Когена «естественные законы объективируются в силы, а в силах объективируются предметы природы». Иначе говоря, сила в такой интерпретации становится посредником между «естественными законами» и «предметами природы». Она изначально механистична и привязана к массе тела. «Механический закон – утверждает Г. Коген, – в любом случае, можно объективировать в силе и массе» [2,]. Но как быть с другими законами – «естественными», но не «механическими»? Или они не могут реализоваться в силе?

В этих вопросах «механицист» Декарт намного диалектичнее кантианцев и близок к самому И. Канту. Для него сила – не когеновский посредник, не продукт реализации «естественного закона» или объективации сущности материального объекта, а сам закон, сама сущность в виде способности тела к самодвижению [3, с. 184]. Эта глубокая мысль, тем не менее, получила характерное в целом для Декарта механисти-

ческое развитие – «сила, или способность самодвижения, встречающаяся в теле, может перейти полностью или частично в другое тело и, таким образом, не быть уже в первом, но не может совершенно исчезнуть из мира» [3, с. 184–185]. Кажется бы, «сохранение» сил в природе не должно вызывать сомнений, но механика этого действия не выдерживает критики. Соглашаясь с таким посылом, трудно представить тело, полностью лишённое способности к самодвижению, если не вкладывать в понятие самодвижения особого смысла. Несомненно, что самодвижение – атрибут материи и неотъемлемое свойство любого материального объекта. И попытки избавить тело от самодвижения, представив его косной массой, ведут из науки прямо в религию. Такой переход не смущает Декарта, настаивающего на этой позиции. «Впрочем, – пишет он – вы можете, если захотите, представить себе, подобно большинству ученых, что существует некий перводвигатель, с неизвестной скоростью вращающийся вокруг мира и являющийся первоначалом и источником всех других встречающихся в мире движений» [3, с. 185] – как будто такое представление движения и сил существенно отличается от декартовского.

Мало отличаются от него и многие современные понятия силы. Так, П. Дэвис полагает наличие в мире «суперсилы», которая определяет движение всех материальных объектов [4, с. 159]. Эта «первосила» и обес-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

печивает движение пассивных тел. Но даже современная аргументация в пользу «суперсилы» не может скрыть очевидную механистичность её концепции.

Сила – одно из важнейших понятий наук – естественных, социальных, гуманитарных. Наряду с силой в науке и практике можно встретить с десяток подобных понятий (масса, скорость, мощность, энергия, импульс...), отражающих те или иные стороны бытия. Все они имеют точное определение в естественно-научной области знаний и неопределённое, многозначное, субъективное, мифическое в социально-гуманитарной области. В последней количественные представления о

вещественной стороне бытия абстрагируются в терминах материя, движение, активность. Между конкретным естествознанием и абстрактным мировоззрением продолжает сохраняться разрыв, тормозящий развитие фундаментальной науки и обедняющий технологический прогресс производства. И Декарт, и Кант внесли свою лепту в преодоление разрыва общего и частного, по крайней мере, в обращении к категории силы. Однако укрепление связи фундаментального и прикладного знания, абстрактного и конкретного мышления, понимания сущности и её проявлений продолжает оставаться актуальной проблемой современной науки.

Библиографический список

1. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 1. – М.: ЧОРО, 1994. – 544 с.
2. Коген Г. Теория опыта Канта. – М.: – Изд-во: Академический проект. – 2012. – 618 с.
3. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. I / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
4. Дэвис П. Суперсила: пер. с англ. / под ред. и с предисл. Е.М. Лейкина. – М.: Мир, 1989.
5. Хвощев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощев – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. – 168 с.

References

1. Kant I. Sochinenija v 8 tt. Vol. 1, M., ChORO, 1994, 544 p.
2. Kogen G. Teorija opyta Kanta [The theory of experience of the Kant], M., Izd-vo Akademicheskij proekt, 2012, 618 p.
3. Dekart R. Sochinenija v 2 t., per. s lat. i franc. Vol. I, sost., red., vstup. st. V.V. Sokolova, M., Mysl', 1989, 654 p.
4. Djevis P. Supersila [Superforce], per. s angl., pod red. i s predisl. E.M. Lejkina, M., Mir, 1989.
5. Hvoshhev V.E. Teorija aktivnosti, ot istokov k nachalam [The theory of activity from sources to the beginnings], monografija, Cheljabinsk, Izd-vo JuUrGU, Izd-vo JuVIG, 2008, 168 p.

Три измерения гуманитарного дискурса и его аналитического прочтения: суждения фактов, аксиологические пропозиции и логические синтагмы

Макс Вебер предложил различать между суждениями фактами и оценочными суждениями при осуществлении академической работы в общественных науках. Данный текст развивает импликации, которые вытекают из предложения Вебера, применительно к аналитическому чтению и историческим упражнениям. Оценочные суждения или аксиологические пропозиции содержат: 1) не доказуемые аксиомы и 2) недоказуемые факты, то есть: 1а) эксплицируемые или неэксплицируемые ценности, определения, иерархия, принятие которых не являются ни непреложными, ни всеобщими, 2б) философские постулаты, которые подразумеваются в научном дискурсе вообще и общественно-историческом дискурсе, в частности, 2а) некоторые научные постулаты, которые лежат в основании категорий теоретического тела наук, 2а) недоказуемые, хотя и вполне вероятные факты и 2б) предвидимые, ожидаемые и обещанные факты, о которых неизвестно претворятся ли они в действительность. Постулат Вебера и различие, которое автор доклада предлагает читателю принять во внимание, поможет ему научиться аналитическому постижению смысла академического общественно-исторического дискурса. Наконец, автор предлагает распознать логические синтагмы аргументации с целью облегчить аналитическое чтение.

Ключевые слова: Макс Вебер, оценочные суждения, суждения фактов, аргументативная синтагма.

Педро Каналес Герреро, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 1.14

Pedro Canales Guerrero

The three levels of humanistic discourse and its analytic reading: factual judgements, axiological propositions and logical syntagmas

Max Weber postulated the distinction between factual aspect of a proposition and value aspect of a proposition in social sciences. This text develops the implications of the proposal of Weber in the exercise of History and analytical reading. The value judgments or axiological proposal also involves: 1) the axioms that can not be demonstrated, 2) the facts not demonstrated, that is to say: 1a) explicit or implicit values whose definition, hierarchy and acceptance are not univocal nor universal, 1b) the philosophical principles that underlie in the scientific discourse and the historical social discourse, 1c) some scientific assumptions underlying other categories of the theoretical body of science, 2a) the plausible but not demonstrated facts, 2b) foreseeable, expectable or promised facts but facts that we do not know if they will occur. Weber's postulate and the distinction, proposed by the author, should be considered by the reader to grasp analytically the sense of social historical academic discourse. Finally, the author proposes to identify logic of scientific reasoning phrases to facilitate the reading of arguments exposing.

Keywords: Weber, value judgments, factual judgments, argumentative syntagma.

Pedro Canales Guerrero, Mexico,
Independent university of the
Mexico state, professor

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being,
knowledge, action»

CDU 1.14

Pedro Canales Guerrero

Los tres planos del discurso humanístico y de su lectura analítica: juicios de hecho, proposiciones axiológicas y sintagmas lógicos

Max Weber propuso distinguir los juicios de valor de los juicios de hecho en el ejercicio del trabajo académico de la ciencias sociales. Este texto desarrolla las implicaciones de la propuesta de Weber en el ejercicio de la Historia y su lectura analítica. El juicio de valor o proposición axiológica implica también 1) los axiomas no demostrables y 2) los hechos no demostrados, es decir: 1a) los valores explícitos o implícitos cuya definición, jerarquía y aceptación no es ni unívoca ni universal, 1b) los postulados filosóficos que subyacen en el discurso científico en general y en el histórico social en particular, 1c) incluso, algunos postulados científicos que fundamentan categorías del cuerpo teórico de las ciencias, 2a) los hechos no demostrados pero verosímiles y 2b) los hechos previsibles, esperables o prometidos pero que no se sabe si efectivamente ocurrirán. El postulado de Weber y la distinción que propone el autor deben ser considerados por el lector para aprehender analíticamente el sentido del discurso académico histórico social. Finalmente, propone, identificar los sintagmas lógicos de la argumentación a fin de facilitar la lectura analítica.

Palabras claves: Weber, juicio de hecho, juicio de valor, sintagma argumentativo.

Doctor en Historia Pedro Canales Guerrero
es profesor-investigador de la Facultad de
Humanidades de la Universidad Autónoma
del Estado de México

La ponencia fue publicada con
el apoyo del cuerpo académico:
"Pensamiento contemporáneo:
ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Introducción

Si aceptamos que, sin traicionar a Weber, un discurso o texto académico –de ciencias sociales o disciplinas humanísticas, como la Historia– contiene juicios de hecho, juicios de valor, pero también juicios o sintagmas lógicos, entonces podemos proponer que pueden realizarse tres planos de lectura analítica. Dichas lecturas pueden llevarse a cabo simultáneamente porque los planos están imbricados y no son independientes, pero, por motivos didácticos y de mayor eficacia, también podemos emprenderlas consecutivamente. Los tres planos o lecturas que se proponen son:

1. Lectura en el plano lógico – argumentativo que busca identificar (antes de discutir, por supuesto) el hilo de la argumentación del autor. 2. Lectura de los juicios de hecho, es decir de los datos, los hechos de la realidad natural, referidos histórica o historiográficamente, en nuestro caso, lectura que debe incluir la plena comprensión de los conceptos científicos de la propia ciencia, con que se nombran los hechos, se reportan los datos. Es el uso riguroso de estos conceptos lo que, al tiempo que facilita la comunicación y la discusión, permite la comprensión de la realidad por medio de los procesos analítico, deductivo, inductivo, sintético. 3. Lectura de los juicios de valor o proposiciones axiológicas.

Abordo la explicación de estos tres tipos de lecturas en orden inverso; esto obedece a que, aunque el primer plano de lectura tiene mayor peso en el discurso, no se ha prestado suficiente atención a la lógica de los juicios

axiomáticos a pesar del papel central que juegan en el discurso humanístico y científico social.

Lectura de tres clases de proposiciones axiológicas

Como mostraré, los juicios de valor pueden determinar, paradójicamente al mismo tiempo, la fuerza y la debilidad de nuestros discursos; por otro lado, justamente, la diferencia en la jerarquía de valores postulados, explícita o implícitamente, por autores o personas que dialogan puede transparentar la razón de la divergencia argumentativa entre unos y otros.

Así, propongo definir y clasificar en tres tipos los juicios de valor o proposiciones axiológicas (axios en griego significa valor) que encontramos en los discursos humanísticos o científico sociales que leemos: A) las convicciones personales, culturales, B) los postulados filosóficos o teóricos y C) las afirmaciones indemostradas (hechos no confirmados) o afirmaciones predictivas (consecuencias o hechos por confirmar).

A) El primer tipo de juicio de valor se refiere a las convicciones personales, lo que implica diferencia en la jerarquía de valores entre dos o más autores. Para explicar esto, pongamos el ejemplo más simple como sería la discusión sobre cuál es el color más bonito: no habrá forma de llegar a un acuerdo porque, precisamente depende de las preferencias individuales. Podemos ejemplificar evocando situaciones más complejas, pongamos por caso, una elección política: dos amigos votan de manera divergente frente a dos candidatos, uno más

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

intolerante y el otro más corrupto, ¡los candidatos, claro! La elección en el ejemplo* se explica de forma simple: para un amigo el valor de la tolerancia es más importante y para el otro el valor más importante es la honradez; a los amigos no les gusta ni la corrupción ni la intolerancia pero la jerarquía de los valores a que uno y otro adhieren, simplemente, no coincide**. Por su importancia, más adelante retomo la disquisición sobre este primer tipo de proposiciones axiológicas. En este rubro cabrían las proposiciones indemostrables de carácter religioso, sociocultural o político pero que, por lo mismo, quedan fuera de este análisis: Dios no creó el mundo, Dios escribió el Corán, no la Tora ni la Biblia, o lo inverso; la pobreza de unos se explica por la riqueza de otros, e inversamente.

En este primer tipo (A) no debe incluirse el insulto o argumento *ad hominem*; como se trata de un juicio de valor sobre la persona con quien se discute y ni siquiera sobre los presupuestos axiológicos de las posturas que se defienden, ya no digamos de contraargumentos, no debemos calificar la proposición de juicio de valor sino, simplemente, de argumento vacío.

B) El segundo tipo de juicio de valor está constituido, justamente, por los axiomas o postulados y la

serie de supuestos teóricos sobre los que se van construyendo las ciencias y las disciplinas humanísticas. Estos axiomas, postulados y supuestos teóricos son indemostrables o indemostrados y, en este sentido, para efectos de la lectura analítica, yo los considero aquí entre los juicios axiomáticos. Por supuesto que la clasificación que hago no implica, al contrario, que debamos con-fundir las convicciones personales –primer tipo (A) de juicio de valor– con los supuestos teóricos –de este segundo tipo (B)–. A veces olvidamos la cantidad de este segundo tipo de supuestos que usamos en las ciencias, no menos en las ciencias naturales que en las sociales o humanísticas; debieran convencernos los ejemplos tan simples como a) que no podemos demostrar que existimos; b) que la ciencia no puede demostrar que es científica, c) que la filosofía no demuestra experimentalmente sus conclusiones; d) que la teoría de la evolución no ha sido propiamente demostrada y sin embargo está en la base de la investigación biológica y, por tanto, médica. En efecto, no se trata de descalificar como inconsistente el uso de presupuestos teóricos; la propuesta es leerlos analíticamente porque toda lectura analítica (crítica) es fructífera, permite comprender y hacer avanzar el co-

* Para no complicar el ejemplo, supongamos que ambos amigos son apartidistas y que en la situación política evocada las otras opciones son peores para los dos amigos, es decir, que más que un voto a favor de uno de los candidatos es un voto en contra del otro candidato.

** No discutimos aquí la posibilidad de un análisis (más) objetivo sobre la importancia mayor de una u otra de las cualidades requeridas para gobernar ni sobre el peso mayor que tendría una u otra característica negativa de esos políticos: al aducir posibles futuros divergentes no se estaría abandonando el terreno del juicio de valor.

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

nocimiento.

C) El tercer tipo de lo que hemos llamado juicios de valor está constituido por las proposiciones que buscan jugar un papel de argumentos o demostraciones al interior de un discurso, pero que en realidad no cumplen con los requerimientos lógicos; se trata de afirmaciones indemostradas, hechos no confirmados o insuficientes en número, por ejemplo, que pretenden fundamentar inductiva o hipotético-deductivamente una conclusión. Efectivamente, retomemos el ejemplo de los amigos que votan por candidatos diferentes con fundamento en divergentes jerarquías de valores. En teoría, la divergencia también podía considerarse como argumentaciones no demostradas de uno y otro pero, en principio, demostrables en términos históricos o sociopolíticos. En efecto, cuando uno de ellos aduce hechos y datos del pasado de su candidato –de ser ciertos y pertinentes–, para preferirlo como mejor, estaría formulando un argumento inductivo –con base en juicios de hecho–, pero que puede no ser significativo estadísticamente para constituir una conclusión sustentada: ha mostrado honradez en el 98% de las asignaciones, que se le conocen, de obra pública. Empero, al momento de proyectar esa con-

clusión al futuro –suponiendo que sea válida– recobraría en gran parte su carácter de no demostrado; de hecho, es indemostrable: nunca la eficiencia o moralidad del pasado de un individuo garantizará su eficiencia y moral futuras; el más tolerante puede volverse intolerante y el más honrado, ladrón.

En efecto, el carácter de postulado o juicio de valor también podemos aplicarlo a afirmaciones predictivas como la anterior (consecuencias o hechos por confirmar), cuya realización, en el mejor de los casos, está probabilísticamente sustentada. Si retomamos, nuevamente, el ejemplo de los amigos, cuando el segundo aduzca valiosos posibles futuros (con base en su creencia de la mayor valía de la cualidad de su candidato), no estaría abandonando el terreno del juicio de valor dado que su afirmación no puede estar demostrada*.

Las proposiciones axiológicas culturales explican diferendos

Retomemos, desde otra perspectiva, para clarificar, el tópico de la lectura de juicios de valor. Esta lectura, aunque no se haga con objetivo analítico, es muy popular por varias razones. En primer lugar porque su “comprensión” es —o parece— muy simple y muy gratificante cuando tales juicios son explícitos,

* Esta probabilidad siempre queda mejor cubierta en las ciencias naturales; las ciencias sociales no han alcanzado la misma capacidad predictiva, dado el mayor número de variables implicadas pero también por el frecuente menor rigor del trabajo de los investigadores sociales. Por su parte, la historia, aunque –afortunadamente, creo yo– no busca predecir, tiene la misma vocación de rigor que las ciencias naturales. Y si el futuro no es objeto de la historia, en cambio, en ella tiene cabida el laboratorio analítico del pluscuamperfecto o antepretérito: qué hubiera sucedido si Inglaterra y no España hubiera conquistado México.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

diáfanos, "explicativos" y coinciden con los pre-juicios culturales de cada quien: "los pobres son pobres porque no trabajan" o "los pobres son pobres porque los ricos son ladrones". En consecuencia lógica, cada quien podrá concluir: "entiendo todo, conozco la solución y estoy del lado de los buenos". También por ello, no debe extrañarnos que este tipo de discurso valorativo lo usen sobre todo las iglesias y los partidos políticos: los militantes de unas y otros. Hay una explicación más, neuropsicológica: por seguridad personal nuestra atención es atraída por la información que confirme nuestras convicciones. Por ello no debe extrañarnos que nos resulte difícil atender argumentos que contradigan nuestras concepciones culturales: leemos siempre el mismo periódico, los mismos autores. Y esto nos sucede incluso en el ejercicio de nuestra disciplina científica: cobra relevancia la sugerencia de Popper de buscar no más cisnes blancos sino uno negro, sólo uno, para falsar las argumentaciones. En realidad, la pertinente lectura de los juicios de valor permitirá identificar los juicios que, en última instancia, tienen un sustento de convicción personal más que lógico o material. No por ello son inútiles, prescindibles o menospreciables los juicios de valor personales, culturales, de grupo, de clase social: es analizable su función individual, social, política, discursiva. Cabe acotar, sin embargo, que siempre formulamos juicios de valor explícitos o los damos implícitamente por aceptados cuando discurremos bajo acuerdo: la igualdad ante la ley,

la justicia para todos, la dignidad de las personas, el derecho a la libertad individual, etc.; por esta razón, cuando no estamos de acuerdo en el plano discursivo analítico convendría dilucidar si nuestros desacuerdos provienen 1) de errores de comprensión o equívocos, 2) de errores lógicos en una de las partes o 3) de divergencia en los juicios de valor o en la jerarquía de valores de quienes discurren. Más aun, muy frecuentemente, muchos discursos científicos tienen por punto de partida un juicio de valor. En economía, por ejemplo, el postulado fundador implica la búsqueda de cómo mejorar el nivel de vida del mayor número de personas; en el conocimiento científico mismo se parte de un supuesto no demostrable tampoco: la realidad existe. Como se ve, la lectura comprensiva de estos juicios es más compleja de lo que parece; este tipo de discurso y de lectura difieren del pensamiento mágico de las sociedades menos complejas, anteriores a la Ilustración, que también buscaban explicarse o comprender el mundo. Pongamos como ejemplo de discurso valorativo de *simplificada* comprensión una afirmación que se repite mucho y cuyo análisis se soslaya porque, además, es políticamente incorrecto: "en este país cada día hay más pobres y los pobres son cada vez más pobres". En la anterior expresión no parece haber juicios de valor sino juicios de hecho estadísticos, aclarando que nos habríamos movido entonces al plano de lectura de juicios de hecho. ¿De verdad no hay juicios de valor implícitos, supuestos en la expre-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

sión? Y, por otro lado, ¿se trata de hechos y, qué mejor, hechos sustentados en la estadística? Analicemos, puesto que esa es nuestra tarea de lectores especialistas, como lo sería igualmente de ciudadanos letrados. Si lo pensamos bien, reconoceremos que el central juicio de valor implícito es que se debe "optar por los pobres", como dicen los católicos políticos, o "primero los pobres" como dirían los políticos (también de cultura católica). No se trata, en este caso, de compartir o no esa valoración: mi pasada cultura católica tanto como mi cultura agnóstica y mis postulados libertarios me llevan a compartir plenamente dicha valoración. El problema será definir, entender, discutir, qué se sigue en términos económicos, políticos, cotidianos, y qué es primero respecto a la elección de los medios para alcanzar el fin, el valor supremo, en que todos estamos de acuerdo: la desaparición de la pobreza que, como queda dicho, es el primer supuesto de la ciencia económica (conviene crear más riqueza y distribuirla mejor). ¿Qué sigue?: ¿invertir ingresos fiscales en asistencia político popular o invertir ingresos para equilibrar oportunidades económicas y educativas con eficaz exigencia? Si las respuestas académicas o políticas a estas últimas preguntas no resultan ni simples ni fáciles, espero haber mostrado que las proposiciones que implican juicios de valor —explícitos o implícitos—, no son de lectura comprensiva inmediata. A propósito de la segunda pregunta inicial sobre la cantidad de pobres y la profundidad de la pobreza a través de la

historia, para el caso de México, responderé con otras dos preguntas analíticas. ¿De verdad las estadísticas históricas confirman que la generación de nuestros abuelos —indígenas o no— era menos pobre que la de nuestros hijos? ¿Cómo se explicaría entonces, por ejemplo, el crecimiento demográfico de la población indígena y el incremento en su esperanza de vida al nacer, que los historiadores conocemos como uno de los indicadores del nivel de vida de los pueblos? Y que quede claro: la respuesta correcta (con juicios de hecho) a estas últimas preguntas no niega ni la persistencia de insostenibles pobreza ni la grave desigualdad de oportunidades, como tampoco implica renegar del juicio valorativo en que todos estuvimos de acuerdo.

Dos corolarios

El corolario de la propuesta de Weber: el discurso del político no ha de (con)fundirse con el trabajo del académico (riguroso). El otro corolario puede ser igualmente referido con la afirmación clásica de Voltaire: puedo no estar de acuerdo con tu opinión (valorativa) pero defenderé a muerte tu derecho a expresarla. Pero este corolario no termina aquí pues hay que aclarar que la mejor manera de desarmar las valoraciones inaceptables no es *a c a l l á n d o l a s* sino "desarmándolas" racionalmente hasta donde sea posible: no basta, por ejemplo, con soslayar o burlarnos de quienes niegan el holocausto de judíos y homosexuales por Hitler sino volver a recordar y mostrar las evidencias

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

históricas que contradicen la negación, además de analizar los motivos de los negacionistas. Evidente-mente hay valoraciones que deben ser combatidas no sólo con el arma lógica sino con las armas legales y, llegado el caso, con las armas físicas. Hay un ejemplo histórico que deja clara esta última necesidad circunstancial: no es que Hitler no entendiera razones o fuera poco inteligente o estuviera loco, es que había que combatirlo como lo combatieron los aliados al final; pero también hubiera sido necesario combatirlo mucho antes con toda la fuerza argumentativa oportuna y pertinente de muchos más intelectuales lúcidos, hombres libertarios, de libre pensamiento, y ciudadanos responsables.

Pensar libremente no significa formular ocurrencias *libres* del rigor lógico o redactar frases llenas de opiniones y juicios de valor sobre los otros. Pensar libremente significa tener claros los propios juicios de valor fundadores sin dejar de reconocer sus límites y construir los propios argumentos con rigor lógico, al lado de los pensadores rigurosos a la vez que lejos de los catecismos políticos y religiosos. Mejor que los catecismos es el rigor lógico que evita el sermón y la formulación de buenas intenciones y, más allá de la denuncia, se ocupa de construir propuestas de ingeniería social (a que Popper se refiere) que resuelva los problemas económicos y sociales. En algún sentido, toda afirmación sobre el futuro social y toda promesa política pueden ser definidas como juicios de valor pues son hechos que no se sabe

si sucederán, es decir, hechos (aún) no comprobables. Ahora bien, si es cierto que la ingeniería social es una suerte de promesa llamarla ingeniería implica imponerle el rigor de los datos elaborados y de la inteligencia aplicada, lo que permite *esperar* resultados más que *prometerlos*. Así, toda ingeniería social puede perder, aunque sea parcialmente, su carácter de juicio de valor.

Así, sin detenernos por ahora más en esta discusión, lo fundamental de la lectura analítica, diría Weber, consiste en distinguir, en el análisis de todo discurso o texto científico social o humanístico, los juicios de valor de los juicios de hecho; y, propongo yo, los juicios lógicos.

Lectura en el plano de los juicios de hecho

A propósito de este plano, cabe recordar que los estudiantes de secundaria y bachillerato, en disciplinas como la historia, son normalmente evaluados por los profesores sobre la información contenida en los juicios de hecho de un texto: datos memorizables. Así, con frecuencia, los estudiantes ven reforzada su creencia de haber comprendido una lectura sólo por haber identificado o reproducido un número "razonable" de datos contenidos en un texto, donde número razonable significa suficiente para aprobar.

Por supuesto, la lectura, aparentemente comprensiva, de datos no es suficiente, sobre todo si no está ligada pertinentemente —por un lado— al hilo argumentativo del autor; en los mejores textos de las disciplinas humanísticas los datos no agotan su signifi-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

cado en sí mismos sino que soportan la argumentación, sustentan las ideas, donde el uso de los datos halla su justificación. Por otro lado, y de manera más importante, se requiere la comprensión plena de los conceptos científicos cuando son éstos los que nombran la realidad y los datos, precisamente, tomando la perspectiva que el trabajo científico y disciplinado del hombre ha ido construyendo desde que –aguzando el sentido común y alejándose del pensamiento mágico–, aplica el método científico para comprender el mundo. El lector analítico, en primera instancia, ha de identificar precisamente los conceptos científicos empleados por el autor de su disciplina, más las disciplinas auxiliares. El trabajo del estudioso de la historia, en nuestro caso, le exigirá la apropiación conceptual de los conceptos consultados en el diccionario especializado de la disciplina implicada. Y dado que la historia tiene múltiples disciplinas auxiliares, deberemos consultar otros tantos diccionarios especializados, como podría constatarse en textos de historia económica, demográfica, de epidemiología, de la ciencia y la técnica, de artes, de ecología, de medicina, de biología, por citar algunas.

El objetivo final que se propone aquí, como lectura analítica, consiste, precisamente, en lograr leer las ideas, donde los datos, juicios de hecho, juegan sus distintos roles: 1) reseñar los objetos de análisis o los circunstanciales, 2) ejemplos que clarifican ideas y, sobre todo, 3) hechos que sustentan la inducción, las explicaciones que propone el autor, todo a

partir del uso de conceptos científicos. Así, el mismo texto permitiría realizar el ejercicio de: a) identificar los juicios de hecho, b) mostrar cuál de los tres roles cumple cada uno de ellos, c) analizar si cumplen bien su función, en particular el tercero, es decir, hasta qué punto logran sustentar la conclusión inductiva o conjetura científica y provisional, como diría Popper, la falsación, deductivamente, de las hipótesis o explicaciones causales: el cisne negro con el que hemos de buscar falsar –validar provisionalmente o invalidar– la proposición general *todos los cisnes son blancos*, a fin de enriquecer con nuevas hipótesis las conjeturas científicas.

La lectura de la ilación argumentativa y la identificación de sus sintagmas

No menos necesario, para alcanzar el objetivo de leer ideas, es realizar el primer plano de la lectura analítica, la que identifica los argumentos. El soporte discursivo de éstos son los sintagmas específicos. Por ello, el ejercicio que se ejemplifica aquí, *supra*, propone identificar los sintagmas y metaconceptos que soportan el discurso argumentativo científico humanístico, como paso didáctico imprescindible para leer ideas y argumentaciones, resultados de investigación que los especialistas exponen. Después de leerlas comprensivamente, con éstos y el resto de los elementos propuestos en el presente texto, sabremos discutirlos, reformularlos, aplicarlos a nuestra propia investigación. El lector analítico no debe dejar escapar el sentido de los sintagmas lógico gramaticales que enlazan –al tiempo que el

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

investigador expone— los hechos y conceptos con los movimientos del pensamiento. Es decir, explicar relaciones entre los elementos o variables del objeto estudiado: identificar causas; establecer secuencias causales; formular relaciones de condicionamiento, jerarquía, consecuencia, coincidencia; hilar términos argumentativos; negar o matizar el tipo de relación —entre términos argumentativos, entre hechos, entre argumentos y hechos—.

Así, propongo y ejemplifico el ejercicio de lectura en el plano lógico argumentativo. Acompañado de la solicitud de identificar los conceptos científicos empleados por todo buen autor. El ejercicio (resuelto, a manera de ejemplo), sobre un subapartado de capítulo de un bello libro de Livi Bacci, subraya (**en negritas**) las expresiones del discurso correspondientes a la lectura del plano lógico, la que consiste en identificar los sintagmas que construyen argumentos.

Nótese que se trata de expresiones o conceptos (entonces, metaconceptos por ser conceptos lógicos y gramaticales) que todas las ciencias utilizan. Igualmente, nótese que incluye verbos y sustantivos de fuerte contenido lógico, pero también de nexos o modificadores que se convierten en expresiones (sintagmas) o palabras claves (conjunciones, adverbios, o adjetivos que determinan matices, negación, oposición, contraste, subrayado, insistencia, etc., los cuales también son utilizados por todas las ciencias). No incluye entonces ni conceptos científicos que definen y explican la realidad (construidos

por las ciencias naturales: físicas, biológicas, histórico sociales) ni datos (provenientes de la realidad natural: física, biológica, social, histórica o no).

Otro ejercicio consistiría en clasificar los párrafos e, incluso, las oraciones de un párrafo en fundamentalmente descriptivos o fundamentalmente argumentativos. El ejercicio que aquí se presenta clasifica palabras, expresiones o sintagmas argumentativos, es decir lógicos, dentro del discurso o de las oraciones mismas y sintagmas descriptivos; en estos sintagmas también se hallan los conceptos científicos. Por supuesto que la identificación y comprensión de estos conceptos es absolutamente indispensable para aprehender las propuestas científicas de explicación de la realidad. En el texto se subrayan los conceptos cuya definición debe ser consultada, como se dijo antes, en los diccionarios especializados —para aprehender el pleno sentido—. No olvidar que es la plena comprensión y no la memorización la que nos permite utilizarlos en nuestra profesión, es decir, pensar y escribir con ellos síntesis —en el sentido lógico—. El primer paso será que el estudiante sea capaz de parafrasear el texto que se trabaja y que el profesor verifique y corrija, en su caso, el correcto uso del concepto, del pensar, de la redacción.

En principio, deberán ejercitarse también, como siempre, las competencias de: a) uso pertinente del diccionario para aprehender el sentido del léxico, b) redacción de paráfrasis, para verificar la comprensión de los metaconceptos que se han iden-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

tificado, c) construir diagramas que expliciten gráficamente las relaciones (en particular las de causalidad) entre los elementos implicados por el autor en su texto, d) indicar con el símbolo de flecha (en la dirección correspondiente, derecha o izquierda), las relaciones causales o consecuenciales formuladas por el autor.

Ejemplo del ejercicio

Explicación de la tipografía utilizada en el ejemplo de ejercicio: los conceptos científicos, cuya definición puede consultarse en diccionarios especializados, van subrayados; las expresiones o palabras en negritas corresponden a los sintagmas argumentativos o lógicos, utilizados por todas las ciencias; las palabras *EN CURSIVA* y *VERSALITAS* corresponden a posibles juicios de valor, para discutir si son o no formulaciones axiológicas, en qué sentido, y si el uso correspondiente debilita argumentativamente el discurso.

La abundancia o la escasez de alimentos es, para todas las especies vivas, la condición básica de los ciclos de crecimiento y de recesión. Como saben *PERFECTAMENTE* los biólogos y naturalistas, la disponibilidad de alimento depende en la naturaleza del *COMPLEJO* entramado de competición entre especies diversas, depredación, condiciones climáticas y epidemiología. Ni siquiera los más *SOFISTICADOS* modelos matemáticos consiguen simular fácilmente ese complejo entramado. En la especie humana hay que tener en cuenta además la peculiar capacidad de producir y conservar los alimentos; pero también

para los humanos la disponibilidad de alimento ha sido siempre un factor básico del crecimiento, especialmente en las sociedades rurales, donde se trabajaba para procurarse vestido y alojamiento pero sobre todo para poderse saciar y alimentar. En realidad, esta regla también estaba vigente en las ciudades, donde vivía una exigua parte de la población y donde aprendices y tenderos, peones y artesanos gastaban en alimentos casi todos sus ingresos. En pleno siglo XIX, Francia y Alemania, sociedades que estaban *A LA VANGUARDIA* de la cultura y de la ciencia, no habían resuelto completamente los problemas de alimentación de toda la población. Aunque en los años que se libraban de las inclemencias del clima y de las catástrofes bélicas el nivel alimentario era satisfactorio, en los años de escasez y carestía el presupuesto alimentario de las masas se reducía drásticamente.

Incluso antes que Malthus, Adam Smith, en 1776, con una frase que *SE HA HECHO FAMOSA* aunque de sentido obvio, definía así la relación entre desarrollo demográfico y recursos: «Toda especie animal se multiplica en función de los medios de subsistencia, y no hay especie que pueda multiplicarse más rápidamente que éstos». No hay duda de que por medios de subsistencia Smith entendía sobre todo las necesidades materiales básicas y, en primer término, la comida. Unos decenios más tarde, Malthus repetirá que «la comida es necesaria para la supervivencia del hombre» y que «la capacidad de crecer que tiene la población es ma-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

yor que la capacidad [47] que tiene la tierra de producir los medios de subsistencia para el hombre», entendiéndose también por medios de subsistencia sobre todo la comida, cuya falta o escasez provocan el «VICIO» (prostitución, relaciones contra natura, abortos) y la misery, y, por tanto, la elevada mortalidad infantil y las epidemias. Naturalmente, también el trabajo inhumano, la INADECUACIÓN de la vestimenta y la angustia por hallar una vivienda forman parte de la misery, pero su causa principal es sin duda la falta de alimento. Tampoco David Ricardo tenía dudas cuando en 1817 afirmaba que «las clases trabajadoras, que sobreviven con la alimentación más vil ... están expuestas a tremendas vicisitudes», y también destacará —como lo hicieron otros antes que él— que el bajo precio de los productos alimentarios en América y el alto precio que alcanzaban en Europa fueron la causa del rápido crecimiento demográfico en la primera y del débil desarrollo en la segunda*.

* Livi Bacci, Massimo, *Historia de la población europea*, Crítica, Barcelona, 1998, Capítulo tres: Alimentos (páginas 46-47); primer párrafo del apartado "Población y alimentación".

УДК 81.42

Хомутова Т.Н.

Анализ дискурса: интегральный подход

В докладе исследуется проблема интерпретации дискурса в различных научных парадигмах. Рассматриваются вопросы определения дискурса, его структуры и основных единиц, соотношения понятий «дискурс», «текст» и «коммуникация». Приводятся различные подходы к анализу дискурса, особое внимание уделяется интегральному подходу. Предлагается интегральная модель текста и дискурса с учетом когнитивного, социального, культурного, языкового и коммуникативного аспектов. С позиций интегрального подхода текст как продукт дискурса представляет собой интегральный рассредоточенный объект, единство четырех фрагментов: фрагмента знания, фрагмента национальной культуры, фрагмента языка и фрагмента социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности. Коммуникативная деятельность как ролевое исполнение речевой деятельности является стержнем, который объединяет указанные фрагменты в единое целое. Исходя из этого, дискурс можно интерпретировать как интегральный рассредоточенный процесс сопряжения коммуникативных деятельностей участников коммуникации, в ходе которого вербализуются фрагменты знания, национальной культуры, языка и социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности и происходит управление неречевой деятельностью коммуникантов. Намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: дискурс; текст; коммуникация; интегральный подход; интегральная модель

Хомутова Т.Н., доктор филологических наук, заведующая кафедрой ЮУрГУ. E-mail: khomutovatn@susu.ru.

UDC 81.42

Khomutova T.N.

Discourse analysis: an integral approach

The report focuses on the problem of discourse interpretation in different paradigms. The notions of discourse, its structure, principal constituents and correlation of discourse, text and communication are investigated. Different approaches to the analysis of discourse are described with a special emphasis on the integral approach. An integral model of text and discourse with respect to their cognitive, social, cultural, language, and communicative aspects is presented. From the integral perspective, text as a product of discourse is an integral distributed object, a unity of four fragments: a fragment of knowledge, a fragment of national culture, a fragment of language, and a fragment of social space in their global interrelation and interconnection. Communicative activity as a role performance of speech activity is the core process which unites the above fragments into a single whole. Thus, discourse may be interpreted as an integral distributed process of linking communicative activities of different communicators, in which fragments of knowledge, national culture, language and social space are verbalized in their global interrelation and interconnection leading to the control of the non-speech activities of those involved in communication. Perspectives of further research are outlined.

Keywords: discourse; text; communication; integral approach; integral model

Khomutova T.N., doctor of philology,
professor of the SUSU, e-mail: khomutovatn@susu.ru

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

1. Introduction

Discourse analysis is an increasingly popular and important area of study. However, it still remains a vast and somewhat vague sub-field of linguistics. In this paper I want to examine the problem of discourse analysis and different approaches to discourse definition with a special emphasis on the new integral approach.

The term *discourse analysis* was first employed in 1952 by Zellig Harris as the name for 'a method for the analysis of connected speech (or writing)', which goes 'beyond the limits of a single sentence at a time', and for 'correlating culture and language' (Harris, 1952: 1-2). We can clearly see from this definition that Z. Harris distinguished two aspects of discourse: it is a unit above the sentence and it correlates with culture.

However, Harris' analysis was concerned only with sentences, that is, units within longer stretches of text, and not with discourse itself. This explains why Harris' early attempt to deal with discourse as a sequence of transformed sentences was not pursued. It was not until the mid 1960s that other models of discourse analysis started to emerge. It is important to note that they emerged within very different academic disciplines (anthropology, ethnography, sociology, pragmatics, sociolinguistics, psycholinguistics, and text linguistics) and developed parallel to each other.

The need to unite different models of discourse analysis resulted in the appearance of a new academic discipline, which re-

sides at the borders of the above disciplines and is supposed to study discourse from different angles. It is known as discourse analysis.

2. Definitions of discourse

The object of discourse analysis is discourse. Definitions of discourse have been changing over time with different approaches. In addition to Harris' definition of discourse as a 'sequence of sentences' other definitions of discourse were introduced. Thus, modern linguists view discourse as 'a social interaction' (Brown & Yule, 1983; Fasold, 1990), 'a complex unity of form, meaning and action', 'a communicative event' (van Dijk, 1985), 'the sum of the socially-instituted modes of speech and writing and the related forms of power' (Foucault 1972), 'text plus situation' (Ostman & Virtanen, 1995), 'text and talk' (Tannen, 1981; Bogdanov, 1993; Makarov, 2003), 'text and context' (Georgakopoulou & Goutsos, 2004), 'utterance' (Schiffrin, 1994), 'speech act' (Sidorov, 2008), etc.

In her book *Approaches to Discourse* Deborah Schiffrin (1994), a prominent American linguist, considers three different definitions of discourse. She explains the difference in definitions in terms of the difference in approaches, recognizing the existence of two general paradigms in linguistics. These two paradigms are called formal (structural) and functionalist (interactive).

The two paradigms are based on different assumptions about the general nature of language and the goals of linguistics. The

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

methods of studying the language and the nature of empirical evidence vary as well. These differences in the two paradigms also influence definitions of discourse: a definition derived from the formal paradigm views discourse as '*a sequence of sentences*'; a definition derived from the functionalist paradigm regards discourse as '*language use*' or '*social interaction*'. A third definition of discourse proposed by D. Schiffrin considers discourse as '*an utterance*', and attempts to bridge the formal-functionalist dichotomy. Thus, the relation between structure and function is an important issue that is related to other issues central to discourse analysis.

The two definitions of discourse prevalent in linguistics reveal the differences between formalist and functionalist paradigms. Let us consider them in detail.

3. Different approaches to discourse

3.1. Formal approach. Discourse as language above the sentence

The classic definition of discourse according to the formalist paradigm is that discourse is '*language above the sentence or above the clause*' (Stubbs, 1983). Despite the diversity of structural approaches there is a common core: structural analyses focus on the way different units function in relation to *each other*, but they disregard the functional relations with the context of which discourse is a part.

Structurally based analyses of discourse find constituents (smaller linguistic units) that have particu-

lar relationships with one another and that can occur in a restricted number of arrangements. In many structural approaches, discourse is viewed as a level of structure higher than the sentence, or higher than another unit of text. Z. Harris claimed that discourse is the next level in a hierarchy of morphemes, clauses and sentences.

Thus, structurally based definitions of discourse lead to analysis of constituents (smaller units) that have particular relationships with one another in a text. They also try to extend methods of linguistic analysis that have been useful for other levels of linguistic description. They rely on linguistic characteristics of sentences as clues to textual structures. The terms '*discourse*' and '*text*' are interchangeable in the formal paradigm. Discourse is just another name for text.

3.2. Functionalist approach. Discourse as language use

The functionalist definitions of discourse view discourse as language use. According to this view discourse analysis cannot be restricted to the description of linguistic forms independent of the purposes or functions which these forms are designed to serve in human affairs. Discourse is assumed interdependent with social life, such that its analysis necessarily intersects with meaning, activities, and systems outside of itself.

This view reaches an extreme in the work of the critical language school, which advocates that '*language is a part of society; linguistic phenomena are social phenomena of a special sort, and*

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

social phenomena are (in part) linguistic phenomena' (Fairclough, 1989). According to this view language and society are interwoven to such an extent that analysis of language as an independent system would be a contradiction in terms.

A functional approach views discourse as a system (a socially and structurally organized way of speaking) which allows particular functions to be realized. Although formal regularities may very well be examined, a functionalist definition of discourse deflects analysts away from focusing on such regularities. Functionally based approaches rely less on grammatical characteristics of texts, than on the way texts are situated in contexts. Functional analysis focuses on how people use language to achieve different ends. It is concerned less with referential and more with social, cultural and expressive meanings stemming from how people's utterances are situated in contexts.

However, a functionalist definition of discourse provides no way to define discourse as distinct from other levels of language use (the use of sounds, words, sentences). This is because discourse is identified with social life. This inclusive view of discourse has the potential to submerge discourse analysis under broader and more general analyses of language functions. That is why another attempt to define discourse, a formal-functionalist, has been undertaken. It defines discourse as 'utterances' (Schiffrin, 1994).

3.3. *Formal-functionalist approach. Discourse as an utter-*

ance, as a text in social context, as a communicative act

The definition of discourse as 'utterances' captures the idea that discourse is 'above' (larger than) other units of language (Schiffrin, 1994: 39). However, by saying that utterance is the smaller unit of which discourse is comprised, D.Schiffrin suggests that discourse arises not as a collection of decontextualized units of language structure, but as a collection of inherently contextualized units of language use. Thus, this definition sits at the intersection of structure and function.

However, the main problem with this definition is that the notion of 'utterance' is not clear. For many linguists, utterances are contextualized sentences, that is, they are context-bound. Others propose that sentences and utterances are radically different from each other: sentences are abstract objects that may never actually be realized, while utterances need not have any grammatical backing at all (Fasold, 1990). A third group proposes that sentences are 'decontextualized' utterances (Figueroa, 1990). Regardless of these difficulties the definition of discourse which includes both form and function seems most reasonable. However, for the above reasons we cannot agree with Schiffrin's use of the term "utterances" to define discourse.

I have already mentioned some other formal-functionalist definitions of discourse, i.e. discourse as 'text plus situation' and 'text and context'. They include 'text' as a communicative unit,

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

and 'situation' and 'context' as extralinguistic conditions in which texts perform their functions. Thus, discourse in a formal-functionalist paradigm may be interpreted as a context-bound text. By context social context is meant. This comprises speech community (*speaker-hearer, and their personal characteristics: age, gender, education, religion, profession, social status, health, thesaurus, background knowledge, grammatical competence, etc.*), speech competence (*rules for the conduct and interpretation of speech*), speech situation, the subject of communication, the goal of communication, the form of discourse (*oral/written, dialogue/monologue*), time limit, the result of communication, etc. (Hymes, 1972; Levitsky, 1997).

Another variation of a formal-functionalist approach may be the definition of discourse in a communicative paradigm: discourse is an autonomous speech act, a process in which a text is generated in a social-cultural context (Sidorov, 2008). Thus, discourse is viewed as a processual aspect of communication encompassing the result of communication which is the text, and both social and cultural context. The advantage of this approach is that it resorts to the actional aspect of communication, as well as to the nature of the text as a linguistic sign, interpreting it as a sign model of communicative interaction of those participating in communication.

Proceeding from the above definitions of discourse, we may establish a relation between text

and discourse. The following five major interpretations of the above relations may be distinguished:

Text and discourse are *complete synonyms*; the terms are used interchangeably in both formal and functionalist approaches to denote either language above the sentence, or language in social context (Kamenskaya, 1990), or a linguistic component of communication (Levitsky, 1997).

Text and discourse are *different notions*. Text is an *abstract linguistic unit*, i.e. language, while discourse is *realization of text*, i.e. *speech* (Sinclair & Coulthard, 1975).

Text is an *aspect of discourse* (Tannen, 1981; Bogdanov, 1993; Makarov, 2003). Discourse is defined as *speech activity*, including texts and talk. Text is viewed as *recorded language material*, while talk is unrecorded.

Text and discourse are *different aspects of the same phenomenon*, which is called *communication* (Georgakopoulou & Goutsos, 2004: 4), *discourse-text* (Gordejeva, 1999), *the sum of communicative speech acts* (Milevskaja, 2002). Discourse is viewed as *speech activity*, which is the process of sharing knowledge in communication, while text is seen as a *result* of this process (Gordejeva, 1999), its product (Brown & Yule, 1983), and the means of this communication (Georgakopoulou & Goutsos, 2004).

Discourse is an *act of speech communication*, while the text is a *sign model of discourse* (Sidorov, 2008).

Concerning the above interpretations of relations between

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

text and discourse, several concepts must be emphasized. First, almost all the interpretations define discourse as speech activity, a process of communication. Second, definition 3 is close to definition 1 regarding text as recorded discourse. Next, definitions 4 and 5 are very close with a difference in focus. The idea of the text being a sign model of discourse seems quite new and productive.

Thus, discourse and text do not refer to different domains. They are aspects of the same phenomenon, i.e. communication. The terms reflect a difference in focus. Discourse is the process of communication. Text is the resultant model of this process. Discourse is a more embracing term: it comprises both text as its model and communicative context as the reality of communication. Thus, we share the view that text and discourse are different aspects of communication. Understanding discourse as the process of speech communication in a certain social, cognitive, and cultural context shows the interdependence of language, cognition, culture and society to be an important feature of human life.

However, no matter how progressive the above formal-functionalist definitions of discourse may seem they do not give a ready answer as to how and to what extent the social-cultural context is interwoven with the text. That is why another attempt has been undertaken to explain the true nature of discourse, which stems from the integral approach.

3.4. *Integral approach. Discourse as an integral distributed phenomenon, a unity of cognition, culture, language, social space and communication*

3.4.1. *Integral paradigm*

The integral paradigm in linguistics arises from the concerns of modern linguists to give a comprehensive interpretation of language as a complex multi-aspective phenomenon. Among those who share these concerns are the proponents of the cognitive-discursive approach (E.S. Kubryakova), translinguistics/metalinguistics (M.M. Bachtin), functional stylistics (M.N. Kozhina), linguistic synergetics (R.G. Piotrovsky) and many more. All the above approaches are integrative in their essence and may be termed integral though they omit the word 'integral' in their names. However, by the end of the 20th century a new universal approach to research of different objects emerged which has become truly integral not only by its method but by its name as well. The founder of the universal integral approach is K. Wilber, an outstanding American scholar, psychologist and philosopher.

3.4.2. *K. Wilber's universal integral approach*

K. Wilber first used the word 'integral' to refer to his approach after the publication of his book *Sex, Ecology, Spirituality* in 1995. In this book he presented the AQAL quadrant model which forms the framework of his integral theory. AQAL stands for *all quadrants, all levels, all lines, all states, and all types*. These are five irreducible elements which signify the most

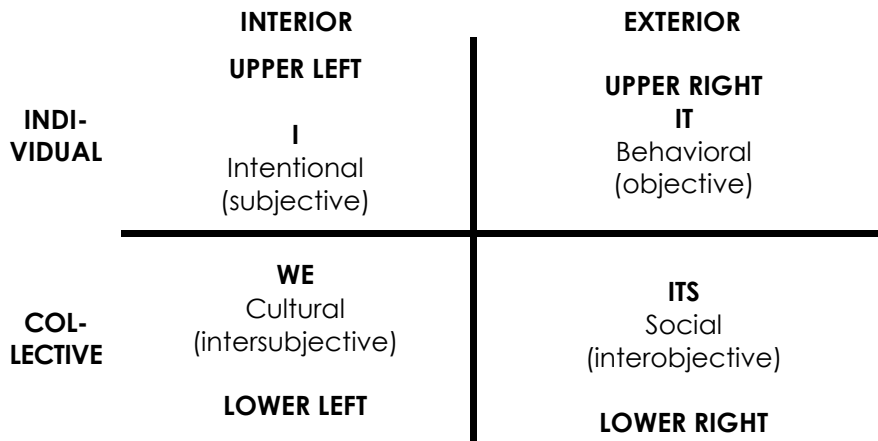
**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

basic repeating patterns of reality. Including these elements into research you get a worldwide view of reality and ensure that no important aspect is left out.

The AQAL model consists of four basic quadrants or perspectives: subjective, intersubjective, objective, and interobjective, which an integral practitioner

must resort to in his attempt to research any object or aspect of reality. The quadrants express that everything can be viewed from two fundamental directions: 1) an inside and an outside perspective, as well as from 2) a singular and a plural perspective (Fig 1).

Fig.1. K. Wilber's four quadrant model (Esbjorn-Hargens, 2009)

In his *Overview of Integral Theory* S. Esbjorn-Hargens (2009) states that in contrast to approaches that explicitly or inadvertently reduce one quadrant to another, integral theory understands each quadrant as simultaneously arising. Integral researchers often use the quadrants as their first move to scan a situation and bring multiple perspectives to bear on the exploration at hand. Thus, the AQAL model is quite comprehensive. In fact, you do not have to use all of these distinctions all the time, as even using one or two of these elements

can make your approach to analysis more integral than many others.

The methodological basis of an Integral approach and Integral science in general is Integral methodological pluralism which operates according to three principles: *inclusion* (apply multiple perspectives and methods impartially), *enfoldment* (prioritize the importance of findings generated from these perspectives), and *enactment* (recognize that phenomena are disclosed to subjects through their activity of knowing them).

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

No wonder K.Wilber (2003) calls his integral approach 'a metaparadigm', or a way to bring together already existing separate paradigms into an interrelated network of approaches that are mutually enriching.

3.4.3. Integral approach in linguistics

An Integral approach in linguistics based on the principles of K.Wilber's universal integral theory was first worked out and put into practice by the author of this article in the book *Research Text: An Integral Approach* (Khomutova, 2010).

The integral approach in linguistics is defined as an approach which combines different perspectives of one and the same object of research to give it a global, multi-aspective, and comprehensive interpretation with all the elements of the integral approach being not a mere sum total but sharing a common core which helps to reveal their interrelation and interdependence in exploring and explaining the research object.

Our integral theory of the research text (Khomutova, 2010) looks at the latter as an integral distributed object, a unity of four fragments: a fragment of

knowledge, a fragment of national culture, a fragment of language, and a fragment of social space in their global interrelation and interconnection. Communicative activity as a role performance of speech activity is the core which unites the above fragments into a single whole. With the text being the sign model of discourse we suppose that this integral approach can be applied to discourse as a whole.

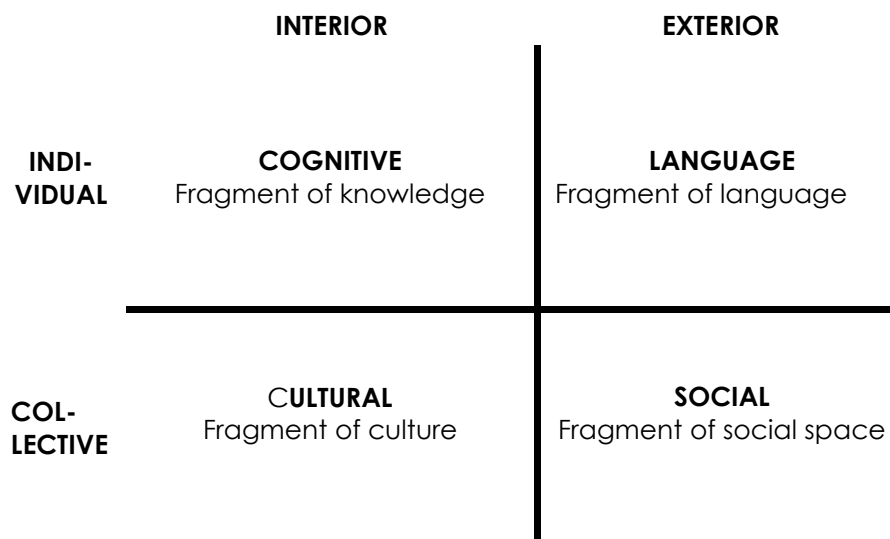
Thus, from the integral perspective, discourse may be interpreted as an integral distributed phenomenon, a process of linking communicative activities of different communicators, in which fragments of knowledge, national culture, language and social space are verbalized in their global interrelation and interconnection leading to the control of the non-speech activities of those involved in communication.

3.4.4. Integral model of discourse

Discourse as an integral phenomenon is distributed among four quadrants: cognitive, cultural, language, and social, the units of which are actualized with the help of the communicative activity mechanism (Fig.2).

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Fig.2. Integral model of discourse

In the *cognitive* quadrant discourse is a fragment of knowledge of a certain domain. This knowledge in general can be of two types: declarative (concepts and domain ontologies) and procedural (mental operations and strategies) with further subdivisions. In the *cultural* quadrant discourse is a fragment of national culture which involves cultural concepts, values, and structures inherent in the corresponding culture. In the *social* quadrant discourse is a fragment of social space including social concepts, such as participants in the communication with their respective age, gender, education, profession, religion and other social dimensions, as well as social structures and events. In the *language* quadrant discourse is a fragment of language *per se* representing fragments of

knowledge, culture, and social space with the help of multiple language categories and means (denotes, topics, micro- and macrostructures, superstructures, grammatical and lexical structures, various lexical, grammatical, and textual means, etc.). *Communicative activity* as a role performance of speech activity is the core which unites all the four fragments of discourse into a single whole with all of them being interrelated and interconnected so that they form an inseparable whole and are separated only for research reasons.

The elements of discourse are interrelated according to a certain pattern, which makes it possible to state that discourse is an integral process distributed among four quadrants distinguished within the framework of the integral approach. The units

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

and categories of discourse as a fragment of knowledge are closely connected with units and categories of discourse as a fragment of culture, language and social space. This interconnection stems from the fact that the basis of language is formed by mental, cultural, social, and communicative meanings which are transformed into language meanings by the language system. One good example may be R.B. Kaplan's cultural thought patterns which illustrate the interdependence of cognition, culture, social space, and language (Kaplan, 1966). Lexical, grammatical, and semantic structures are not arbitrary, they reflect basic categories and structures of our cognitive, cultural, social, and communicative processes.

4. Conclusion

We have seen that discourse analysis remains a vast and a somewhat vague subfield of linguistics. There have been numerous attempts to disclose its true nature, including formal, functionalist, and formal-functionalist ones which, however, do not give a ready answer as to what discourse is. The solution of the problem seems to be found on the basis of an integral approach which is a way to bring together already existing separate paradigms into an interrelated network of approaches that are mutually enriching.

The integral approach in linguistics based on the principles of K.Wilber's universal integral approach is defined as an approach which combines different

perspectives of one and the same object of research to give its global, multi-aspective, and comprehensive interpretation with all the elements of the integral approach being not a mere sum total but sharing a common core which helps to reveal their interrelation and interdependence in exploring and explaining the research object.

From the integral perspective, discourse is an integral distributed phenomenon, a unity of four fragments: a fragment of knowledge, a fragment of national culture, a fragment of language, and a fragment of social space in their global interrelation and interconnection. Communicative activity as a role performance of speech activity is the core process which unites the above fragments into a single whole. Thus, discourse may be interpreted as an integral distributed process of linking communicative activities of different communicators, in which fragments of knowledge, national culture, language and social space are verbalized in their global interrelation and interconnection leading to the control of the non-speech activities of those involved in communication.

The perspectives of further research include contrastive investigation into the integral model of discourse in different languages, sublanguages and genres, which will contribute to defining the socially and culturally-bound character of discourse, as well as help participants in communication find and retrieve discourse information with minimal efforts.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

References

- Bogdanov, V.V. (1993). *Tekst i tekstovojе obschenije: uchebnoje posobie [Text and textual communication: textbook]*. Saint-Petersburg: Nauka.
- Brown, G. & Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge University Press.
- Esbjorn-Hargens, S. (2009). An Overview of Integral Theory. *Integral Life*, March 12th, 2009. <http://www.integrallife.com/node/37539>
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. London: Longman.
- Fasold, R. (1990). *The Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell.
- Figueroa, E. (1990). *Sociolinguistic metatheory: an utterance based paradigm*. PhD, Dissertation, Georgetown University. Cit. Shiffrin, D. (1994).
- Foucault, M. (1989). *The Archeology of Knowledge*. London: Routledge Classics.
- Georgakopoulou, A. & Goutsos, D. (2004). *Discourse Analysis*. Edinburgh University Press.
- Gordejeva, O.N. (1999). Chlenenije teksta: strukturno-statisticheskij i dinamičeskij podhody [Text delimitation: structural-statistical and dynamic approaches] In *Dialektika teksta: t.1-2. T.1 / pod red. A.I. Varshavskoj*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Press, 12-40.
- Harris, Z. (1952). Discourse analysis. *Language*, 28, 1–30; 474–494.
- Hymes, D. (1972). Models of the interaction of language and social life. In J.Gumperz and D.Hymes (eds), *Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 35-71.
- Kamenskaya, O.L. (1990). *Tekst i kommunikatsija [Text and communication]*. Moscow: Vysshaja shkola.
- Kaplan, R.B. (1966). Cultural thought patterns in inter-cultural education. *Language learning*, 16, 1-20.
- Khomutova, T.N. (2010). *Nauchnyj tekst: integralnyj podhod [Research text: an integral approach]*. Chelyabinsk: SUSU Press.
- Levitskyj, Y.A. (2006). *Lingvistika teksta [Text linguistics]*. Moscow: Vysshaja Shkola.
- Makarov, M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of the theory of discourse]*. Moscow: Gnozis.
- Milevskaja, T.V. (2003). *Svyaznost kak kategorija diskursa i teksta: kognitivno-funktsionalny i kommunikativno-pragmatichesky aspekty [Coherence as the category of discourse and text: cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects]*: avtoref. diss...d-ra filol. Nauk. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don University Press.
- Ostman, J. & Virtanen, T. (1995). Discourse Analysis. In *Handbook of Pragmatics: Manual*. Amsterdam – Philadelphia, 239-253.
- Schiffrin, D. (1994). *Approaches to Discourse*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc.
- Sidorov, E.V. (2008). *Ontologuija diskursa [Ontology of discourse]*. Moscow: LKI Press.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Sinclair, J.M. & Coulthard, M. (1975). *Towards an Analysis of Discourse*. London: Oxford University Press.

Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford University Press.

Tannen, D. (ed.) (1981). *Analyzing Discourse: Text and Talk*. In *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics*. Washington, DC: Georgetown University Press.

van Dijk, T.A. (1985). Introduction: discourse as a new cross-discipline. In T.A. van Dijk (ed.). *Handbook of Discourse Analysis, Vol.1: Disciplines of Discourse*. New York: Academic Press, 1-10.

Wilber, K. (1995). *Sex, ecology, spirituality: The spirit of evolution*. Boston, MA: Shambhala.

Wilber, K. (2003). Foreword. In Visser, F. *Ken Wilber: Thought as passion*. Albany, NY: SUNY Press, xii-xiii.

УДК 821.161.1 + 81'322.4

Шереметьева С.О.

Прикладной анализ дискурса как основа повышения качества профессиональной документации

В докладе рассматривается вопрос использования прикладного анализа дискурса для повышения качества профессиональной документации. Выявляются проблемы, возникающие у людей при понимании или переводе текстов, в том числе и машинном переводе. Показывается как результаты анализа дискурса использованы при разработке инструментария, поддерживающего авторскую деятельность и обеспечивающего создание документов с высоким уровнем понимаемости и переводимости. Поддержка авторской деятельности понимается как интерактивная процедура, которая информирует автора о проблематичных фрагментах текста и контролирует лингвистические параметры создаваемого документа. Методика, описанная в статье универсальна и дает хорошие результаты. Подход иллюстрируется на примере компьютерного инструмента поддержки авторской деятельности в области машиностроения.

Ключевые слова: профессиональная документация, компьютерная поддержка авторской деятельности, удобочитаемость, переводимость

Шереметьева Светлана Олеговна,
доктор филологических наук, профессор
Южно-Уральского государственного университета, e-mail:
linklana@yahoo.com

UDC 821.161.1 + 81'322.4

Sheremetyeva S.O.

Applied discourse analysis targeted at improving the quality of professional documentation

In the paper an applied aspect of discourse analysis targeted to effective support in professional writing is put into focus. Barriers to human understanding (readability), human and machine translation (translatability) of professional documentation are discussed. A methodology to develop an authoring system for improving the quality of a document based on the results of discourse analysis is presented. Authoring is viewed as an interactive procedure that makes professionals aware of the typical areas of concern and controls linguistic parameters of a document to make it more readable and translatable. The methodology is universal and provides for intelligent output. It is illustrated on the example of a computer tool for research papers on engineering in the Russian language but can be applied to other languages and domains.

Keywords: professional documentation, computer-aided authoring, readability, translatability

Sheremetyeva Svetlana Olegovna,
Doctor of Philology, Professor, the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Faculty of Linguistics of the SUSU (NRU) tel.: 8-351-900-92-36, E-mail: linklana@yahoo.com

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

1. Introduction

Discourse analysis is nowadays a popular trend in many fields of research. There are a lot of approaches to and definitions of discourse and discourse analysis. The frame and the purpose of this paper do not allow us dwelling on the theoretical aspects of these issues, we just refer the reader to a very good review given in (Khomutova, 2010). We will note here that applied discourse analysis seeks to identify ways in which discourse analytic research can provide for recommendations for human practice (see, e.g., Willig, ed, 1999). We claim that parameters of applied discourse analysis should be defined by its specific purpose as particular type of domain. The purpose of our research is to use its results to improve professional writing by suggesting both recommendations and a computer tool.

Professional documentation is an indispensable means of scientific and technical progress in the human society. Being an important communication media in the dissemination and assimilation of domain specific knowledge professional texts should be highly comprehensible for the interested audience both in the native and foreign languages. This is directly related to such parameters as text readability and translatability. Readability is related to the level of the clarity of a text for human understanding. By the interested audience we mean the native language professionals and human translators, the latter are responsible for the comprehensibility of a document in a foreign language. Professional texts are of-

ten extremely difficult to understand (low readable) for both mentioned categories of the human audiences not only because of the abundance of specific terminology but also due to the complex syntax and syntactic ambiguity. This is especially relevant for translation, whose operativeness given the exploding volume of professional publications and ever increasing demand for international information exchange is nowadays put in focus. This, in turn, leads to the wide use of machine translation (MT), notwithstanding its quality problems. The efficiency and quality of machine translation depends on the translatability indicators of a source language text. Among the translatability indicators that lower the quality of machine translation are such linguistic phenomena as lexical ambiguity, sentence length, coordination and syntactic complexity, etc. (Underwood and Jongejan, 2001). Translatability correlates (though does not coincide) with the notion of readability. Normally, if a source language document is both highly readable and translatable it guarantees the success of professional communication on both domestic and international levels.

However, professionals (scientists and technicians), both in Russia, as well as abroad, concentrating on the content of the document do not always express their findings in a good language. Despite many writing instructions such as, e.g., GOST (GOST, 1997), the correlation between theory and writing practice remains problematic. As this often leads to failures in professional commu-

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

nication in the source language and mistakes in translation a strong need for effective computer system to support professional writing is evident.

In this paper we attempt to contribute to the solution of the problem by suggesting a methodology of the computer supported improvement of the readability and translatability of professional texts. To prove the viability of the methodology it is implemented into a tool that makes professionals aware of the typical areas of concern in their texts and provides an authoring environment. Though illustrated on Russian texts on engineering, the methodology is portable between domains and languages.

The rest of the paper is organized as follows. Section 2 is devoted to related work. Section 3 defines the tasks of the research. In sections 4 and 5 we describe the methodology and the tool, correspondingly. The results are briefly discussed in Conclusions.

2. Related work

The mainstream of the research on improving text readability is carried out in connection with developing certain text simplification techniques for particular types of audience, e.g., poor literacy readers (Aluisio et al. 2010), readers with mild cognitive impairment (Dell'Orletta et al., 2011), elderly people (Bott et al., 2012), language learners of different levels (Crossley and McNamara, 2008) or just "regular" readers (Graesser et al., 2004).

These studies are mainly done within intuitive or structural approaches. An intuitive approach suggests using less lexical diversity,

less sophisticated words, less syntactic complexity, and greater cohesion. It mainly relies on the developers' intuition and experience (Allen, 2009). The structural approach makes use of certain structure and word lists that are predefined by the education level of the targeted reader which is defined by the so-called readability formulas. The readability formulas, the most popular being the formulas of (Kincaid et al,1975), are, as a rule, algorithms that measure text readability based on sentence and word lengths. To improve their readability the texts in question are modified (often manually) to control the complexity of the lexicon and syntax.

Automated systems are meant to improve readability by combining linguistic and statistical techniques and penalize writers for long words and sentences. Improvement in text readability is most often carried out on the sentence level. For example, (Siddhartha, 2002) describes syntax simplification in three stages - analysis, transformation and re-generation. Among other works related to our research is (Takao and Sumita, 2003) where text simplification is treated as a translation task within a rule-based machine translation. In (Poornima et al.2011) a rule based technique is proposed to improve readability by simplifying complex sentences based on subordinating conjunctions, coordinating and relative pronouns. (Sheremetyeva, 2003) suggests a rule-based technique for decomposing complex sentences into a set of simple sentences while preserving the initial content.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

There are no publications available to us that address text readability for highly educated professionals and/or translators. However, these types of audience do often experience problems in understanding poorly written professional papers. As for text translatability, one of the latest publications reports on a statistical machine translation system from English into French where the user drives the segmentation of the input text (Pouliquen et al., 2011). Another trend to cope with the source text complexity is to rewrite the source text into a controlled language to ensure that the machine translation input conforms to the desired vocabulary and grammar constraints. A controlled language software is developed with the different levels of automation and often involves interactive authoring (Nyberg et al., 2003). The users (authors, translators) have to be taught the controlled language guidelines to accurately use the appropriate lexicon and grammar during authoring. In line with these studies is the research on developing pre-editing rules, e.g., textual patterns that reformulate the source text in order to improve its translatability. Such rules implemented in software formalisms are applied for controlled language authoring (Bredenkamp et al. 2000).

Though most of the research in readability and translatability is done for English, a number of works on readability can be found for Russian as well. For example, (Oborneva, 2006) adapts the formula of Flesch and Flesch-Kincaid for the Russian language by using adjustment coefficients. (Krioni et

al., 2008) define the readability of the Russian educational texts based on the complexity of linguistic structures, integrity, connectivity, functional and semantic type, information and abstractness of the text presentation, while (Karpov et al., 2014) attempt to predict a single sentence readability through the analysis of images, social networks and texts. However, we were unable to find any publications dealing with the automation of improving the translatability of Russian texts.

3. Task definition

Our ultimate goal is to create a methodology to develop a computer tool that can on-the-fly improve readability, translatability and, hence, the quality of professional texts. We are not going to calculate any readability or translatability scores as is done in many researches on these issues. The aim of our study is not to prove that professional texts are difficult to read (understand) and translate. This is a common knowledge. We target at identifying those domain specific text phenomena that make these texts difficult to understand and translate for two categories of a highly educated human audience, - i) researches and technicians in the domain in question and ii) professional translators, who do not always possess domain knowledge and, nevertheless have to understand at least the texts' syntactic dependencies clearly. Translatability indicators are to be identified related to machine translation constraints.

We conduct our research on the material of the scientific papers in the domain of engineering

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

in the Russian language with the perspective to extrapolate the methodology to other domains and languages. The target of our effort is thus defined by the intersection of the following criteria:

- detection of readability indicators (for humans);

- detection of translatability indicators (for machine translation)

- automated user support in document understanding and authoring to avoid translatability indicators.

The study was conducted based on the expert judgment which, as claimed in (Pooneh and Riaz, 2012), is much more reliable than automatic text processing based on existing readability formulas. For this work we have created and analyzed a corpus of 120 scientific papers on engineering published in "Vestnik YuUrGU" (<http://vestnik.susu.ru/engineering>) in 2010-2014 containing in total 203,729 word forms.

To assess the difficulties in understanding (readability indicators) the texts from the corpus were given to 20 human experts including professors, instructors and students from the engineering and linguistic departments of the South Ural State University, Russia (<http://www.susu.ac.ru>). Such indicators as the understanding and translation of the terminology were excluded from the examination. The targeted audience is (i) researchers and practitioners in engineering (who are supposed to know their own terminology) and (ii) linguists-translators who cannot be required to understand the professional terminology; they are only

responsible to find the Russian terms foreign (English in our case) equivalents in existing professional bilingual dictionaries or other sources. The quality of such sources is not within the frame of the current research.

The experts-professionals in engineering were to mark up the fragments of the texts which were problematic to understand the technical content as such. The experts-linguists marked those fragments of the texts where they experienced problems in understanding the syntactic structure (which is necessary for human translation). To assess the problems in machine translation (translatability) all participating experts were asked to translate the texts from Russian into English with the help of any online machine translation system and mark up those source language fragments texts which caused the mistakes in MT. The results of the experiments were analyzed and systematized by the author of the current paper. It was found that the readability indicators (terminology excluded) are the syntax related ambiguities caused by

- Long sentence length
- Coordination
- Long distance dependences
- Telescopic syntactic structures
- Long participial constructions used as attributes in the preposition of a noun phrase.
- Ambiguity in the noun/verb attachment of prepositional phrases
- Grammar mistakes in agreement
- Grammar mistakes in the use of prepositions
- Style mistakes.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Analysis of the translatability indicators showed that they include practically all readability indicators. This means that what is bad for people is bad for machines as well.

But on top of the readability indicators listed above the translatability indicators also include some linguistic phenomena that do not cause problems for humans but still lead to a number of mistakes in machine translation. These are caused by the lexical ambiguity (again, we exclude terminology which is supposed to be covered by bilingual dictionaries) or syntactic discrepancies between the source and target languages, Russian and English in our case. Thus, **in addition to the readability indicators listed above** the following phenomena are included in the scope of the domain and MT-related translatability indicators:

- The order of the words
 - >Predicate of the sentence precedes the subject
 - >Noun precedes the adjective used as an attribute
- Ellipsis
- Substantivated adjectives
- Verb ambiguity
- Phrasal verbs
- Prepositional ambiguity
- Nominal groups without determiners
- Grammar mistakes in assigning number (plural or singular)
- Spelling mistakes

For example, it is not uncommon for a professional paper to include fragments like the following:

В этой связи важной проблемой современной энергетики, наряду с решением задач по альтернативным источникам

энергии, является проблема режима расходования топливно-энергетических ресурсов, относящихся к числу исчерпаемых. Сегодня основным средством преобразования заключенной в топливе энергии и производства механической работы, в том числе и на транспорте, является поршневая тепловая машина с кривошипно-шатунным механизмом.

The fragment contains such readability/translatability indicators as long sentence length, coordination, long distance dependences, telescopic syntactic structures, inverse word order (predicate before subject), coordination, verb ambiguity. This makes the fragment problematic both to understand (for example, for a human translator), and to get a correct machine translation. For example, machine translation of the fragment above with the PROMT system (<http://www.translate.ru>) looks as follows (mistakes are marked with "*"):

*In this regard an important problem of modern power, along with the solution of tasks of alternative energy sources, the problem of the mode of an expenditure of the fuel and energy resources *which are among the ischerpayemykh is. Today the main means of transformation of the energy *concluded in fuel *and productions of mechanical work *including on transport, *the piston thermal car with the connecting rod gear is.*

Our analysis shows that to be highly readable and translatable a document should be written within the frame of a controlled language whose rules prevent the

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

emergence of translatability indicators. In case of a text that has already been written the problematic passages should be re-written (authored) in the controlled language. In the latter case before any authoring the author/translator should first clearly see the syntactic structure of the original to identify problematic passages. Professional text readability increases immediately if the reader can spot the terminology at a glance. This can be achieved by the on-the fly automatic mark up of nominal and predicate terminology, and automating the process of rewriting problematic text segments. To be suitable for a real world application the methodology should allow creating a tool with computationally attractive properties. The latter suggests the use of a combination of statistical and linguistic techniques.

4. Methodology overview

To facilitate spotting the problematic linguistic phenomena in the text the methodology suggests to first automatically mark-up the nominal and predicate terminology and then guide the user through the process of document authoring to avoid the readability/translatability indicators. These tasks are fulfilled by a computer environment that includes a domain tuned knowledge base and the modules of analysis, authoring and text generation. The knowledge base includes a number of lexicons, a specially developed controlled language, predicate templates and rules. The workflow consists of the following main steps:

Shallow analysis based on hybrid techniques. It serves two purposes: a) the on-the-fly visualization of the input text terminology to facilitate the identification of readability/translatability indicators, and b) the preparation of a raw document for authoring by linking it to the system knowledge base.

Authoring. The document is authored to conform the controlled language. The system controlled language specifies constraints on the lexicon, word order and syntactic complexity of sentences. It draws heavily on the readability/translatability indicators given in Section 3. The constraints of the system controlled language are mainly coded in the deep corpus-based predicate lexicon whose entries contain the explicitly listed morphological forms of the domain predicates and sets of the predicate/argument patterns. The patterns code the domain-based information on the most frequent co-occurrences of the predicates with their case-roles (arguments), as well as the linear order of the predicate-argument text realization. For example, the pattern (1 x 3 x 2) corresponds to such text fragment as 1:boards x: are 3:rotatably x: mounted 2: on the pillars.

The controlled language restrictions are imposed on the source text semi-automatically. The system prompts the user to make correct authoring decisions by providing structural templates from the system knowledge base. In addition to the controlled language constraints built in the system, the users' awareness about

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

the problematic linguistic phenomena is raised by a number of instructions. For example, the users are encouraged to repeat a preposition or a noun in conjoined constructions, limit the use of pronouns and conjunctions, put participles specifying a noun in post-position, etc.

Analysis. This is the most sophisticated procedure of the document processing that includes *segmentation, lexicalization and content representation*. The input text is automatically chunked into noun phrases (NPs) predicate phrases (VPs) and other types of lexical units. Every VP chunk is lexicalized by associating it with a lexicon entry. The NPs are chunked based on the dynamic knowledge automatically produced by a stand-alone hybrid extractor as described in (Sheremetyeva 2012). The extractor output (lists the input text NPs in their text form) are matched against the same input text and coinciding text fragments are tagged as NPs. The remaining text fragments are then chunked into VPs and by the lexicon look-up practically without any (ambiguity) problems.

Based on the results of automatic chunking and a computer-driven interview the user can call the predicate templates from the knowledge base, to author problematic fragments by properly filling the template slots according to the control language rules. The analysis results in a set of predicate/argument structures, each representing the content of a separate sentence of the final text.

Generation of the authored document without readability/translatability indicators. At this stage the final parse is submitted into the generator that automatically outputs a restructured text of a much better readability/translatability quality, while preserving its content.

5. The tool

A screenshot of the tool authoring interface is shown in Figure 1. In the left pane it shows the original text converted into an interactive format with nominal and predicate terminology highlighted in different colours. This is the visualization of the automatic NP and VP chunking. The highlighted terminology immediately improves the text readability and helps the user quicker and better understand the input document content and structure. To author a problematic fragment of the input so as to eliminate readability/translatability indicators the user clicks on a highlighted predicate and gets a pop-up predicate template whose slots are to be filled out with texts strings. Predicate templates are generated based on the case-role patterns in the tool lexicon. The main slot of the template is automatically filled with a predicate in a finite form, not withstanding in which form the predicate was used in the text. Other predicate slots are referenced to the particular case-roles whose semantic statuses are explained to the user by the "human" questions next to the predicate slots.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

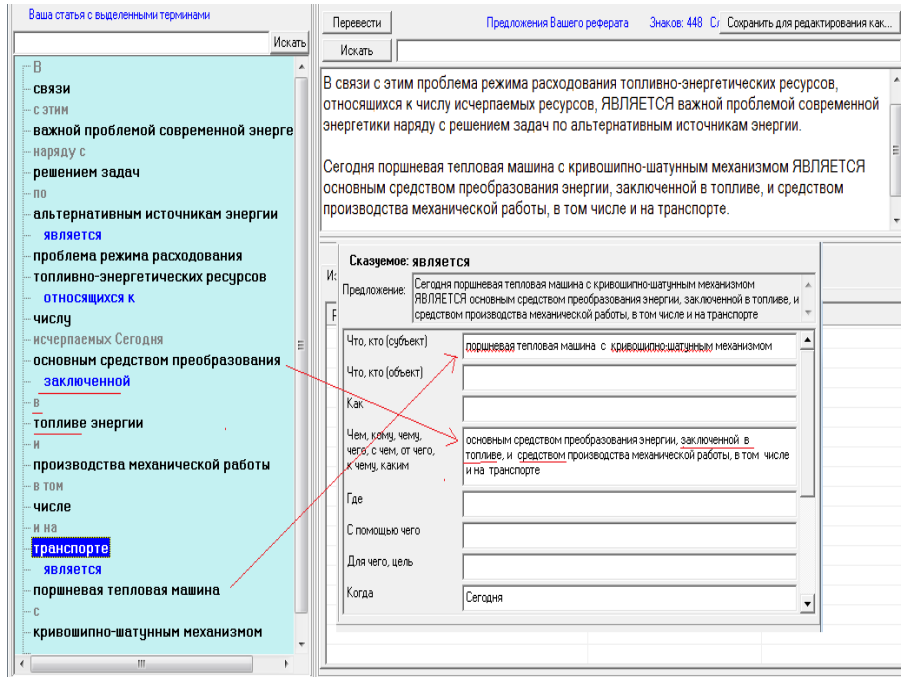

Figure 1. A screenshot of the user interface. The downloaded text with the visualized NP and VP terms is shown on the left pane. In the middle the template for the Russian predicate *является* (*is*) with the filled slots is shown. On the top of the right pane there are the automatically generated restructured text sentences without readability/ translatability indicators.

The user can either drag-and-drop the appropriate segments from the interactive claim text or simply type the text in the slots. Once the template is filled, the system automatically generates a grammatically correct simple sentence structured so as to avoid readability/translatability indicators. In addition to constraining the complexity of the sentence

structure the predicate templates also put certain constraints on the phrase level. As the templates are meant for one-predicate sentences only, coordination of verbal phrases (predicates) that may be ambiguous is avoided. The prepositions or particles attached to the verb are put to the main (predicate) template slot that resolves a possible verb/noun attachment ambiguity. The authoring procedure completed, the content representation built by the analyzer "behind the scenes", the authored text is generated and displayed on the top of the right pane of the interface (see Fig 1). This text can be printed, saved or input in any machine translation system.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

6. Conclusions

We presented a methodology and an authoring environment for raising the readability and translatability of professional documentation. The efficiency of the methodology is conditioned by the controlled language framework and interactive computer-human communication. The controlled language data are created based on the domain-specific analysis of the corpus of scientific and technical papers in engineer-

ing. The constraints of the controlled language are embedded into the system knowledge base and included into a comprehensive, self-paced training material. The authoring environment is interwoven with the hybrid analysis components and completely automatic generation module. We are going to extrapolate our system to other languages and domains. Another possible way to extend our research is to raise the level of automation.

References

1. Allen, D. (2009). A study of the role of relative clauses in the simplification of news texts for learners of English. *System*, 37 (4), 585–599.
2. Aluisio S., Specia L., Gasperin C. and Scarton C. (2010). Readability assessment for text simplification. In Proceedings of the NAACL HLT 2010 Fifth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications, pp.1–9.
3. Applied discourse analysis : social and psychological interventions / edited by Carla Willig. Buckingham : Open University Press, viii,166 p. 1999.
4. Bott S., Saggion H. and Figueroa D.. (2012). A Hybrid System for Spanish Text Simplification. NAACL-HLT 2012 Workshop on Speech and Language Processing for Assistive Technologies (SLPAT), pages 75–84, Montreal, Canada, June 7–8, 2012. c 2012 Association for Computational Linguistics.
5. Bredenkamp, A., Crysmann, B., and Petrea, M. (2000). Looking for Errors: A Declarative Formalism for Resource-Adaptive Language Checking. *Proceedings of LREC 2000*. Athens, Greece.
6. Crossley, S. A. & McNamara, D. S. (2008). Assessing Second Language Reading Texts at the Intermediate Level: An approximate replication of Crossley, Louwerse, McCarthy, and McNamara (2007). *Language Teaching*, 41 (3), 409–229.
7. Dell'Orletta, F., Montemagni S., and Venturi G. (2011). READ-IT: Assessing Readability of Italian Texts with a View to Text Simplification. in Proceedings of the 2nd Workshop on Speech and Language Processing for Assistive Technologies, Edinburgh, Scotland, UK, 2011, pp. 73-83.
8. GOST 7.9–95. (1995) Standards on information, library indexing and publishing. Moscow.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

9. Graesser, A. C., McNamara, D. D., Louwerse, M. L., and Cai, Z. (2004). Coh-Metrix: Analysis of text on cohesion and language. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 36, 193–202.
10. Karpov N., Baranova J., Vitugin F. (2014). Single-sentence Readability Prediction in Russian in *Analysis of Images, Social Networks and Texts. Communications in Computer and Information Science* Volume 436, 2014, pp 91-100
11. Kincaid, J. P., Fishburne, R. P., Rogers, R. L. & Chissom, B. S. (1975). Derivation of new readability formulas (Automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease Formula) for Navy enlisted personnel, Research Branch Report 8–75, Millington, TN: Naval Technical Training, U. S. Naval Air Station, Memphis.
12. Khomutova, T.N. (2010). *Nauchnyj tekst: integralnyj podhod [Research text: an integral approach]*. Chelyabinsk: SUSU Press/
13. Krioni, N., Nikin, A., Filippova, A. (2008). Automated system for analysis of the complexity of educational texts. *Manag. Soc. Econ. Syst.* 11, 101–107.
14. Nyberg E., T Mitamura, D. Svoboda, J. Ko, K. Baker, J. Micher (2003). An Integrated system for Source language Checking, Analysis and Terminology management. *Proceedings of Machine Translation Summit IX*, September. New-Orleans.USA
15. Osborneva, I. (2006). *Osborneva I: Automated assessment of the textbooks' readability based on a statistical analysis (In Russian)*. Moscow: Russian Academy of Education. _
16. Pouliquen Bruno, Christophe Mazenc Aldo Iorio. (2011). Tapta: A user-driven translation system for patent documents based on domain-aware Statistical Machine. *Proceedings of the EAMT Conference*. Leuven, Belgium, May.
17. Pooneh Heydari and A. Mehdi Riazi (2012) Readability of Texts: Human Evaluation Versus Computer Index. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol. 3 (1) January.
18. Poornima C , Dhanalakshmi V, Anand Kumar M, and Soman K. P. (2011).Rule based Sentence Simplification for English to Tamil Machine Translation System. *International Journal of Computer Applications* (0975 – 8887) Volume 25– No.8, July 2011.
19. Sheremetyeva S. (2012), Automatic Extraction of Linguistic Resources in Multiple Languages. In *Proceedings of NLPCS 2012, 9th International Workshop on Natural Language Processing and Cognitive Science in conjunction with ICEIS 2012*, Wroclaw, Poland
20. Siddharthan, A. (2002). An Architecture for a Text Simplification System. *Proceedings of the Language Engineering Conference (LEC'02)*, Hyderabad, India, IEEE Computer Society pp. 64.
21. Sheremetyeva S. (2003). Natural language analysis of patent claims. In *Proceedings of the ACL 2003 Workshop on Patent Processing*, ACL '03, Stroudsburg, PA, USA. Association for Computational Linguistics.

УДК 1.14

Рубен Мендоса Вальдес

Цивилизация и конфликты в зеркале культурного разнообразия

Если говорить о социальных конфликтах, то проблема нашего времени - это результат развития экономики и технoнауки. Современная война является продуктом экономического фактора. Человеческая жизнь в наше время находится в подчинении у мировой власти. Эта тенденция к единообразию ведет к маргинализации форм жизни и мышления народов. Проблема состоит не в борьбе культур, ибо их встреча позволяет вступить в диалог мыслям, и не ведет к отказу от их самобытных форм бытия. Диалог мыслей на мировом уровне предполагает мирное сожительство народов. В этом смысле культурное разнообразие создает условия для сравнения различных возможностей мысли, не для создания иерархий, а для выявления изначального потенциала их смысла. Познание означает понимание причин отношения одного собеседника к другому. Философия диалога культур ведет к взаимодействию цивилизаций, дает каждому пространство для речения, что позволяет подготовить условия для ненасильственного решения конфликтов.

Ключевые слова: Мир, конфликт, цивилизация, культурное разнообразие

Рубен Мендоса Вальдес, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 1.14

Rubén Mendoza Valdés

The civilization and the conflicts from the optics of cultural diversity

The problem of our time, speaking of social conflicts, can be seen as the result of advances of science, the technology and the economy. Modern war is a product of the economic factor. Human life in our time wants to be subjected to a global paradigm of power. In this light uniformity they are marginalized peoples their own ways of life and thought. The problem is not the struggle between cultures, as the meeting with each other opens the panorama of thinking without compromising their original forms of being. The dialogue between the different thoughts globally enables the nonviolent encounter between peoples. In that sense, cultural diversity can compare the different possibilities of thinking globally, not to rank them, but to understand the very possibility of each in its original sense. Knowing means understanding why the respect towards the other. Intercultural philosophy allows the dialogue among civilizations, giving each of them a place to talk. From this it is possible to establish means of non-violent conflict resolution.

Keywords: peace, conflict, civilization, cultural diversity.

Rubén Mendoza Valdés, Mexico,
Independent university of the
Mexico state, professor

At support of the academic
case UAEM «The modern think-
ing: being, knowledge, ac-
tion»

CDU 1.14

Rubén Mendoza Valdés

La civilización de los conflictos desde la óptica de la diversidad cultural

El problema de nuestro tiempo, al hablar de conflictos sociales, se deja ver como el resultado de los avances de la tecnociencia y la economía. La guerra moderna es producto del factor económico. La vida humana en nuestro tiempo quiere ser sometida a un paradigma mundial de poder. Bajo esta perspectiva de uniformidad los pueblos ven marginadas sus propias formas de vida y pensamiento. El problema no radica en la lucha entre culturas, pues el encuentro de unas con otras permite abrir el panorama de pensamiento sin renunciar a sus formas originarias de ser. El diálogo entre los diferentes pensamientos a nivel mundial permite el encuentro no violento entre los pueblos. En ese sentido, la diversidad cultural permite comparar las diferentes posibilidades de pensamiento a nivel mundial, no para jerarquizarlos, sino para entender la posibilidad propia de cada uno en su sentido originario. Conocer significa entender el porqué del respecto hacia lo otros. La filosofía intercultural permite el diálogo entre civilizaciones, dando a cada una su lugar para hablar. A partir de esto es posible establecer medios para la solución no-violenta de conflictos.

Palabras clave. Paz, conflicto, civilización, diversidad cultural

Rubén Mendoza Valdés, Autono-
ma del Estado de Mexico,
profesor

La ponencia fue publicada con
el apoyo del cuerpo académico:
"Pensamiento contemporáneo:
ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Introducción

El hilo conductor del siguiente artículo se orienta desde la pregunta ¿Cómo es posible el diálogo entre diferentes civilizaciones, a fin de plantear un hito de paz duradera a nivel tanto *intrasocial* e *internacional*? De esa manera, bajo la propuesta de Senghaas se realizará en primer lugar un análisis del sentido de la paz activa y el concepto de civilización de los conflictos. Posteriormente se establece un análisis de los conflictos en el siglo XXI; para ello se confrontará la tesis de Samuel Huntintong con la de Senghaas y Sami Naïr. El primero sostiene la idea de que los conflictos violentos de nuestro tiempo están marcados por la diversidad cultural; la identidad de un pueblo es tan determinante que en su afán de protegerse de la influencia de otras culturas entra en choque consigo misma y con otras; ese fenómeno da lugar a la violencia: guerras, terrorismo, radicalismo, fundamentalismo, etc.

Contrariamente, tanto Senghaas como Naïr, creen que los conflictos no tienen su origen en tal idea. Para ellos, la tesis de Huntintong, es sólo un medio para justificar la invasión norteamericana, junto con las grandes potencias europeas, en los pueblos no occidentales. La causa es económico-social. En ese sentido, mi propuesta, aunque muy breve, es que se trascienda, desde la mirada de la diversidad cultural, hacia una civilización de los conflictos *intrasociales* e *internacionales*; en este modo de diálogo civilizatorio, los valores y principios de cada pueblo son considerados el hito que sostiene el modo

propio modo de vida de cada civilización y, a la vez, le permite compartir su cultura con otras.

Paz activa y civilización de los conflictos

El desarrollo de la historia de la humanidad ha llegado a un punto preocupante en todos los sentidos: la sobrevivencia. Las condiciones socio-políticas que configuran el orden mundial tienen como trasfondo el peligro de la aniquilación de la vida, tanto humana como no humana. El problema no es de algunos sino de todos. La solución parte de una tarea humana enfocada hacia la construcción de horizontes indicativos de paz. No se trata de una tregua, donde el vencedor ponga las condiciones y el vencido las acate. Al menos eso muestra la memoria histórica en la solución de los conflictos. La paz que se ha de conformar debe ser perpetua, activa y no-violenta. Las preguntas que guían la presente investigación constituyen el trasfondo de la misma. ¿Cómo pensar el sentido de la paz para que ésta trascienda a una acción no-violenta y duradera? ¿Es posible trazar horizontes para la construcción de una paz, así pensada?

Las cuestiones anteriores obligan inmediatamente a pensar en el sentido originario de la paz y el conflicto. El pensamiento moderno, posterior al periodo medieval, se enfocó al estudio de la naturaleza humana; buscó la estructura originaria que determina la conducta del hombre. Hobbes, por ejemplo, piensa que el hombre, por ser un ente cargado de impulsos nerviosos, tiende a la violencia por naturaleza, porque a su vez tiene miedo; dicha vio-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

lencia sólo puede ser limitada bajo un acuerdo de paz, un contrato en las relaciones de la convivencia marcada por la intimidación (2, pp. 14-21). De esa manera se constituye una paz pasiva.

Rousseau, por otro lado, sostiene que, contrariamente, la naturaleza humana en su origen es de paz: el hombre es un animal cuyos instintos, antes que razón, lo obligan a vivir de acuerdo a un estado de armonía con la naturaleza; pero, cuando se pasa del estado de naturaleza y el hombre desarrolla su capacidad de inteligencia y razón, esta trascendencia lo conduce a alejarse de su estado originario de naturaleza y lo ubica en el estado social, en el cual, bajo un contrato de leyes, no siempre benéficas para todos, pierde su inocencia, y así se institucionaliza el conflicto en la convivencia: "Esta libertad común es una consecuencia de la naturaleza humana, cuya primera ley es velar por la propia conservación. Los primeros cuidados del hombre son los que se debe a sí mismo, y en cuanto alcanza el uso de razón, al ser él quien tiene que juzgar cuáles son los medios más apropiados para su conservación, se convierte en su propio amo" (7, p. 5). Sea por naturaleza o por razón, el hombre es un ser de conflictos, que suele resolver, entre otras formas, mediante la violencia y la guerra. La pregunta consecuente es ¿Cómo resolver los conflictos generados en la vida social entre los seres humanos, y que son causa de la violencia y/o la guerra?

La historia de la humanidad muestra claramente que la guerra ha sido el medio buscado por

el hombre para dar cauce a los conflictos con otras sociedades. Esto ha significado un medio generalmente injusto, pues termina imponiéndose la voluntad del más poderoso, aunque sus razones sean menos convincentes. La guerra ha traído consigo secuelas de injusticia, esclavitud, discriminación, sumisión de unas sociedades sobre otras, generando con ello una enorme diferencia en el tipo y la dignidad de las posibilidades de vida. Todavía más, actualmente las guerras dependen de las armas de fuego, atómicas o bacteriológicas, creando con ello un trasfondo de violencia e intimidación en el desarrollo de las sociedades, quienes terminan dependiendo de la sujeción a las condiciones de las naciones mejor armadas. La humanidad se ha tornado así en un *habitat* de violencia. Guerra contra guerra, poderoso contra débil. Bajo esta perspectiva, los seres humanos han buscado caminos para controlarla; sin embargo, la paz propuesta se ha visto condicionada por la fuerza de las sociedades que tienen el poder; luego así, no hay paz sino sumisión a cambio de bajar las armas.

El filósofo alemán Immanuel Kant ha marcado la pauta en el análisis de la paz duradera en su texto *Hacia la paz perpetua*, en éste sostiene que ninguna paz puede ser impuesta ni intimidatoria. No hay paz donde hay una guerra futura. Cuando una paz se define sobre una amenaza de guerra, entonces debe denominarse armisticio: el aplazamiento de las hostilidades. La paz tiene que ser el fin de todas las hostilidades (4, p. 73). De esa manera,

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

la paz necesita instaurarse; es el ser humano quien tiene que construirla. "La garantía de la paz perpetua es la naturaleza, pues ésta es quien da orden al caos; del antagonismo de los hombres debe surgir la armonía" (4, p. 99).

En el mismo sentido, Dieter Senghaas piensa que el gran problema de los estudios para la paz se encuentra en que ésta se enmarcó en el concepto de paz pasiva: pacifismo. El problema con el pacifismo en el siglo XX fue decaer en un concepto vacío: antimilitarismo. La paz, para ser activa, tiene que orientarse hacia su propia construcción y arquitectura; dejar de ser un pacifismo conciliador para trascender en acción constructiva y posibilitadora de todo desarrollo humano. Las condiciones del siglo pasado han permitido una transformación social y política determinada principalmente por la economía. He ahí el origen y el foco central sobre el que tiene que girar la investigación sobre la paz y los conflictos en pos de una solución civilizada.

La economía de este siglo se encuentra en el ámbito de la globalización; abarca todos los rincones del planeta, o al menos eso intenta. La urbanización cambia el modo de pensar de los pueblos y los medios de comunicación muestran otras formas de vida diferentes. En ese horizonte, para Senghaas, el problema de los conflictos en las sociedades modernas debe pensarse desde la convivencia, la coexistencia y la paz duradera.

La paz es definida por Senghaas como "la duración sostenible y civilizada de los conflic-

tos" (12). Si la guerra es el resultado de la anarquía, debe abolirse a fin de eliminar su efecto. Si en lugar de anarquía se establece un orden social, su efecto será la paz. Esta es la condición y el requisito indispensable para su construcción.

Ahora bien, si se considera el conflicto en general como un fenómeno resultado de la relación entre dos o más entes, por lo cual se produce una discrepancia o diferencia, entonces se puede afirmar que es una posibilidad en las relaciones humanas. La existencia del conflicto surge de la misma situación originaria del ser humano, y esto forma parte de su dignidad. J. Galtung refiere que, en el conflicto, lo que uno persigue es lo que el otro evita: "if the distribution is concentrated on the bidagonal, then the disagreement is high and there is conflict, since what one of them pursues is what the other one avoids" (1, p. 232). Toda discrepancia o diferencia que causa conflicto en una relación, puede tomar dos caminos: el violento y el de la no-violencia. El camino violento causa hostilidades, agresión y guerra; el "no-violento" es aquel que conlleva un sentido positivo, implicando diálogo, compromiso, justicia y responsabilidad social.

Desde este punto de vista, y trascendiendo la relación netamente individual, se puede pensar el conflicto social como un fenómeno, resultado de los modos de vida generados por las diferencias entre los seres humanos y los grupos diversos. Éstos pueden ser internos en una sociedad o externos entre sociedades. La diversidad cultural está ex-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

puesta al conflicto por propia naturaleza; sin embargo no todos estos conflictos son la causa de la violencia entre culturas, ya sea al interior o hacia el exterior; éstos dependen del modo de la relación entre grupos o pueblos. En cada época el modo de relación y los intereses de los pueblos establece el tipo de conflicto y su resultado violento o no-violento. El modo de la relación está permeado por la religión, el territorio, el tipo de gobierno y la economía. Esto quiere decir que un modo sobresale más que otro en determinada época, sin que los otros queden fuera.

Senghaas define la civilización del conflicto como "un no violento proceso político orientado a impedir el uso de la fuerza" (12). Así, un nuevo orden mundial no lleva a la supresión de los conflictos sino a su transformación. La paz descansa en la convivencia, por eso, los conflictos, ante las transformaciones del mundo moderno, deben partir de una paz interior y no de la guerra: "Vistas a nivel mundial, uno de los grandes retos para la humanidad en el siglo XXI, es encontrar la solución a la pluralidad en los patrones de la tolerancia –una tolerancia que se garantiza en el nivel institucional y avalado en las emociones de la gente" (12). Un proceso de integración mundial requiere de una enorme responsabilidad social enmarcada en una serie de valores compartidos surgidos primeramente de las propias comunidades; y de ninguna manera como modelos impuestos, tal como Occidente lo ha hecho ver. Asimismo es necesario que todos participen de igual forma

de las comunicaciones, bajo un intercambio mutuo y no sólo para imponer modelos de vida; y por último, es necesario dar respuesta a las necesidades de los más débiles.

Los conflictos que pretenden resolverse por medios de la violencia, en el mundo actual, generan una enorme desigualdad en el reparto de bienes y, por consiguiente, en la justicia social. Thomas Piketty señala que la solución a los conflictos debe partir de la mejora de las condiciones de vida de los menos favorecidos (6, p.10). Todo esto tiene como principio una arquitectura de paz desde la civilización de los conflictos. La tarea es evitar a toda costa que los conflictos se tornen violentos.

Actualmente los conflictos de un pueblo, tanto internos como externos o internacionales, tienden a solucionarse de manera violenta. Esto significa la victoria del fuerte sobre el débil, y la paz se impone a cambio de la sumisión, generando, a la vez, condiciones de vida, muchas veces, indignas para los oprimidos o las víctimas de la violencia. Esto ha dado lugar, de acuerdo con los estudios realizados por Senghaas, a una forma de violencia silenciosa. La primera forma de violencia es la guerra: la violencia en acto. A la rendición del débil le sigue la paz como guerra en potencia; aunque la paz sigue siendo un preparativo para la guerra (10, p. 5-6). La segunda forma de violencia es la institucional o estructural, la cual deviene en condiciones sociales injustas; ésta se manifiesta bajo la forma de intimidación, amenaza o políticas de disuasión

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

(10, p. 75). Bajo ésta, cualquier pueblo o persona ve obstaculizadas sus posibilidades de desarrollo. A su vez puede ser interna, internacional o de ambos tipos (9, p. 108).

La humanidad se enfrenta así, hoy en día, a dos grandes conflictos: la movilización social y la politización fundamental. La primera genera la mezcla de diversas culturas; en un mundo globalizado el nivel de competencia de los seres humanos va en aumento. Con ello se produce el paradigma de la "movilidad social hacia arriba", es decir buscan competir con las grandes potencias. Y la segunda conlleva a que los pueblos se vean determinados por modelos económico-políticos, que violentan la forma de vida originaria. Sin embargo tal parece que esto es inevitable: "Cuando se presentan todos los debates sociales, económicos y culturales como políticos, y todos los debates políticos como sociales, económicos y culturales, nos encontramos ante una politización fundamental. Y entonces se plantea la cuestión de la coexistencia a pesar de la politización fundamental, pues la alternativa —nos lo demuestra de nuevo cada día la mirada política diaria— es la guerra civil" (11, p. 126).

La politización de los pueblos tradicionales ha traído como consecuencia el someterse a un modelo de leyes, justicia y modos de vida que se manifiestan en un mundo de coexistencia, la cual conlleva los conflictos y la guerra. Ahora bien, los conflictos derivados deben trascender hacia una forma de civilización de los conflictos. Senghaas considera que

las circunstancias que generan originalmente los conflictos son la ambición por el poder, los intereses particulares, la identidad especial, el individualismo en la propiedad privada y los grupos de poder. En ese sentido, una civilización del conflicto es una construcción de paz basada en un proceso de aprendizaje colectivo, por el cual el ser humano tiene que aprender la tolerancia, ejercer la sensibilidad, la moderación, a establecer una división de poderes, a tener disposición al compromiso como responsabilidad social e ir más allá del interés propio. Esto es un artificio humano, por eso depende de un proceso de civilización, de aprendizaje en común en la coexistencia entre los grupos y los pueblos (11, p. 127). La cultura de aprendizaje, el proceso de aprendizaje colectivo es parte de la construcción ética de un Estado constitucional democrático. La ética, en este sentido, tiene que ser un contrato colectivo, comunitario y, a la vez, de aprendizaje.

¿Choque de civilizaciones?

El título de este apartado es el mismo que emplea Samue Huntington, en su artículo de 1993, publicado en la revista *Foreign Affairs*. La pregunta pronto se convirtió en una construcción afirmativa; es decir, según Huntington, efectivamente, los conflictos entre los pueblos del mundo y las grandes potencias, como la Norteamericana, eran producto de un "choque entre civilizaciones", elementos culturales y de identidad con respecto a otras formas de vida. La propuesta resulta ser no otra cosa más que

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

una justificación para avalar la violencia de las grandes potencias occidentales sobre los pueblos no occidentales.

El debate entre la propuesta de Huntington y otros teóricos de la paz y el conflicto, como Senghaas, ha permitido reflexionar en torno al fundamento actual de los conflictos violentos de pueblos y naciones. ¿Es el choque de civilizaciones, el encuentro, el origen de la violencia actual entre los pueblos? O más bien, ¿Existe otro trasfondo disfrazado para justificar acciones de injusticia sobre los pueblos no occidentales o débiles en poder económico? ¿Son los conflictos entre culturas diversas, la fuente de la violencia y la guerra? ¿Es posible pensar en una civilización de los conflictos si su origen no es de orden cultural? ¿Cuál es el factor que hace que los conflictos se tornen violentos en este nuevo siglo XXI?

A fin de conocer el debate, se analizará, en primer lugar, la propuesta de Huntintong. Tres tesis sostienen su idea: 1) los grandes conflictos a nivel mundial están presentes en el enfrentamiento religioso-económico entre Oriente y Occidente; 2) es la geopolítica cultural la que determina las regiones de conflicto; y 3) sólo Occidente, principalmente bajo el modelo estadounidense, puede ofrecer un esquema de orden mundial. Textualmente dice: "Las grandes divisiones del género humano y la fuente predominante del conflicto van a estar fundamentadas en la división cultural" (3, p. 15). Los conflictos no tienen su causa principal en las ideologías y la economía, sino en

el "choque de culturas". En un mundo globalizado el encuentro es inevitable. Eso es la causa de la violencia actual en el mundo.

Huntintong sostiene que "una civilización es una entidad cultural. Ciudades, regiones, grupos étnicos, nacionalidad, grupos religiosos, son entidades que tiene distintas culturas a diferentes niveles de heterogeneidad" (3, p. 19). Después de la Guerra Fría, piensa este teórico, el mundo ya no se caracteriza por sus niveles económicos, sino por su civilización. Eso significa que se tiene una visión diferente, ya que cada región tiene un tipo de cultura propia.

Uno de los aportes de Huntintong, en este sentido, se refiere al mapa de las principales civilizaciones a nivel mundial. Ocho son las esferas de diversidad cultural: la occidental, la confuciana, la japonesa, la islámica, la hindú, la eslavo-ortodoxa, la latinoamericana y la africana (3, p. 26). Bajo esta estructura se hace notar la hegemonía de Occidente en todos los sentidos y lo coloca como el modelo de toda posibilidad de orden mundial. Esta perspectiva le hace considerar a Huntintong que la lucha entre Occidente y Oriente parte de la diversidad cultural de ambas, sobre todo en lo referente a la religión. "Las diferencias en cultura y religión crean diferencias en cuestiones políticas, que van desde las relativas a los derechos humanos a la inmigración, hasta los de la manipulación y el comercio con el entorno" (3, p. 30). El "choque de civilizaciones" se caracteriza por el derramamiento de sangre y violencia que generan las dife-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

rencias culturales al querer imponerse una sobre la otra. Cada cultura busca defender e imponer la suya propia. "Conflictos y violencia ocurren también sin duda entre estados y grupos de una misma civilización. Pero no suelen ser conflictos tan violentos ni tan extendidos como los que se dan entre civilizaciones" (3, p. 46). Esta afirmación lleva a Huntintong a decir que la próxima Guerra mundial será entre civilizaciones.

Ante el choque de culturas entre la occidental y las no occidentales, hay tres posibilidades: 1) separarse totalmente; 2) adoptar la cultura occidental como tal; y, 3) modernizarse, pero no occidentalizarse (3, pp. 53-54). La propuesta de Huntintong se concreta en los siguientes puntos: 1) el conflicto entre civilizaciones suplantará las formas ideológicas de conflicto, para erigirse en la forma dominante del conflicto global; 2) las relaciones internacionales serán desoccidentalizadas; 3) los conflictos entre civilizaciones serán más violentos; 4) los conflictos pueden llegar a una guerra mundial; 5) el eje de las relaciones políticas será entre Occidente y los pueblos no occidentales; y, 6) Occidente seguirá imponiendo y sometiendo a los otros pueblos a su cultura, sobre todo a los estados islámicos y confucianos (3, pp. 67-68).

Aunque Huntintong refiere que no es posible una civilización universal, sino sólo una serie de civilizaciones distintas, quienes deben aprender a coexistir con otras, su propuesta deja como modelo del orden mundial a los Estados Unidos. Eso significa que la justificación de los conflictos en el

"choque de civilizaciones" no es otra cosa más que un argumento para avalar las acciones militares y económicas de la "gran potencia" sobre el resto del mundo y principalmente contra los pueblos orientales.

La civilización de los conflictos desde la mira de la diversidad cultural

Los conflictos sociales en la actualidad son producto de factores económicos y de políticas de dominio y poder (6), y no tanto de diferencias culturales. La diversidad cultural tiene como camino de solución el diálogo, no así la guerra por el poder económico, en la cual se trata de someter al débil bajo cualquier modo y medio de control, no importando la vida y la dignidad humana.

Los conflictos de pensamiento -el choque de pensamiento dentro de una cultura o civilizaciones- permiten a los pueblos no occidentales como el chino, un mejor desarrollo de sus propias consciencias y el sentido de su reflexión. Entre las civilizaciones existen conflictos de índole cultural, ideológico, religioso, etc., pero esto no obstaculiza el desarrollo de su existencia, de su coexistencia pacífica. El conflicto en la modernidad es inevitable: "Societies exposed to modernization come into conflict with themselves" (3, p. 8).

Las sociedades modernas deben tener políticas incluyentes que no marginen a otros pueblos. Ese es un fenómeno pasado. Las sociedades tradicionales necesitan estar bajo la premisa de una política de inclusión donde sean respetadas sus demandas, su sentido de justicia y verdad. Por eso

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

mismo, si la modernidad trae consigo el conflicto, el choque entre civilizaciones requiere ser orientado hacia el establecimiento de modos de coexistencia pacífica como clave del desarrollo mundial. La paz tiene que ser un modo de vida.

Desde la anterior perspectiva, Senghaas piensa que la civilización de los conflictos no es patrimonio exclusivo de la cultura occidental: Europa y Estados Unidos no son un modelo de tal civilización. Los conflictos, refiere Senghaas, se tornan violentos cuando son militarizados. Su causa no son las ideas culturales sino un orden político determinado ajeno a una realidad cultural de vida de los pueblos; éstos se derivan en las naciones o pueblos cuando se les impone un orden económico, cultural y político diferente al suyo propio: una politización fundamental (10). Los conflictos internos de las sociedades tienen como una de sus causas la alta discriminación económica (6, p. 107 y ss.). Los conflictos culturales pueden influenciar en la cultura de otro pueblo, pero no determinarlos. En ese sentido, el renacimiento de la cultura en los pueblos es de gran importancia para el tránsito como solución a los conflictos culturales (8, pp. 74-75). De esa manera, las circunstancias y causas de los conflictos pueden ser pensadas desde tres puntos: 1) la competencia desigual entre un poder central y la periferia, sobre todo en el nivel económico y tecnológico; 2) la imposición de una economía y usos culturales trae consigo rivalidades entre el dominado y el dominante; y, 3) la amenaza a los pueblos de la peri-

ferización se da de dos formas: por una dependencia económico-social y por consecuencias psíquicas, de intimidación y amenaza (8, p. 83). En otras palabras, bajo tales circunstancias los conflictos se toman en violencia sobre los aspectos culturales de un pueblo. Ese es el medio, el fin es la conservación del poder económico-político a nivel mundial.

De tal manera que para llegar al fin, los Estados poderosos, tiene que crear medios que les permita incursionar en las políticas y economías de los pueblos no occidentales. Jamás el bloque de poder occidental permitirá que los pueblos que vienen en desarrollo en otras regiones del mundo atenten contra su imperio económico. Los intereses son de grupos de poder y no tanto de Estados. Grupos que controlan ya no sólo lo económico y el mercado mundial sino que, para ello, deben dominar y establecer una forma de cultura global como paradigma con el fin de uniformar el nivel de vida mundial.

Las grandes potencias han tenido un desarrollo cultural y económico independiente hasta cierto punto del resto de las naciones, creando una cultura en sentido propio: no así las periferias, quienes ahora se ven en conflicto con el choque cultural. En Asia algunos grupos han adoptado sistemas modernos de vida y economía, pero han mantenido un tipo de modernidad propio. Se han modernizado, pero sin occidentalizarse. Cuando en un pueblo no son respetados los derechos culturales por la imposición de la política externa, entonces surgen los conflictos, sobre todo

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

en países con una gran pluralidad etnográfica. Los conflictos vienen marcados por la violencia de las políticas modernas contra los usos y costumbres de los pueblos (8, p. 87).

La lucha violenta de Occidente contra el resto del mundo está marcada por las hostilidades autistas: psicosis de poder. El temor impuesto a los pueblos débiles es la violencia estructural, encargada de someter al que se considera débil económicamente. Sin embargo, debe llegar la hora de entender que, frente a tal intimidación, la fuerza de un pueblo no se mide en su poderío económico sino en su unidad cultural. Las tradiciones, las costumbres, el idioma, la historia, y todo lo que genera un modo de vida propio, es lo que da sustento a la vida de un pueblo. El gran problema es creer en un único modelo de desarrollo, en este caso el económico-tecnológico. Mientras un pueblo siga teniendo como modelo el paradigma moderno occidental estará condenado a ser débil. La debilidad parte de la dependencia que se tenga de una cultura ajena. El mundo occidental tiene y ha mantenido este orden bajo la amenaza de la violencia, por eso crea los conflictos y los transforma en violentos; donde no hay conflicto, éste será creado bajo la razón de algún argumento de índole cultural: la religión, las costumbres, etc.

Walzer considera que la identidad de un grupo se encuentra en el significado social de sus bienes, diferente en cada cultura. Ahora bien, fuera de toda esfera social de construcción de significado, es posible un derecho del ser humano a no ser tratado como ob-

jeto. En ese sentido, piensa que la religión representa una fuerza importante en el ser humano, aquello que da sentido e identidad a la capacidad vital; al respecto considera: "La política separada de la religión en este sentido extendido y matizado (en el que todos los cruzados, ya sean religiosos o seculares, se le niega la espada, pero se les permite desplegar sus estandartes) es un conflicto con final abierto en torno a intereses y valores entre personas que comprenden que tienen que convivir unas con otras" (15, p. 242).

La politización de los conflictos culturales conlleva a las luchas violentas; éstos no surgen de su propia naturaleza, sino que son fabricados desde la materia propia de su realidad. Si una religión no es fundamentalista, entonces se crea los medios para que lo sea; si en un pueblo no hay terrorismo, otro lo crea. Los conflictos culturales violentos no se derivan de problemas culturales sino de una estructura político-económica-social impuesta por las potencias occidentales. La idea de bueno y malo es el principio ético bajo el cual trabajan las políticas de la economía mundial. Los buenos son los occidentales, los demás son malos, pero podrían ser buenos. El fin último de una economía occidental está en transformar cualquier tipo de cultura bajo las formas de vida occidentales, ganando así confianza, fuente de consumo y sumisión. La paz se vende a cambio del consumo. A éstos se le llama "pueblos escindidos", aquellos que están divididos respecto de si

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

pertenecen a una cultura propia u otra ajena (3, p. 55).

En ese horizonte, es necesario retomar la diferencia que Senghaas establece entre luchas culturales y guerra cultural. El término *War* dentro de los conflictos de identidad es un hecho causado por la discriminación multidimensional (8, p. 100). La guerra busca poder y por ello tiene que marginar a la injusticia a los pueblos sometidos. Todo intento de poder deviene en conflictos violentos tanto internos como externos. La lucha (*Struggle*) es el esfuerzo por mantener la creencia en sus propios modos de vida sin violentarlos ni imponerlos a otros pueblos.

Sami Nair, en el mismo sentido, cuestiona ampliamente la propuesta del choque de civilizaciones de Huntintong, coincidiendo con Senghaas. Nair piensa que el imperialismo tradicional se convierte ahora en un imperialismo cultural, encabezado por la influencia cultural de los Estados Unidos. Los supuestos del imperialismo serían dominio económico, ideológico y cultural. La industria cultural, señala, se pone a disposición como una nueva forma de imperialismo en el mundo islámico.

Al respecto Nair se pregunta si en realidad existe un choque entre culturas como el planteado por Huntintong, o más bien es el disfraz para poder imponer nuevamente la ideología y el modelo económico de las grandes potencias. La industria cultural pone de relieve el fanatismo religioso, rebelde, terrorista, lo conceptualiza como fundamentalismo, y de ahí parte para presentar a las cultu-

ras diferentes, como enemigas del sistema occidental: "Para Occidente, las dos culturas más peligrosas, por ser las más homogéneas, son el confucionismo y el islam. A largo plazo, el peligro fundamental es asiático; a corto plazo, es islámico" (5, p.12).

Lo cierto es que el peligro no es cultural sino económico. Por eso, para disfrazar tal aspecto, las potencias occidentales crean imágenes negativas en torno a la religión y costumbres de los pueblos no occidentales, tales como el fundamentalismo, el terrorismo, etc. Eso no significa que no sean realidades concretas, pero no precisamente las realidades que se presentan. Es evidente que los grupos extremistas y las ideas radicales no son de toda una civilización sino de grupos de poder que ven afectados sus intereses por el enemigo de Occidente. Por consiguiente, es necesario diferenciar entre grupos de poder y pueblos con culturas diferentes.

Walzer señala al respecto que, el terrorismo es una estrategia política. El terrorismo no es necesariamente el fruto de una cultura religiosa. Es una decisión del poder y del gobierno de un Estado. Al respecto dice: "Lo que nos hace vulnerables emana de quienes somos, no de lo que hacemos: identidad equivale a responsabilidad. Éste es un vínculo al que estamos moralmente obligados a oponernos" (14, p. 9).

El concepto de "choque de civilización" fue creado por Huntintong en 1993 como modelo para justificar la intervención de las potencias occidentales y crear grupos "hipotéticos" de reacción frente a la política norteamericana-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

na. En ese sentido la pretensión occidental es un fundamentalismo culturalista: "En resumidas cuentas, el discurso del <<choque>> de las culturas significa dos cosas: primero, la existencia de una situación mundial de guerra cultural y, segundo, la necesidad de imponer la cultura occidental, tal y como está definida por Estados Unidos al resto del mundo" (5, p. 13). La tesis de la cultura norteamericana parte de dos puntos: 1) por una parte deben existir culturas buenas y malas, estas últimas, contra las que habrá que luchar; y, 2) todas las diferencias deben integrarse a un modelo como centro de orden social y económico, tal como el occidental.

El fenómeno cultural debe verse como un modelo para explicar las relaciones internacionales entre los pueblos. Al analizar el sentido de este fenómeno social, Naïr encuentra dos sentidos: 1) el del diálogo entre los pueblos, enfocado a la civilización de los conflictos; y 2) el tradicional basado en los intereses económicos y sociales, como un modelo socio-histórico. Naïr considera que Huntington se haya en un culturalismo radical, identitario, porque plantea la idea, por la cual las diferencias culturales generan los conflictos entre los pueblos.

La identidad cultural es la fuente de los conflictos. Sin embargo, de acuerdo con Naïr, la identidad es el núcleo fundamental de todo culturalismo y no de los conflictos; en ese sentido propone: "La postura defensiva consiste en decir que no hay contradicciones entre culturas. Vivimos una época de interculturalidad, de mezcla de

identidades. Las religiones no son incompatibles, no son opuestas, pero los grupos extremistas, integristas, en todos los países, en todos los lugares, son los que transforman la convivencia entre culturas en antagonismos. Aún más, no existe un universalismo abstracto en nombre del cual tendríamos derecho a imponer una visión determinada al resto del mundo. Sí tenemos derecho a defender nuestros valores, pero no olvidemos el relativismo de todos los valores precisamente por respeto a la diversidad del mundo. En consecuencia, en vez de fomentar el <<choque>> de las culturas, debemos buscar el diálogo de las culturas, el encuentro, la <<alianza de las culturas>>" (5, p. 14).

El análisis de Naïr muestra en qué medida la visión de un "choque de culturas" como amenaza de la coexistencia de paz, permite a la visión occidental proponerse como paradigma para la solución de los conflictos. El diálogo intercultural pone de relieve una serie de valores universales, tales que no deben ser impuestos sino surgir de la propia tradición y experiencia vital de los pueblos. Para afrontar la diversidad cultural, Naïr propone: 1) educar en la tolerancia; 2) dar legitimidad a la pluralidad de las culturas; 3) no se trata de competir, sino de reconocer la historia y tradiciones de cada pueblo; 4) no hay culturas superiores ni inferiores, sólo culturas diferentes; 5) cada cultura crece en torno a sus propios valores; 5) para comprender al otro hay que aprender por qué piensa así y no de otra manera; 6) a una cultura se le debe

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

juzgar desde sus propios principios y no desde los ajenos; y 7) "Hablar francamente de lo que divide, opone y produce conflictos, y ver, más allá de los conflictos culturales, los problemas escondidos (económicos, políticos, sociales)" (5, p. 23-24).

Naïr cambia el término "choque" por el de "diálogo". Sólo el diálogo en la convivencia permite compartir derechos y deberes, un reparto justo de la riqueza, lucha contra la pobreza, transmisión de saberes, control común de los flujos de población y un control real del medio ambiente (5, p. 25). Naïr sostiene que "el choque de civilizaciones" es un mecanismo creado por los Estados Unidos, tal como lo presenta Huntitntong, para generar el conflicto violento: "La estrategia guerrera de Estados Unidos es la principal responsable del auge del terrorismo en el mundo. Si el terrorismo de los islamistas integristas no hubiera existido, los grupos fundamentalistas de Estados Unidos lo hubieran creado. La tragedia es que no tenemos razones para ser optimistas: Estados Unidos ha creado una ola de odio y de furia en contra de ellos que puede promover lo inimaginable en el mundo" (5, p. 44).

El gran problema de Huntintong es mezclar nociones culturales con sistemas geopolíticos. El islam y el confucionismo, más allá de ser ideología políticas son formas religiosas de cultura, modos de vida propias con sus principios y valores, y no esquemas de políticas de un Estado; éstas buscan valores y principios fuera de lo político. Sin embargo, las vemos aparecer en el mundo árabe o

chino como principios políticos de los Estados, precisamente porque así los quiere ver la cultura occidental; es decir, si se mezcla la religión, la creencia con la figura de identidad nacional, entonces, a partir de una ola de fanatismo se genera un conflicto radical de creencias y esquemas políticos, dando por resultado un modelo de política de agresión contra un orden mundial.

La anterior comparación entre la propuesta de Huntintong y Seghaas/Naïr, respecto a la noción de <<choque de civilizaciones>>, permite pensar que el estudio de los conflictos para el siglo XXI, sólo es posible en un diálogo intercultural, donde los factores económicos y políticos puedan ser justos a partir de una coexistencia compartida. Para Seghaas, en las sociedades tradicionales, el cosmos, las sociedades y los hombres se entienden como unidad. "The idea of a plurality of truths was inconceivable" (13). En las sociedades tradicionales los conflictos son entendidos como una disfunción orgánica, el caos debajo del cielo. La solución al conflicto apuesta a restablecer el orden cósmico.

Reflexión

La posibilidad de la civilización de los conflictos, tanto *intrasociales* como *internacionales*, está en el planteamiento de un hito, de entre otros, que permita sostenerlos en una paz duradera. El horizonte aquí propuesto es una reflexión en torno a la diversidad cultural.

El ser humano debe dirigir su mirada hacia la totalidad, pero desde su propio punto de referencia. No todos miran con los

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

mismos ojos, mas es posible hacerlo en el mismo horizonte. Es necesario mirar al futuro en la misma dirección. Diálogo, tolerancia y paz son las condiciones para preservar la vida tanto humana como no humana en el siglo XXI.

Las diferencias culturales son los modos de vida que cada pueblo tiene como sentido de su existencia. No son la causa de los conflictos violentos. Provocan conflictos violentos sólo cuando sirven como instrumentos del interés económico; es decir, los conflictos siempre estarán en la diferencia, pero éstos no necesariamente conllevan a la violencia. Generan violencia cuando se transforman en guerras radicales o fundamentalismo, dando como resultado acciones bélicas internas, internacionales o terrorismo; pero dicha transformación es provocada generalmente por intereses económicos de grupos de poder, tanto occidentales como no occidentales. Los factores de politización bajo el ámbito del ideal occidental, determinan en todas las culturas conceptos e ideales que en sí conllevan el germen de la violencia.

La cultura de poder, de aniquilación y dominio, es el factor de la occidentalización del mundo. Oponerse a ello, desde cada cultura, puede hacerse a partir de una forma no-violenta. La fuerza de una cultura no está en su poderío económico sino en la unidad de su sentido de existencia y en la apertura al respeto y conocimiento de las formas de existencia de las otras.

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

Bibliografía

1. Galtung, Johan (1965), *On the meaning of non violence*, Journal of Peace Research, Vol. 2, No. 3 Sage Publications, Ltd. En: <http://www.jstor.org/stable/422940>. (10/01/2015)
2. Hobbes, Thomas (1999). *Tratado sobre el ciudadano*, Madrid: Trotta.
3. Huntinton Samuel .P. (2002), *¿Choque de civilizaciones?*, Tecnos, Madrid.
4. Kant, Immanuel (1999), *Hacia la paz perpetua*, Biblioteca Nueva, Madrid.
5. Naïr, Sami (2006), *Diálogo de culturas e identidades*, Editorial Complutense, Madrid.
6. Piketty, Thomas (2015), *La economía de las desigualdades*, Siglo Veintiuno Editores, México.
7. Rousseau, Juan Jacobo (2007), *El contrato social*, Tecnos, Madrid.
8. Senghaas, Dieter (2002), *The Clash within Civilizations. Coming to terms with cultur conficts*, Routledge, New York.
9. Senghaas, Dieter (1981), "Contribución específica de la irenología al análisis de las causas de la violencia social: la transdisciplinariedad". En: *La violencia y sus causas*, UNESCO, París.
10. Senghaas, Dieter (1975), *Armamento y militarismo*, Sigo Veintiuno, México.
11. Senghaas, Dieter (2006), "Condiciones políticas marco para la ética mundial". En *Ciencia y ética mundial*. (Hans Küng y Karl-Josef Kuschel, Editores), Trotta, Madrid.
12. Senghaas, Dieter (2006), *La civilización de los conflictos. Pacifismo constructivo como una noción de orientación para la transformación de conflictos*. En: <http://www.beighof-handbook.net>. (15/08/2009).
13. Senghaas, Dieter (2006), "Is there Any Future For Peace?" From the periodical of the Catholic Academi in Bavaria. En: <http://www.conspiration.de/texto/indies/topics.html/>. (25/08/2009).
14. Walzer, Michael (2008), *Terrorismo y guerra justa*, Katz, Barcelona.
15. Walzer, Michael (2010), *Pensar políticamente*, Paidós, Madrid.

УДК 140.201

Баркова В.В., Сидорова У.В.

Современный дискурс о некоторых аспектах осмысления социальной реальности

В докладе рассматривается социальная реальность как важнейшее условие и результат человеческой жизнедеятельности, а также обозначены возможности изучения последней посредством социально-философского дискурса. Актуальность темы статьи обусловлена, с одной стороны, принципиальными сдвигами, затрагивающими все структуры социального бытия, а также появлением новых сил и форм, конфигурирующих эти сдвиги, с другой – особенностями развития социально-философского знания на современном этапе. Нарботанные методологические и мировоззренческие когнитивные технологии уже не способны системно выразить динамику социальных изменений, о чём свидетельствует нарастающая фрагментарность суждений о социальной реальности, а также неотрефлексированность собственно философской и социально-гуманитарной позиции, не способных в связи с этим услышать и увидеть в условиях социальной неопределённости и неустойчивости механизмы, консолидирующие социальное развитие в целостность. Отсюда цель статьи – осмысление и интерпретация реалий современного социального бытия и доминантных компонентов социальной реальности, влияющих на целостное бытие человека в мире. Ключевой аспект в позиции авторов при изучении социальной реальности можно сформулировать следующим образом: не отторгая ни традиций философского дискурса, ни новаций, рассмотреть сущность социальной реальности через призму мыследеятельного интереса к ней познающего её субъекта. Авторы приходят к выводу, что философское осмысление социального возможно преимущественно сквозь призму индивидуального, когда духовный мир личности становится своеобразным «эпицентром» философских исканий, в которых неповторимое, экзистенциональное философствование по поводу осмысления социальной реальности «поднимается» на уровень всеобщего и вневременного, обретая онтологический статус.

Ключевые слова: социально-философский дискурс, реальность, социальная реальность, философская мыследеятельность, социальные процессы, онтологические и логические связи.

Баркова Валентина Васильевна,
профессор Челябинского государственного педагогического университета, e-mail: barkovavv@cspu.ru

Сидорова Ульяна Владимировна,
старший преподаватель Южно-Уральского государственного университета, e-mail: suvlad_11@mail.ru

Modern discourse about certain aspects understanding of social reality

The report deals with the social reality as the essential condition and the result of human activity, as well as the possibility of studying it by the social and philosophical discourses. Relevance of the topic of this manuscript due to, on the one side, the fundamental shifts that affected all structures of social life, as well as the emergence of new forms of energies, configuring these shifts; and on the other hand – features of the development of social and philosophical knowledge at the present stage. Tested methodological and ideological cognitive technologies are not capable of systematically express the dynamics of social change, as evidenced by the growing fragmentation of judgments about the social reality, and not reflexing philosophical and socio-humanitarian position, which are not able in this connection to hear or see in the conditions of social uncertainty and instability mechanisms, consolidating social development in integrity. So the purpose of the manuscript – understanding and interpretation of the realities of modern social life and dominant components of the social reality, that affect the integrity of the human being in the world. A key aspect in the position of authors in the study of social reality can be formulated as: not rejecting any tradition of philosophical discourse, no innovations, consider the essence of it through the prism of mental activity of interest to it, knowing its subject, which is trying to grasp and understand the semantic social reality in the context of the ontological, epistemological, axiological and its significance in preserving the integrity of the human being. The authors conclude that the philosophical understanding of the social primarily possible through the prism of individual, when the spiritual world of the individual becomes a kind of «epicenter» of philosophical inquiry, in which unique, existential philosophizing about understanding social reality «rises» to the level of universal and timeless, gaining ontological status.

Keywords: socio-philosophical discourse, reality, social reality, philosophical thought-activity, social processes, ontological and logical connections.

Barkova Valentinа Vasilyevna professor the Chelyabinsk state pedagogical university, e-mail: barkovavv@cspu.ru

Sidorova Uliana Vladimirovna, the senior teacher of the South Ural state university, e-mail: suvlad_11@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Осмысление феномена социальной реальности находится сегодня в поле напряженного метафизического интереса. Мировое сообщество, с тревогой всматриваясь в тектонические процессы, происходящие во всех сферах существования человеческого сообщества: экономику, политику, культуру, духовность, язык, жизнедеятельность народов, констатирует, что глобализационные процессы, втягивая в зону своего влияния различные сообщества, размывают и деформируют конструкты их социальной реальности, ментальные матричные скрепы самосознания целых народов, ставя под вопрос сам факт сохранения и существования человеческой бытийности. Именно поэтому, в современном социально-философском дискурсе нет более употребляемых понятий, чем понятия реальность, реальный и т.п., но нет и более трудно эксплицируемых концептов, чем вышеназванные. Дело в том, что содержание этих понятий формировалось одновременно и в формате научно-теоретической мысли, и в мире обыденного здравого смысла. Поэтому они несут на себе следы, как философской интуиции, научного анализа, так и повседневных практических коннотаций. Теоретическое и практическое, интуитивное и дискурсивное, философское и обыденное предполагают совершенно различные контексты понимания смысла для рассматриваемых понятий. Однако эти гетерогенные содержания, воз-

никающие в различных проблемных вопросах, в исследовательской практике не существуют независимо. Именно здесь они постоянно смешиваются друг с другом, подвергаются деформации и нарушают первоначальное единство смысла и замысла. Одним из возможных объяснений такой ситуации является то, что понятие реальность, по сути, есть «ничья земля». Хотя здесь встречаются друг с другом не только «чистые представители» разных наук, но и адепты религиозного миропонимания, а также те, кто обитает в пространстве научно-популярной и просветительской литературы. Тем не менее, единство смысла и замысла в исследовании, например, социальной реальности, способны обеспечить как общеполитические принципы и методы анализа, так и методы, присущие собственно социально-научному знанию. Именно оно формирует наиболее общие представления о социальной реальности и выступает в роли общетеоретического основания изучения различных её состояний и элементов. Ракурсы социальной реальности неоднократно, с большим или меньшим успехом, становились объектом рассмотрения философской мысли XX-XXI столетия. Деятельностный аспект построения социальной реальности в современной отечественной литературе разрабатывали К.Х. Момджян, В.Е. Кемеров, проблеме соотносительности социального бытия и социальной реальности – В.А. Горшков, В.С. Барулин,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В.В. Макаров, В.И. Пржиленский. В чем же сохраняется ощущение проблемы? За всеми поворотами и кризисами современной эпохи скрываются глубинные изменения знания об обществе. Это обусловлено принципиальными сдвигами во всех структурах социального бытия, а также появлением новых сил и форм, определяющих эти структуры. Нарботанные методологические и мировоззренческие когнитивные технологии уже не способны системно выразить динамику этих изменений, о чём свидетельствует нарастающая фрагментарность суждений о социальной реальности, а также неотрerefлектированность собственно философской и социально-гуманитарной позиции. Наш аспект изучения социальной реальности можно сформулировать следующим образом: не оторгая ни традиций философского дискурса, ни новаций, рассмотреть сущность последней через призму мыследеятельного интереса к ней, познающего её субъекта, который пытается уловить и понять смыслообраз социальной реальности в контексте онтологической, гносеологической и аксиологической значимости её в сохранении целостности человеческого бытия.

В общем виде социальную реальность рассматривают как целостную совокупность динамично изменяющихся социальных явлений, включенных в живую плоть социальных отношений людей. При этом не надо забывать, что социальная реаль-

ность – это во многом невидимый, мысленно вычлeняемый мир, но который реально пронизывает действительность социального бытия и межчеловеческие коммуникации. По своей сути социальная реальность – не только онтологически, но и с точки зрения гносеологических аспектов обладает собственной логикой неодолимых тенденций развития. Социальная реальность парадоксальным образом набрасывает, если так можно выразиться, «калибровочную матрицу» на социальное бытие, наделяя его символическими измерениями, социальными критериями, которые объективируются в пространстве социальной жизнедеятельности каждого человека. Логические мостики, которые она при этом «прокладывает» между элементами социального, свидетельствуют не только о наличии в ней собственных законов бытования, неодолимость, повторяемость которых объясняется особыми функциональными механизмами существования последней, но и о том, что они обусловлены самой природой социальности. В частности тем, что основной способ реализации социальности – символически-культурная коммуникация. И тогда, логикой развития социального будет логика развития кооперации, обеспечения регулярности взаимодействий, изменения социальных субъектов, а не просто индивидов как биологических существ. Бытие социальной реальности образует некую надматериальную оболочку, которая в существенной

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

степени независима от внешних условий развития общества, хотя постоянно в них погружена, «отягощена» материально. Это особая реальность, которая своей символически-духовной первоматерией, и своей логикой бытийности качественно отлична от всех других форм реальностей, и отсюда законы социальной жизни – это особые законы кооперации живых индивидов на основе символически-культурной коммуникации. Они координируют кооперацию людей, обеспечение порядка и изменение сетей социальных взаимодействий. Её внутренняя логика стремится развитие случайных контактов между людьми перевести в систематические, регулярные взаимодействия, ситуативные ориентации – в устойчивые ценностные выборы. Эти законы напрямую не выводятся из материальной составляющей социальных взаимодействий, их логика не есть продолжение логики материально-физических объектов. Это может быть и есть главное и самое сложное в понимании социальной реальности, что, в свою очередь, порождает существенную сложность и нетривиальность философского анализа, суть которого – изучение этих невидимых, развивающихся по своей особой логике, сцеплений. Ведь оперирование осуществляется не самими осязаемыми социальными фактами, а аналитически вычленяемыми связями и зависимостями, которым присуща во многом не имеющая аналогов логика бытийности. Таким образом, предме-

том анализа в социальной реальности становятся трансформации в системе социальных сцепок, социальных связей в играх и правилах, в соответствии с которыми организуются социальные взаимодействия, в нормах, принципах, которыми руководствуются люди. Конечно, социальная реальность является не просто схемой социальной интеграции, некой паутиной, сетью. Она выступает способом понимания людьми социальных фактов своей бытийности. Что позволяет им вычленять в многослойных, мозаичных структурах и конструкциях социальной реальности, собственный смысл бытия, который они воспринимают в качестве оснований к действию. Изменение социальной реальности, с этой точки зрения, влечёт за собой изменение содержания смыслообразующих понятий человеческой жизнедеятельности. Успешность процессов самоосуществления человеком самого себя в пространстве той или иной социальной реальности, зависит от того, насколько эффективно он преодолевает возникающие преграды, созданные как открытым характером бытия вообще, так и всем ходом его же собственной деятельности.

Философия, как форма общественного сознания, исторически рассматривается в качестве универсального инструмента обнаружения неких смыслов в изменчивых феноменах социальной реальности. Погружая мышление субъекта в таинства состояний социального, она «обнажает» возможно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сти осмысления его глубин до самого основания, фокусируя в целостность онтологические и гносеологические вопрошания, познающего социальный мир и «самого себя в нем», сознания. Стягивает ответы и их знаки в тексты духовно-интеллектуальных культур, стилей философствования, конфигурации экзистенциальных состояний бытия. Конечно, философская мыследеятельность не дает конкретных ответов на вопросы, «как надо жить», поскольку философствование по самой своей природе принципиально метафизично: «в-не-и-над-природно». Но она дает возможность каждому субъекту не просто с определенной точки зрения, позиции, смысла, войти в мир социальной реальности, но и сделать философское осмысление и понимание последней способом индивидуального выхода к свободе, самопознанию, самообъяснению и самооправданию собственных мнений, теорий, действий. Утверждением себя в качестве человека, способного максимально приблизиться к собственной завершенности через реализацию своих потенциальных возможностей в условиях конкретной социальной реальности. Платон полагал, что умение ухватить, понять нечто, «здесь и сейчас», «вписать» его в палитру своих мировоззренческих исканий, свидетельствует о том, что в человеке «просыпается» способность не только видеть типичное, но замечать и понимать в явлениях особенное и индивидуальное. Смысл по-

стижения своего местопребывания в социуме, самопознание «себя в себе самом», виделся древним не в том, чтобы сформулировать или отыскать вечные «для всех времен и народов» истины. По мысли Платона, смысл философского осмысления реальности бытия состоит в том, чтобы указать человеку путь, следуя по которому, он смог бы, «соизмеряя свой жизненный опыт с мнением и опытом других» (Сенека), «обрести себя» и найти собственные ответы на вопросы понимания конкретной социальной реальности полиса. Способность к самопознанию, с его точки зрения, присуща каждому человеку, но часто интуитивное самопознание бродит в потемках души. Человек, считал Сократ, должен научиться видеть мир внутренним зрением, побуждая тем самым самого себя к постоянному размышлению о себе и об окружающей его действительности. Он полагал, что не стоит жить, если ее не осознавать, не выясняя своего личного отношения к миру. Мастера софистического обучения – Протагор, Горгий, Эмпедокл, Гиппий, Продик в публичных лекциях выдавали образцы анализа современной им реальности, обозначали способы получения знаний о ней и осмысления их. Учили управлять философской рефлексией, тонко улавливать при этом исторические тенденции развития социума, определять стези своего возможного развития в рамках конкретной социальной реальности. При этом философский способ

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

осмысления социальной реальности делал возможной критику повседневности, как сложившегося стереотипа привычного бытия. Превращался в средство, способное указать выход за рамки принятых норм мышления и традиций. Будучи изначально дан с этим миром, человек, поначалу, не выделяет себя от условий, в которые он, по словам Ж.П. Сартра, оказался «заброшен» по воле судьбы, и взаимодействие с которыми для него неотвратимо. Однако, осваивая петлистые ландшафты социальной реальности, он вынужден включаться в процесс оценивания и ориентирования в разнообразных данностях бытия. Что вызывает у него необходимость «выворотить самого себя» из омута мучительно невнятной нерerefлексивной иллюзорной объективности. Подвести к осмысленному восприятию реальности и «возможиванию» в ней собственного бытия в бытие других. Таким образом, самоосознание человеком «самого себя» в социальной реальности является тем фундаментом, на котором индивидуум начинает осознанно воспринимать и выстраивать свои ценностно-смысловые, деятельные отношения с миром других, собственный способ жизни. При этом, «промысливая» свои шаги в развивающейся социальной реальности, он открывает в себе потребность «практики себя»: чувственной, интеллектуальной, духовной и т.д.

Осознание актуальности объективных знаний о социальной реальности, подвигают че-

ловека к осмыслению и освоению базовых конструктов этого феномена. Постигая матричные основы социального, философствующий субъект автоматически включается в темпоральные ритмы её исторических форм явления. Улавливая факт того, что социальная реальность фокусирует и «распредмечивает» в своей бытийности онтологические и гносеологические основания своей историчности. Позволяет в приоткрывающихся зазорах бытийности увидеть дистанцию между тем, что данная социальная реальность представляет собой в антропосоциокультурном измерении сейчас, и тем, чем она может стать в будущем. Таким образом «социальная реальность» открывается философствующему субъекту как обобщённое обозначение той системы объектов, с которой он взаимодействует, среда его жизнедеятельности, объективное условие его деятельности, непосредственный предмет его социального творчества. Являя себя как данность, социальная реальность предстаёт одновременно и как результат деятельности социального субъекта, посредством чего снимается размежевание объективного и субъективного, их противопоставление. Благодаря этому, возникает особое пространство деятельности социального субъекта, которое может быть описано и как присутствие при этом, и как «забота», и как «освоение» и «присвоение» социального мира.

На пути реализации человеком намерений осмыслить со-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

циальную реальность и самого себя в ней, должно стать обнаружение им в самом себе способности нечто понять, помыслить, как это делали и делают другие, научиться обосновать и аргументировать свои суждения. Осознанный выбор критико-рефлексивного пути в восприятии и осмыслении социальной реальности с целью «разыскания собственных смыслов жизни» вовсе не предполагает готовность и способность человека к осмыслению социальной реальности в форме проблемы. Для этого ему необходимо пропустить через собственное сознание исторический опыт философских размышлений о природе этого феномена с тем, чтобы он, «проецируясь» на его личный жизненный потенциал, стал для него детерминантой духовного роста и самостоятельного развития. Однако для осознания себя в качестве субъекта, имеющего внутреннюю потребность заниматься философским осмыслением социальной реальности, мало иметь даже собственный «жизненный проект социального бытия». Надо иметь определенный уровень личностного развития, который, по мысли Канта, задается приобретенным опытом разумности, и который репрезентирует себя как степень осознания меры и глубины ответственности человека за себя и других, его «не-алиби-в-бытие» – по словам М. Бахтина. Ведь можно жить ответственно и осознавать все происходящее вокруг, но бытом в малом времени, а можно – бытием – во времени – боль-

шом. Личность, избравшая философский способ осмысления социальной реальности и нашедшая «особое измерение» в опыте ее бытийствования, открыта миру, познанию, одержима жаждой знаний о том, что есть, как по ту, так и в посюстороннем мире. Личность, определяющая свое философское мышление, должна выстроить внутренне согласованную систему собственных взглядов, выражающих осознанную мотивацию её мыследеятельности и действий. Умение находить в «предметных полях» социальной реальности «не озвученные» аспекты философских вопрошаний, наличие которых только «предчувствует-ся» на «разрывах» разных областей социального, конструировать их, вскрывает фундаментальный гештальт, семантико-аксиологический стержень философской ментальности в обосновывающем себя мышлении субъекта. Философский способ осмысления социальной реальности, вместивший в себе разноликие, многовеерные представления о ней, через призму знаний, накопленных различными эпохами, переплетённого временем калейдоскопа философских идей и парадигм, различных смыслов употребления понятия «социальная реальность», даёт философствующему разуму возможность понять, что только через «парадокс общения», диалогов взаимообоснования, взаимопереходов различных логик и различных форм всеобщности, индивидуум осуществляет про-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

цесс сознательного выбора собственной тропы в мир «возделывания» философской мыследеятельности [1, 95]. В принципе, это и составляет средоточие философских размышлений, выявляет суть философствования и составляет смысл самого феномена мысли. В. Библер писал в связи с этим, что «философствование имеет смысл только в одновременности и во взаимоположении философских систем, идей, откровений» [2, 284]. Таким образом, философское постижение различных форм бесконечно-возможных состояний социальной реальности и их понимание способно сложиться в мыследеятельных структурах только посредством овладения личностью философской культурой слова и мышления. Мысль «обретает» своё онтологическое бытие только в понятии, в слове, акте «вживания» мысли в понятие. Только в этом случае становится реальным понятийное воспроизведение её вне логического ощущения «живого опыта бытия», т.е. «вписывание» «живого опыта бытия» в универсальный язык философских катахрез. Это позволяет «узнавать» опыт принципиально схожих экзистенций, осмыслять его, использовать для выстраивания онтологических и эпистемологических ликов социальной реальности. А.Я. Гуревич писал, чтобы попасть в ощущение ритма пульсирования социальной

реальности человек должен учиться мыслить, приводить свой образ действия в соответствие с тем, что обращено к нему в данный момент в своей сущности. «Пропуская» через мышление проблемные точки бытия социальной реальности, философствующий разум выводит собственное отношение к возникающим в ней процессам, прочтению уникальных узоров связей и отношений, сплетаемых людьми и обстоятельствами их бытия в пространственно-временных континуумах социумов, обеспечивая тем самым «пульсацию» общественного организма.

Исторически, став гранью жизни человека, его духовными скрижалями, философский способ осмысления социальной реальности превращается для него никем и ничем не заменимый способ анализа и развития познавательного опыта сознания. Желая быть услышанным и дополненным другими, он выводит собственную мыследеятельность за пределы субъективного самоистолкования, превращая свой духовно-интеллектуальный мир в «эпицентр» философских размышлений. Где неповторимое, экзистенциальное философствование по поводу осмысления социальной реальности, действительно обретает возможность «подняться» на уровень всеобщего и вневременного.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Баркова, В.В., Липский, В.И., Никанорова, Т.В. Стили философского мыслетворчества и поиск субъектом своей философской стези «поверх их размежевания». / В.В. Баркова, В.И. Липский, Т.В. Никанорова // Социум и власть. – №3. – 20012. – С.94-96.
2. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI. / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990.
3. Бороноев, А.О. О понятиях «общество» и «социальное». / А.О. Бороноев. // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 7.
4. Кликушина, Н.Ю. Виртуализация действительности в сознании субъекта как элемент социальной реальности: дисс. канд. филос. наук. – Омск, 2007. – 154 с.
5. Колмыкова, М.А., Бурзайкина, М.И. Общество как социальная реальность, его признаки и уровни организации. / М.А. Колмыкова, М.И. Бурзайкина. // – «Экономика и социум». – №2(7). – 2013.
6. Мусиец, П.В. Социальная реальность: основные теоретические подходы. / П.В. Мусиец. // – <http://scientific-notes.ru/pdf/022-036.pdf>.
7. Сайко, Э. В. Субъект: созидатель и носитель социального. / Э.В. Сайко. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», – 2006. – 424 с.
8. Сериков, А.Е. Социология: курс лекций. / А.Е. Сериков. – Самара: Гуманит. Академия. – 2003.– 147 с.

References

1. Barkova V.V. Stili filosofskogo mysletvorchestva i poisk sub"ektom svoej filosofskoj stezi «poverh ih razmezhevanija» [Styles philosophical mysletvorchestva and search the subject of his philosophical paths «on top of their disengagement»], Society and power, № 3, 2012, p 94–96.
2. Bibler V.S. Ot naukoucheniya k logike kul'tury. Dva filosofskih vvedeniya v XXI. [Naukoucheniya from the logic of culture. Two philosophical introduction to the XXI.], M., Politizdat, 1990.
3. Boronoev A.O. O ponjatijah «obshhestvo» i «social'noe». [The concepts of «society» and «social».], Sociological studies, 2008, № 8, p. 7.
4. Klikushina N.Ju. Virtualizacija dejstvitel'nosti v soznanii sub"ekta kak jelement social'noj real'nosti: diss. kand. filos. nauk. [Virtualization of reality in the mind of the subject as an element of social reality: diss. cand. Philosophy. Sciences.], Omsk, 2007, 154 p.
5. Kolmykova M.A. Obshhestvo kak social'naja real'nost', ego priznaki i urovni organizacii. [Society as a social reality, its symptoms and levels of the organization.], "Economy and Society», № 2 (7), 2013.
6. Musiec P.V. Social'naja real'nost', osnovnye teoreticheskie podhody. [Social reality: the main theoretical approaches], URL <http://scientific-notes.ru/pdf/022-036.pdf> (accessed 15.10.2015).
7. Sajko Je.V. Sub"ekt, sozidatel' i nositel' social'nogo. [Subject, creator and social media], M., Publishing House of Moscow psycho-social institution, Voronezh: Publishing House of the NGO "MODEK", 2006, 424 p.
8. Serikov A.E. Sociologija: kurs lekcij [Sociology: a course of lectures], Samara, Humanity Academy, 2003, 147 p.

УДК 130.2 + 72

Решикова С.П.

Образ и место архитектуры в немецкой классической и постклассической философии

Целью доклада является исследование эволюции взглядов выдающихся немецких философов на архитектуру как вид искусства. В классической философии архитектура часто стояла на самой низкой ступени среди других видов искусства. Эта традиция идет ещё от Платона, который согласно античной традиции понятием «искусство», объединял многие виды деятельности и ремесел. Архитектура была для Платона строительным искусством, в котором нужно большее всего ценить точность расчетов. Автор статьи ставит своей задачей показать, как идеи утилитарного предназначения архитектуры продолжают существовать не только в немецкой классической, но и в иррациональной философии. В немецкой классической философии они получили яркое выражение в работах Иммануила Канта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Эту же традицию продолжает один из самых ярких представителей иррационализма Артур Шопенгауэр. Таким образом, в понимании архитектуры как вида искусства иррационалистическая философия оказывается под влиянием идей немецкой классической философии. И те, и другие философы объясняли свое видение архитектуры тем, что строительство зданий имеет практическое предназначение, поэтому архитектура не всегда соответствует идеям чистого искусства. Во второй части статьи автор обращает внимание на то, что в XX столетии возникает новая эстетическая концепция. Формирование новых архитектурных стилей, вызванных появлением такого явления, как авангард, приводит к тому, что инженерные конструкции воспринимаются как художественные образы. Архитектура становится выражением времени, его культуры и ценностей, она становится значимой для понимания человека. Через архитектуру, которая является образом времени, происходит восприятие человеком прошлого и настоящего, восприятие самого себя. Таким образом, философская мысль эволюционирует от понимания архитектуры как эстетической ценности до её понимания как самостоятельного языка эпохи.

Ключевые слова: архитектура, философия искусства, эстетическое, практическое, классическая философия, постмодернизм.

Решикова Светлана Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Южно-Уральского государственного университета. E-mail: pos0909@rambler.ru

The image and the place of architecture in the German classical and post-classical philosophy

The purpose of this report is to study the evolution of the views of the great German philosophers to the architecture as an art form. In classical philosophy architecture was often stood at the lowest level among the other arts. This tradition was from Plato, who, according to the ancient tradition of the concept of "art", brought together many activities and crafts. The architecture was for Plato as a building art, which are most needed to appreciate the accuracy of the calculations. The author aims to show how the ideas of the utilitarian purposes of architecture continue to exist not only in the German classical but also in irrational philosophy. In the German classical philosophy they got a vivid expression in the works of Immanuel Kant and Georg Wilhelm Friedrich Hegel. This tradition was continued by one of the brightest representatives of irrationalism – Arthur Schopenhauer. Thus, in the understanding of architecture as an art the irrationalism philosophy is influenced by the ideas of classical German philosophy. The philosophers of both directions have explained their vision of the architecture that the construction of buildings has a practical purpose. That is why the architecture does not always correspond to the ideas of pure art. In the second part of the manuscript the author draws attention to the fact that a new aesthetic concept was appeared in the twentieth century. The formation of new architectural styles, due to the emergence of such phenomena as the avant-garde, was leading to the fact that the engineering designs are perceived as artistic images. Architecture became an expression of the time, its culture and values, it became important for the thinker's understanding. Hans Georg Gadamer, one of the founders of hermeneutics in contemporary philosophy and aesthetics, criticized traditional rationalism and put forward the new concepts and principles, including, the understanding of the place and the image of architecture in art. Through architecture, which is course of time, there is a perception of a human of the past and the present, the perception of itself. So the philosophical thought has evolved from an understanding of architecture as an aesthetic value to its understanding as an independent language of the era.

Keywords: architecture, philosophy of art, aesthetic, practical, classical philosophy, postmodernism.

Reschikova Svetlana Petrovna,
Ph.D., Associate Professor of Philosophy and Sociology, South Ural State University. E-mail: pos0909@rambler.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Архитектура как вид искусства всегда привлекала внимание философов различных эпох. Но в классической философии по своей значимости она занимала более низкое место по сравнению с другими видами искусства: живописью, скульптурой и особенно музыкой. Это связано, прежде всего, с её практическим предназначением в жизни людей, поскольку любое здание должно было соответствовать предназначаемой функции. Поэтому со времен Платона в философской традиции преобладала мысль о том, что архитектура занимает некое посредническое место между художественной и практической, ремесленной деятельностью людей и поэтому не может соответствовать идеалам чистого искусства. Традиция подобного понимания архитектуры в философии искусства существовала в течение многих столетий, и только XX век изменил философский взгляд на понимание её места в искусстве.

Традиционное восприятие архитектуры наблюдается в рассуждениях родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта. В работе «Критика способности суждения» в качестве важнейшего условия красоты он выделяет «целесообразность без понятия»: «Каждый согласится, что суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, пристрастно и не есть чистое суждение вкуса. Для того чтобы выступать судьей в вопросах вкуса, надо быть совершенно незаинтересованным в существовании вещи, о которой идет речь, и

испытывать к этому полное безразличие» [1, с.24].

В связи с этим Кант разделяет понятие красоты на два вида: «свободная красота и лишь сопутствующая». Свободная красота – это красота сама по себе, она не связана ни с какой целью. Он приводит пример цветов как свободной красоты природы, потому что в понимании этой красоты отсутствует принцип целесообразности. Суждение о свободной красоте, по Канту, это чистое суждение вкуса, которое не предполагает какой-либо цели. Что касается видов искусства, то здесь философ следует сложившейся традиции классической философии и в качестве примера свободной красоты приводит музыку, точнее, музыкальную импровизацию, которая не следует заданным ранее правилам. Архитектура же в идею свободной красоты у Канта не вписывается. Красота (здания (церкви, дворца, арсенала или беседки) предполагает понятие цели, определяющей, какой должна быть вещь, т.е. предполагает понятие её совершенства и, следовательно, есть сопутствующая красота» [1, с.43]. Таким образом, архитектура – это всего лишь сопутствующая красота, а такая красота наносит ущерб чистоте суждения вкуса, поскольку в ней доминирует, прежде всего цель. «Многое из того, что непосредственно нравится в созерцании, можно было бы добавить к зданию, если бы только ему не надлежало быть церковью; образ можно было бы украсить разного рода завитушками и легкими, правильными штрихами, подобными татуировке жите-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лей Новой Зеландии, если бы только это не был человек; а человек мог бы иметь значительно более тонкие черты и более приятный, мягкий овал лица, если бы он не должен был представлять мужчину, и к тому же воинственного» [1, с. 43]. Цель, которая задает определенные рамки пониманию красоты, не способствует, говоря словами Канта, благорасположению к красоте в виде свободного и чистого суждения вкуса. В данном случае эстетическое соединяется с интеллектуальным, а из этого следует, что прекрасное существует уже не само по себе, а используется в качестве орудия для достижения другой цели – цели доброго. В данном случае, по Канту, «доброе – то, что ценят, одобряют, то есть то, в чем видят объективную ценность» [1, с. 28]. «Комната, стены которой образуют косые углы, сад такого же типа, вообще всякое нарушение симметрии, будь то в животных (если они, например, одноглазы), в зданиях или клумбах, нам не нравится потому, что это нецелесообразно, не только практически для определенного использования этих вещей, но и для суждений о них, исходя из самых различных намерений; подобное не происходит в суждении вкуса, которое, если оно чисто, непосредственно связывает предмет благорасположения или его отсутствия с созерцанием предмета, не руководствуясь возможностью использовать его или какой-либо целью» [1, с.51]. Таким образом, следуя логике Канта, архитектура могла бы быть свободной красотой в том случае,

если бы тот, кто высказывает суждение вкуса о ней, не знал бы цели предназначения зданий. Кант отводит архитектуре большей частью утилитарное предназначение: «Если кто-нибудь спросит меня, нахожу ли я дворец, который находится передо мной, прекрасным, то я могу, конечно, сказать, что не люблю вещи, созданные только для того, чтобы на них глазели; могу ответить, как ирокезский сахем, которому в Париже больше всего понравились харчевни; могу сверх того высказать вполне в духе Руссо свое порицание тщеславию аристократов, не жалеющих пота народа для создания вещей, без которых легко можно обойтись; могу, наконец, с легкостью убедить себя в том, что, находясь на необитаемом острове без всякой надежды вернуться когда-либо к людям и обладая способностью только силою желания, как бы волшебством, воздвигнуть такое великолепное здание, я не приложил бы для этого даже такого усилия, будь у меня достаточно удобная хижина» [1, с. 24].

Не более высокое место как вид искусства архитектура занимает и в философии Гегеля. Несмотря на то, в лекциях об эстетике Гегель уделяет значительное внимание архитектуре как виду искусства, но она предстает у него в качестве наиболее «неразвитого» вида искусства. По Гегелю, искусство – это победа духа над материей. Но архитектура – это материальное, это только начальная ступень искусства. Но не уделяя в данной работе внимания взглядам Гегеля на архитектуру, кото-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

рые достаточно широко освещены в научной литературе, хотелось бы обратиться к пониманию места и образа архитектуры в творчестве другого немецкого философа – Артура Шопенгауэра.

В философии А. Шопенгауэра искусство несравненно выше науки, поскольку оно - высшая ступень познания идеи. Наука, изучающая внешний мир, его связи и взаимоотношения, подчинена Воле. Искусство возникает, благодаря гению, только оно может подняться над властью Воли и познать идею. Поэтому, считает Шопенгауэр, искусство освобождает душу человека от вызываемых Волей страданий. Выше искусства может быть только моральное самосовершенствование. Именно благодаря искусству человек вырывается из-под власти Воли и может познать идею. Эстетическое наслаждение, по Шопенгауэру, возникает тогда, когда происходит «освобождение познания от служения воле, забвение самого себя, как индивидуума, и возвышение сознания до чистого, безвольного, безвременного, от всяческих отношений независимого субъекта познания» [2, с. 429].

Как и его предшественники (от Платона до Канта), Шопенгауэр по-разному оценивает место и роль всех видов искусства в этом процессе. Высшее место отводится драме, которая приводит к познанию наиболее значительных идей. Затем следуют скульптура и живопись, которые тоже играют большую роль в познании идеи. А вот архитектура, на его взгляд, является

нижайшей ступенью объективации воли, отсюда «объективная значительность того, что зодчество нам открывает, сравнительно не велика» [2, с. 447]

У философа к архитектуре двойственное отношение: с одной стороны, это изящное искусство, а с другой – она предназначена для утилитарных целей и поэтому «служит воле, а не чистому познанию и, следовательно, уже не есть искусство» [2, с. 444]. Шопенгауэр считает, что цель архитектора при создании своих произведений заключается в максимальном достижении эстетических целей, при том, что они подчинены чуждым, полезным целям. Но проблема заключается в том, что возможность прекрасного в этом виде искусства находится в обратной зависимости от его полезности. Чем больше требований необходимости: климат, предназначение здания и т.д., тем меньше возможностей для прекрасного. «Борьба между тяжестью и косностью составляет единственное эстетическое содержание изящной архитектуры: разнообразными способами заставить её совершенно ясно высказаться – её задача» [2 с. 445]. Если бы строение было предназначено только полезным целям, его масса была бы просто грудой камня, как можно крепче соединенной с земным шаром. Именно в этой тяжести проявляется Воля, но этому противится косность, т.е. объективация Воли: «Балка может давить на землю только посредством колонны, свод должен поддерживать сам себя и может удовлетворять

своему стремлению к массе земли только через посредство стен и т.д. Но именно на этих вынужденных окольных путях, именно посредством таких задержек раскрываются наиболее явно и многообразно те грубой каменной массе присущие силы: и далее чисто эстетическая цель зодчества идти не может» [2 с. 445]. Так же, как и Кант, Шопенгауэр красоту архитектуры видит, прежде всего, в целесообразности, отсюда он приходит к выводу, что «для понимания архитектурного произведения и эстетического им наслаждения неизбежно необходимо иметь непосредственное созерцательное познание его материи, относительно её веса, её косности и сцепления...» [2 с. 445]. Но особое значение в восприятии архитектуры Шопенгауэр придает свету. Это «самый крупный алмаз в короне красоты и оказывает на познание всякого прекрасного предмета решительное влияние: вообще присутствие его – необходимое условие; благоприятное его положение возвышает красоту даже наиболее прекрасного» [2 с. 433]. Когда зритель воспринимает архитектурное произведение, он должен обязательно принимать во внимание воздействие света, потому что при солнечном свете впечатление может быть одним, а при лунном – совершенно другим. И все-таки, хотя Шопенгауэр и отмечает архитектуру как нижайшую ступень активации воли, она остается для него прежде всего видом искусства, т.к. «эстетическое наслаждение при виде пре-

красного и благоприятно освещенного здания будет заключаться не столько в восприятии идеи, сколько в присущем такому восприятию субъективном его корреляте, следовательно, преимущественно состоять в том, что при этом виде зритель отрывается от индивидуального образа познания и подымается к роли чистого, безвольного субъекта познания, следовательно, в самом чистом, от всех страданий хотения и индивидуальности освобожденном, созерцании» [2 с. 447].

Позиция архитектуры как вида искусства меняется в концепциях философов второй половины 19 - начала 20 века. Это изменение связано с появлением авангарда, который значительно изменил всю эстетическую парадигму. Так, например, И.Н. Духан, раскрывая этот процесс в статье «Философия классического в искусстве и проектной культуре модернизма», приводит мысль о том, что в начале XX века «интеллектуализация авангарда в 1920-х сопровождалась более глубоким его соотношением как с классическим опытом, так и с идеями математики и естественных наук [Lissitzky 1925, 101-113]» [4, с. 57].

В начале XX века формируются новые архитектурные стили, как, например, конструктивизм, которые инженерные сооружения возводят в ранг эстетики.

Связь архитектуры с практической необходимостью людей, которая мешала её восприятию как вида искусства, становится главной. Именно такие направления искусства XX столетия, как кубизм, футуризм и подобные

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

им, сформировали ту эстетическую установку, которая крайне близка инженерному идеалу. Все это создало более чем благоприятную конъюнктуру для изменения позиции архитектуры в нашем представлении об искусстве. Особенно ярко это проявилось во второй половине XX века, когда начали развиваться идеи постмодернизма.

И.Н. Духан в своей статье «Философия классического в искусстве и проектной культуре модерна» замечает: «Мир вероятностей всегда богаче возможностями и сложнее, чем мир детерминистский. Архитектура и художественная композиция «собирается» из многообразных исторических прообразов, соответствующих идее и теме» [4, с. 58].

В XX веке философов занимают проблемы смысла и способов его включения в архитектуру. Важный момент в осмыслении характера новой архитектуры отмечает уже упоминавшийся ранее И.Н. Духан: «Сам характер новой движущейся реальности XX в. стимулировал видение архитектурных норм в развертывании и становлении, и ключевой категорией архитектурной перцепции и, соответственно, формообразования здесь становится скорость», и далее, «скоростное восприятие «ломает» оси фронтального неспешного созерцания, превращая архитектурное пространство в сгусток – калейдоскоп сменяющихся образов» [5, с. 65]

Такая позиция в отношении архитектуры весьма характерна для Г. Гадамера, одного из крупнейших разработчиков герменевтического метода в современ-

ной философии и эстетике.

Гадамер видит задачу герменевтики не столько в искусстве истолкования текста, сколько в исследовании условий возможности его понимания. Философ убежден, что смысл целого текста можно понять через понимание его отдельных частей. Но для понимания смысла отдельной части требуется понимать целое, т.е. должно быть определенное «предпонимание». Таким образом, весь процесс понимания – это диалог: чтобы понять текст, нужно, прежде всего, понять вопрос, который этот текст ставит. Для того, чтобы понять вопрос, мы должны уметь задаться им сами, отнести этот вопрос к себе, что ведет к критической проверке нашего «предпонимания». В этом случае понимание рассматривается как процесс «слияния горизонтов» интерпретатора и текста, причем смысловой горизонт интерпретатора тоже изменяется. «То, что было застывшим языком литературного произведения, – пишет Гадамер, – необходимо превратить в свой собственный язык. Только тогда литературный текст становится произведением искусства. То же касается изобразительного искусства, архитектуры» [3, с. 318]. Только в этом случае решится проблема соединения памятников архитектуры прошлого с настоящей жизнью, в которой формы общения, установки зрительного восприятия, особенности освещения в значительной степени отличаются от тех, которые были во времена создания этих архитектурных сооружений. Только тогда про-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

изоидет объединение прошлого и настоящего: «Это не охрана памятников в смысле их консервации, а постоянное взаимодействие современности и ее целей с минувшими временами, которым мы также принадлежим». [3, с. 319]. Гадамер считает, что у каждого произведения искусства есть свое собственное время, которое выражается в его восприятии. Зритель для того, чтобы воспринять изобразительное искусство, «странствует» по картинам и архитектурным памятникам, по одним медленнее, по другим быстрее. «Одна из величайших фальсификаций, порожденных репродукциями, приводит к тому, что, увидев, наконец, в оригинале выдающееся произведение мировой архитектуры, мы нередко испытываем разочарование. Оно оказывается не столь живописным, как на фотографиях. Это разочарование свидетельствует о том, что в действительности мы не постигли это строение как архитектурную структуру, как искусство, застряв на внешней привлекательности. Для этого необходимо приблизиться к нему и войти внутрь, выйти из него, обойти снаружи и внутри, чтобы постепенно прочувствовать, что же может дать это здание для ощущения жизни, для развития этого ощущения» [3, с. 314].

Пытаясь понять эстетический смысл изобразительного искусства: живопись, пластика, архитектура, - он обращается к трем главным принципам классического понимания искусства: подражанию, выражению и обозначению в самых широ-

ких смыслах этих понятий. В этом случае развиваются идеи античных философов, в частности, идея мимезиса Аристотеля. Но, если Аристотель утверждал, что подражание – это узнавание вещи, когда открывается её сущностное и отпадает случайное, то Гадамер считает, что подражание – это ещё и узнавание реципиентом самого себя. Произведение искусства воспринимается им как своеобразная «игровая площадка», на которой «узнавание и понимание» совпадают. «Притязания современного художника обусловлены новой социальной ситуацией. Это своего рода оппозиция бюргерскому канону восприятия и религии культуры, побуждающая художника использовать нашу активность в своих собственных интересах. Так случается всякий раз, когда при построении кубистической или абстрактной картины шаг за шагом синтезируются отдельные грани образа, возникающие у зрителя при многократной смене точек зрения. Художник стремится выразить в произведении то новое художественное настроение, в соответствии с которым он творит и которое представляется ему новой формой всеобщего взаимопонимания, солидарности» [3, с. 274].

Гадамер выделяет в качестве общего принципа искусства наличие в произведении такой духовной энергии, которая может создать целостный художественный микрокосм. Отсюда возникает единство художественного произведения и окружающей среды.

«Вместе с тем я утверждаю, - пишет Гадамер, - что великие

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

художественные достижения самыми разными путями нисходят в потребительский мир и участвуют в эстетизации среды. И не только нисходят, но и распространяются, расхвываются, обеспечивая таким образом известное стилевое единство преобразуемого человеком мира. Так было всегда, и несомненно, что конструктивный подход, обнаруживаемый нами сегодня в живописи и архитектуре, глубоко проник и во все те технические приспособления, с которыми мы ежедневно имеем дело на кухне, дома, в общественном транспорте и общественной жизни. И далеко не

случайно, что в процессе создания произведения художник преодолевает напряжение, возникающее между ожиданиями, идущими от традиции, и новыми привычками, вводимыми им самим» [3, с. 274].

Исходя из вышеизложенных взглядов, мы видим, что образ и место архитектуры в немецкой философской мысли эволюционируют от понимания её как эстетической ценности до её понимания как самостоятельного языка со своей системой знаков, при помощи которых передается мысль.

Библиографический список

1. Кант И. Аналитика прекрасного// И. Кант Критика способности суждения [Электронный ресурс] – URL: <http://iakovlev.org/zip/kant3.pdf> (дата обращения 24.09.2015).
2. Шопенгауэр А. Основные идеи эстетики [Текст]// А. Шопенгауэр Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
3. Гадамер Г. Актуальность прекрасного [Текст]./ Г. Гадамер. Пер. с немецкого - М.: Искусство 1991г., 367 с.
4. Духан И.Н. Философия классического в искусстве и проектной культуре модерна// Вопросы философии – 2009. - № 6 – С.47 – 59.
5. Духан И.Н. «Держаться вплотную к видимому»: философия и искусство времени// Вопросы философии – 2012. - №7 – С. 64-74.

References

1. Kant I. Analitika prekrasnogo [Analytics beautiful], I. Kant. Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of Judgment], URL <http://iakovlev.org/zip/kant3.pdf> (accessed 15.10.2015).
2. A. Shopengaujer. Osnovnye idei jestetiki [The basic ideas of aesthetics], A. Shopengaujer Izbrannye proizvedenija, M., Education, 1992, 479 p.
3. G. Gadamer Aktual'nost' prekrasnogo [Urgency wonderful], German-M., Arts, 1991, 367 p.
4. Duhan I.N. Filosofiya klassicheskogo v iskusstve i proektnoj kul'ture moderna [The philosophy of classical art and design culture of modernity], Voprosy filosofii, 2009, № 6, p. 47–59.
5. Duhan I.N. «Derzhat'sya vplotnuyu k vidimomu»: filosofiya i iskusstvo vremeni ["Stay close to the apparently"], philosophy and art of time], Voprosy filosofii, 2012, № 7, p. 64–74.

УДК 130.2 : 794 + 159.955

Гутенев М. Ю.

Творческий потенциал игры

Рассматриваются вопросы, связанные с творческими компонентами мышления личности во время игры в шахматы. Автор изучает влияние шахматной игры на развитие логического и творческого мышления. В шахматной игре присутствуют компоненты творческой деятельности, в которых индивид может проявлять и реализовывать свою потребность в творчестве. К таким компонентам относятся: логика, точный расчет вариантов, техника и знание шахматной игры, интуиция, фантазия. В шахматах творческая деятельность представлена целым спектром разнообразных идей, тактических и стратегических замыслов, кульминацией которых могут являться как простые и точные ходы, ведущие к успеху, так красивые и зрелищные комбинации. По сравнению с другими видами творческой деятельности человека в шахматной игре имеется более высокая насыщенность ситуаций такого характера, в которых игроку практически каждый ход приходится решать творческие задачи. В докладе делается вывод, что шахматная игра является творческой игрой, которая вносит весомый вклад в развитие творческого потенциала личности и общества.

Ключевые слова: мышление, творчество, шахматы, интуиция

Гутенев Максим Юрьевич
доцент кафедры политологии,
Южно-Уральский государственный университет, кандидат философских наук. E-mail: m.gutenev@mail.ru

UDC 130.2 : 794 + 159.955

Gutenev M.Y.

The creative potential of game

The report deals with the creative components of thinking of the person while playing chess. The author studies the influence of chess game on the development of logical and creative thinking. In a chess game there are components of creative activity in which the individual may express and realize their creativity. These components include: logic, accurate calculation options, technology and knowledge of the game of chess, intuition, imagination. In a chess game creative activity presented by a range of diverse ideas, tactical and strategic ideas, the culmination of which can be as simple and precise moves, leading to success, so beautiful and spectacular combination. Compared with other kinds of human creativity in chess game there is a higher saturation of situations of this nature, in which players virtually every move have to solve creative tasks. The report concludes that the chess game is a creative game that makes a significant contribution to development of creative potential of personality and society.

Keywords: thinking, creativity, chess, intuition

Gutenev Maxim Yurevich, Associate Professor of the Department of the Political Science, South Ural State University, Candidate of Philosophical Science. E-mail: m.gutenev@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Шахматная игра на сегодняшний день является объектом самого пристального внимания исследователей из различных областей знаний. «Они рассматривают шахматы как удобную модель изучения творческого мышления человека. В познании тайны шахмат они видят путь к постижению загадок творческой деятельности человека» [1]. В данной статье мы будем понимать под творческим мышлением «...способность самоорганизующейся системы решать такие задачи, результаты и способы решения которых не имелись в ее прошлом опыте, а выработаны путем новых, ранее не совершаемых взаимодействий с объектами внешнего мира или прошлого опыта» [2].

Творческая деятельность индивида в игре в шахматы представлена огромным количеством разнообразных идей, тактических и стратегических замыслов, венцом которых могут стать как грамотные позиционные ходы, ведущие к успеху, так и красивые и эффективные комбинационные удары. В отличие от других видов интеллектуального творчества человека в шахматной игре имеется более высокая концентрация ситуаций такого вида, в которых шахматисту практически каждый ход приходится проявлять свою креативность и решать творческие задачи. Интересно, что классификации задач на творческие и нетворческие (репродуктивные) довольно относительно, так как любая реальная задача всегда содержит творческие составляющие (при их решении всегда

существует нехватка информации).

Огромное количество исследований не раз подтверждали, что шахматы, помимо положительного влияния на интеллектуальные способности индивида, также способствуют развитию творческих умений и навыков человека: «Исследования психологов и педагогов показали, что основными элементами, характеризующими творческую деятельность человека, являются: способность самостоятельного переноса знаний и умений в новую ситуацию; определение новых проблем в знакомых стандартных условиях; видение новых функций знакомого объекта, его структуры; умение находить оригинальный способ решения при известных способах игры и т. д. Все эти качества формируются в процессе шахматного творчества и, как показывают исследования, весьма четко выражены у шахматистов высокой квалификации». Попробуем разобраться, что же лежит в основе шахматного творчества.

Известный советский гроссмейстер Д. И. Бронштейн, комментируя свою шахматную партию, выделил четыре составляющие творческого мышления шахматиста: «Предпосылками шахматного творчества обычно считают логику, точный расчет вариантов и технику, включая в последнее понятие и знание теории. Однако есть и четвертая составляющая, быть может наиболее привлекательная, хотя о ней часто забывают. Я имею в виду интуицию, или, если хотите,

шахматную фантазию» [3]. Однако мы полагаем, что шахматная фантазия и шахматная интуиция это не одно и то же. Фантазия (воображение) это пятая составная часть шахматного творчества. Считаем нужным более подробно рассмотреть состав творческих компонентов мышления в этой древней игре.

Логика. Довольно распространенным является мнение о том, что шахматы как игра имеют логическую природу и подчиняются логическим закономерностям, а итоги шахматной партии во многом зависят от творческих и логических задумок игроков. Следует также упомянуть, что известный ученый и чемпион мира по шахматам М. Эйве даже выпустил шахматный учебник под названием «Логический подход к шахматной игре» [4].

Сущностью шахмат как спортивной игры является активная интеллектуальная деятельность, которая включает такие когнитивные функции как способность конструировать мысленные образы и проектировать схемы дальнейшего течения вариантов. Абстрактно-логическое мышление, наблюдающееся в шахматах, предусматривает использование определенных свойств объекта и выделение последующих вариантов развития игры на основании причинно-следственных связей. Шахматная игра невозможна без использования логических понятий, умозаключений, анализа, синтеза, суждений и т.д. Руководствуясь логикой, шахматист подбирает для себя новый, наиболее математически верный способ

для достижения своих шахматных задач, тем самым осуществляя творческий поиск новых игровых возможностей.

Являясь логической игрой, шахматная игра, по мнению ряда ученых и специалистов, оказывает положительное влияние на развитие логического мышления. Так И.А. Сабельников полагает, что игра в шахматы является очень хорошим инструментом для развития у обучающихся логического мышления и памяти [5]. В работе Н.В. Крогиуса «Психология шахматного творчества» исследователь, рассказывая о полезном влиянии шахматной игры на развитие навыков аналитической деятельности индивида, приводит в пример высказывание академика Г. Клауса: «... точное логическое мышление легче тренировать посредством шахматной игры (я имею в виду серьезные партии), нежели использовать для этой цели учебник логики. Известно, что человек гораздо охотнее и продуктивнее обучается в процессе игры, чем при ином способе обучения» [6]. Безусловно, Г. Клаус немного завышает роль шахматной игры, но его идея о влиянии шахмат на развитие логического мышления вызывает согласие. Применяемые в шахматах методы логического анализа игроки часто используют и в других областях повседневной жизни. Сопутствующий интерес и эмоциональная подоплека в шахматной игре способствуют более быстрому и интересному процессу освоения принципов и правил логического мышления.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Точный расчет вариантов. В процессе шахматной игры перед соперниками постоянно встают задачи по точному расчету ходов и последствий этих ходов. Интеллектуальные цели, появляющиеся на игровом шахматном поле, заставляют принимать самостоятельные творческие интеллектуальные решения. Верность просчитанных вариантов становится ясной уже через нескольких ходов. Это доказывает, что в шахматах нет смысла делать бездумные и шаблонные ходы, которые очень скоро приведут партию к проигрышу. Шахматная игра приучает к самостоятельности мышления, точному просчету вариантов и правильному решению логических задач. Именно тот, кто правильнее оценивает позицию, точнее и правильней рассчитывает варианты и побеждает в шахматной игре.

В связи с тем, что в шахматной игре, в конце концов, побеждает верный расчет вариантов и правильно подобранная стратегия тактической борьбы, можно предположить, что благодаря шахматам также актуализируется философская составляющая проблемы истины. В шахматной партии таким критерием может являться как победа над противником, так и эстетическое («последкусие»).

Техника и знание шахматной теории. Творческий процесс всегда основывается уже на каком-то заданном теоретическом базисе, а не осуществляется из пустоты. Слабое знание основных принципов дебюта, миттельшпиля и эндшпиля, а

также базовых игровых схем приводит к скорому позиционному удушению, что приводит к вполне закономерному поражению в партии. Всесторонний анализ теоретических принципов делает возможным шахматистам определять типичные позиции в игре: теоретические позиции в дебюте, середине игры и ее окончании. Игрок, разбираясь в таких позициях и обладая определенной техникой шахматной игры, способен определять самые существенные черты и особенности конкретной шахматной позиции и реализовывать за доской те идеи, которые пришли к нему на ум на основе имеющихся у него базовых знаний шахматной теории.

Теоретическая информация, а также игровая техника квалифицированного шахматиста позволяют игроку легко разобраться во многих позициях, возникающих во время интеллектуальных сражений. На базе этих теоретических знаний шахматист выбирает четкий план реализации своих задумок, и как следствие реализует свои интеллектуальный потенциал во время шахматной партии, показывая хорошие результаты за доской.

Интуиция. Несмотря на то, что шахматы являются логической игрой, в которой все детерминировано и сведено к точным математическим алгоритмам, многие варианты, возникающие на шахматной доске, трудно, а зачастую и просто нельзя проанализировать. Все еще нет ответа на вечный вопрос: побеждают ли белые в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

изначальной позиции при правильной игре или партия должна закончиться вничью?

Бывает, что в сложных позициях с большим количеством фигур появляется переизбыток информации, переработать который и придумать уникальный правильный ход в условиях ограниченного времени даже игрок высокого уровня не способен. Высококвалифицированный шахматист не рассматривает все возможные варианты, а ограничивает выбор ходов-кандидатов лишь небольшим количеством. В шахматной партии часто случается, что приняв решение, шахматист не может логически обосновать, что именно этот ход был единственно верным. Это свидетельствует о том, что игрок во время шахматной партии помимо логики опирается еще и на какие-то альтернативные механизмы принятия решений – приемы эвристики.

Интуиция является одним из таких эвристических приемов принятия решения. В самом широком смысле в философии под интуицией понимается «способность прямого, ничем не опосредованного постижения истины» [7]. Традиционно принято выделять два главных типа интуиции: чувственная и интеллектуальная. Под чувственной интуицией подразумевается постижение истины только с прямого внешнего чувства, например, зрения или слуха. Интеллектуальная интуиция понимается как постижение интеллектом некой истины, которая не исходит из других истин посредством доказательств и

не производна от прямых внешних чувств. Более того, в философии существует большое количество разнообразных трактовок интуиции, различающихся содержательным и смысловым многообразием.

Об интуиции как составном элементе шахматного творчества, написано немало количество работ и статей. Особенно теоретических работ о шахматной интуиции является то, что они написаны шахматистами и философскими или научными их назвать представляется невозможным. Однако многие шахматные мастера отмечают важное практическое значение интуиции в шахматной игре. Так, уже упоминавшийся нами известный шахматист и психолог Н. В. Крогиус считал, что интуиция и интуитивная ориентировка имеют важное практическое значение в шахматной игре: «Она как бы сигнализирует шахматисту о тех главных особенностях ситуации, тех непосредственных угрозах, без учета которых нельзя приниматься за более углубленный анализ позиции» [8].

Гроссмейстер Г. К. Каспаров посвятил интуиции целую главу в своей работе «Шахматы как модель жизни». В этой главе чемпион мира отмечает особое значение интуиции шахматиста: «Интуиция подсказывает нам не только что и как, но еще и когда. По мере своего развития она становится инструментом для экономии сил и времени, сокращая срок оценки и перехода к действиям. Мы можем вечно собирать и анализировать информацию, но так и

не принять ни одного решения. Что-то должно подсказать нам, что момент для решающих действий наступил. Если я могу размышлять над ходом десять секунд, десять минут, что я выберу? Хорошо развитая интуиция помогает нам сохранить прагматический курс и дает знать, когда наступает важный момент, требующий больше времени и внимания» [9].

Значительно подробнее об интуиции в сфере шахматной культуры пишет Е. А. Николаев. Он один из первых среди исследователей шахматной интуиции провел философский анализ этого явления. Он обобщил опыт предшествовавших шахматистов и исследователей интуиции в шахматном творчестве. Используя в качестве основной теории положения об интуиции Дж. Локка, Е. А. Николаев сделал следующий вывод: «... в основе интуиции лежит наш неосознанный опыт, переработанное на подсознательном уровне знание. Говоря другими словами, интуиция есть неосознанное знание, которое у великих шахматистов перерабатывается сознанием намного быстрее, чем у шахматистов среднего класса. Именно это неосознанное знание и лежит в основе самого первого толчка интуитивного познания в шахматном творчестве» [10].

Исследуя труды философов и шахматных игроков, посвященных интуиции, Е.А. Николаев предполагает, что интуиция в шахматном творчестве является результатом предшествующего длительного опосредствования. Все знания, которыми мы обла-

даем в настоящий момент, есть результат большого количества опосредствований. Под опосредствованием Е. А. Николаев подразумевает «не только обусловленность мысли мыслью, но также ряд практических действий, событий, изобретений и т. д., необходимых для того, чтобы известное восприятие или постижение представлялось сознанию как непосредственное» [11].

Из данного суждения Е. А. Николаев делает закономерный вывод, что для понимания непосредственного как такового, необходимо развитие и воспитание интеллекта: «Именно этот факт и наблюдается в шахматном творчестве, процесс познания в рамках которого начинается с чувственного созерцания. Затем одновременно включается чувственная и интеллектуальная интуиции, основанные на опосредствованном знании, полученном в результате предшествующего воспитания и развития интеллекта. И только в последнюю очередь начинает функционировать рациональное познание, основанное на неклассическом типе рациональности. Таковы характеристики интуитивного познания в шахматном творчестве» [12].

Будучи неким творческим озарением, интуиция позволяет шахматисту, сознательно не используя никакие логические операции и не рассчитывая сложные комбинации, реализовать свой творческий потенциал в реальности. Такая возможность реализовать свои интуитивные идеи на доске привлекает многих игроков в шахматы.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Особо интересна интуитивная составляющая в шахматах для людей из сферы творчества и искусства.

Фантазия. Если об интуиции как одной из главных составляющих шахматного творчества было напечатано достаточно оригинальных статей и исследований, то о шахматной фантазии почти ничего не сказано. Кроме того, следует заострить внимание на факте, что и в истории философии понятие «фантазия» используется нечасто, а во многих современных философских энциклопедиях и словарях о фантазии вообще даже нет упоминаний. Зачастую это понятие заменяется категориями «представление», «воображение».

Фантазия в шахматной игре углубляет представление игрока о своих возможностях во время игровой деятельности и становится необходимым элементом этой игры. Шахматная фантазия может помочь отыскать «истину», «освещая» всю доску, что позволяет сделать верный выбор и найти единственный точный ход в позиции. Представляя шахматные схемы и образы, фантазия позволяет игроку увидеть что-то интересное в позиции, что-то новое, что было до этого скрытым для него.

На ранних стадиях своего развития человеческое общество благодаря творческому исследованию окружающего мира и применению фантазии, позволило сделать разные предположения, которые в будущем часто сбывались. Также как когда-то фантазия позволила Левкиппу и Демокриту создать тео-

рию атомов, фантазия в шахматной игре наталкивает игрока на оригинальные и творческие решения, даже в самых простых позициях. Именно благодаря фантазии шахматист способен придумать интересные стратегические задумки, или тактическую идею. Фантазия позволяет не заниматься расчетом или оценкой какой-либо эффективной комбинации, а определить конкретный план дальнейшей игры и общие представления идеальной позиции.

В работе «Прекрасный и яростный мир» гроссмейстер Д. И. Бронштейн и философ Г. Л. Смолян полагают, что «высококультурное и творческое значение (шахмат – прим. М. Г.) как «возвышенной деятельности» должно получить отражение в социологических исследованиях» [13]. Проводя сравнение шахмат с музыкой, исследователи полагают, что определить компоненты шахматного творчества проблематично: «Шахматы – в высшей степени индивидуальная область творчества. Поэтому рассказать о его сущности, составляющих его компонентах, гармонии или технике так же трудно, как композитору о своей работе» [14]. Тем не менее, исследователи все же выразили свою точку зрения на шахматное творчество: «В шахматах замечательным образом объединены все три компонента, присущие любой творческой деятельности: идея, реализация и взаимодействие. Идея, как продукт деятельности интеллекта, реализуется, воплощается в конкретной осязаемой форме движе-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ния фигур, фиксируется в тексте партии, на демонстрационной доске и находит своего адресата, публику, зрителей и читателей, любителей шахмат во всем мире, общающихся, взаимодействующих с творцом идеи» [15].

В работе этих авторов также выделено четыре фактора, которые обуславливают творческий характер шахматной игры и наслаждение от них. Первый из них – шахматист сам творит художественные ценности; второй – процесс творчества совершается на глазах других, которым он также приносит радость и наслаждение; третий – внутреннее очарование шахмат, обладающих собственными, подчас трудно объяснимыми критериями красоты; четвертый – испытываемое удоволь-

ствие работать в своеобразной «фантастической сфере» мысли и воображения в ее тесном переплетении с реалиями жизни и деятельности шахматиста [16].

Проведенный анализ творческих составляющих мышления человека во время шахматной игры позволил определить, что в шахматной игре коренится огромный творческий потенциал. В этой древней игре присутствуют такие составляющие творческой деятельности, в которых человек способен реализовывать и проявлять свои творческие интенции. Все это свидетельствует о том, что шахматы являются творческой игрой, которая вносит существенный вклад в развитие творческого и интеллектуально потенциала личности и общества.

Библиографический список

1. Крогиус Н.В. О психологии шахматного творчества [Текст] / Н.В. Крогиус. – М.: Физкультура и спорт, 1969.
2. Орфеев Ю.В. Мышление человека и «искусственный интеллект» [Текст] / Ю.В. Орфеев, В.С. Тютин. – М.: Мысль, 1978.
3. Тарасова О.В. Педагогические условия формирования логической культуры младших школьников средствами шахматной деятельности [Текст]: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О.В. Тарасова ; Казанский гос. пед. университет. – Казань, 2005.
4. Бронштейн Д.И. Международный турнир гроссмейстеров: Нейгаузен – Цюрих, 29 августа – 24 октября 1953 г. [Текст] / Д.И. Бронштейн. – 3-е изд., доп. – М.: Физкультура и спорт, 1983.
5. Euve M. The Logical Approach to Chess [Текст] / M. Euve, M. Blaine, J. F. S. Rumble. – London : Pitman, 1958.
6. Сабельников И.А. Уроки шахмат [Текст] / И.А. Сабельников // Шахматы в СССР. – 1973. – №2.
7. Крогиус, Н.В. Психологии шахматного творчества [Текст] / Н.В. Крогиус. – М.: Физкультура и спорт, 1981.
8. Новиков, А.А. Интуиция [Текст] / А.А. Новиков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; научно-ред. совет : предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010.
9. Крогиус, Н.В. Психологии шахматного творчества [Текст] / Н.В. Крогиус. – М.: Физкультура и спорт. – 1981.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

10. Каспаров, Г.К. Шахматы как модель жизни [Текст] / Г.К. Каспаров. – М.: Эксмо, 2007.

11. Николаев, Е.А. Шахматная игра: философско-культурологическое исследование [Текст]: монография / Е.А. Николаев. – Челябинск, 2009.

12. Асмус, В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике [Текст]: очерк истории XVII–начала XX в. / В.Ф. Асмус ; вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

13. Бронштейн, Д.И. Прекрасный и яростный мир (Субъективные заметки о современных шахматах) [Текст] / Д.И. Бронштейн, Г.Л. Смолян. – М.: Знание, 1978.

References

1. Krogius N.V. O psihologii shahmatnogo tvorchestva [About psychology of chess creativity], M., Fizkul'tura i sport, 1969.

2. Orfeev Y.V. Myshlenie cheloveka i «iskusstvennyj intellekt» [Thinking of the person and "artificial intellect"], Tyuhtin, M., Mysl', 1978.

3. Tarasova O.V. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya logicheskoy kultury mladshih shkol'nikov sredstvami shahmatnoj deyatel'nosti [Pedagogical conditions of logic culture of younger schoolboys means of chess activity], dis. ... kand. ped. Nauk, 13.00.01, O.V. Tarasova, Kazanskij gos. ped. Universitet, Kazan', 2005.

4. Bronshtejn D.I. Mezhdunarodnyj turnir grossmejstеров [The international tournament of grand masters], Neigauzen, Cyurih, 29 avgusta–24 oktyabrya 1953 g., D.I. Bronshtejn, 3-e izd., dop., M., Fizkul'tura i sport, 1983.

5. Euve M. The Logical Approach to Chess, M. Euve, M. Blaine, J. F.S. Rumble, London, Pitman, 1958.

6. Sabel'nikov I.A. Uroki shahmat [Lessons of a chess], I.A. Sabel'nikov. SHahmaty v SSSR, 1973, № 2.

7. Krogius N.V. Psihologii shahmatnogo tvorchestva [Psychologies of chess creativity], N.V. Krogius, M., Fizkul'tura i sport, 1981.

8. Novikov A.A. Intuiciya [Intuition], A.A. Novikov. Novaya filosofskaya ehnciklopediya v 4 t. Vol. 2, In-t filosofii RAN, Nac. obshch.-nauchn. fond ; nauchno-red. Sovet, preds. V.S. Stepin, zamestiteli preds. A.A. Gusejnov, G.YU. Semigin, uch. sekr. A.P. Ogurcov, M., Mysl', 2010.

9. Krogius N.V. Psihologii shahmatnogo tvorchestva [Psychologies of chess creativity], M., Fizkul'tura i sport, 1981.

10. Kasparov G.K. SHahmaty kak model' zhizni [Chess as model of life], M., EHksmo, 2007.

11. Nikolaev E.A. SHahmatnaya igra, filosofsko-kul'turologicheskoe issledovanie [Chess game, research of philosophy and cultural science], monografiya, CHelyabinsk, 2009.

12. Asmus V.F. Problema intuicii v filosofii i matematike [Problem of intuition in philosophy and mathematics], ocherk istorii XVII–nachala XX v. M., Editorial URSS, 2004, 320 p.

13. Bronshtejn D.I. Prekrasnyj i yarostnyj mir (Sub"ektivnye zametki o sovremennyh shahmatah) [The fine and furious world (subjective notes about a modern chess)], D.I. Bronshtejn, G.L. Smolyan, M., Znanie, 1978.

УДК 783(470.5)+94(470.5)

Парфентьев Н.П.

Текстологический структурно-формульный метод и его применение при исследовании авторских произведений древнерусской монодии

Автор раскрывает суть предлагаемого метода исследования произведений древнерусского церковно-певческого искусства, разработанного в процессе их непосредственного изучения. Этот метод предполагает: выявление формульной структуры распевов; реконструкцию недостающих начертаний или разводов формул по письменным источникам; синхронное поформульное сопоставление распевов разных списков; расшифровку и анализ формульно-интонационного содержания песнопения, выявление на этой основе образно-смысловых связей гимнографического текста и распева. Благодаря использованию структурно-формульного метода могут быть: выявлены творческие принципы древнерусских распевщиков, воплотившиеся в их произведениях; расшифрованы и проанализированы многочисленные песнопения, включая масштабные циклы, являющиеся вершиной творчества наиболее видных мастеров; разработаны приемы выявления сложных знамен и невмоформул в древних музыкальных произведениях, определения региональных и авторских особенностей их разводов и составления сводных информационных таблиц. Это дает возможность исследования произведений, созданных выдающимися мастерами, с точки зрения их информативности в области теории древнерусского музыкально-письменного искусства. В итоге метод позволяет получить наиболее точные результаты исследования этих произведений, поскольку в различных творческих школах обширной территории Руси сложилось разное интонационно-музыкальное содержание сложных знаков нотации и формул. Метод позволяет также решать и многих более частных проблемы.

Ключевые слова: произведения древнерусской музыки, авторское творчество, текстологический структурно-формульный метод анализа и расшифровки песнопений.

Парфентьев Николай Павлович,
заведующий кафедрой Южно-
Уральского государственного
университета, e-mail: parfentev
np@susu.ac.ru

УДК 783(470.5)+94(470.5)

Parfentjev N.P.

Textological structural-formula method and its application in analysis of the old Russian monodia works of authorship

The author reveals the essence of the proposed method of decoding and analysis of ancient Russian church chants developed in the process of their direct study. Offered the structural-formula method assumes: revealing of chants formula structure; reconstruction of missing tracings or the simple signs forming razvods (explanations of formula) on written sources; formula-by-formula synchronous comparison of different lists and authorship singsongs (raspevs) in view of that the same formula can be written down or as tracings, or as the simple signs forming razvods, clearing up the melodic content of formulae; decoding and the analysis of the musical formula-intonation content of church chanting; revealing connections of figurative - semantic hymnographycal verbal text and singsong "raspev" on this base. Due to use of a structural-formula method the creative principles of ancient Russian composers, embodied in their chants, are revealed. Numerous church chanting, including the extensive cycles being top of creativity of the most outstanding masters, are deciphered and analysed. The author has developed techniques of chants compound neumes and formulae revealing, of the regional and author's features of their razvods definition and of summary information tables drawing up. It has enabled to research the chants, created by outstanding masters, from the point of view of their information in the field of the ancient Russian musical-written art theory. In this way, the method provides the most accurate results of authorship works study as on the vast Russia territory there were a lot of chanting art schools had the same compound neumatic signs and formulas different musical content. The method has allowed to solve the many more private problems also.

Keywords: chants of ancient Russian music, creativity of authorship, formula variation, textological structural-formula method of analyses and decoding.

Parfentjev N.P., South Ural State
University, e-mail: parfentev
np@susu.ac.ru

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Studying of creative processes and, first of all, problem of authorship in old Russian chanting at the present stage is still insufficiently full and deep. The principal cause roots in absence of precisely developed scientific methods, allowing to receive the most exact understanding about masters-composers (raspevshik's) creative principles, about intonation-melodic features of their works. Therefore many researchers, revealing singsongs of authorship (raspev) in ancient manuscripts and undertaking their publication, offered also the receptions of their studying.

The basic idea on the following receptions of research of author's singsongs has been stated to M.V. Brazhnikov [1] and also has received development in the scientific literature as a result of the textual analysis of church chanting. These receptions which have added a textual method, assume studying this or that liturgical chants in evolutionary development during all its history of existence, since the earliest lists of the XI–XII centuries. In quality of an archetype the most ancient record is allocated, its influence on the further development of chant is traced. Thus features of a generality and distinction between the close on time lists are defined, some features of singsongs come to light. However, to get the most accurate data in the analysis of works of authorship, and therefore data on development of masters' creativity, it is necessary to improve this method. There a speech about it will be further.

Studying of creative processes in ancient-Russian musical art and the work connected to it on decoding and the analysis of church chanting began approximately at the end of 60th years of XX century. Alongside with the ancient musical – theoretical manuals researchers widely used D.V. Razumovsky's and V.M. Metallov's help works, and later – and M.V. Brazhnikov's. But decoding and the analysis of chants were carried out without taking into account their belonging to this or that regional school that could not give enough exact results of research. Therefore it will require the addition of a common textological method by the techniques of structural-formula analysis, worked out directly in chants study.

In one of the works we have paid attention to certificates of the ancient musical writing documents that at an identical tracing the same musical neuma signs in different areas of extensive territory of medieval Russia had the slight various melodic content – “razvod”. Regional masters developed “the chanting alphabet” and the given circumstance it is necessary to take into account at the analysis of their chants [4, p. 61, 62, 69]. This idea has been advanced by N.V. Parfentjeva who began to investigate specially authors' lines and formulae meeting in ancient musical – theoretical handbooks and church chants. So the concept about the outstanding composers' «authors' intonation alphabets» was born. Development of research in the given direction has resulted to idea about drawing

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

up of these masters' chanting alphabets and their updating due to allocation of formulae, tracings and *razvod's* not only from ancient-Russian handbooks, but also is direct from authors' chants. It is clear, that creation of similar alphabets gives ample opportunities for studying creativity of those or others composers, regional schools and centers [8; 9; 12].

Main principle of the structural organization of ancient-Russian church chanting is that they are built up from a number of formulae. Studying of authors' chants shows, that singsongs are in the most cases written down as *razvod's* of formula tracings. But only on tracings (which frequently are absent) it is possible to define, what kind of formulae these *razvod's* are belonging (to *popevka*, *litso*, *fita*). During research we produced the receptions of studying the singsongs lists in which records contain both *razvod's* and tracings of formulae (sometimes manuscripts supplement each other). Also we produced the receptions of correlations *razvod's* in corresponding authors' *razvod's* lists with the revealed tracings. To find out a degree of authorship of *razvod's*, they are compared to corresponding *razvod's* of other masters, and also with *razvod's* from anonymous chants existing at the same. Display originality in *razvod's* of formulae or compound neumes in author's singsongs with the big degree of probability allows to count them as the result of individual crea-

tivity of that master, whose name designates chant [10; 11; 13; 15; 17].

So, carrying out of the most exact analysis and decoding of chants need revealing *formula structure* of singsongs. In some cases reconstruction of missing tracings or *razvod's* of formulae is necessary, without what it is impossible to carry out *synchronous formula-by-formula comparisons* of different singsongs of chant. The last is made in view of that the same formula in manuscripts could be fixed by various ways: or «coded» tracings, or – simpler, «fractional» signs-neumes, forming explanations-*razvod's* on which only also it is possible to judge the melodic content of the formula. Special complexity of the formula analysis will consist also that church chants differ on a style belonging (Small, Big, «Putevoi», «Demestvenniy») that also it is necessary to take into account, since in singsongs of different styles on one hymnography text different formulas were used [5; 14].

Formula-by-formula comparison, besides precise revealing structure of singsongs, allows to specify in some cases their authors, to reveal character of genetic connection of archetypes, prototypes, «derivative» and author's interpretations, to give certain notions about a degree of considered chants generality and distinction.

Formula-by-formula analysis of author's singsongs of this or that church chanting as the component of the textual method is carried out on all extent of the

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

musical text evolution on the set (the lot) of the revealed lists. The most ancient of all existing lists, begun musical development of chant, is defined as *archetype* (there are the lists of XII–XV centuries for the majority of church chanting). The list having basic value for occurrence of author's singsongs, it is possible to define as *the prototype* (boundary of XV–XVI century). On the basis of the prototype in last quarter of XVI century there are its *derivatives* – the new musical texts in regional tradition, as a rule, enshrined in the relevant scriptoriums. In archetype, prototype and derivative melodic formulae basically are fixed as coded tracings, without *razvod's* (explanations) by "fractional signs". The author's singsong of church chants, as shows its formula-by-formula comparison, arises not in itself, and on the basis of historical development of *derivative*. The author's chants (first of them are designated in sources of boundary XVI–XVII centuries and then occur during all XVII century) around *razvod's* (explanations) of tracings. The revealing of a generality and distinctions between all typified lists of church chanting built in the chronological order shows, that, as a rule, author's singsongs are the end result of stage-by-stage purposeful work of several generations of ancient- Russian composers combining the features of traditions and innovations [3; 5; 11; 13].

Application the formula-by-formula analysis to author's singsongs makes also possible revealing the dynamics of the creative

process expressed in uniform principles of ancient- Russian composers' creativity: in intraformula variation, and also in external formula-reformative and formula-updating variations [5; 8; 9; 12].

Definition of these uniform creative principles originality of refraction in different author's singsongs is carried out at the reference to figurative-melodic structure of chants. To define, how art problems in creativity of masters are solved, it is necessary to execute *the intonation-formula analysis* with reference to the musical-poetic content of church chanting. For this purpose, first of all, it is necessary to make decoding of singsongs – translation into the modern notation – on possible greater number of lists, by comparison of formula structure of church chanting in the chronological order from the earliest author's up to late, which it is possible to decode. Not only the formula organization comes to light, but also line-structure musically – hymnography text, incorporated in large sections. Formula-intonation research of author's cycles, and also separate chants of outstanding masters of ancient-Russian chanting art have allowed to reveal a number of the receptions used by them for reflection of figurative-semantic connections of the text and a tune [6; 7; 18].

At last, the offered approach enables formations of informative-theoretical basis for studying creative processes in ancient-Russian music. The basic attention is given carrying out of the comparative

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

analysis of ancient musical-theoretical manuals and treatises (alphabet's, "kokiznik's", "fitnik's"), to research the author's chants from the viewpoint of their information under the theory of ancient-Russian musical-written art. In result the formula-by-formula analysis of all lists of author's chants the picture of theoretical achievements and priorities of this or that outstanding master comes to light. Such work allows to define the structure and quantity of compound neumes and formulae in author's chant, which then are allocated and systematized on intonation-melodic parameters (echoes) and by kinds (compound neumes, formulae named "popevka", "litso", "fita"). For each formula variants of razvod (anonymous or belonging to other author) are defined. As a result of formulae singsongs comparison to these variants, and also to a material involved from ancient musical - theoretical manuals and treatises, it is possible to recreate the specific features of the formula razvod's, which are going back to creativity of the certain master. As it was marked, revealing of the formulae reflecting the theory of author's creativity, allows to create author's musical-intonation alphabets as the tables including a designation echoes (mode) belonging of this or that formula, its coded tracing, razvod and, there, where it is possible, – decoding, translation into the modern notation. The received materials and tables will create an information basis for decoding of ancient chants writing, studying of the ancient- Russian musical art theory and development of its basic creative directions [2].

From all told it appears that the addition of the *textological* method with the receptions formula-by-formula analysis, produced directly at studying old-Russian chanting, will considerably improve already widely used method [16]. Therefore, keeping behind it the accepted name, we consider necessary this name to specify: *textological (textual) structural-formula method*.

So, the offered textual structural-formula method of research assumes: 1) formula structure of singsong revealing; 2) reconstruction of missing tracings or razvod's of formulae on written sources of the investigated period; 3) formula-by-formula synchronous comparison of different lists singsongs included ones of authorship in view of that the same formula can be written down by various ways: or "coded" tracings, or as the simple signs forming explanation (razvod's), clearing up the melodic content of formulae; 4) decoding and the analysis the formula-intonation content of chant, revealing on this basis the figurative – semantic connections of the hymnography text and the singsong. Due to use of a structural-formula method creative principles of ancient-Russian composers, embodied in their chants, are revealed. Numerous church chanting, including the extensive cycles being top of creativity of the most outstanding masters, are deciphered and analyzed. Receptions of revealing of compound neumes and formulae (*popevka, litso, fita*) in ancient chants, definitions of regional and author's features of their razvod's

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

and drawing up of summary information tables are developed. It has enabled to research the chants, created by outstanding masters (Feodor Krestjanin, Varlaam Rogov, Ivan Lukoshkov, Login Shishelov, etc.), from the point of view of their information in the field of the ancient-Russian musi-

cal-written art theory. The method has allowed decision of the many more private problems also. Offered approaches in the field of comparative researches of diverse creative processes in art promote deeper understanding of the given processes and correspond to the modern level devel-

Библиографический список

1. Федор Крестьянин. Стихиры / Публ. и исслед. М.В. Бражникова // Памятники русского музыкального искусства. – М., 1974. – Вып.3.
2. Parfentjev N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P.163–168.
3. Parfentjev N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2013. – V.10. – P. 1423–1432.
4. Парфентьев, Н.П. Усольская школа в древнерусском певческом искусстве XVI–XVII вв. и произведения ее мастеров в памятниках письменности / Н.П. Парфентьев // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма: Сб. науч. ст. – Новосибирск: Наука, 1985. – С.52–69.
5. Парфентьева, Н.В. Методологические подходы в изучении теоретических основ творчества выдающегося московского распевщика Федора Крестьянина (ум.ок.1607 г.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.18. – С.111–120.
6. Парфентьева, Н.В. Методы анализа структурного и образно-смыслового содержания произведений русских распевщиков XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2010. – Вып.14. – С.47–54.
7. Парфентьева, Н.В. Образно-смысловое содержание цикла «Тропари иорданские» мастера Федора Крестьянина (XVII в.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 6 (106). Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С. 54–71.
8. Parfentjeva, N.V. Principles of Author's Art Creativity in Ancient-Russian Church Musical-Written Chanting of the XVI–XVII Centuries / N.V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P. 184–199.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

9. Парфентьева, Н.В. Принципы авторского художественного творчества мастеров древнерусского музыкально-письменного искусства XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 6 (106). Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.10. – С. 63–73.

10. Parfentjeva, N.V. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years / N.V. Parfentjeva, N.P. Parfentjev // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15. – №2. – С.60–70.

11. Парфентьева, Н.В. Авторство в произведениях распевщика Строгановской школы Ивана (Исайи) Лукошкова (ум. ок. 1621 г.) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С.43–53.

12. Parfentjeva, N.V. Basic principles of author's creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607) / N.V. Parfentjeva, N.P. Parfentjev // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15. – №1.

13. Парфентьева, Н.В. Из истории авторского творчества в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского. Диакон Иона Зуй (XVI в.) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Электрон. текст (51,7 Мб). – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1029– 1038.

14. Парфентьева, Н.В. «Ирмосы прибыльные» знаменитого московского распевщика Федора Крестьянина (1606 г.) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2011. – Вып.17. – С. 78–84.

15. Парфентьева, Н.В. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2013. – Вып.20. – С.92–103.

16. Parfentjeva, N.V. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art / N.V. Parfentjeva, N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences, 2008. – V.1 (3). – P. 384–389.

17. Парфентьева, Н.В. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.19. – С. 83–90.

18. Парфентьева, Н.В. Стихиры «на подобен» царя Ивана Грозного в честь святителя Петра, митрополита всея Руси / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 60–73.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

References

1. Fedor Krestjanin. Stikhiry [Feodor Krestjanin. Sticherons], publ. M.V. Brazhnikov. Pamyatniki russkogo muzykalnogo iskusstva [The monuments of the Russian musical art]. Moscow, 1974, vol. 3.
2. Parfentjev N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products, Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences, 2009, vol.2 (2), p.163–168.
3. Parfentjev N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries, Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2013, vol. 10, p. 1423–1432.
4. Parfentjev N.P. Usol'skaya skhola v drevnerusskom pevcheskom iskusstve XVI–XVII vv. i proizvedeniya masterov v pamyatnikakh pis'mennosti [Usolye school in the ancient art of chanting XVI–XVII centuries and works its masters in the monuments of]. Pamyatniki literatury i obschestvennoy mysli epokhi feodalizma: sb. nauch. trudov [Monuments of literature and social thought in the era of feudalism: Collection of scientific articles], Novosibirsk, 1985, p. 52–69.
5. Parfentjeva N.V. Metodologicheskie podkhody v izuchenii teoreticheskikh osnov tvorchestva vydayuschegosya moskovskogo raspevschika Feodora Krestjanina (um. ok. 1607) [Methodological approaches in the study of the theoretical foundations of the outstanding Moscow raspevschik (chanting master) Fedor Krestjanin's creative activity (d. c. 1607)]. Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2012, issue 18, p. 111–120.
6. Parfentjeva N.V. Metody analiza strukturnogo i obrazno-smyslovogo sodержaniya proizvedeniy russkikh raspevschikov XVI–XVII vv. [Methods of structural and figuratively-semantic analysis of Russian chant composers' works XVI–XVII centuries], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2010, issue 14, p. 47–54.
7. Parfentjeva N.V. Obrazno-smyslovoe sodержanie tsikla "Tropari iordanskiye" mastera Fedora Krestjanina (XVII v.) [Figuratively-semantic content of the cycle "Jordanian Troparions" of master Feodor Krestjanin authorship (XVII century)], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2008, № 11, p. 54–71.
8. Parfentjeva N.V. Principles of Author's Art Creativity in Ancient-Russian Church Musical-Written Chanting of the XVI–XVII Centuries, Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009, vol. 2 (2), p. 184–199.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

9. Parfentjeva N.V. Printsipy avtorskogo khudozhestvennogo tvorchestva masterov drevnerusskogo muzikalno-pis'mennogo iskusstva XVI–XVII vv. [Principles of author's art creativity of the ancient-Russian musical-written art masters of the XVI–XVII centuries]. Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2008, № 10, p. 63–73.

10. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years, Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, vol. 15, № 2, p. 60–70.

11. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. Avtorstvo v proizvedeniyakh raspevschika Stroganovskoy shkoly Ivana (Isayi) Lukoshkova (um. ok. 1621) [The authorship of the works of Stroganov School raspevschik Ivan (Isaya) Lukoshkov (d. c. 1621)]. Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2008, issue 11, p. 43–53.

12. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. Basic principles of author's Creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607) // Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, vol.15, №1, p. 78–91.

13. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. Iz istorii avtorskogo tvorchestva v Troitskoy obiteli prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo. Diakon Iona Zuy (XVI v.) [From the history of the creativity of authorship in the Trinity Monastery of St. Sergius of Radonezh. Deacon Iona Zuy (XVI century)]. Nauka YuUrGU [Elektronnyi resurs]: materialy 66-y nauchnoy konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk [Science SUSU [electronic resource]: Proceedings of the 66th Scientific Conference. Sections of social sciences and humanities], Chelyabinsk, 2014, p. 1029–1038.

14. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. "Irmosy pribyl'nye" moskovskogo raspevschika Fedora Krestjanina (1606) ["Heirmos profitable" of the famous Moscow master of chanting (raspevshik) Feodor Krestjanin (1606)], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2011, vol. 17, p. 78–84.

15. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. O deyatel'nosti masterov Troitse-Sergievskogo monastyrya v oblasti drevnerusskogo muzikal'nogo iskusstva (na primere tvorchestva Logina Chichelova) [About the activity of Trinity Sergius Monastery masters in the field of ancient musical art (for example the Login Shishelov creativity)], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2013, issue 20, p. 92–103.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

16. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2008, vol. 1 (3), p. 384–389.

17. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. Osvoenie repertuara masterami pevcheskoy shkoly Fedora Krestjanina na rubege XVI–XVII vv. [Mastering the repertoire by masters of Fedor Krestjanin's chanting school at the turn of 16th – 17th centuries], *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2012, issue 19, p. 83–90.

18. Parfentjeva N.V., Parfentjev N.P. Stikhiry "na podoben" tsarya Ivana Groznogo v chest' svyatitelya Petra, mitropolita vseya Rusi [Ivan the Terrible Sticherons on the «podoben» (sample) in honor of St. Peter the Metropolitan All Russia]. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2014, vol. 14, № 1, p. 60–73.

УДК 783(470.5)+94(470.5)

Парфентьева Н.В.

Расшифровка авторских распевов древнерусских мастеров на основе текстологического структурно- формульного метода (на примере песнопения «Да молчит всяка плоть»)

Изучение творческих процессов в развитии древнерусской музыки закономерно привело исследователей к выполнению расшифровки и анализа песнопений. Однако чаще всего такая работа проводилась без учета принадлежности произведений к той или иной региональной школе. Это не могло дать точных результатов исследования, поскольку в различных творческих школах обширной территории Руси сложилось разное интонационно-музыкальное содержание сложных знаков нотации и формул. Поэтому потребовалось дополнение общетекстологического метода приемами структурно-формульного анализа памятников древнерусской музыки, выработанными непосредственно при их изучении. Автор показывает последовательность применения данного усовершенствованного метода на примере одного произведения, выбор которого не был случайным. К песнопению «Да молчит» обращались мастера разных школ, поэтому оно имеет целый ряд авторских распевов. Благодаря самостоятельному обнаружению в рукописях этих распевов исследователь получила возможность ярко продемонстрировать успешное применение структурно-формульного метода анализа песнопений, показать значение метода для осмысленной и наиболее точной реконструкции музыкального содержания авторских произведений. Автор пришла к выводу, что опираясь на метод, можно получить наиболее точные результаты исследования.

Ключевые слова: произведения древнерусской музыки, авторское творчество, структурно-формульный метод анализа и расшифровки песнопений.

Парфентьева Наталья Владимировна, декан факультета Южно-Уральского государственного университета, e-mail: gum@susu.ac.ru

УДК 783(470.5)+94(470.5)

Parfentieva N.V.

Decoding chants of the ancient Russian masters authorship based on textological structural-formula method (example chanting «Да молчит всяка плоть»)

Researchers, studying the creative processes of the ancient Russian music development, naturally have come to perform decoding and analysis of chants. But more often such work was carried out without taking into account belonging chant to one or another regional schools. It could not give the exact results of the study because vast Russian territory different chanting schools have different musical content of compound neuma signs and formulas. Therefore, it is necessary to supplement the textological method by structural-formulaic techniques of chanting works analysis, worked out directly in their study. The author shows the sequence of this improved method application for the chant «Да молчит» (Da molchit). The choice was not accidental. Different chanting schools masters approached this text, it has a number chants of authorship. Due to the several chants self-discovery in the manuscripts of the outstanding masters authorship the author had the opportunity to clearly demonstrate the successful application of textological method by structural-formulaic techniques of chanting works analysis. Researcher have shown the value of the method to the most meaningful and accurate reconstruction of original works of music content. The author concluded that based on the method you can get the most accurate results when the study chants of authorship.

Keywords: ancient Russian music artworks, creativity of authorship, formula variation, textological structural-formula method of chants analyses and decoding.

Parfentieva Natalia Vladimirovna,
the dean of the South Ural state
u n i v e r s i t y , e - m a i l :
gum@susu.ac.ru

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

This paper will show the use of the textological structural-formula method for translating neumatic (znamennaya ore stolpovaya) notation into modern five-line notation [11; 17]. As an example we have chosen the hymn "Да молчит всяка плоть" ("Be silent, all flesh"), which was sung on Good Friday Liturgy at St. Basil the Great in place of the Cherubic Hymn when sacred gifts were transferring to the altar. In the archives we found the choice of a significant number of different singsongs "Да молчит", which gives a unique material to determine their author identity. To solve this problem it is necessary to decipher the author's version of masters, belonging to different chanting school – Moscow (Fyodor Krestjanin), Usolskaya (Stroganovskaya) (Ivan Lukoshkov), Trinity-Sergiev Monastery (Jonah Zuy) [4–8; 10].

Meaning of structural formula method of translation neumatic (znamennaya ore stolpovaya) writing into modern five-line notation is based on formulary, the main principle of Russian ancient chanting art. So first of all it is necessary to determine the formula structure of all the lists, in chronological order, from the oldest to authors'. Comparison all the lists must be synchronized formula-by-formula. As a result the archetype, prototype, and their relationship with the authorship lists are established. As a rule, the archetype and prototype consist of coded formula tracings, author's singsongs – of the simple «fractional» signs forming these tracings' melismatic explanations (in Russian – razvod's). As a result,

formulae structure of authors' chants will be revealed definitively. Then singsongs of authorship are compared formula-by-formula at the level of rasvod's [14; 18]. As a result variant readings are identified, classified and become the unique orientations of the author's versions. In the final stage, which actually is the translation neumatic recording on modern five-line notation, the study included lists of the second half of XVII century. They have so-called cinnabar signs, which can detect the pitch of neumes. Retrospectively applying these cinnabar signs lists to recording of author', taking into account their authorship individual characteristics at the level of controversy, we and produced a transcript. Full score builds up, which includes all known authors' and with cinnabar signs lists. As a result the authors' singsongs formulae translated into modern five-line notation in according with all the subtle differences. That they will point to the identity of the chant to tradition or master. Let us consider the decryption process in stages.

At the first stage, among archival sources it was defined the most ancient list of chant – archetype. For the number of characteristics (punctuation marks in the text, musical and verbal relations in the formula, types of formula finalizes (endings), etc.), we are able to determine its formulary structure.

In the early period of its existence (80'th of XV – beginning of XVI centuries) «Да молчит» in the chanting manuscripts recorded in two versions: as a formulary cod-

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

ed so-named 'stolpovoy' [28, fol. 1] (In the earlier chanting manuscript, in the middle of the XV century, we also meet hymn "Be silent," but there are only poetical text without neumes [36, fol. 214v]) and a formulary coded so-named 'klyuchevoy' [30, fol. 397v–398] types of neumatic notation. Because authorship singsongs «Да молчит» set out stolpovoy notation, we must consider stolpovoy ancient record dating back to 80-th of XV century as archetype, the ancient source of their appearance. It is not correct to take for the archetype 'klyuchevoy' record. The analysis suggests that once when it appeared in 80-th of XV century hymno graphical text of the chant get complicated in the special musical embodiment of melismatic style. The peculiarity of an archetype is the absence of 'echoes' (mode) belonging and coded neumatic tracings composition, plenty so-named 'zmiytsevaya' formula complexes, lack of fita (Θῆτα) formulas. Formulas are not the ordinary "popevki" of znamenny style. All this makes the decoding based on the archetype list impossible.

In the second phase we investigated further development of the chant, which had at the beginning of the XVI century, when there is steady, the standard version of this century (we called it as the prototype). We know the lists of this type of record over the set of manuscript sources in the XVI century [1, fol.79v–80; 22, fol. 84v; 27, fol. 107v; 29, fol.283v–284v; 32, fol. 241v–242; 33, fol. 255–255v; 35, fol. 168v–169]. Feature of the writ-

ing in that period was cinnabar Э, exhibited before the word "верным" (true) in the first part final of the chant. As you know, this is a sign pointing out that chant belongs to "Putevoy" or "Demestvenniy" styles. The question of attribution of writing chant to one of these styles is perhaps the most difficult in this study. By some indirect evidence we rather put them on "Demestvenniy". There are not two identical lists of chant in the XVI century, but differences in them do not fundamentally change the formula tracings. There may be minor rearrangements, modifications, additions, or reduce the number of neumas in the coded formula tracings, which only brought to mind these tracings' melismatic explanation (razvod), which was not specifically reflected. Originally chants formulas were transmitted orally from master to pupil. Razvod is reproduced from memory, and the tracings of the formulas just prompt his melodic content. Therefore based on the record of the prototype it is also impossible to decrypt this melodic content of chant.

As you can see, the standard version – is an updated type neuma-graphical record of chant. A number of formulas in general keeps the graphical record of archetype, but most of them are correspond as tracing (archetype) and initial partial explanations with coded elements (prototype version). At the same time, a number of significantly modified formulas are revealed, which shows an updated graphics, so and melodic content

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

of singsongs compared to the archetype.

In structural terms we are dealing with a composition consisting of 34 formulas united by typified finalizes. It's more on the two formulas than in the archetype, because early versions hymn of XV – beginning of XVI centuries were ended by "Hallelujah" sung only once. In a typical version there were added two more "Hallelujah's". This tradition three-fold Hallelujah became mandato-

ry for all future existence of chants in XVI–XVII centuries.

The third phase of the reconstruction of musical content captures the lists relating to the 80-th years of XVI century when the record of «Да молчит», took on new form – instead of coded tracings simple "fractional" signs forming these tracings' melismatic explanations – razvod's were appeared [1, fol.79v–80; 19, fol. 224–225v]. We show this by the example of the first line of verses.

1. Krestjanin	
2. GIM. Edinov. № 37	
3. Typical	
4. Archetype	
	<i>Да мол-чит вся- ка пло- ть.</i>

In the 90-th of XVI century appears the first list of chanting «Да молчит» with razvod's which almost completely corresponds to the writing of authorship Krestjanin's singsong. At the turn of the XVI–XVII centuries this razvod version is widely held in the manuscripts, but remark of attribution this work to famous Moscow master was given only in the one of them. It is specified written chant book from Russian Historical Museum collection (Sinod.-Pev. №1357). Other lists of this time are very close to this Krestjanin's singsong [2, fol. 36 –36v; 20, fol. 170–170v; 21, fol. 353; 23, fol. 274v–275v; 24, fol. 489v–490; 25, fol. 403–406v; 26, fol. 320v–322; 31, fol. 789; 34, fol. 213–214].

Apart from Krestjanin's version at the turn of XVI-XVII centuries there are a significant number of other razvod variants including already marked authorship: Usolskiy, Lukoshkov, Trinity-Sergiev monastery, Zuevskiy. A special study has shown that they arose on the basis of the prototype chant as its graphical modification. They all contain a common structure and similar formula razvod's that are correlated as variants of chanting the same formula. Masters were not going beyond a related melodic content of formulas, but in their own way, brought in their own razvod's the uniqueness coming from the tradition of their school [3; 12].

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

We must assume that the reason for the appearance of authors' singsongs of the same text "Да молчит" was a difficult coded neumatic formula recording in the XVI century (prototype). It has led to a variety of practices, including local "interpretation" of formula *razvod*'s. Authorship and prototype chants common features brightly embodied in structural solutions both at the boundaries of formulas, and in the larger constructions – lines, parts. Essentially authorship *Krestjanin*'s, *Usolskiy*, *Lukoshkov*'s, *Trinity-Sergiev monastery*, *Zuevskiy* singsongs are the modification of the same standard formula structure.

So, the authorship version appeared on the basis of the prototype – the model variant which in its turn took the tradition of the archetype. When comparing the authors' chants became clear that they are correlated to the level of variation within the same formulas. In the classification of discrepancies that exist between all known to us the authors' singsongs, it was found that subtle rhythm-intonation changes as they accumulate in the formulas give the latter a kind of original melodic pattern while preserving the basic musical path. Such discrepancies of formulas form the particular authorship version [9; 13; 14].

The decisive factor is the quantitative discrepancy: for unified chant traditions their number ranges from 46 to 66, for works of different traditions – from 153 to 194. For example, for *Usolye* and *Krestjanin*'s singsongs the number of discrepancies is 153, of which rhythm – 26; reflection on of pitch in the neuma – 37, representing

rhythmic and pitch difference of one "family" neumas – 2, the same differences in the different "families" neumas – 11, concerning character of melodic movement – 68; correlated as interchangeable – 9. In this way, leading masters of the "razvod era" within the specified bounds of formula structure singsongs without cardinally changing melodic formula contours only just touching them, reflected in their creations living breath of his schools chanting. "Weaving" of microstructures motivates creativity, just as in icon painting authors' work out the details of the canonical image played a huge role. Canon in this case is a formula structure of the archetype and prototype, a working through – authorship *razvod*'s the once previously coded formulas.

Now, fully understood the process of authorship singsongs appearance, finding that they are interpretations of the same formulas we can be the most closely approach for the understanding of their sound. Having built formula-by-formula the full "score" with the involvement of the largest possible number of the second half XVII century lists with cinnabar signs and taking into account the differences in author's formula *razvods* we can decipher variants of the authorship with the highest degree of authenticity.

This allows us to characterize more deeply the author's version in terms of its features when disclosing figurative and semantic content of the chant text by musical means [15; 16].

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

Obviously that on the basis of one chant it is difficult to show all possibilities of the structural formula-method for reconstruction five-lines notation. But it was clearly demonstrated that only a deep analysis of the formula structure

and identifying genetic links of archetype, prototype and authors' singsongs provide an opportunity for comprehended and more accurate reconstruction musical content chants of authorship.

Библиографический список

1. ГИМ. Единозв. № 37 (1584).
2. ГИМ. Синод. № 819.
3. Parfentjev N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P.163–168.
4. Parfentjev N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2013. – V.10. – P. 1423–1432.
5. Parfentjev N.P. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years / N.P. Parfentjev, N.V. Parfentjeva // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15. – №2. – С. 60–70.
6. Парфентьев Н.П. Авторство в произведениях распевщика Строгановской школы Ивана (Исайи) Лукошкова (ум. ок. 1621 г.) / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С. 43–53.
7. Parfentjev N.P. Basic principles of author's creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607) / N.P. Parfentjev, N.V. Parfentjeva // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2015. – Т.15 – №1. – С. 78–91.
8. Парфентьев Н.П. Из истории авторского творчества в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского. Диакон Иона Зуй (XVI в.) / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1029–1038.
9. Парфентьев Н.П. «Ирмосы прибыльные» знаменитого московского распевщика Федора Крестьянина (1606 г.) / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2011. – Вып.17. – С.78–84.
10. Парфентьев Н.П. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) / Н.П. Пар-

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

фентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2013. – Вып.20. – С.92–103.

11. Parfentjev N.P. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art / N.P. Parfentjev, N.V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences, 2008. – V.1 (3). – P. 384–389.

12. Парфентьев Н.П. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.19. – С. 83–90.

13. Парфентьев Н.П. Стихиры «на подобен» царя Ивана Грозного в честь святителя Петра, митрополита всея Руси / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2014. – Т.14. – №1. – С.60–73.

14. Парфентьева Н.В. Методологические подходы в изучении теоретических основ творчества выдающегося московского распевщика Федора Крестьянина (ум.ок.1607 г.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып.18. – С. 111–120.

15. Парфентьева Н.В. Методы анализа структурного и образно-смыслового содержания произведений русских распевщиков XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2010. – Вып.14. – С.47–54.

16. Парфентьева Н.В. Образно-смысловое содержание цикла «Тропари иорданские» мастера Федора Крестьянина (XVII в.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 6 (106). Сер. : Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.11. – С. 54–71.

17. Parfentjeva N.V. Principles of Author's Art Creativity in Ancient-Russian Church Musical-Written Chanting of the XVI–XVII Centuries / N.V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009. – V.2 (2). – P.184–199.

18. Парфентьева Н.В. Принципы авторского художественного творчества мастеров древнерусского музыкально-письменного искусства XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2008. – Вып.10. – С. 63–73.

19. РГАДА. Ф. 181. № 792.

20. РГАДА. Ф.188. № 937.

21. РГБ. Ф. 37. № 93.

22. РГБ. Ф. 113. № 245 (нач. XVI в.).

23. РГБ. Ф. 178. № 766.

24. РГБ. Ф. 292. № 45.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

25. РГБ. Ф. 304. № 145.
26. РГБ. Ф. 304. № 146.
27. РГБ. Ф. 304. № 414 (1555 г.).
28. РГБ. Ф. 304. № 418.
29. РНБ. Кир.-Бел. № 569/826 (1570 г.).
30. РНБ. Кир.-Бел. № 581/838.
31. РНБ. Кир.-Бел. № 586/843.
32. РНБ. Кир.-Бел. № 606/863 (до 1547 г.).
33. РНБ. Кир.-Бел. № 652/909 (1558 г.).
34. РНБ. Соф. № 492.
35. РНБ. Сол. № 277/283 (перв. пол. XVI в.).
36. РНБ. Q.1. № 94.

References

1. GIM [State Historical Museum, Moscow], Edinov. № 37 (1584).
2. GIM, Sinod. № 819.
3. Parfentjev N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2009, vol.2 (2), p. 163–168.
4. Parfentjev N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, vol. 10, p. 1423–1432.
5. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]*, 2015, vol. 15. № 2, p. 60–70.
6. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Avtorstvo v proizvedeniyakh raspevschika Stroganovskoy shkoly Ivana (Isayi) Lukoshkova (um. ok. 1621) [The authorship of the works of Stroganov School raspevschik Ivan (Isaya) Lukoshkov (d. c. 1621)]. *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]*, 2008, issue 11, p. 43–53.
7. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Basic principles of author's Creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607), *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities]*, 2015, vol. 15, №1, p. 78–91.
8. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Iz istorii avtorskogo tvorchestva v Troitskoy obiteli prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo. Diakon Iona Zuy (XVI v.) [From the history of the creativity of authorship in the Trinity Monastery of St. Sergius of Radonezh. Deacon Iona Zuy (XVI century)]. *Nauka YuUrGU [Elektronnyi resurs]: materialy 66-y nauchnoy konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk [Science SUSU [electronic resource]: Proceedings of the 66th Scientific Conference. Sections of social sciences and humanities]*, Chelyabinsk, 2014, p. 1029–1038.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

9. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. "Irmosy pribyl'nye" moskovskogo raspevschika Fedora Krestjanina (1606) ["Heirmos profitable" of the famous Moscow master of chanting (raspevshik) Feodor Krestjanin (1606)], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2011, vol. 17, p. 78–84.

10. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. O deyatel'nosti masterov Troitse-Sergievsckogo monastyrya v oblasti drevnerusskogo muzikal'nogo iskusstva (na primere tvorchestva Logina Chichelova) [About the activity of Trinity Sergius Monastery masters in the field of ancient musical art (for example the Login Shishelov creativity)]. Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2013, issue 20, p. 92–103.

11. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2008, vol. 1 (3), p. 384–389.

12. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Osvoenie repertuara masterami pevcheskoy shkoly Fedora Krestjanina na rubege XVI–XVII vv. [Mastering the repertoire by masters of Fedor Krestjanin's chanting school at the turn of 16th–17th centuries], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2012, issue 19, p. 83–90.

13. Parfentjev N.P., Parfentjeva N.V. Stikhiry "na podobn" tsarya Ivana Groznogo v chest' svyatitelya Petra, mitropolita vseya Rusi [Ivan the Terrible Sticherons on the «podobn» (sample) in honor of St. Peter the Metropolitan All Russia], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2014, vol. 14, № 1, p. 60–73.

14. Parfentjeva N.V. Metodologicheskie podkhody v izuchenii teoreticheskikh osnov tvorchestva vydayuschegosya moskovskogo raspevschika Feodora Krestjanina (um. ok. 1607) [Methodological approaches in the study of the theoretical foundations of the outstanding Moscow raspevschik (chanting master) Fedor Krestjanin's creative activity (d. c. 1607)], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2012, issue 18, p. 111–120.

15. Parfentjeva N.V. Metody analiza strukturnogo i obrazno-smyslovogo soderzhaniya proizvedeniy russkikh raspevschikov XVI–XVII vv. [Methods of structural and figuratively-semantic analysis of Russian chant composers' works XVI–XVII centuries], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2010, issue 14, p. 47–54.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

16. Parfentjeva N.V. Obrazno-smyslovoe sodержanie tsikla "Tropari iordanskiye" мастера Fedora Krestjanina (XVII v.) [Figuratively- semantic content of the cycle "Jordanian Troparions" of master Feodor Krestjanin authorship (XVII century)], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2008, № 11, p. 54–71.
17. Parfentjeva N.V. Principles of Author's Art Creativity in Ancient-Russian Church Musical-Written Chanting of the XVI–XVII Centuries, Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2009, vol.2 (2), p.184–199.
18. Parfentjeva N.V. Printsipy avtorskogo khudozhestvennogo tvorchestva masterov drevnerusskogo muzikalno-pis'mennogo iskusstva XVI–XVII vv. [Principles of author's art creativity of the ancient-Russian musical-written art masters of the XVI–XVII centuries], Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and the Humanities], 2008, № 10, p. 63–73.
19. RGADA [Russian State Archives of Ancient Acts, Moscow]. F. 181. № 792.
20. RGADA. F.188. № 937.
21. RGB [Russian State Library, Moscow]. F. 37. № 93.
22. RGB. F. 113. № 245 (beginning of XVI c.).
23. RGB. F. 178. № 766.
24. RGB. F. 292. № 45.
25. RGB. F. 304. № 145.
26. RGB. F. 304. № 146.
27. RGB. F. 304. № 414 (1555).
28. RGB. F. 304. № 418.
29. RNB [Russian National Library, St. Petersburg]. Kir.-Bel. № 569/826 (1570).
30. RNB. Kir.-Bel. № 581/838.
31. RNB. Kir.-Bel. № 586/843.
32. RNB. Kir.-Bel. № 606/863 (before 1547).
33. RNB. Kir.-Bel. № 652/909 (1558).
34. RNB. Sof. № 492.
35. RNB. Sol. № 277/283 (first part of XVI c.).
36. RNB. Q.1.№ 94.

Российский вуз на распутье: между обществом дисциплины и обществом контроля

Объектом доклада являются высшие учебные заведения России, предметом – стратегия развития отечественных вузов. Утверждается, что с современной российской системой образования в последние два десятилетия произошли метаморфозы. С крушением Советского Союза принципиально изменилась политика российских вузов. Во-первых, многие крупные высшие учебные заведения борются за первенство, высокие рейтинги, популярность. Во-вторых, положение российского вуза прямо зависит от финансовой политики государства и частного сектора. В-третьих, образование стало долгосрочной коммерческой услугой. Цель данной статьи – философское осмысление положения российских высших учебных заведений в условиях современности вузов. Задачи статьи заключаются в обозначении пертурбаций в системе высшего образования (в терминах постструктурализма), в поиске основ политики вузов и путей выхода из кризиса. Утверждается, что российский вуз имеет черты, характерные для любой ячейки дисциплинарного общества (М. Фуко), например, семьи или тюрьмы, и черты, присущие корпорации – хозяйствующему субъекту общества контроля (Ж. Делез). Перемены, происходящие в современном вузе, влияют на отношения между участниками образовательного процесса. Преподаватель оказывает услугу, превратившись в менеджера низшего звена. Студент платит за долгосрочную услугу с негласным правом обязательного получения оценки и документа об окончании учебного заведения. Все обозначенное выше можно было бы маркировать как симуляцию, круговорот «пустых» знаков (симулякров). Автор доклада, осознавая пагубность пертурбаций, происходящих в российском образовании, все же не вполне согласен с такой маркировкой, делая итоговый вывод о том, что в образовании остается место подлинному. Три канала коммуникации, несмотря на сильные помехи, все же остаются эффективными: каналы «преподаватель – преподаватель», «преподаватель – студент» и «студент – студент». Эти каналы и организуют пространство, свободное от тотальности симуляции.

Ключевые слова: вуз, дисциплинарное общество, Интернет, капитализм, коммуникация, образование, общество контроля.

Дыдров Артур Александрович,
доцент Южно-Уральского государственного университета, e-mail: dydrovaa@susu.ac.ru

UDC 02.41.

Dydrov A.A.

Russian high school at the crossroads: between the society of discipline and control of public

The object of the report – the higher educational institutions of Russia. Item - development strategy of national universities. The modern system of education in Russia has changed a lot over the past two decades. The Soviet Union broke up and changed the policy of Russian universities. Firstly, many large universities are fighting for the championship, highest ratings, popularity. Secondly, the position of the Russian high school is directly dependent on the financial policy of the state and the private sector. Third, education has become a long-term commercial service. The purpose of this article – philosophical understanding of the situation of Russian higher educational institutions in the conditions of modern universities. The objectives of the study are in the designation of disturbances in the system of higher education (in terms of post-structuralism), in search of policy of universities and ways out of the crisis. It is alleged that the Russian institution has features characteristic of any cell of the disciplinary society (M. Foucault), such as a family or in prison, and the traits of the corporation – an economic entity of society control (G. Deleuze). Changes in education affect the relationship between the participants in the educational process. Teacher provides commercial services. He became manager of subsidiarity. The student pays for long-term services and has the right to obtain the compulsory assessment and a diploma. All of this can be called «hollow» signs (simulacres). The author understands the destructiveness of problems in Russian education. There is a place for true in education. But he claims that the three channels of communication are still effective: channels «teacher – a teacher», «teacher – student» and «student – student». These channels will organize space free from the totality of the simulation.

Keywords: university disciplinary society, Internet, capitalism, communication, education, society control.

Dydrov Artur Alexandrovich, the senior lecturer of the South Ural state university, e-mail: dydrovaa@susu.ac.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В недавнем прошлом пользователи Интернета могли посмеяться над глупостью американских обывателей, не знающих ответов на простые вопросы (о числе сторон треугольника и т. п.). Чуть позднее многие россияне посмотрели видеорепортаж о «тупых русских», в котором высмеивался низкий уровень эрудированности сограждан. Более того, в Сеть проникли видеоролики, посвященные безграмотности студентов и выпускников российских вузов. Многие из этих видеоматериалов создавались под эгидой крупных телеканалов.

В частности, скандальную известность приобрел репортаж о Российском государственном торговко-экономическом университете, возглавляемом тогда доктором юридических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации С.Н. Бабуриным. Выпускники торгово-экономического вуза не могли извлечь квадратный корень из ста, но зато мечтали о высоких заработных платах и престижных должностях. Выпускников и студентов ставили в тупик элементарными вопросами. Кадры с опозоренными учащимися перемежались с фрагментами выступлений С.Н. Бабурина, рассуждавшего о перспективности высшего образования, политике вуза, заботе о студентах и т. д. Репортер иронично назвал студентов «дарованиями», подчеркнул, что низкое качество образования является «серьезной социальной проблемой», что вузу необходи-

ма ревизия и переаттестация. В завершение репортажа было сказано, что вуз «вливается в состав госуниверситета» (в чем тогда, спрашивается, смысл «переаттестации»?), студентов переводят на «щадающий режим», а «господин Бабурин идет на все четыре стороны».

Эта видеозапись, вне сомнения, является прекрасным объектом для семиотического анализа, в результате которого текст был бы разобран на «детали» и обнажилась бы вторичная семиотическая система, скрадывающая буквальный смысл. Свою лепту могли бы внести социологи и политологи, размышляющие о пертурбациях в современном обществе и ищущие пути выхода из кризисных ситуаций. Философия тоже не должна пренебрегать такой «благодатной нивой», должна откликнуться на социальные процессы, участниками которых являются государственные структуры, корпорации и индивиды.

Некомпетентность студентов была прочно связана с некомпетентностью руководства вуза, безграмотностью преподавателей, плохой образовательной политикой частных учебных заведений. Это весомый повод для признания вуза неэффективным. Участниками разразившегося конфликта являются государство, ректор частного вуза, частное учебное заведение, студенты и преподаватели. Итогом возникшего конфликта дефакто являлось свертывание отношений государственной структуры с элементом частного сектора. Свертывание отно-

шений «государственный – частный», выраженное поглощением коммерческого вуза, обнажило механизм государственной машины, стремящейся к унификации и упрощению связей между различными элементами. Унификация механизма государственной машины непосредственно связана с метаморфозами языка. В недавнем прошлом, как известно, возникло понятие эффективного вуза. Был составлен проскрипционный список учебных заведений, не отвечающих аморфным критериям эффективности. Уменьшение числа вузов и, следовательно, общей численности студентов вполне соотнобразуется с давней мечтой интеллектуалов ограничить доступ к высшему образованию, к кладезю культуры.

Еще в начале XX в. В.В. Розанов утверждал, что книга должна стоить дорого, ибо она не «дешевка» [5, с. 240]. Много позже челябинский философ, специалист по онтологии и теории познания В.А. Рыбин небезосновательно утверждал, что «массовизация» высшего образования существенно снижает его уровень. Высшее образование не может быть массовым [6, с. 42]. Некий Тимур Тимофеев написал в «Общественной электронной газете»: «Высшее образование, мне кажется, должно быть эксклюзивным, оно не должно быть нормой для всех». И далее: «... у нас будет меньше "случайных" людей в той или иной профессии» [8]. Напротив, В. Ковалевский и В. Кирко не столь оптимистичны в оценке высшего образования.

Они констатировали, что сырьевая экономика не нуждается в большом числе образованных людей. Следует признать, что кризисное состояние постсоветских университетов является неопределенно долгосрочным [14, с. 24]. Так или иначе, платное высшее образование действительно доступно не всем. По выражению Н. Мушкетовой и ее соавторов, руководители российских университетов должны разрабатывать маркетинговые стратегии, осваиваясь на рынке образовательных услуг [13, с. 395].

Что же произойдет, если эти мечты сбудутся? Борьба за высшее образование? Гонка за дипломом? Разделение общества на касты образованных (элиты) и необразованных (новых неприкасаемых)? Все эти вопросы возникают на фоне унификации разросшейся государственной машины. Мы все не склонны драматизировать, и принимаем обозначенные позиции. В действительности, причиной для беспокойства должна быть не «массовизация» высшего образования, а остановка образовательной машины на перепутье.

Очевидно, российское образование переживает перемены. Все отчетливее слышны отголоски пертурбаций, происходящих в образовательной системе. Эти пертурбации связаны и со снижением качества образования, и со снижением уровня жизни преподавателей, и с сокращением преподавательских ставок. Крепнет убеждение, что современное российское общество становится обществом

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«жесткой дисциплины»). По выражению М. Фуко, у власти есть своя «техника», связанная с поиском («новых средств и возможностей») [10]. В деле удержания власти всегда требовалась дисциплина. По оценке М. Фуко, дисциплина «фабрикует» личность и является специфической техникой власти. Индивиды в этой связи являются и объектами власти, и орудиями ее отправления [11].

Опираясь на идеи М. Фуко, Д.В. Томбу писала, что в традиционных обществах дисциплинарные практики осуществлялись в виде изъятия произведенного продукта, захвата людей, вещей, земель. Особое значение имели телесные наказания и смертная казнь. Публичность данных процедур имела «профилактический» характер [9, с. 52]. Очевидно, с провозглашением равноправия властные структуры кардинально изменили свою политику. Однако нельзя забывать о том, что власть (и здесь мы еще опираемся на концепцию М. Фуко) – это не привилегия, не дар, а техника и технология, стратегия и тактика, манипуляция и стратагема. Вполне понятно, что «смягчение» режима прочно связано с изменением форм насилия, а вовсе не с исчезновением такового. Власть, какой бы она ни была, руководствуется принципом «надзирать и наказывать».

Кажется, то, что происходит в российском образовании, можно обозначить этой тривиальной формулой – формулой дисциплинарного общества. Государство, составившее про-

скрипционные списки, играет роль Отца, требующего повиновения от своих детей. Современный вуз, на первый взгляд, можно назвать «пространством заключения». Жизнь преподавателей и студентов четко регламентирована. Деятельность педагога, прежде всего, связана с четко определенными обязанностями.

На этом можно было бы завершить рассуждения, если бы не одно «но». Определение современного высшего учебного заведения как института дисциплинарного общества не представляется верным. Свою лепту в определение существа дела может внести постструктуралистский дискурс Ж. Делеза. В статье «Общество контроля» французский мыслитель назвал пространство заключения сосуществованием «отдельных матриц». Противовесом «матричному» обществу заключения с присущими ему четкими водоразделами между институтами, социальными статусами, социальными группами, правами и обязанностями людей становится общество контроля. Последнее уже не представляет собой сегментированное тело, а является суммой «модулирующей единой субстанции» [2].

Символом эпохи и результатом эманации «единой субстанции» стала корпорация. В пределах корпорации индивиды противостоят друг другу. Чтобы хоть как-то минимизировать возможные последствия такого противостояния, требуются методы кнута и пряника – премии и увольнения, проценты и корпо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ративная этика.

Меняется и облик капитализма. Капиталист, по мнению Ж. Делеза, больше не покупает сырье и не продает произведенные продукты [2]. Современный бизнесмен покупает готовые товары, пользуясь услугами дешевой рабочей силы. Персонажем современного капитализма является маркетолог, озабоченный реализацией кем-то произведенного продукта. А.А. Ивин в книге «Философия истории» писал о «главной ошибке» К. Маркса. Период нестабильности в развитии капитализма и связанную с ней жестокость в эксплуатации человека человеком К. Маркс расценил как эпоху заката этой общественно-экономической формации и зарю пролетарской революции. Но капитализм, получивший смертельный диагноз, продемонстрировал свои «глубинные потенции», расцвел с новой силой [3, с. 145].

В конечном счете, мы полагаем, что в чистом виде ни та, ни другая несущие конструкции – фукианское «дисциплинарное общество» и делезовское «общество контроля» – не могут выдержать груза российской действительности. На деле оказывается, что система российского образования стоит на перепутье. Для современного отечественного университета характерно причудливое единство заводских и корпоративных порядков. Преподаватели помещены в зону заключения. Их жизнь строго регламентирована. Любой юрист-консульт со знанием дела скажет, что педагоги,

например, обязаны находиться на рабочем месте даже в отсутствие занятий. Преподаватель, написавший статью, должен заполнить договор о передаче исключительных прав на свое произведение. Опоздание на занятие может обернуться жалобой студентов и докладной запиской из деканата.

Высшее руководство вуза живет отнюдь не в «пространстве заключения». Политика глав российских вузов вполне соответствует духу западных корпораций. Управление высшим учебным заведением сегодня стало бизнесом, а вуз – стартовой площадкой для реализации личных проектов. Ничто не мешает сегодняшнему проректору владеть ресторанами, а ректору баллотироваться в депутаты, никто не препятствует регулярному повышению цен за обучение. Нет ничего удивительного в том, что в борьбе общества контроля с дисциплинарным обществом первое берет верх. Но победа одного строя над другим не сопровождается полной аннигиляцией существующих устоев. Например, проверки посещаемости учащихся, конечно, являются пережитком дисциплинарного общества. Однако де-факто эти проверки оборачиваются контролем деятельности преподавателя.

Коммерциализация образования – явление не новое. Она органично связана с современным капитализмом. Коммерциализация образовательных отношений, как известно, сопряжена с дифференциацией внутри образовательных структур. Речь, однако, идет вовсе не о студен-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тах-бюджетниках и студентах-контрактниках, а о студентах и преподавателях, преподавателях и администрации. Дистанция между преподавателем и студентом уже не фундируется субординацией – пережитком дисциплинарных обществ. Преподаватель, прежде всего, является поставщиком образовательных услуг, а студенты – клиентами образовательного учреждения. Здесь можно провести параллель с тем, что писали Е.В. Гредновская и Р.В. Пеннер о человеке эпохи виртуальной реальности: «... пространственно-временная организованность человеческого бытия сегодня часто подменяется упрощенной топологией «посещения», «пользования» [1, с. 58]. Так и процесс воспитания всесторонне развитой личности, о котором в недавнем прошлом писал, в числе прочих, И.Л. Куличков [4], может стать мифом. На смену качественному советскому образованию приходят «образовательные услуги», купля-продажа оценок.

Клиент руководствуется тривиальным принципом «услуга за деньги». Отрицательная оценка, поставленная преподавателем, может спровоцировать возражение студента: «У меня же оплачено!». Преподаватель-ретроград, мечтающий о реставрации нравов дисциплинарного общества, относится к студенту как к «бракованному материалу», забывая о том, что «субординация» – понятие, которым отныне обозначаются отношения руководства и педагога. Коммерчески ориентированная

администрация вуза, в свою очередь, нуждается в деньгах студентов. Это непосредственным образом влияет на отношение руководства к преподавателю. Администрация может применять традиционные меры, обнажающие ржавеющий, но все еще функционирующий механизм дисциплинарного общества: изъятие (например, уменьшение нагрузки с последующим понижением заработной платы), надзор (контроль над рабочей деятельностью педагога), угроза и т. д. Одной из действенных мер администрации вуза в условиях «квази-информационного» общества (выражение И.Д. Тузовского [7, с. 186]) является ограничение доступа преподавателей к тем или иным образовательным ресурсам. В связи с ужесточением требований московской ВАК участились случаи остракизма преподавателей из вузовских «Вестников».

В условиях решительных перемен в российском образовании, в условиях коммерциализации, клиентоориентированности вузов, усиления административного давления, два канала коммуникации, несмотря на сильные помехи, обладают высокой пропускной способностью. Это каналы «преподаватель – преподаватель» и «преподаватель – студент». Борьба с периодически возникающими помехами, с «белым шумом», должен каждый педагог, для которого слова о гармонично развитой личности, о соразмерности коллективного и индивидуального опыта не являются пустыми звуками.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Гредновская, Е.В., Пеннер, Р.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма / Е.В. Гредновская, Р.В. Пеннер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – №3. – С. 56-60.
2. Делез, Ж. Общество контроля / Ж. Делез // URL: <http://my.arcto.ru/public/9deleuze.htm>
3. Ивин, А.А. Философия истории / А.А. Ивин. – М.: Гардарики, 2000. – 525с.
4. Куличков, И.Л. Всестороннее развитие личности: миф или реальность / И. Л. Куличков // Homo holistic: человек целостный: сборник научных статей преподавателей кафедры философии ЮУрГУ, студентов, магистрантов и аспирантов вузов. – Челябинск, Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – Том 3. – С. 41-50.
5. Розанов, В.В. Опавшие листья / В.В. Розанов. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. – 448 с.
6. Рыбин, В.А. Онтоантропологический смысл новейшей реформы университета // В.А. Рыбин. – Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №15(269). – С. 42-52.
7. Соколов, А.В. Верификация утопии-XXI и диагноз нашего общества: рецензия на монографию И.Д. Тузовского «Утопия-XXI: глобальный проект "Информационное общество"» / А.В. Соколов // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. – 2015. – 2 (23). – С. 186–189.
8. Тимофеев, Т. Высшее образование не для всех! / Т. Тимофеев // URL: Общественная электрогазета. рф <http://i-gazeta.com/news/region102/23621.html>
9. Томбу, Д.В. Дисциплинарные практики общества потребления / Д.В. Томбу // Власть. – 2013. – №4. – С. 52-54.
10. Фуко, М. Дисциплинарное общество в кризисе / М. Фуко // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_16.php
11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/
12. Хайдеггер, М. Язык / М. Хайдеггер // URL: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/yazyk.txt>
13. Bydanova, E., Mushketova, N., Rouet, G. The Russian market of university services: Social and demographic aspects // International Journal of Educational Management. – 2015. – 29(4). – pp. 395–407.
14. Kovalevsky, V., Kirko, V. Strategic bases of regional university's modern economic model // Economic Annals-XXI. – 2015. – 1-2 (1). – pp. 24-27.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. Grednovskaya E.V., Penner R.V. Problema podlinnosti sushchestvovaniya cheloveka v diskursah ehkzistencializma i postmodernizma [The problem of authenticity of human existence in the discourses of existentialism and postmodernism], Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, vol. 15, № 3, p. 56–60.
2. Delez Z.H. Obshchestvo kontrolya [Society control], Z.H. Delez, URL <http://my.arcto.ru/public/9deleuze.htm> [accessed 18.09.2014].
3. Ivin A.A. Filosofiya istorii [Philosophy of History], M., Gardarika, 2000, 525 p.
4. Kulichkov I.L. Vsestoronnee razvitiye lichnosti: mif ili real'nost', [All-round development of the personality: myth or reality?], Homo holistic: chelovek celostnyj, sbornik nauchnyh statej prepodavatelej kafedry filosofii YUUrGU, studentov, magistrantov i aspirantov vuzov, Chelyabinsk, Izdatel'skij centr YUUrGU, 2015, vol. 3, p. 41–50.
5. Rozanov V.V. Opavshie list'ya [Fallen leaves], SPb., Izdatel'skaya gruppa «Lenizdat», «Komanda A», 2012, 448 p.
6. Rybin V.A. Ontoantropologicheskij smysl novejshej reformy universiteta [Ontoantropological sense new university reform], Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, № 15 (269), p. 42–52.
7. Sokolov A.V. Verifikaciya utopii-XXI i diaгноз nashego obshchestva: recenzija na monografiyu I.D. Tuzovskogo «Utopiya-XXI: global'nyj proekt "Informacionnoe obshchestvo"» [Verification of utopia-XXI and the diagnosis of our society: Review of the monograph by I.D. Tuzovskiy «Utopia-XXI: global project "Information Society"»], Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2015, 2 (23), p. 186–189.
8. Timofeev T. Vysshee obrazovanie ne dlya vsekh! [Higher education is not for everyone!], URL Obshchestvennaya ehlektrogazeta. rf <http://i-gazeta.com/news/region102/23621.html> []
9. Tombu D.V. Disciplinarnye praktiki obshchestva potrebleniya [Disciplinary practices of consumer society], Vlast', 2013, № 4, p. 52–54.
10. Fuko M. Disciplinarnoe obshchestvo v krizise [The disciplinary society in crisis], URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_16.php [accessed 18.09.2014].
11. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/ [accessed 18.09.2014].
12. Hajdegger M. Yazyk [Language], URL <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/yazyk.txt> [accessed 18.09.2014].
13. Bydanova E., Mushketova N., Rouet G. The Russian market of university services: Social and demographic aspects, International Journal of Educational Management, 2015, 29 (4), p. 395–407.
14. Kovalevsky V., Kirko V. Strategic bases of regional university's modern economic model, Economic Annals-XXI, 2015, 1–2 (1), p. 24–27.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

УДК (UDC, CDU) 1.14

Оскар Хуарес Сарагоса
Автономный университет штата Мехико, профессор

Классическая философия: представление и признание с точки зрения Делёза

Доклад имеет своей целью раскрыть, исходя из концепции Делёза, импликации, присущие категории представление в классической философии в плане идентичности, аналогии, оппозиции и сходства, применив их к познанию, а также к телесной и территориальной организации.

Ключевые слова: представление, признание идентичность, аналогия, оппозиция, сходство

Óscar Juárez Zaragoza
Independent university of state of Mexico, profesor

Classic philosophy: representation and recognition. Deleuzian perspective

This report is intended to show, from the Deleuzian perspective, the implications of the status of representation in classical philosophy, from an analysis of the available quad identity, analogy, opposition and likeness, applying knowledge, organization and territorial body.

Keywords: representation, recognition, identity, opposition, similarity

Óscar Juárez Zaragoza
Autonoma del Estado de Mexico, profesor

Filosofía clásica: representación y reconocimiento. Un análisis deleuzeano

El presente artículo tiene como intención mostrar, desde la perspectiva deleuzeana, las implicaciones que tiene la categoría de representación en la filosofía clásica, desde un análisis de su cuádruple disposición: identidad, analogía, oposición y semejanza, aplicándolos al conocimiento, organización corporal y territorial.

Palabras-clave: Representación, reconocimiento, identidad, analogía, oposición y semejanza

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

El problema de la *representación* es un problema desde siempre para la filosofía. Generalmente este problema está planteado desde la perspectiva de una visión o contemplación del Bien, del Uno o del Ser que por su propia plenitud estaría más allá de toda posible presentación a los no preparados para su conocimiento. Además de que todo *logos* empleado para tratar de presentar el Bien, el Ser o lo Uno, termina por ser siempre una *representación*, es decir un *logos* que hace las veces del Ser, pero que irremediamente está a una distancia inconmensurable de éste. Por esa razón, el discurso sobre el ser será siempre una imagen, más o menos buena, de aquello que se nos quiere dar a conocer o entender.

Deleuze realiza un análisis de la representación desde diversos puntos de vista, independientemente de los problemas que genera en la historia de la filosofía. Desde la postura de la *representación* como <<razón>>: "...El elemento de la representación como <<razón>> tiene cuatro aspectos principales: la identidad, en la forma del concepto *indeterminado*, la analogía en la relación entre conceptos *determinables* últimos, la oposición en la relación de las *determinaciones* dentro del concepto, la semejanza en el objeto *determinado* del concepto mismo. Estas formas son como las cuatro cabezas, o los cuatro vínculos de la mediación [1, 2002, 63]).

De acuerdo con esta lectura la representación somete a la diferencia como concepto fun-

damental de la filosofía, al de Identidad. Al nivel del concepto lo que encontramos es la *Identidad*; el concepto es siempre Idéntico, por ello, es indeterminado en función de cualquier posible efectuación. El Concepto Ser posee una identidad que ningún ser fáctico podrá agotar. El concepto o la Idea estará, inevitablemente, en relación con cualquier ser fáctico en una distancia que le permite permanecer en su carácter indeterminado. No obstante, hacia abajo, este concepto permite la *analogía* entre conceptos determinables de inferior rango: las especies en función del género. El género abarca a las especies que concuerdan precisamente en él. Las especies son diferentes no por sí mismas, sino en función de otro, en este caso el género. Por el hecho de pertenecer al mismo género son análogas, poseen ciertas características similares pero otras diversas. La *oposición* en función a los diversos seres que a su manera efectúan el Ser; no es lo mismo un objeto que un sujeto, un árbol que un animal, etc. Dentro del concepto indeterminado caben una serie de seres que se muestran como opuestos, pero que pueden ser conciliados en la Identidad del concepto indeterminado. Y finalmente la *semejanza* entre el concepto Idéntico indeterminado y el objeto determinado. Un hombre fáctico remite necesariamente, por semejanza, al concepto de hombre. Existe un vínculo que permite pasar del sujeto determinado hombre, al concepto indeterminado hombre. Este sería un ejemplo de cómo

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

mo se pasa del conocimiento de lo fáctico a lo esencial. Lo esencial sigue siendo primero en función de la existencia. De esta forma la Diferencia queda sometida a la Identidad. Dado que lo primero es la Identidad, la Diferencia se piensa sólo como secundaria, cumpliendo funciones serviles para distinguir dentro de la Identidad la distinción de objetos determinados, no posee ninguna fuerza, no crea ni posibilita mayor cosa que la distinción entre una silla de madera y una de metal.

La representación también es analizada desde la relación que establece con el conocimiento del Ser. El filósofo es el único que posee el conocimiento del Ser, el único que puede darnos un *logos* sobre él. ¿Cómo es el Ser? ¿Cuál es su estructura? Es conocimiento exclusivo del filósofo. Y da la casualidad que, como decíamos anteriormente, la mayoría de los filósofos nos dan un *logos*, una representación del Ser *orgánica*. La representación orgánica maquilla de forma casi perfecta la imagen del Ser; en ella todo encuadra, todo funciona con un orden preciso. Los grados del ser están determinados con toda precisión. Hay una jerarquía muy precisa, no hay posibilidad de que se disloque el orden, de que se salga de sus goznes. En la medida que el orden está garantizado podemos sentirnos tranquilos; nada puede pasar que altere nuestra cotidianidad. Representación orgánica remite a organización, a constitución, al despotismo de la ley. La organización está por encima de cualquier componente, hace posible a los com-

ponentes. Un cuerpo organizado remite siempre a lo mismo, no puede romper la organización. Si el hombre es razonable lo es en función de una organización que no puede ser alterada, so pena de destruir la esencia del hombre. Pero como hay una esencia anterior que determina de una vez y para siempre lo que el hombre es, ya sea en potencia o en acto, la organización que permite el logro de esta esencia es única e inalterable. Cuando los distintos órganos no cumplen las funciones asignadas podemos encontrar un hombre apetitivo o violento pero no razonable, que por ese motivo se encuentra lejos de su esencia. La moral permite la *representación orgánica*, por encima siempre estará lo "bueno", lo "mejor", posteriormente lo más cercano a lo bueno, y así en función de su alejamiento de la perfección del Uno-Ser. Las diversas filosofías de los grados de ser apelan necesariamente a la *representación orgánica*. No puede pensarse una gradualidad de ser sin una organización que lo sostenga, sin un cuerpo constituido que debe ostentarse como inalterable: Dios, los ángeles, los arcángeles, el hombre, el mundo y el infierno; organización perfecta que no puede ser alterada. El psicoanálisis fundamenta toda su concepción del inconsciente en la representación orgánica. El cuerpo en una organización que permite únicamente ciertos flujos del inconsciente a la conciencia. El inconsciente carece de toda organización, es productivo como deseo. Pero el psicoanálisis tuvo la osadía de reducir esta poten-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

cia caótica a dos instintos fundamentales *Eros* y *Thanatos*. Toda la capacidad productiva de que es capaz el inconsciente quedó reducida a dos. El psicoanálisis codificó los flujos de una sola manera y esta codificación es inalterable. Todos los demás flujos deben ser reprimidos o en su caso sometidos a estos dos. El *AntiEdipo* y *Mil Mesetas* son los textos fundamentales en donde Deleuze, junto con Guattari, cuestionarán de forma frontal la reducción que el psicoanálisis ha hecho del inconsciente; su afán de reducirlo todo al triángulo edípico. Todos los pacientes, todos los casos deben ser resueltos mediante la estructura papá-mamá-hijo. Hay un texto singularmente claro, en *Mil mesetas*, titulado *¿Uno solo o varios lobos?* sobre esta lucha en contra de la reducción del psicoanálisis sobre el inconsciente: "A punto de descubrir el gran arte del inconsciente, el arte de las multiplicidades moleculares, Freud no cesa de volver a las unidades molares, y de reencontrar sus temas familiares, el padre, el pene, la vagina, la castración...etc. A punto de descubrir un rizoma, Freud siempre vuelve a las simples raíces" [2, 2002, 34].

Y más adelante continúa: "... Como ha decidido que era una neurosis emplea el otro procedimiento de reducción: no inclusión verbal al nivel de la representación de las palabras, sino asociación libre al nivel de la representación de las cosas. El resultado es el mismo, puesto que siempre se trata de volver a la unidad, a la identidad de la persona o del objeto supuesta-mente perdido" [2, 2002, 35].

Para sentenciar finalmente: "Una multiplicidad de poros, de puntos negros, de pequeñas cicatrices o de mallas. De senos, de bebés y de barras. Una multiplicidad de abejas, de futbolistas o de tuaregs. Una multiplicidad de lobos, de chacales...Ninguna de estas cosas se deja reducir, sino que más bien nos remite a un cierto estatuto de las formaciones del inconsciente. Intentemos definir los factores que intervienen aquí: en primer lugar algo que actúa como cuerpo lleno – cuerpo sin órganos-...El cuerpo sin órganos se opone, pues, no tanto a los órganos, como a la organización de los órganos, en la medida que ésta compondría un organismo. No es un cuerpo muerto, es un cuerpo vivo, tanto más vivo, tanto más bullicioso cuanto que ha hecho desaparecer el organismo y su organización" [2, 2002, 37].

Como puede verse en la cita anterior la representación orgánica, del cuerpo o del Ser limitan las posibilidades que estos tienen de potenciar otras. La filosofía y el psicoanálisis –sobre todo en su parte metafísica- hunden sus raíces en esta representación orgánica. Aspiran de manera tajante al establecimiento de una organización dada de una vez y para siempre. Una organización capaz de dar cuenta de todos los fenómenos dentro del Ser o del cuerpo. Todo aquello que no se reduce a esta estructura será catalogado de anómalo, de maldito, de condición equívoca del verdadero Ser o cuerpo.

Dura es la batalla que sostiene Deleuze contra la representación orgánica, tanto en lo referente al

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

cuerpo como en el Ser, pues ambas son posibles gracias a la Identidad. Que nuestros órganos tengan únicamente una función, precisada por la organización idéntica del cuerpo, le parece aberrante. La boca sirve únicamente para introducir el alimento, el ano para defecar, las manos para agarrar, etc. De ahí su preferencia por el esquizo-frénico y no por el psicótico o neurótico. El esquizo puede devenir cualquier cosa, sus órganos no están sometidos al despotismo de la Identidad. Los órganos del esquizo permiten las conexiones más singulares que no remiten a ninguna Identidad anterior o final. Ser razonable es una de las ilimitadas posibilidades de poder organizar un cuerpo. ¿De dónde obtiene la pretensión de ser la única, la mejor o la esencial? La única respuesta parece venir del miedo que inspira la capacidad creativa del inconsciente.

No distante de esta *representación orgánica* encontramos la *representación territorial*. Territorio marcado, precisado en sus límites con una minuciosidad que no puede llevarnos a la confusión. Lo más peligroso en la representación orgánica es el desconocimiento de los límites y su confusión. "La máquina territorial primitiva con su motor inmóvil, la tierra, ya es la máquina social o megamáquina, que codifica los flujos de producción, medios de producción, productores y consumidores: el cuerpo lleno de la diosa Tierra reúne sobre sí las especies cultivables, los instrumentos de labranza y los órganos humanos" [3, 1998, 147].

La representación territorial supone a la representación orgánica. Sólo cuando existe una organización pueden delimitarse los territorios. El cerebro cumple únicamente estas funciones, la mano, éstas, el estómago éstas otras, etc. Cada órgano queda precisado en su territorio y vinculado con un flujo muy preciso con los órganos colindantes: estómago-intestinos-ano. Tres órganos que si bien conforman una organización tienen cada uno su territorio, ninguno puede alterarse sin alterar el todo y caer en la condición equívoca: la enfermedad. Ésta es el resultado de la invasión de los territorios, de la destrucción de los flujos correctos.

Marcar el territorio es parte fundamental de la representación territorial. El ser dividido en pequeñas parcelas que tienen una comunicación muy precisa: el Bien, las Ideas, los entes matemáticos, las cosas y las sombras. Territorio total que territorializa sus segmentos bajo una organización precisa. Ya veíamos anteriormente cómo otorga grados, precisa jerarquías, determina estatus. El territorio del cerebro no es el del corazón. El ano no puede hacer las veces de la boca, etc. Las sombras no pueden ser el Ser. Los entes matemáticos a pesar de su proximidad no pueden presentarse como el Ser. Todo queda precisado de tal manera que el filósofo no puede equivocarse, no puede permitir los flujos decodificados. ¡El código por sobre todas las cosas! Codificaciones, sólo codificaciones. Cada filósofo crea su codificación despótica que tiene como finalidad única

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

someter a todas las demás. Una sola codificación, no hay posibilidad de otras.

Pero si trataba de dismantelar la representación en todas sus variantes no podía faltar la del filósofo. ¿En nombre de quién habla el filósofo? El filósofo es el *representante* del sentido común. En cuanto poseedor de un sentido común, como facultad de pensar, igualmente repartido en todos los hombres, el filósofo como conocedor del Ser habla en nombre de todos. Si el pensar se reduce a una facultad igualmente presente en todos los hombres, que pueden ejercer de manera natural, el pensador no puede pensar nada que todos los otros no puedan, a su vez, pensar. En ese sentido el filósofo se asume como el representante de todo el sentido común. El sentido común no ha llegado a lo que el pensador es capaz de pensar sólo porque no ejerce de manera recta su pensar, pero esto no le evita poder pensar, sin ningún contratiempo, lo que el filósofo pudo pensar. De ahí el delirio extremo por el método, por el establecimiento del camino, de la senda del pensar. Desde Parménides hasta Heidegger, por establecer el camino correcto. El mayor envenenamiento de la filosofía consiste en la determinación de su carácter fácil a partir del método. Lo difícil es la búsqueda del camino correcto por parte del filósofo, pues este camina solo, busca solo, las posibilidades de equivocarse son grandes, pero una vez que encuentra el camino correcto, que determina los pasos de manera precisa, el encuentro

con la verdad, se convierte en la cosa más sencilla gracias a que el filósofo-maestro nos dirige en el camino, nos evita los tropiezos, nos ayuda a ejercer de manera recta nuestra natural facultad de pensar.

Filosofía y reconocimiento

Fiel al sentido común, la filosofía no tiene otra manera de plantear el ejercicio filosófico sino como reconocimiento. "En efecto, hay un modelo: es el del reconocimiento. El reconocimiento se define por el ejercicio concordante de todas las facultades sobre un objeto que se supone es el mismo: es el mismo objeto que puede ser visto, tocado, recordado, imaginado, concebido...O, como dice Descartes del trozo de cera, <<es el mismo que veo, que toco, que imagino y en fin, es el mismo que siempre he creído que era desde el comienzo>>" [1, 2002, 206-207]).

El modelo del **reconocimiento** se basa en una repartición entre lo empírico y lo trascendental. La parte empírica corresponde al objeto, mientras que la parte trascendental la encontramos en el Yo. El Yo trascendental de Descartes y Kant son ciertamente la tematización más clara de este Yo que, sin embargo, funciona desde siempre. Lo que estos autores han hecho es sacar a la luz – al tiempo que muestran su funcionamiento- una estructura que desde siempre está implícita en la filosofía en virtud de utilizar los mismos recursos que el sentido común. El sentido común se basa –bien podíamos decir se reduce a él – en el modelo del reconocimiento con su repartición de lo

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

empírico y lo trascendental.

El **Yo trascendental** requiere una colaboración de las diversas facultades como sentido común. Nos sentimos poseedores de un sentido común cuando nos percatamos de que nuestras diversas facultades colaboran de igual manera en todo el mundo. Todos reconocemos, en igual forma, el lápiz que tenemos en la mesa, el carro estacionado, la casa, al vecino, etc. Cuando topamos con alguien incapaz de reconocer el mismo lápiz que hemos reconocido cien de nosotros, afirmamos, con toda seguridad, que no posee sentido común o en su caso que alguna de sus facultades no está colaborando correctamente con las demás. Tan fuerte es la necesidad de la concordia de las facultades en todo el mundo que cuando en un individuo alguna de ellas se destaca se le cataloga de genial. La ruptura de la concordia de nuestras facultades – escuchar, percibir, intuir, tocar, recordar, imaginar, concebir, etc.- se muestra como efecto de una genialidad o como deficiencia de sentido común; en ambos casos se está fuera de él. Para que el sentido común se dé plenamente, todas las diversas facultades deben reconocer el objeto que se presenta. Para ello, alguna de ellas asume el papel de esencia y las otras han de cumplir el papel de modos. Si la Razón es la facultad que determina al objeto, el ver, tocar, recordar, imaginar, concebir, etc., deben, con el ejercicio de su propia potencia, remitirse al objeto determinado por la Razón. Pues en tanto la Razón es la esen-

cia y las demás facultades sólo modos, todas deben concordar con ella. Poco importa que invirtamos la organización, que coloquemos a otra facultad como la esencia y las otras como modos, mientras se siga postulando la necesidad de la colaboración de todas en función de una se está en el sentido común. En Kant como en Descartes, la identidad del Yo [Moi] en el Yo [Je] pienso funda la concordancia de todas las facultades y su acuerdo sobre la forma de un objeto que se supone es el Mismo (1, 2002, 2007). Mediante esta concordancia de las facultades se asegura la Identidad del Yo común a todos los yo empíricos. Un Yo trascendental, como concordancia de todas las facultades, está en cada uno de nosotros como yo empíricos, por ende, todos poseemos el mismo sentido común. Anteriormente analizamos el problema de la representación orgánica, en donde Deleuze muestra que la organización, en este caso del Yo trascendental, era única y toda aquella alteración que pueda presentarse rompe, en el Yo trascendental, el sentido común. Mientras todas las facultades estén sometidas a una, es solamente una organización la que se considera buena y todas las demás quedan ubicadas en el extremo de lo malo. El despotismo de la ley, del código, de la jerarquía, se muestra nuevamente en este sentido común en el cual una facultad es la esencial y las otras sólo modos de esta facultad; maneras distintas de percibir un objeto que ha sido determinado por la Razón.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

La parte empírica del reconocimiento corresponde al objeto. Sobre el objeto se sostiene la determinación de su mismidad. El objeto permanece en su mismidad ya sea en función de las diversas facultades ya en su relación con el tiempo. Como la cita anterior lo muestra es el mismo lápiz que puedo tocar, ver, inteligir, recordar, concebir, etc. Respecto al tiempo el objeto también posee una mismidad que le permite no sólo ser como es en este presente sino seguir siendo en el futuro e inclusive haber sido igual en el pasado. Es en esta convicción sobre la mismidad del objeto, en sus dos funciones, que se puede postular la posibilidad de la esencia. Si un objeto posee esencia ésta no cambia ni por el hecho de ser aprehendida por diversas facultades, menos aún por estar en el tiempo. La mismidad, la esencia del objeto permanece siempre. El sentido común no elevado a la conceptualización filosófica procede generalmente del objeto al yo. El yo común refleja la mismidad del objeto empírico. Acción refleja del yo que no hace otra cosa sino someterse a la mismidad del objeto. Cuando la filosofía eleva al sentido común a lo conceptual los papeles se invierten. Tanto Descartes como Kant han hecho del Yo el principio, el origen y el objeto el mero reflejo de esta unidad del Yo. El Yo es la identidad de las facultades que el objeto no hace sino reflejar. Lo que fundamenta la mismidad del objeto es el Yo trascendental y no a la inversa, como el sentido común no elevado a lo conceptual lo

hacía. En los dos casos se parte de la necesidad de la mismidad, ya sea en el objeto o en el sujeto. Y como en ambos la unidad es lo principal, lo que refleja no puede ser otra cosa que mismidad: la unidad (mismidad) del sujeto es reflejada en un objeto como unidad (mismidad). De esta manera la filosofía, a pesar de haber invertido el origen queda sometida al sentido común, pues reproduce el mismo esquema.

En función de ello Deleuze encuentra una complementariedad entre el sentido común y el buen sentido: "...Pues si el sentido común es la norma de identidad, desde el punto de vista del Yo (Moi) puro y de la forma de objeto cualquiera que le corresponde, el buen sentido es la norma de repartición desde el punto de vista de los yo (moi) empíricos y de los objetos calificados como tal o cual (por eso se considera universalmente repartido). El buen sentido determina el aporte de las facultades en cada caso cuando el sentido común aporta la forma de lo mismo" [1, 2002, 2007].

La parte empírica y la trascendental que Deleuze establece como componentes del modelo del reconocimiento, se ven estrechamente unidos en esta colaboración del sentido común y el buen sentido. Mientras la parte trascendental –el Yo puro - precisa la Identidad –Mismidad- del Yo y del objeto que lo refleja, asegura también en cada yo y objeto empírico la repartición de esa mismidad a través del buen sentido. Buen sentido es la repartición universal del sentido común, es

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

decir, del carácter de mismidad bajo el que todo yo y objeto empírico se determinan. Por ende el buen sentido corresponde al ejercicio de la mismidad que el sentido común señala, cuando esta mismidad no se ejerce correctamente se dice que no se está en el sentido común y en el buen sentido. Tanto el objeto como el sujeto solo existen como calificados por la mismidad que los hace posibles.

Bien puede objetarse, contra nuestro autor, que el sentido común no permanece siempre igual en su relación con los objetos, pues nuestro sentido común no es el mismo de los griegos o de cualquier otra época pasada, e incluso, no será el mismo de épocas futuras, sin embargo, nos parece que esa no es una objeción que quebrante el análisis de este autor, pues independientemente de cómo se determina la mismidad del Yo trascendental y por ende del objeto, es claro que siempre se determinan desde una mismidad. Es esta continuidad de la mismidad, independientemente de su determinación, la que es constante, y por tanto, la repetición del modelo del reconocimiento. Poco importa que nuestro sol no sea el de los griegos, pues es evidente, de suyo, que no pensamos lo mismo que los griegos cuando mentamos este concepto: mientras que para ellos significaba un componente de lo eterno o la manifestación de un dios, para nosotros es solamente una estrella. Pero que el concepto sol no signifique lo mismo en estos dos sentidos comunes no cambia en nada el hecho de

estar determinado por la mismidad en ambos. Así como su concepto era el mismo para todos los griegos, el concepto actual es el mismo para todos nosotros. El yo empírico y el objeto están determinados desde el sentido común y asegurados por el buen sentido, no importa que éstos no se correspondan en épocas diferentes. Apegándonos a la tradición filosófica que distingue entre lo esencial y lo accidental podemos enunciar que lo esencial del sentido común es la Mismidad y lo accidental lo que esa esencialidad permite cristalizar en determinada época.

El sometimiento del Yo y del objeto a la mismidad como sentido común y su repartición universal como buen sentido no es lo único que Deleuze achaca al modelo del reconocimiento. Su crítica va más lejos cuando muestra claramente que por medio de este modelo lo único que podemos reconocer es precisamente lo conocido. El prefijo *re* muestra con toda claridad que se trata de un acto segundo, de un regreso, de una repetición de lo ya conocido. En esa medida nunca la forma del reconocimiento santificó otra cosa que lo reconocible y lo reconocido, nunca la forma inspiró otra cosa que conformidades [1, 2002, 209]. Ciertamente el sentido común repartido universalmente como buen sentido tiende, por necesidad al acuerdo, a la conformidad de todos sobre lo que un objeto es desde su mismidad. La conformidad es el destino último del ejercicio del sentido común, pues si nos

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

jactamos de poseerlo es precisamente en tanto podemos integrarnos a la comunidad que reconoce de igual manera al objeto. Se ha mostrado anteriormente que cuando alguien no elabora en igual forma la mismidad del objeto se le considera, irremediablemente, fuera del sentido común. La conformidad del universo de los yo empíricos es la muestra más patente de que el pensamiento no puede pensar ninguna otra cosa que los demás no puedan hacerlo, en esa medida el pensar como actividad filosófica se muestra como la posibilidad de ir, supuestamente, un paso delante de los otros, pero sólo un paso adelante porque, irremediablemente, los otros vienen un paso atrás para sumir el esfuerzo de un pensador en la banalidad. La imagen nos muestra el dominio de la moda: pensar es determinar la mismidad del objeto que instantes después circulará como moneda de uso corriente. El pensar, como ejercicio filosófico no puede escapar nunca del modelo del reconocimiento y de la banalidad.

Al estar basada en el modelo del reconocimiento la filosofía no sólo está obligada al predominio de la mismidad del sujeto y el objeto, sino también, al sometimiento de los valores que determinan a uno y a otro: " Lo reconocido es un objeto, pero también valores sobre el objeto (los valores intervienen incluso esencialmente en las distribuciones realizadas por el buen sentido). Si el reconocimiento encuentra su finalidad en los <<valores establecidos>>, es toda la imagen del

pensamiento como *cogitatio natura* la que testimonia, bajo ese modelo, una inquietante complacencia" [1, 2002, 210].

Por esta razón a pesar de las constantes transformaciones del sentido común siempre encontramos a las mismas instituciones ejerciendo su perenne asentimiento a las superficiales modificaciones. La Iglesia, el Estado, como tal, jamás han sido socavados por las filosofías de lo Uno, más bien las necesitan, las enriquecen, les facilitan las modificaciones necesarias para su constante rejuvenecimiento. Desde la filosofía de lo Uno, de la jerarquía, de la organización, del reconocimiento se puede no estar de acuerdo con la forma como ha sido determinado el sujeto o el objeto, pero nunca se objetará la necesidad de determinarlo desde la mismidad. El valor de la mismidad, de la verdad, de la jerarquía son intocables; categorías eternamente benditas que al cuestionarlas atentamos contra todo lo que de religioso tiene la filosofía.

Como los valores bajo los cuales se determina el sentido común y, al mismo tiempo la filosofía - como sentido común conceptualizado- no son cuestionados por las filosofías de lo Uno, el único combate que se efectúa dentro de este modelo del reconocimiento, es por los valores en curso que el sentido común determina. Al interior del sentido común se establecen una serie de aspectos que tienen mayor valor que otros. En la medida que algún yo empírico los conquista incrementa su valor respecto a los otros: ...Solo

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

hay una lucha bajo el sentido común y alrededor de los valores establecidos para atribuirse o hacerse atribuir valores en curso (honoros, riquezas, poder) [1, 2002, 211]. Ciertamente, la imagen es pueril cuando nos percatamos del sometimiento de los filósofos a los valores establecidos al interior del sentido común. Filósofos buscando fama, honoros y riqueza parece ser una imagen recurrente en la historia de la filosofía. Nuestra época no parece distinguirse en lo más mínimo de otras en este aspecto. Hegel, inspirado por su miseria, no anhela otra cosa que salir de ella a costa de lo que fuera, en los momentos en que dicha misión parece fracasar se ve llevado a postular la valía del esclavo por encima del amo, según él, en función de la objetivación del primero en el resultado del trabajo. Basta una mirada rápida por la correspondencia de Heidegger para constatar que nunca tuvo aspiración mayor para su filosofía, que salir de la miseria económica. Contrariamente a esta sed de los valores del sentido común, Deleuze, citando a Nietzsche, escribió un texto sobre Spinoza, particularmente sugerente sobre las virtudes que los hermanan: "El filósofo se apropia de virtudes ascéticas – humildad, pobreza, castidad – para ponerlas al servicio de fines completamente particulares, inesperados, en verdad muy poco ascéticos. Hace de ellos la expresión de su singularidad. No son en su caso fines morales, ni medios religiosos para alguna otra vida, sino más bien los <<efectos>> de la filosofía misma.

Pues no hay en absoluto *otra* vida para el filósofo" [4, 2001, 11].

Incapacitados de romper con el sentido común, de luchar en contra de los valores que exalta y reproduce de forma constante, dirigen sus esfuerzos para luchar por los valores establecidos al interior del sentido común. La frustración experimentada hacia afuera se convierte en ferocidad hacia adentro ¡Cuánto sudor emanado del esfuerzo de conseguir un puesto en la academia! ¡Cuánto en eliminar a todos aquellos que pueden ganárnoslo! Nietzsche despreciaba, con toda razón, a Kant por adjudicarse la filosofía crítica cuando en realidad su crítica se reducía a mostrarnos la imagen de lo mismo desde otra perspectiva. "Nietzsche reía ante la sola idea de que pudiera tratarse de eso lo que él llamaba voluntad de poder. Y no sólo Hegel, sino también a Kant los denominaba <<obreros de la filosofía>> porque su filosofía estaba marcada por ese modelo indeleble del reconocimiento" [1, 2002, 210].

El Yo trascendental es elevado a principio general de la representación. Como unidad de las diversas facultades posibilita la representación al mismo tiempo que nos determina a no poder salir de ella, mientras se siga partiendo de este Yo orgánico, de este Yo como mismidad, de este Yo constituido. Todas las facultades quedan sometidas a lo trascendental de este Yo puro, por ende, el ejercicio de cada una no puede dar como resultado otra cosa que las demás no puedan y deban, a su vez, efectuar

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

desde su potencialidad: "El Yo [Je] pienso es el principio más general de la representación, es decir, la fuente de esos elementos y la unidad de todas esas facultades: yo concibo, yo juzgo, yo imagino, yo me acuerdo, yo percibo, como los cuatro brazos del Cogito" [1, 2002, 213].

Dicho sometimiento de las diversas facultades al pensar es patente en el *Discurso del Método* de Descartes, pues cada una de ellas hace su aparición antes de estar asegurada por el pensar, pero, en cuanto han aparecido antes de ella son desechadas por no tener el suelo firme que ha de venir dado únicamente por la Razón. Una vez que la Razón se determina como esencia del Yo puro las demás son recobradas sólo en función de responder a lo que la esencia establece como de derecho.

La revisión que Deleuze realiza de la filosofía crítica de Kant, en sus tres grandes vertientes: *Crítica de la Razón Pura*, *Crítica de la Razón Práctica* y *Crítica del Juicio* demuestra, por una parte, el reproche que realiza al empirismo al concebir al sentido común como una facultad empírica particular y no como un acuerdo *a priori* de las facultades en su conjunto y, por otra, la diversificación que este filósofo hizo del sentido común: "Todo acuerdo entre las facultades define un sentido común...*La Crítica de la razón pura* invoca un sentido común lógico, <<*sensus communis logicus*>>, sin el cual el conocimiento no sería en absoluto comunicable. Así mismo, la *Crítica de la razón práctica* invoca frecuentemente

un sentido común estrictamente moral, que se expresa bajo el acuerdo de las facultades bajo la legislación de la Razón. Pero la libre armonía empuja a Kant a reconocer un tercer sentido, <<*sensus communis aestheticus*>>, que procura *de iure* la comunicabilidad del sentimiento o la universalidad del placer estético. <<Este sentido común no puede apoyarse en la experiencia, pues pretende autorizar juicios que contienen una obligación; no dice que todos vayamos a admitir nuestro juicio, sino que todos debemos admitirlo>>...El juicio estético aspira a una universalidad y a una necesidad *de iure*, representadas por un sentido común" [5, 2005, 81-82].

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Bibliografía

1. Deleuze, Gilles. (2002). Diferencia y repetición. Buenos Aires, Amorrortu.
2. Deleuze, Gilles. (2002). Mil mesetas. Capitalismo y esquizofrenia. Valencia, Pre-Textos
3. Deleuze, Gilles, Guattari, Félix. (1998). El Anti Edipo. Capitalismo y esquizofrenia, Barcelona, Paidós.
4. Deleuze, Gilles. (2001), Spinoza: Filosofía Práctica. Barcelona, Tusquets.

Проблема свободы человека в дискурсе средневековой философии

Обращение к теме свободы в средневековый период не является принципиально новым в историческом разрезе философии. Однако, не смотря на то, что средневековый период является одним из наиболее изученных в историко-философском плане до сих пор остались темы, тщательно не проработанные. Одной из них является тема свободы человека, которая была освещена в дискурсе средневековой философии наряду с иными темами. Актуальность данной статьи обусловлена сравнительно малой изученностью важнейшей антропологической проблемы – проблемы свободы человека, прочно связанной с антроподиксией. Средневековый период представляет собой своеобразный пласт философской мысли, в котором явно обозначается обострение проблемы свободы человека. Это можно объяснить тем, что именно в средневековой философии впервые в истории философской мысли внимание человека концентрируется на внутреннем мире. Средневековый мыслитель стремится познать свою душу. Познание обусловлено влиянием на субъекта трансцендентного начала, выступающего в качестве творящего истока. У рефлексизирующего субъекта формируется своеобразное чувство собственного Я, происходит оформление самознания как особой реальности, которая, не смотря на свой субъективизм, в большей мере открыта познанию человека, нежели любой иной объект внешнего мира. Целью доклада выступает отображение проблемы свободы человека, которая раскрывается в произведениях ключевых представителей философской мысли средневекового периода. В докладе делаются выводы о том, что средневековая философия консолировала с античной традицией. Продолжились попытки решения проблемы свободы человека, были найдены точки опоры в понимании сущности свободы человека. Средневековый человек по природе своей свободен, но эта слабая природа с самого рождения направляет его на путь греха. Греховность природы человека предопределяет его зависимость от различных сил. Подлинную свободу человек постигает только в познании Бога.

Ключевые слова: свобода человека, средневековая мысль, трансцендент, познание Бога, благодать, добродетель.

Пеннер Регина Владимировна,
доцент Южно-Уральского государственного университета, e-mail: penner.r.v@gmail.com

УДК 101

Penner R.V.

The problem of human freedom in the discourse of Medieval philosophy

There are no doubts that the reference to the theme of freedom in the medieval period is not an entirely new in historical perspective of philosophy. However despite the fact that the medieval period is one of the most studied in the historical and philosophical terms, there are still the themes, which are not carefully studied. One of them is the problem of human freedom, which is usually affected by the discourse of medieval philosophy as one of many other problems. The relevance of this manuscript is caused by a relatively small study of this important anthropological problem – the problem of human freedom, which is strongly associated with anthropodicy. The period of Middle Ages is a kind of stratum of philosophical thought, which is clearly indicated by the increasing problem of human freedom. This can be partly explained by the fact that there was in philosophy of Middle Ages the first time in the history of philosophy a person's attention was focused on the inner world. Thinker of Middle Ages seek to know his soul. Knowledge on the subject due to the influence of the transcendent, that acting as a creative source. Have formed the subject of a kind of reflective sense of self, there is a clearance of consciousness as a special reality that, despite its subjectivity, are more open knowledge of human, than any other object in the external world. The purpose of this manuscript is a reflection of the problem of human freedom, which is revealed in the works of the key representatives of the philosophical thought of the Middle Ages. A number of positions have been disclosed in this manuscript. The key is that the medieval philosophy correlated with ancient tradition. A perspective of human freedom were continued to establish, points of support and the basic ways of the historical development of this problem were identified. The medieval human is free by nature, but the weak nature directs it to the path of sin from his birth. This weak nature predetermines the dependence of human. The true freedom of human comprehends only with the knowledge of God.

Keywords: human freedom, thought of Middle Ages, transcendence, the knowledge of God, grace, virtue.

Penner Regina Vladimirovna, the senior lecturer of the South Ural state university, e-mail: penner.r.v@gmail.com

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Святой Августин Блаженный – один из первых средневековых мыслителей, кто обратился к проблеме самосознания, осознав при этом непосредственное влияние на человека трансцендентного начала. Это вызвало необходимость увязать философские постулаты со Священным писанием.

Проблема греха была поставлена Августином в центр его философских интересов. Под грехом средневековый философ, в первую очередь, понимал убежденность людей в своем превосходстве. Евреи стали первыми, кому приписывали зачатки величия. Впоследствии о величии стали говорить как о грехе отдельных христиан. При делении людей на впавших в грех и спасенных Августин не видел никакой дисгармонии. Согласно его учению, обе категории людей сосуществуют в равновесии, а подобное разделение объяснимо посредством того, что Бог изначально выделил из людей ту группу, что будет спасена.

В наиболее значительном своем произведении «О граде Божьем» Августин обосновал идею о разделении церкви и государства, соответственно града Божьего и града Земного. Он подчеркивал мысль о том, что государство может стать частью града Божьего только в том случае, если оно абсолютно подчинится церкви во всех религиозных вопросах.

В своем богословском учении Августин обосновывал критику пелагианской ереси. Согласно учению Пелагия, человек

по своей природе является добрым и обладает свободной волей. Пелагий выступал против концепции первородного греха. Прославленный ересиарх настаивал на том, что большинство людей склонно поступать добродетельно, а добродетель можно полагать за результат нравственных потуг «ищущих и страдающих» [14].

В споре с Пелагием Августин выступил как фаталист с позиции, базирующейся «на существующих в философской, религиозной и научной мысли аргументах, направленных против утверждения действительности свободы» [10] и провозглашающей «логику событий как нечто внешнее по отношению к человеку, обусловленное различными объективными факторами: действием сверхъестественных сил, естественных изменений и взаимодействий, проявлением общественных закономерностей, предопределяющих любую деятельность человека и ее непосредственные результаты» [10]. В своем учении Августин настаивал на том, что Адам обладал свободной волей только в период до своего грехопадения. Причем эта воля и могла удерживать его от впадения во грех. Однако когда произошло вкушение запретного плода, в них с Евой вошла порча, которая впоследствии передалась и их потомкам. Таким образом, Августин обосновал греховную натуру человека, утвердил немощь человека в борьбе с грехом. Однако удержаться от падения во грех человеку помогает Божья благодать [1]. Лишь

избранные получают право вознестись на небо. Обосновать деление людей на спасенных и проклятых невозможно – это решение, принятое и понятое одним лишь Спасителем. Иными словами, кара божья есть правосудие, спасение избранных – милосердие. Причем, по Августину, и в том, и в другом случае проявляется благодать Божья.

Далее намотелось бы подробнее остановиться на проблеме свободы воли. Эту проблему Августин исследовал в своем одноименном трактате. Уже в самом начале «О свободе воли» средневековый философ обращается к Священному писанию, в котором содержится указание на то, что истина, заключенная в Божественном слове, делает человека свободным [2]. Августин, следуя за Священным писанием, обозначает весьма четкие границы свободы – свобода человека ограничена постижением Божественной истины.

Интересно определение свободы воли, предложенное в трактате, в котором Августин сопоставил свободу человека с грехопадением. Адам и Ева изначально были наделены свободной волей. Это и стало определяющей предпосылкой того, что они осмелились ослушаться своего Создателя, вкусив плод с Древа Познания Добра и Зла. По Августину, Господь предоставил первым людям свободу не для впадения во грех, а для возможности этого падения избежать. Ту ситуацию, при которой Бог создал людей, способных согрешить, мысли-

тель определил как диалектическую противоположность свободы – зависимость. Поэтому люди были созданы Богом и изначально наделены свободой выбора.

Солидарен с позицией Августина и теолог Л. Брюнсвик [11]. По Л. Брюнсвику, свобода составляет смысловое ядро теологии – это творческий исток, способствующий единению человека с трансцендентным началом.

Иным средневековым мыслителем, затронувшим в своих размышлениях проблему свободы человека, был Бозций. В «Утешении философией» мыслитель, как и Августин, указывал на связь между свободой и творческим началом: при постижении, приближении к познанию Бога, человек обретает свободу. Бозций указывал и на органичную связь между Богом и блаженством как высшими человеческими благами. Постигая Божественную сущность, человек обретает свободу; это и является основой блаженства, счастья каждого [4]. По Бозцию, «рецепт» достижения божественной благодати, выхода за рамки греха и обретения свободы кроется в добродетели [4].

Наиболее ярким представителем схоластического периода средневековой философии стал святой Фома Аквинский. Видные западные философы, к примеру, К. Хьюджес и Р.Р. Герреро полагают Фому одной из ключевых фигур из истории философии и теологии [12, 13].

Следуя за Августином, Фома увязывал свободу человека с

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мудростью. В «Сумме против язычников» он обозначил то, что мудрость человеческая раскрывается в конкретном человеческом акте, например, в строительстве домов. Иными словами, человек может поставить перед собой четкую цель, обладая знаниями о средствах ее достижения. Фома обратил внимание читателей на то, что, в конечном счете, все небольшие конкретные цели можно свести к единой цели, которую философ назвал «целью Вселенной» [9]. Цель Вселенной есть не что иное, как превосходство разума, посредством достижения истины. Таким образом, по Фоме, достижение мудрости представляет собой полезнейшее занятие человека. И не случайно схоласт сослался в «Сумме» на Аристотеля как на «великого прославителя мудрости» [9].

Фома утверждал, что источник мудрости бесспорно кроется в Боге. Обратившись к авторитету Аристотеля, Фома обосновывал существование Бога при помощи аргумента о неподвижном двигателе [3]. Все объекты живой природы он делит на движимые и источники движения. При этом то, что приходит в движение благодаря чему-то, может породить новое движение. Пытаясь установить источник движения всего, Фома пришел к выводу о том, что в бесконечной точке регресса человеческая мысль приходит к тому, что движет, но движимым чем-либо не является. Бог и есть тот искомым недвижимый двигатель.

Святой Фома Аквинский достойно завершил плеяду сред-

невековых мыслителей. Следует обратить внимание на то, что проблематика свободы человека в историческом контексте присутствует в исследованиях и отечественных, и зарубежных мыслителей [5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14]. Более того, «в современных дискуссиях проблема соотношения предопределения и свободы воли человека занимает значительное место. Она обсуждается вместе с другими теологическими проблемами, среди которых можно выделить вопросы о Божественном избрании (для спасения) и осуждении, о соотношении Божественных атрибутов всемогущества и всеведения со свободой воли человека, о причине зла. Этот контекст во многом был определен средневековыми дискуссиями, и современные авторы часто используют концепции схоластов для разработки своей аргументации» [6, с. 7].

Если говорить уже о понятии индивида в контексте заявленной темы, то оно «начинает формироваться в рамках космоцентризма античной философии и свою определенность получает в теоцентризме Средневековья, сущность свободы определяется здесь понятием индивида, т. е. как индивидуальный феномен» [8, с. 5]. Ядро средневековых граждан составляли крестьяне и ремесленники, жизнь которых текла однообразно, по однажды определившемуся и закрепившемуся порядку. Развитие и раскрытие своей духовной сущности они находили в церкви, которая обещала им лучшую жизнь после смерти.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

И здесь, с одной стороны, раскрывается дихотомия свободы – греха. Средневековый человек свободен, но слабая природа с самого рождения направляет его на путь греха, что определяет его зависимость. С другой же стороны, свободу и счастье человек достигает только в позна-

нии Бога.

Таким образом, в средневековой философии, консервирующей с античной традицией, продолжилось формирование проблематики свободы человека, выявились точки опоры и основные пути исторического развития этой проблемы.

Библиографический список

1. Августин Аврелий. О граде божьем / Аврелий Августин. – М.: Харвест, АСТ, 2000. – 1296 с.
2. Августин Аврелий. О свободе воли / Аврелий Августин // URL: <http://www.lib.ru/%3E%3C/HRISTIAN/AWRELIJ/swoboda.txt>
3. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
4. Боэций Утешении философией / Боэций // URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/boethius/phil01-f.htm>
5. Дыдров А.А., Пеннер, Р.В. Новое о свободе в немецкой философской традиции: И. Кант – Г. Гегель – К. Маркс / А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 25 (354). – С. 25–28.
6. Карпов К.В. Проблема предопределения и свободы воли в культуре позднего средневековья / К.В. Карпов // диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М. – 2009. – 155 с.
7. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М.: АСТ, 2010. – 832 с.
8. Троян В.Г. Проблема индивидуальной свободы в философии Э. Фромма: критический анализ / В.Г. Троян // диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Краснодар. – 2001. – 127 с.
9. Аквинский Фома. Сумма против язычников / Фома. Аквинский // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000791/>
10. Шумилкина О.Г. О феномене свободы в философско-исторической традиции фатализма / О.Г. Шумилкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-1. – С. 558–562.
11. Brunschvicg L. La raison et la religion // Presses universitaires de France, Paris. – 1964. – 212 p.
12. Guerrero R.R. Avempace en las obras de santo Tomás de Aquino // Anuario Filosófico. – 2015. – V. 48, I. 1. – p. 55–78.
13. Hughes C. Aquinas on being, goodness, and God // Routledge Publisher. – 2015. – 370 p.
14. Rees B.R. Pelagius: A Reluctant Heretic // Boydell Press. – 1988. – 552 p.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. Avgustin Avrelii. O grade bojiem [The City of God], M., Harvest, ACT, 2000, 1296 p.
2. Avgustin Avrelii. O svobode voli [On Grace and Free Will], URL <http://www.lib.ru/%3E%3C/HRISTIAN/AWRELIJ/swoboda.txt> [accessed 08.10.2014].
3. Aristotel'. Metafizika [Metaphysics], M., Eksmo, 2006, 608 p.
4. Boecii. Uteshenie filosofiei [The Consolation of Philosophy], URL <http://ancientrome.ru/antlittr/boethius/phil01-f.htm> [accessed 08.10.2014].
5. Dydrov A.A., Penner P.B. Novoe o svobode v nemetskoj filosofskoj tradicii: I. Kant – H. Hegel – K. Marx [New about the freedom in the German philosophical tradition: I. Kant – H. Hegel – K. Marx], Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, № 25 (354), p. 25–28.
6. Karpov K.V. Problema predopredelenia i svobody voli v culture pozdnego srednevekovia [The problem of predestination and free will in the culture of the late Middle Ages], dissertacia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskih nauk, M., 2009, 155 p.
7. Rassel B. Istoria zapadnoi filosofii [The History of Western Philosophy], M., ACT, 2010, 832 p.
8. Troyan V.G. Problema individual'noi svobody v filosofii E. Fromma: kriticheskii analiz [The problem of individual freedom in the philosophy of E. Fromm: a critical analysis], dissertacia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskih nauk, Krasnodar, 2001, 127 p.
9. Foma Akvinskii. Summa protiv yazychnikov [Summa contra Gentiles], URL <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000791/> [accessed 08.10.2014].
10. Shumilkina O.G. O fenomene svobody v filosofsko-istoricheskoi tradicii fatalizma [About the phenomenon of freedom in philosophical and historical tradition of fatalism], Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im, 2008, № 74–1, p. 558–562.
11. Brunschvicg L. La raison et la religion, Presses universitaires de France, Paris, 1964, 212 p.
12. Guerrero R.R. Avempace en las obras de santo Tomás de Aquino, Anuario Filosófico, 2015, vol. 48, p. 55–78.
13. Hughes C. Aquinas on being, goodness, and God, Routledge Publisher, 2015, 370 p.
14. Rees B.R. Pelagius, a Reluctant Heretic, Boydell Press, 1988, 552 p.

УДК 323.2

Хвощев В.Е.

Так ли страшен чёрт, как его малюют (не традиционно о коррупции)

Отношение к коррупции во все времена формировалось преимущественно с нравственно-правовых позиций. В контексте общественной морали коррупция – абсолютное зло, с которым необходимо вести постоянную и непримиримую борьбу. Коррупционеров следует выявлять и строго наказывать. Это общепринятое правило, казалось бы, не подлежащее сомнению, служит удобным лозунгом в борьбе за власть – малообязывающим и безотказным. Малообязывающим потому, что в обществе сложилось и поддерживается мнение о неумолимости коррупции, и безотказным по той причине, что позволяет демонстрировать благородство намерений претендента на публичную должность, не требующее определенного его подтверждения. При всеобщем негодовании по поводу этого явления коррупция вряд ли может быть причислена к серьёзнейшим социально-политическим и экономическим проблемам, способным заметно навредить обществу. В конечном счёте, «что с мира взято, в мир вернётся». Другое дело, что для государства важно в какое место «вернётся» взятое. И если, к примеру, взято здесь (в стране), а вернётся там (зарубежом), то для государства и общества этот факт выражается в оттоке средств и ресурсов. Это исключительно важная, однако, совсем другая проблема. Научный разговор о коррупции предполагает уточнение понятия и всестороннее комплексное осмысление соответствующего явления. Между тем, фундаментальное исследование этого, бесспорно, актуального феномена подменяется поверхностным нравственным восприятием, что характерно для современной науки, с последующей скрупулёзной правовой проработкой технологии противодействия отдельным негативным его проявлениям. Современные Конвенции, Стратегии, Программы и Планы борьбы с коррупцией построены по типовой схеме «однозначная оценка–меры борьбы с проявлениями». В статье предпринята попытка представить коррупцию как разновидность политико-экономической активности субъектов с её издержками и позитивными качествами, нуждающуюся в исследовании и осторожном регулировании.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная деятельность, антикоррупционная политика, активность, политико-экономическая активность, коррупционная активность, активная коррупция, пассивная коррупция

Хвощев Владимир Ефимович,
Россия, ЮУрГУ, заведующий
кафедрой политологии,
vek@susu.ac.ru

The devil is not so black as he is painted (on corruption unconventionally)

Historically, the attitude towards corruption mainly formed on the grounds of moral and legal norms. In the context of public morals, corruption is an absolute evil against which the society has to wage a permanent and uncompromising war. Corrupt officials have to be exposed and severely punished. This widely accepted rule, apparently, not subject to any doubts, serves as a convenient instrument in the struggle for power, yet demands little commitment and is virtually devoid of any risks. Little commitment in this 'war' is because of the prevalent and carefully maintained opinion in the society that corruption cannot be eradicated; it is risk-free because the individuals seeking public office can demonstrate the nobility of their intentions without real accountability of their actions. Despite the widespread indignation towards it, corruption is hardly at the top of the list of the most serious sociopolitical and economic problems that do substantial damage to the society. In the end, "that from the world is taken, to the world will return". Obviously, where "the taken" will be returned is of utmost importance to the state. For example, if it is taken here (in the country) but returned elsewhere (abroad) the state and society will experience negative outflow of financial and material resources. This is an extremely important albeit completely different problem. Scientific conversation on the subject of corruption assumes precise definition of the term and comprehensive analysis of the underlying phenomenon. Regrettably, as it is not uncommon in modern science, fundamental research of this undoubtedly important phenomenon is often substituted by its superficial moral evaluation and scrupulous judicial work aimed to counteract distinct negative effects of corruption. Modern conventions, strategies, programs and plans of 'war' on corruption are based on the standard scheme: unequivocal evaluation of the phenomenon and specific measures to fight against its manifestations. In this article we attempt to consider corruption as a distinct form of political-economical activity of individuals with its costs and potential benefits which requires careful research and cautious regulation.

Key words: corruption, corrupt practice, anticorruption policy, activity, political-economical activity, corruption activity, active corruption, passive corruption

Khvoshchev Vladimir, Russia,
South Ural state university, managing faculty of political science,
E-mail: vek@susu.ac.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Политико-экономическое развитие общества неизбежно сопровождается периодическими откатами, застоями и постоянными «побочными» для прогресса явлениями, связанными с материальными и духовно-нравственными потерями. Иногда эти потери бывают настолько чувствительными, что создают угрозу существования государства.

Причины негативных проявлений политической и экономической активности социальных субъектов чрезвычайно разнообразны, а последствия одинаковы – ухудшение общественной морали, ослабление государства.

Наука оперирует преимущественно причинами, практику интересуют следствия. Близкие по результатам явления практик объединяет в общее понятие нередко вопреки различиям в причинах, порождающих само явление. Нечто подобное происходит в детерминации коррупции, как деятельности вредной для общества и государства. Действия субъектов, наносящие вред нравственности людей, идущие вразрез с государственными правовыми нормами принято считать коррупционными.

В настоящее время феномен коррупции представляет собой миф, эмоционально окрашенный индивидуальным и коллективным сознанием. Любое мифическое образо-

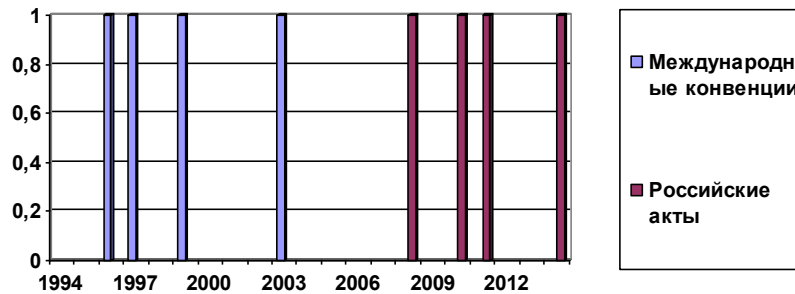
вание не имеет точного определения и существует во мнении людей в качестве метафоры с относительно произвольным содержанием.

Очевидно, что метафора «коррупция» и стоящий за ней столь же неопределённый миф, малопригодны как для научного анализа, так и для практического применения. Однако практика требует разработки технологических решений по снижению коррупции, которые могут проектироваться лишь на основе точных и ясных формулировок, предложить которые может только наука. Но именно наука игнорирует феномен коррупции, а государственный запрос на серьёзные исследования в этом направлении никак не созреет. Иначе чем объяснить, что сначала принимается Федеральный закон РФ о противодействии коррупции (2008 г.) и только после – научно не обеспеченная национальная стратегия противодействия коррупции (2010 г.), которая должна быть фундаментальной основой закона и не наоборот.

Следует заметить, что коррупция является глобальной проблемой и её масштабы тревожат не только российскую власть, но и мировую общественность. Эта тревога отражена в ряде Конвенций, направленных против коррупции (рис. 1).

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Рис.1. Правовые решения по проблемам коррупции

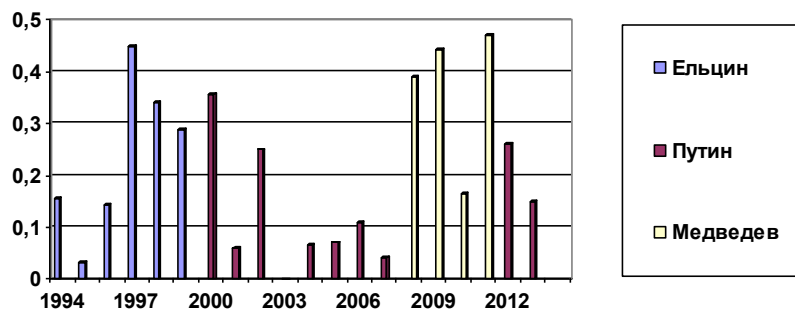
- 1996 г. – Конвенция ОЭСР [1]
- 1997 г. – Конвенция ЕС [2]
- 1999 г. – Конвенции о правовой и уголовной ответственности [3]
- 2003 г. – Конвенция ООН [4]
- 2008 г. – ФЗ РФ о коррупции [5]
- 2010 г. – национальная стратегия против коррупции [6]
- 2011 г. – план против коррупции 2012-2013 гг. [7]
- 2014 г. – план против коррупции 2014-2015 гг. [8]

На рис. 1 представлены и наиболее значительные российские антикоррупционные акты. Наши решения, безусловно, вызванные внутренними коррупционными проблемами, отчасти являются и реакцией руководства страны на международное антикоррупционное

движение. В законодательном плане Россия реагирует на международные Конвенции с отставанием в 12 лет.

Не удивительно, что серия антикоррупционных актов в России 2008–2014 гг. (рис. 1) нашла отражение в соответствующих ежегодных посланиях Президен-

Рис.2. Частота упоминания коррупции в посланиях Президента РФ

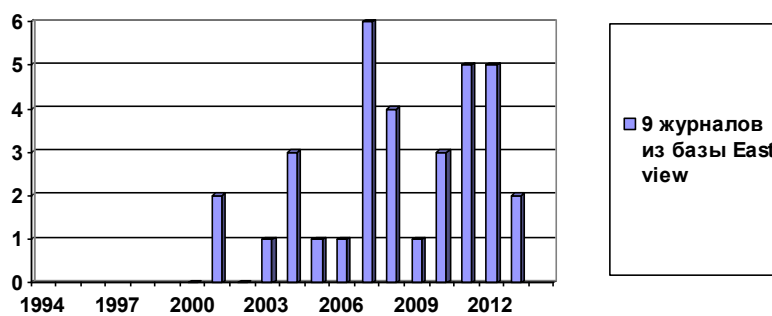
Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Вполне естественно, что в этих Посланиях прослеживается и сравнительно быстрая реакция на международные Конвенции против коррупции. Заслуживает внимания и снижение интереса Президента к коррупции в период 2003–2008 гг., как и

рост этого интереса в последующий период.

Призывы Президента РФ к борьбе с коррупцией после 2008 года получили отклик и в российских социально-гуманитарных журналах (рис. 3).

Рис.3. Количество статей о коррупции в социально-гуманитарных журналах России

Рассматривались журналы: Азия и Африка сегодня, Вопросы философии, Вопросы экономики, Латинская Америка, Международная жизнь, Мировая экономика и международные отношения, Общество и экономика, Политические исследования, Социологические исследования

Правда, это были отклики преимущественно экономической направленности, а большая часть статей пришлась на журналы «Вопросы экономики» и «Общество и экономика».

Напрашивается вывод о корреляции международных и внутророссийских правовых актов, президентской риторикой и содержанием социально-гуманитарных журналов России.

Не умаляя значения экономических и нравственных издержек от коррупции, следует заметить, что все они не вполне адекватны

действительности из-за непроработанности соответствующего понятия. Косвенно на это указывает тот факт, что для проблем коррупции не нашлось места в журнале «Вопросы философии», по крайней мере, в последние 15 лет.

Нет сомнения, что борьба с коррупцией предполагает уточнение определения этого понятия. Оставим в стороне многословные определения коррупции в энциклопедиях, словарях, научно-публицистической литературе: все они многозначны и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

метафористичны. Казалось бы, что точные формулировки явления следует искать в законодательных актах. Но и в Федеральном законе РФ о противодействии коррупции (2008 г.) точная составляющая содержит краткое «дача взятки, получение взятки». Все остальные компоненты дефиниции выдержаны в мифическом духе и завязаны на туманное и субъективное понятие «злоупотребление» или включают различные юридические выверты, предоставляющие возможность принимать правовые решения без строгого фактологического обоснования.

Иначе говоря, взяточничество – основной элемент коррупции, но коррупция несравненно шире взяточничества, поскольку несёт в себе причины и следствия дачи и получения взятки, а не только её фактическое наличие. И если борьба с мздоимством – задача правового регулирования, то антикоррупционная политика – одна из важных целей социально-политического управления.

Нельзя не отметить некоторые особенности природы коррупции.

Во-первых, коррупция не является имманентно присущим человеку качеством, как это может казаться из разговоров о её неизбежности. Коррупция – это форма взаимодействия людей и потому она несёт в себе особенности социальных отношений в обществе. При одной системе общественных отношений она может быть минимальной, при другой достигать значительных масштабов.

Во-вторых, коррупционная деятельность всегда активна – основана на заинтересованности, добровольности, самостоятельности сторон. По этой причине более корректным выглядит понятие «коррупционная активность сообщества», нуждающееся, впрочем, в обстоятельной научной разработке.

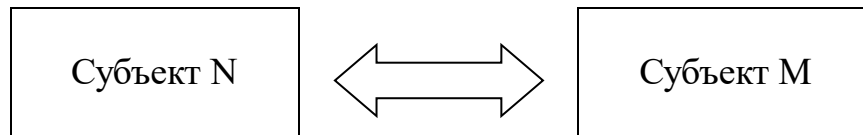
В-третьих, коррупционная активность субъектов не однозначна в ценностном измерении. В зависимости от условий и обстоятельств коррупционная активность субъектов имеет для личности, общества и государства и отрицательное и положительное значение. Отсюда возникают сложные научно-исследовательские задачи определения меры позитивного и негативного в коррупции и поиска её оптимального содержания и формы.

Коррупция как качественный показатель состояния общества или его части, отражающий его важное свойство, проявляется в коррупционной активности субъектов. В свою очередь коррупционная активность субъектов нуждается для начала хотя бы в самой общей типологии явления.

Очевидно, что не всякое взаимодействие субъектов несёт в себе потенциально коррупционную составляющую. Более того, прямое взаимодействие субъектов (рис. 4) может иметь любую нравственно-правовую окраску и при этом не быть ни в малейшей степени коррупционным.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

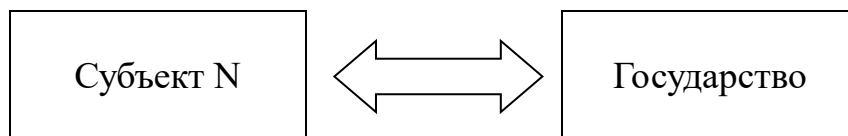
Рис. 4. **Прямое взаимодействие субъектов**

Коррупционные возможности взаимодействие приобретает лишь тогда, когда одним из субъектов взаимодействия становится государство (рис. 5, 6, 7). Причём государственное

участие в подобных взаимодействиях может иметь различные типы. Одним из подобных типов является прямое взаимодействие государства и субъекта (рис. 5).

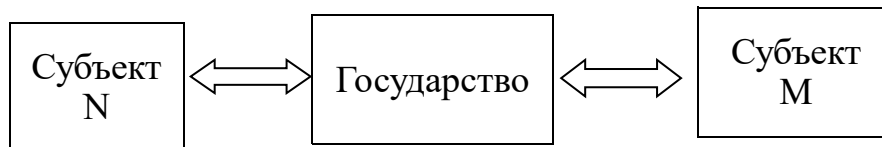
Рис. 5. **Прямое взаимодействие государства и субъекта**

По сути, речь идёт об использовании совместной частной и государственной собственности. Но государство может и не

быть собственником во взаимодействии субъектов, а играть роль посредника, управляющим взаимодействием (рис. 6).

Рис. 6. **Опосредованное государством взаимодействие субъектов**

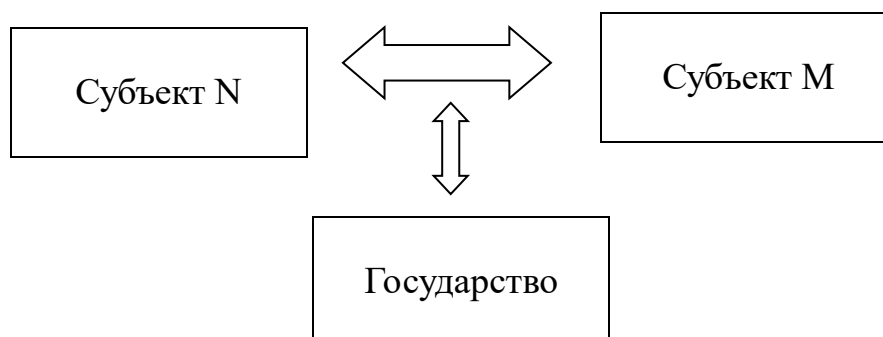

Но чаще государство играет не управляющую, не регулирующую роли во взаимодействии

субъектов, а исполняет контролирующую функцию (рис. 7).

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Рис. 7. Контролирующее участие государства во взаимодействии

Во всех типах взаимодействия, хотя и в разной мере (этот вопрос требует обстоятельного исследования), чиновник, представляющий государство, проявляет высокую активность.

Государство многолико и полифункционально, но в социально-экономических отношениях с субъектами взаимодействия оно, обычно, выступает как орган власти. Следовательно, отношения эти являются политическими, как и процветающая на базе этих отношений коррупция.

Возникают вопросы: каковы возможности влияния на политический процесс (коррупцию) с помощью политического инструмента (государства), находящегося в руках политических деятелей – участников этого процесса? Какова социальная база борцов с коррупцией?

Ответы, казалось бы, просты: гражданское общество (при условии развитой демократии), средства массовой информации (при условии свободы слова), правосудие (при условии независимости суда). Но про-

стота, нередко, бывает обманчивой. В обществе, искусственно и грубо разделённом на классы, демократия, свобода и независимость относительны. Их классовая сущность быстро усваивается общественным сознанием, а вместе с этим растёт пессимизм относительно опоры в борьбе с коррупцией на существующие государственные и гражданские институты.

Ставка в российских антикоррупционных планах вновь делается на бюрократию: одна часть чиновников собирается в поход против другой её части. В них – планах – не нашлось места ни научным исследованиям, ни гражданским инициативам. Можно не сомневаться, что в запланированных 70 докладах преимущественно «силовых» ведомств появится обширная статистика борьбы с коррупцией – впечатляющая по размаху и ничтожная по результатам с привычными для подобных кампаний перегибами. Так бывает всегда, когда борьба идёт с врагом не видимым и не понятным.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок. 21.11.1997 (рекомендации 11.04.1996). Доступно в <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 11.07.2014).
2. Конвенция Европейского союза о борьбе против коррупции должностных лиц Европейского сообщества и должностных лиц государств – членов Европейского союза. 26 05. 1997. Доступно в <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 11.07.2014).
3. Конвенция от 27 января 1999 года об уголовной ответственности за коррупцию. Доступно в http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544. (Дата обращения 11.07.2014).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Доступно в <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 11.07.2014).
5. Федеральный закон О противодействии коррупции. Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года. Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года. Доступно в <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126779>. (Дата обращения 11.07.2014).
6. Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года №460). 13 апреля 2010 года Доступно в http://news.kremlin.ru/ref_notes/565. (Дата обращения 11.07.2014).
7. Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 годы. 13.03 2012. Доступно в http://kremlin.ru/ref_notes/1172. (Дата обращения 11.07.2014).
8. Национальный план противодействия коррупции на 2014-2015 годы. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226. Доступно в <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102352684>. (Дата обращения 11.07.2014).

References

1. Konvencija po bor'be s podkupom inostrannyh dolzhnostnyh lic pri osushhestvlenii mezhdunarodnyh kommercheskih sdelok. 21.11.1997 (rekomendacii 11.04.1996). Available at <http://base.consultant.ru> (accessed 11.07.2014).
2. Konvencija Evropejskogo sojuza o bor'be protiv korrupcii dolzhnostnyh lic Evropejskogo soobshhestva i dolzhnostnyh lic gosudarstv-chlenov Evropejskogo sojuza. 26 05. 1997. Available at <http://base.consultant.ru> (accessed 11.07.2014).
3. Konvencija ot 27 janvarja 1999 goda ob ugovovnoj otvetstvennosti za korrupciju. Available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544 (accessed 11.07.2014).

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

4. Konvencija Organizacii Obedinennyh Nacij protiv korrupcii (prinjata v g. N'ju-Jorke 31.10.2003 Rezoljuciej 58/4 na 51-om plenarnom zasedanii 58-oj sessii General'noj Assamblei OON). Available at <http://base.consultant.ru> (accessed 11.07.2014).

5. Federal'nyj zakon O protivodejstvii korrupcii. Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 19 dekabnja 2008 goda. Odobren Sovetom Federacii 22 dekabnja 2008 goda. Available at <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126779>. (accessed 11.07.2014).

6. Nacional'naja strategija protivodejstvija korrupcii (utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 13 aprelja 2010 goda №460). Available at http://news.kremlin.ru/ref_notes/565. (accessed 11.07.2014).

7. Nacional'nyj plan protivodejstvija korrupcii na 2012–2013 gody. 13.03.2012. Available at http://kremlin.ru/ref_notes/1172 (accessed 11.07.2014).

8. Nacional'nyj plan protivodejstvija korrupcii na 2014–2015 gody. Utverzhdjen Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11 aprelja 2014 g. № 226. Available at <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102352684> (accessed 11.07.2014).

УДК 328.185 + 342.951:328.185 + 321.01:328.185

Манола Сепульведа Гарса

Коррупционные процессы в региональной власти

Эмпирический анализ отдельных случаев высвечивает многообразие явлений сложно-организованного общества; в данном случае я описываю социальную динамику «эхидо» (сельскохозяйственного производственного коллектива, аналогичного колхозу в России) и анализирую причины его упадка. Краткий исторический очерк дает мне возможность определить модель формирования аграрного коллектива (с 1960 по 2014 годы). Опыт Монтелонго вписывается в сложный процесс перехода на рельсы товарных отношений, коррупции, изъятия земель у рядовых членов «эхидо» и выкачивания его ресурсов. И как результат – уменьшение количества населения, упадок сельскохозяйственного производства, безработица, неполная занятость и эмиграция в США. Проведенный анализ приглашает к размышлению по поводу последствий коррупции, в которой погрязла региональная власть и которая, под прикрытием католического дискурса, осуществляла безудержное обогащение без всякой оглядки на «моральное ведение хозяйства».

Ключевые слова: лидерство, коррупция, «эхидо», бедность, социальное разложение

Манола Сепульведа Гарса,
Мексика, национальная
школа антропологии, про-
фессор-исследователь,
mijailmalychev@yahoo.com.mx

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 328.185 + 342.951:328.185 + 321.01:328.185

Manola Sepúlveda Garza

Коррупционные процессы в региональной власти

Based upon the idea that case studies exemplify a diversity of situations that exist in a complex society, I analyze the social dynamic of an "ejido" (agricultural parcel unit similar to the Koljoz in Russia) and the causes of their bankruptcy. I am recapitulating their historical process from its origins to our days (1960-2014), highlighting the model of collective organizations. The Montelongo experience is based upon a complex process of transition where the commercial relationships can be accentuated aside from corruption, the dispossession of the "ejidatarios" (people running the ejidos), and the looting of resources. This situation has resulted in a disintegrated society in which agriculture is minimum, leading to predominant unemployment or temporary employment in nearby communities or in the USA. Through this analyses I call you to reflect upon the effects of corruption where regional power is managed by a catholic speech against a corruption mentality known as "billetista", which abandoned an economy based on morality.

Keywords: leadership, corruption, ejido, poverty, social decomposition

Manola Sepúlveda Garza, Mexico, The national school of anthropology and history, professor

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being, knowledge, action»

CDU 328.185 + 342.951:328.185 + 321.01:328.185

Manola Sepúlveda Garza

Procesos de corrupción en el poder regional

Con la idea de que los estudios de caso ejemplifican una diversidad de fenómenos que se viven en una sociedad compleja, analizo la dinámica social de un ejido (unidad producción agrícola similar a lo que fue el koljoz en Rusia) y los causantes de su quiebra. Hago una reseña histórica desde su formación hasta nuestros días (1960-2014) en la que sobresale el modelo de organización colectiva. La experiencia de Montelongo se enmarca en un complejo proceso de transición donde se han acentuado las relaciones mercantiles, la corrupción, el despojo de la tierra a los ejidatarios y el saqueo de sus recursos. De lo anterior, ha resultado una población desintegrada donde la agricultura es mínima y lo que predomina es el desempleo y el empleo temporal ya sea en las empresas del vecindario o en los EUA. A través de este análisis invito a reflexionar en los efectos de la corrupción por el poder en regiones donde se maneja un discurso católico frente a una práctica "billetista" que dejó atrás los frenos de una "economía moral".

Palabras clave: liderazgo, corrupción, ejido, pobreza, descomposición social

Manola Sepúlveda Garza, México, Escuela Nacional de antropología e historia, profesor-investigador

La ponencia fue publicada con el apoyo del cuerpo académico: "Pensamiento contemporáneo: ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Introducción. El ejido Montelongo se encuentra a 18 km al noreste de la cabecera municipal, en los terrenos de la ex hacienda del mismo nombre. El poblado lo cruza un camino que hacia el norte se dirige a la localidad de Adjuntas del Monte, y al sur llega a la carretera que comunica a las cabeceras municipales de Dolores Hidalgo y San Luis de la Paz.

Según el censo de 2010, Montelongo tenía una población de 1030 habitantes distribuidos en 204 familias y 43 viviendas solas (17.4%) [1]. El asentamiento cuenta con escuela primaria desde 1962, en ese entonces construyeron un salón de adobe y en 1980 hicieron una construcción con materiales de tabique; la telesecundaria fue instalada en el año 2000 y acuden los estudiantes de Refugio de Montelongo y El Tranqueño, y el kínder data del 2003. Tienen luz eléctrica desde 1980 y agua potable desde 1985, antes acarreaban el agua de los pozos para irrigación de las tierras del ejido y años más atrás, de una noria que dejó de funcionar hace 35 años. Para los servicios médicos acuden a la clínica de San Pedro que les queda a 5 km de distancia [2].

El ejido tuvo una resolución presidencial en 1936 que otorgó 414.8 has (240 de temporal, 160 de agostadero y 14 de zona urbana) para el beneficio de 29 familias [3], que fue ejecutada en 1960. Más tarde, en 1970, el gobierno les autorizó la 1ª ampliación con 320 has (178 de temporal y 142 de agostadero) para 28 peticionarios [4]; por lo que tendrían un total de 734 has y 57 eji-

datarios, con parcelas promedio de 6 has. Según el Procede (1999) el plano del ejido mide 726.9 has de las cuales 677.5 están parceladas; 46.5 corresponden al asentamiento y 3 se señalan como de uso común. En total registró la existencia de 54 ejidatarios, un posesionario y 134 avocindados [5]. Pero de aquel entonces a la fecha (2014), prácticamente la mitad de las tierras parceladas se han vendido.

En nuestros días (2014) se observa que en Montelongo hay muy poca actividad agrícola: sólo 12 ejidatarios cultivan la tierra de uno de los pozos de irrigación (45 has con cultivos de fresa, pepinos, calabaza, tomate, frijol, avena), y otros 10 trabajan la superficie de temporal (con maíz y frijol). Tienen un tractor (de cuatro que compraron con apoyos del gobierno) que alguna vez fue para uso colectivo, y algo de ganado lanar.

La limitada actividad agrícola y la escasa población de ejidatarios jóvenes involucrados en estos procesos, se refleja en los listados de Procampo que en el 2013 registró a 19 productores que cultivaron 75.6 has de riego o temporal; las parcelas van de 2 a 6 has y 11 de los 19 son adultos mayores [6], en donde parece no haber generación de reemplazo.

Algunos se emplean en los comercios existentes en el case-río, otros (50) en una alfarería instalada en lo que fue superficie ejidal, otros más (40) se integran al trabajo de jornaleros que demanda el vecindario, pero la mayoría (alrededor de 200) se emplean en los EUA. Se dice que 40

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

familias completas ya han emigrado al país vecino [7]. Los ejidatarios en cierta forma dependen de lo que les manden sus hijos que andan en el norte y de los apoyos de los programas del gobierno. En algunos casos esos programas les llegan "diezmados" por las "fajadas" que se llevan los funcionarios o representantes gestores.

El panorama que muestra el poblado es desalentador y no tanto si se compara con otros ejidos en el municipio en donde las opciones de trabajo en el vecindario son menores, al igual que el número de migrantes y sus inversiones; es impactante en relación con lo que fue el ejido en los años sesenta y hasta 1983-1985 en que cayó bruscamente como unidad productiva por las crisis económicas, a las que le siguió la crisis de 1994-1995; el abandono del Estado en lo que se refiere a impulsar las actividades productivas de los sectores con escasos recursos, las largas temporadas de sequía y si no fuera suficiente, los conflictos al interior del grupo ejidal cuyo líder acabó con los recursos del colectivo. En los últimos años se observan algunos cambios por la apertura de fuentes de empleo en los alrededores, los cuales hacen contrapeso a la desarticulación imperante en el poblado, los bloqueos a la emigración, la pobreza y el desempleo.

En este trabajo trataré de hacer una reseña sobre las diferentes etapas de la historia del ejido, su organización y producción; y analizaré la quiebra del ejido en buena parte dirigida por los líde-

res locales que alguna vez impulsaron las reformas. Coloco como punto clave la dinámica interna y la corrupción que se agregó a los efectos desintegradores de las políticas gubernamentales, aunque hay que reconocer que hay otros ejidos las han podido sortear.

De la ejecución a los años ochenta

De los primeros 25 años de la vida del ejido Montelongo (1960-1985), considerados la "época de oro", podemos diferenciar dos etapas: 1) su ejecución (1960) acompañado de la instalación de la escuela (1962) y la continuidad del trabajo familiar en tierras de temporal con cultivos de subsistencia (maíz y frijol) complementado con la cría de ganado; y 2) los ensayos de colectivización que arrancaron en 1974 con fuertes inversiones gubernamentales en maquinaria y riego que cambiaron el potencial productivo y la organización del colectivo.

Ambas etapas representaron procesos de modernización y de intensificación de capital que tuvieron en común la exclusión de muchos campesinos de la localidad. En efecto, el ejido ganó frente a la finca tradicional que no tenía miras (o posibilidades) de modernizarse y dejó fuera a los considerados "apatronados" (trabajadores en defensa del patrón) que estuvieron en contra del agrarismo. Los nuevos ejidatarios (algunas familias originarias del lugar y otras foráneas) ganaron la tierra, se apropiaron del producto de su trabajo –y del de su familia–, tuvieron acceso a la alfabetización y

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

a algunos programas del gobierno a través de la relación con la CNC y con las instancias gubernamentales. En tanto que la mayoría de los trabajadores del lugar, considerados "perdedores", tuvieron dos opciones: la subordinación real y formal al ejido y a sus autoridades, lo cual no fue fácil ya que el caserío quedó dentro del territorio ejidal, y la emigración en búsqueda de empleo.

En efecto, el que la tierra sea de quien la trabaja sin duda fue un buen principio revolucionario (zapatista) que retomó el Estado enmarcándolo en el movimiento agrarista, en buena parte dirigido desde sus instancias organizativas; y en el caso de Montelongo marcó una enorme brecha con la gente del lugar cuya mayoría no tuvo acceso a la tierra: primero por representar un movimiento distinto al agrarismo (apatronados de corte sinarquista) y luego, cuando se consiguió la ampliación (de hecho en 1966 tomaron posesión de las tierras) [8], por problemas de poder: los agraristas metieron a los suyos y marginaron a los locales a quienes después emplearían como trabajadores.

A pesar de las divisiones señaladas y de los abusos de poder de los ejidatarios con los residentes del poblado, en el ejido se daba cierta continuidad de los modelos productivos de antaño basados en la producción de maíz y frijol combinado con la cría de ganado para la subsistencia familiar, lo cual cambió en los años setenta.

En efecto, Montelongo fue

uno de los ejidos con mayores inversiones gubernamentales en el municipio, en cierta forma representó un modelo de la organización colectiva de aquellos años, y también una versión extrema de su fracaso.

Para 1970, el ejido tenía un total de 734 has (418 de temporal, 302 de agostadero y 14 de zona urbana) y 63 ejidatarios que trabajaban un promedio de 6.5 has. Pero de 1973 a 1982 con las inversiones del gobierno se amplió la superficie de cultivo, se perforaron y equiparon 5 pozos de 6 y 8 pulgadas, se dieron créditos para 4 tractores, se otorgaron créditos de avío, y se construyó una bodega rural.

Al principio sólo 45 ejidatarios se involucraron en las inversiones, los otros 18 decidieron seguir trabajando por su cuenta, pero esta opción no fue respetada "pues todo el ejido se organizó en colectivo y finalmente 12 se integraron y 6 perdieron las tierras" [9]. Las inversiones implicaban una nueva organización tanto para el ejido como para la producción y el trabajo.

La máxima autoridad en "teoría" siguió siendo la asamblea general de ejidatarios, también continuó el Comisariado Ejidal (CE) y el Consejo de vigilancia (CV) (presidente, secretario y tesorero ó vocal) con sus respectivos titulares y suplentes; pero se formó un equipo intermedio compuesto por los encargados de las inversiones: de cada uno de los pozos y de cada uno de los tractores. En las asambleas de Balance y Programación se trataban los planes productivos con la asis-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

tencia de algún funcionario del Banco y de la Delegación Agraria y, a veces, alguno de los representantes de otras instancias de gobierno si es que lo ameritaban las inversiones.

En este esquema organizativo tendrían un nombramiento y una responsabilidad alrededor de 30 ejidatarios, es decir, más de la mitad de los 57 involucrados en el proyecto, con lo cual se trataba de hacer una organización incluyente de la mayoría. Pero no fue así. Se dio la concentración de funciones en individuos o en grupos familiares. En efecto, las inversiones eran para el ejido y necesariamente tenían que ser autorizadas por el presidente del CE, quien a su vez era el responsable del trabajo en colectivo y estaba a cargo por lo menos de uno de los pozos, con lo cual este personaje obtuvo mucho poder. El Secretario del CE podía ser a la vez encargado de otro de los pozos y uno de los tractores y así sucesivamente.

El trabajo en la superficie de riego (alrededor de 300 has) y de temporal (alrededor de 200 has) que estaba apoyada por el Banco fue en colectivo, se compactaron las parcelas para hacer redituables las inversiones. Se producía alfalfa, chile, tomate, uva y frijol en las superficies de riego, y maíz y frijol en las tierras de temporal. Del producto obtenido, una parte (alrededor de 120 has de alfalfa, que correspondía a la superficie de riego de 2 pozos) el PCE la vendía para pagar las deudas al Banco y la otra (el producto de los otros 3 pozos) se repartía: una parte también era

para pagarle al Banco y otra se distribuía entre los ejidatarios.

Pero había muchos abusos, por lo que los ejidatarios comunes recibían muy poco por su trabajo. Supuestamente había un listado en el que se registraban las jornadas realizadas por cada uno de los participantes y, según los días de trabajo, recibían un salario al venderse las cosechas; pero en términos reales se quedaban con muy poco. Quizá el beneficio era mayor en las tierras de temporal (sembradas con maíz y frijol): si se declaraba "en siniestro por mal temporal", cosa que frecuentemente sucedía, la Aseguradora Agrícola pagaba la inversión y ésta iba directamente a cubrir los créditos de avío y al de los tractores, y la poca producción que se obtenía y los esquilmos se quedaban para el ganado de los ejidatarios.

Este tipo de organización rompía con las prácticas tradicionales basadas en el trabajo familiar realizado con la ayuda de la yunta, la siembra de maíz y frijol para la subsistencia y la cría de un poco de ganado, y donde el productor en cierta forma tenía el control de su trabajo y del proceso productivo. En el trabajo colectivo los ejidatarios perdieron la noción de "su parcela", el trabajo familiar no era tan necesario, el empleo era para un individuo en el tractor o controlando el riego y en las cosechas se contrataba mano de obra; y aunque el tractor ahorra tiempo y esfuerzo, y el riego asegura las cosechas, el trabajador no siempre veía el producto de su esfuerzo. Si este esquema de intensificación de la

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

agricultura representaba un negocio para algunos, para otros significó pasar a ser un asalariado sin condiciones claras en la percepción de un sueldo, y contrario a lo esperado, por lo menos en este caso, se favoreció la concentración de recursos en perjuicio de la mayoría.

En Montelongo los ejidatarios que integraban el ejido trabajaron en este esquema alrededor de 6 años (inició en 1974). En 1980 se dividieron los pozos y en cada uno se formó un grupo de 8 ejidatarios que trabajaron con una opción más libre, aunque luego (a partir de 1985) se enfrentaron a las bajas crediticias, a la alza de los costos productivos sobre todo en lo que se refiere a la electricidad del equipo de bombeo, y a los bajos precios de los productos agrícolas. Igual que en muchos ejidos del país, en esa época se vivió una quiebra económica y se intensificaron las olas migratorias a los EUA en búsqueda de empleo.

De los años noventa a nuestros días

En la historia de Montelongo, la máxima autoridad no fue la asamblea general, sino los fundadores del ejido (familias Grimaldo, Granados, Villegas...) y Eusebio Medellín, quien en poco tiempo rebasó a los líderes locales, a partir de su participación en las inversiones productivas que realizó el gobierno. Este personaje en el transcurso de los años noventa traicionó la confianza del colectivo y prácticamente acabó con el ejido.

Eusebio Medellín (1945-2002) era originario de Montelongo y

aunque había estado fuera del lugar por muchos años, volvió y se casó con una lugareña. Era el único que tenía una camioneta en aquellos años (1970), sabía leer y escribir, y se manejaba bien con la gente de la CNC y de las instancias de gobierno. Se hizo ejidatario en una de las depuraciones censales (1970) y luego (1972) incorporó a su cuñado y a dos de sus hijos como una forma de hacerse de "gente de confianza" y de mayores recursos. Fue presidente del CE en 1976-1977 y más tarde, 1986-1988, representante del Comité Municipal Campesino (CMC-CNC) y persistió como autoridad en el ejido y en el CMC hasta su muerte. De hecho quienes le continuaron en ambos puestos de representación y que estuvieron a sus órdenes, dicen que "era como Plutarco Elías Calles, ya que tenía el poder atrás del trono" [10].

El líder aspiró a la presidencia municipal de Dolores Hidalgo, pero no lo logró: su candidatura se vio truncada en buena parte porque los ejidatarios de Montelongo denunciaron sus actos delictivos en las oficinas del PRI de Guanajuato, y finalmente murió de un coma diabético en el 2002. Los ejidatarios hasta hoy en día, guardan un mal recuerdo de sus acciones y lo piensan responsable de la quiebra del ejido, no así una fracción de representantes del CMC que fueron parte de su equipo y aunque no niegan las acusaciones, persisten fieles al líder quien les apoyó en sus carreras políticas como representantes del CMC y los integró a un grupo de poder "distinto" al que había

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

dominado en el municipio [10].

Pero volvamos a los sucesos en Montelongo. Como hemos señalado, en 1980 terminó la experiencia del trabajo en colectivo, pero la presión de pagarle al Banco duró "siempre": en los años 90 hubo que terminar de pagar los adeudos y, con ese pretexto, también se terminó con el ejido. Eusebio Medellín fue quien se hizo cargo de pagarle al Banco, controló a los ejidatarios y los despojó: por lo menos a 12 ejidatarios les quitó sus parcelas en superficie de riego con engaños dándoles a firmar papeles aprovechándose de su analfabetismo o dándoles por muertos en el padrón ejidal; vendió superficie ejidal a Fertimex (4 has); vendió 2 de los 4 tractores que se habían adquirido con créditos; dio en renta (por 6 años) dos de los pozos (el 1 y el 4) y la superficie irrigable que tenía sembradíos de alfalfa; y la producción del pozo 2 también estuvo encaminada al pago de la deuda. Además, vendió el equipo de otro de los pozos y luego lo declaró como robado.... [10].

Ante el enlistado anterior de abusos de poder y de actitudes delictivas, el líder no encontró una asamblea general que lo frenara. Sus colaboradores en el ejido o en el CMC trataron de controlarlo, pero no los escuchó, y las autoridades jurídicas y del gobierno simplemente no intervinieron y con una actitud de "liberastás" dejaron que el líder se moviera en esos niveles de ilegalidad. Medellín presumía de tener importantes apoyos a nivel municipal y estatal, y eso era lo que le

hacía fuerte para manejarse en esos niveles de corrupción, burlarse de la normatividad y apropiarse del patrimonio de los otros.

El Procede entró a Montelongo en 1999 y no registró las irregularidades que ya se vivían en el ejido, posiblemente fue cuando los pozos y la superficie de riego estaban alquilados y no se evidenciaba el fraude que se planeaba con el pacto cenecista: "quienes paguen la deuda se quedan con los recursos". Y Medellín "la pagó", quizá con una parte de la venta de los tractores, del equipo del pozo, con el dinero de la venta de la superficie ejidal y, con el producto de la superficie de riego que estaba rentada; y cuando terminó el alquiler, se quedó con las tierras y despojó a los otros de esos recursos. Aunque no sabemos exactamente cómo maniobró, lo que es un hecho es que dispuso de los recursos del ejido como si fueran suyos y utilizó el pretexto de "pagarle al Banco" para realizar una serie de arbitrariedades con las que perjudicó a los otros.

El caso es que Procede realizó las mediciones sobre las ruinas de lo que fue el proyecto de colectivización y un poco después de las exigencias bancarias, y "legalizó" muchas irregularidades. En términos formales registró 726.88 has como plano interno, de las cuales 677.5 están parceladas; 46.5 corresponden al asentamiento y 3 son de uso común; y apuntó la existencia de 54 ejidatarios, un posesionario y 134 avendados [11]. Pero, según los ejidatarios, la superficie del ejido no está completa: les faltan 100

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

has que se vendieron antes de que entrara el Procede [12], y fue una de tantas irregularidades que evadió ese programa, por lo que afirman que "hubo mano negra en las mediciones".

Para el 2014 la mitad de los ejidatarios ya habían vendido sus tierras sin tener dominio pleno. Sólo funciona un pozo de riego, los otros los clausuró Conagua en el 2012: el pozo 1 robaron el equipo en 1997 (según dicen es el que vendió Medellín y luego lo declaró robado); los pozos 2, 4 y 5 dejaron de trabajarse entre el 2003 y el 2005, y luego robaron los equipos [13].

Por estos saqueos, Montelongo aparece como un ejido desolado, con mínimo trabajo agrícola y poco ganado lanar. Después de la muerte de Medellín (2002) continuó la venta de parcelas y el acaparamiento de recursos por algunos de los ejidatarios que alguna vez formaron parte del grupo de poder: ellos eran los únicos que tenían tiendas de abarrotes en el poblado y en esos lugares, los ejidatarios empezaron a endeudarse y se veían obligados a vender parte de sus tierras [14]. También hubo gente de afuera que empezó a comprar tierras, llama la atención el representante de la Unión de Campesinos Democráticos quien adquirió 40 has y que hasta ahora (2014) nunca las ha trabajado [12].

Y así, poco a poco se principiaron a borrar las diferencias entre los hijos de los despojados cuando se formó el ejido, los hijos de los ejidatarios que no le entraron al proyecto colectivo y que

perdieron las tierras, los hijos de los despojados por el líder cenequista so pretexto del pago de las deudas, y los que se quedaron sin recursos por la compra de parcelas "en pequeño", por endeudamiento. La opción había sido la emigración, Texas fue el destino principal, pero también Virginia y Chicago. Pero esta alternativa cada vez es más riesgosa por lo que recurren a atender diversos "changarros" que se han colocado con el dinero producto de la migración; al empleo en la cerámica que se instaló en el ejido y en el jornalero del vecindario.

Consideraciones

El ejido Montelongo ilustra el tránsito entre dos modelos de políticas gubernamentales: 1) las que se platearon el bienestar social mediante la distribución de la riqueza dándole la tierra a quienes directamente la trabajaban y, a partir de las inversiones del Estado impulsar la producción colectiva (reforma agraria de 1960-1980); y 2) aquellas que negaron este proyecto, posibilitaron la privatización de la tierra pretendiendo impulsar pequeñas empresas agrícolas (políticas neoliberales de 1992-2014). Sin embargo, en ninguno de los dos modelos (que expresan dos maneras distintas de intensificación del capital) Montelongo resultó exitoso. Ambos fueron modelos acompañados del despojo y marginación de sectores importantes de esa población: tanto durante el reparto agrario, como con los proyectos de colectivización y los pagos de las deudas bancarias en los años noventa. Sin embar-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

go, el segundo modelo, que posibilitó la mercantilización de los recursos colectivos, desató el abuso, la corrupción y la quiebra de este ejido: la creación de la pequeña empresa agrícola quedó anulada con la retirada de las inversiones del gobierno y por la corrupción, y lo que se generó fue la violencia expresada en el despojo de los recursos, lo cual trajo como consecuencia la emigración y mayor pobreza.

En Montelongo se muestra cómo los líderes locales de corte agraristas desplazaron a los verdaderos trabajadores agrícolas de la finca acusados de ser "apatronados" y cómo "cobraban su representación" apropiándose de mayores y mejores recursos productivos, aunque "dejaron vivir" a los subordinados; y a su vez, cómo durante el neoliberalismo fueron desplazados por otro líder que si bien participó en la construcción de la ficción del ejido colectivo, los defraudó al despojarlos de buena parte de sus recursos y destruir el ejido. Este comportamiento de daba en el marco de una intensa crisis agrícola en la que no llegaban apoyos para la producción, los precios de los cultivos eran muy bajos y los jóvenes optaban por la búsqueda de empleo en los EUA; y Medellín tomó la opción del arrebato de recursos. Según dicen, el líder tenía el propósito de acumular dinero, aprovechar sus relaciones con la gente de la CNC y ascender en la escala política (pretendía ser candidato del PRI a la presidencia municipal) pues los puestos de repre-

sentación, frecuente-mente, representan un negocio que duplica o triplica cualquier inversión.

Llama la atención la evasión a la normatividad realizada por los líderes locales (y nacionales) y la ausencia de instancias de control. ¿Cómo podemos pensar que nos movemos en un Estado de derecho? Por otra parte, la corrupción no es un problema que solo se dio en Montelongo, también se da en muchos pueblos y círculos sociales, en cierta forma es algo a lo que nos enfrentamos todos los mexicanos. Es la expresión de la pobredumbre social que estamos viviendo y que no hemos sido capaces de ponerle un alto.

Nos preguntamos ¿para dónde va esa corrupción que se manifiesta en una acumulación de dinero desenfundada? En el caso de Medellín se trató de un liderazgo destructivo que acabó con el ejido y luego con su vida (murió de un coma diabético) y aunque representa una experiencia radical, no es la única en su género. Felizmente no todos los ejidos doloreses son como Montelongo, existen otros en que las autoridades ejidales han tomado mayor control de los recursos del colectivo, pero dejan vivir a sus subordinados... si se acaban los segundos, no tiene razón de existir el primero. En fin, la corrupción además de representar un tema de análisis y de denuncia, debería de incorporarse a una militancia con valores y proyectos sociales más allá del dinero.

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

Bibliographie

1. INEGI, *Censo de Población y Vivienda 2010: Guanajuato*.
- Según los informantes locales hay 1870 habitantes y 265 jefes de hogar. Pero estas cifras no coinciden con nuestras apreciaciones en el lugar ni con los datos del Procede que en 1999 registró un total de 189 familias.
2. Refugio Rojas Guerrero (N. 1943), ex PCE, 2006 y Luz Rojas Barrientos (N. 1934), ejidataria, 2012.
3. DOF, 23/10/1936, Ejido Montelongo.
4. DOF, 20/06/1970, 1º ampliación del ejido de Montelongo.
5. Registro Agrario Nacional, México[en línea]. *Padrón e Historial de Núcleos Agrarios, Guanajuato: Dolores Hidalgo CIN* [fecha de consulta: 10 marzo 2014].
6. Programa de Apoyos Directos al Campo, México[en línea]. *Listado de Beneficiarios, Guanajuato, Ciclo Primavera-Verano 2013* (Actualizado al 07/01/2014).
7. Ramón Granados (N.1949), ex PCE, 2013.
8. En 1965 realizaron la solicitud de ampliación; en 1966 por un dictamen del gobernador del estado entraron en posesión de las tierras y, en 1970 se publicó la resolución presidencial con la cual les otorgaron 320 has (178 de temporal y 142 de agostadero) que también fueron tomadas de diferentes fracciones de la finca para 28 peticionarios.DOF 20/06/1970, 1º ampliación del ejido de Montelongo.
9. Ramón Granados (N 1949) ex PCE, 2014.
10. Reconstrucción con base en diferentes entrevistas realizadas en el 2003, 2012, 2013 y 2014. Se guarda la privacidad de los informantes.
11. RAN, *Padrón e Historial de Núcleos Agrarios: Dolores Hidalgo*.
12. Luz Rojas Barrientos (N. 1934), ejidataria, 2013; Refugio Rojas Guerrero(N. 1943),exPCE, 2013.
13. Ramón Granados (N.1949), ex PCE, 2003 y 2013; Luz Rojas Barrientos 2014.
14. Anónimo, Montelongo, 2013.

УДК 32.001 + 321.7

Роберт Стингл

Движущие силы политики

С эволюционной точки зрения страх всегда выступал в качестве двигателя действия. Как эмоциональная реакция, страх помогает нам обращать внимание на опасные ситуации и наступает еще до того как возникает установка к бегству или к предосторожности. Существует несомненная связь между страхом и действием, ибо страх – это также и форма мобилизации. С античных времен риторика связывает страх с политикой, а современная эпоха доводит эту корреляцию до полного совершенства. Еще Макиавелли указывал, что гораздо лучше, чтобы народ боялся своего правителя, чем любил его. В наше время мы сталкиваемся с механизмом страха не только в сфере политики, но в средствах массовых коммуникаций; стратегия страха находит свое применение и в экономике, которая оттачивает этот инструмент манипуляции. Иррациональный страх сознательно нагнетается по поводу несуществующих опасностей с целью получить голоса избирателей и удержаться у власти.

Ключевые слова. Страх, разногласие, политика, демократия, политическое средство

Роберт Стингл, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор-исследователь

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 32.001 + 321.7

Robert Stingl

Driving forces of a policy

In the history of evolution fear has always been an engine for further actions. An emotional reaction that allows us to act in the face of danger. Fear starts the action of avoidance or evasion. From a psychological point of view, there is a clear link between fear and action. Therefore, fear is also part of political mobilization and since the ancient world part of politics. The ancient rhetoric directed the fear in the teaching of effects and to date its use has been perfected. Machiavelli stated already, it would be better, though the prince would not be loved by his people that it would be better if they fear him. Today we are experiencing, reinforced by the media, a machine of fear and not only in politics. The economy or the health system makes also use of fear campaigns. They created not only fears, referring to a concrete object, they also create irrational fears.

Keywords: Fear, discord, politics, democracy, political medium

Robert Stingl, Independent university of the Mexico state, professor ,

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being, knowledge, action»

CDU 32.001 + 321.7

Robert Stingle

Angst und Zwietracht als politisches Fundamentos

Angst war als der Evolutionsgeschichte schon immer ein Motor zu weiteren Handlungen. Eine emotionale Reaktion, die uns ermöglicht im Angesicht der Gefahr zu handeln. Sie setzt vor der Vermeidung oder Flucht ein. Aus psychologischem Grund gibt es eine klare Verbindung zwischen der Angst und Aktion. Daher ist die Angst auch Mittel zur politischen Mobilisation und ist seit der Antike Bestandteil der Politik. Die antike Lehre der Rhetorik verwies die Angst in die Effektenlehre und bis heute wurde ihr Einsatz perfektioniert. Auch Machiavelli stellte schon fest, dass es besser wäre, wenn schon der Fürst nicht geliebt werde, dass es besser sei wenn das Volk ihn fürchte. Heute erleben wir, verstärkt durch die Medien, eine Maschine der Angst und kommt nicht nur in der Politik zum Einsatz. So bedient sich auch die Wirtschaft oder das Gesundheitssystem ihrer. So wurden nicht nur rationale Ängste, die sich auf ein konkretes Objekt beziehen, sondern auch irrationale Ängste gefördert.

Schlüsselwörter: Angst, Zwietracht, Politik, Demokratie, politische Mittel

La ponencia fue publicada con el apoyo del cuerpo académico: "Pensamiento contemporáneo: ser, conocer y hacer" de la UAEM

Internationale wissenschaftliche Konferenz DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS

Im Gegensatz zur *Hard Power*, mit der politische Ziele durch ökonomische oder militärische Mittel erzwungen werden sollen, wird *Soft Power* als Mittel bezeichnet, das durch einen ideologischen und kulturellen Einfluss auf Entscheidungsträger Veränderungen in der Gesellschaft und Politik herbeiführen soll. Auch wenn sich die beiden in ihrer Erscheinungsform klar unterscheiden, haben sie zum Ziel, politische Akteure zu beeinflussen, und werden mehr oder weniger aggressiv eingesetzt, aber auch wahrgenommen. Kommt es zu einem Zusammenspiel zwischen *Soft-* und *Hard Power* spricht man auch von *Smart Power*. Sie schließen sich gegenseitig nicht aus, sondern ergänzen sich. Es sind drei politische Begriffe, die von *Joseph Nye* definiert wurden und fast jedes politische System bestimmen. Auch wenn er die *Soft Power* eher als positive Form der Veränderung durch kulturelle Werte sieht, welche eine Anziehung auf politische Entscheidungsträger ausüben können – wie zum Beispiel durch Technik und Wissenschaft oder kulturelle Errungenschaften –, sind es auch negative Impulse wie Angst und Zwietracht, die auch seiner Definition gerecht werden, da sie als politisches Mittel nicht offensichtlich sondern meist unterbewusst wirken. Sie werden nicht negativ wahrgenommen, so wie der Einsatz von Gewalt. Negativ sind sie in dem Sinne trotzdem, da sie nicht die Vernunft sondern Instinkte im Mensch ansprechen. Ihr Einsatz stellt die Frage über ihre Rechtfertigung, die nur in Verbindung zu ihren Zielen bewertet

werden können. In der Politik rechtfertigen die Ziele auch die Methoden. Auch wenn diese auf ein Gemeinwohl ausgerichtet sind, sind die Methoden zur Erlangung zu hinterfragen. Das Problem stellt sich aber, dass die eingesetzten Mittel nicht die Vernunft sondern die Instinkte ansprechen und somit stehen sie grundlegend gegen eine Politik auf der Grundlage von vernunftbegabten Wesen. Im Sinne der Moderne und dem Verständnis von Demokratie sollten politische Entscheidungsfindungsprozesse so gestaltet werden, dass sie von einer breiten Masse nachvollziehbar sind, da diese alle betreffen, und nicht durch Instinkte bestimmt werden, die möglicherweise nur einen kleinen Teil favorisieren. Gesetze als Konsequenz von politischen Entscheidungen sollten Produkte des rationalen Denkens und nicht eines Impulses sein, da sie sonst zur Ungerechtigkeit führen können. Auch sollten sie aus einer Notwendigkeit der realen Problemen entstehen und nicht durch Ideologien oder Weltbilder, da diese oft konträr zu den realen Bedingungen stehen. Zweifellos kann durch die Stimulation von Instinkten des Wählers viel erreicht werden, aber sie führen zu einem ethischen Problem, da sie direkt mit den Zielen in Verbindung stehen und diese sie letztlich auch rechtfertigen müssen. Die Frage welche Ziele nun den Einsatz solcher Mittel rechtfertigen können, beantwortet nur die Geschichte.

Während die Mobilisierung des Volkes früher einen konkreten Bezug hatte, wie zum Beispiel einen heran nahenden Feind, so blei-

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

ben die wahren Zielsetzungen durch Ideologien und einer immer komplexeren Welt verschlossen. Es kommt daher immer mehr zur Tendenz bei der Mobilisierung von Wählerstimmen auf eine Stimulierung der Instinkte in der Bevölkerung, da die Bürger, durch die Komplexität einer hochmodernen Welt überfordert sind, diese rational nachzuvollziehen. Politische Entscheidungsträger sehen aber auch den Vorteil im Einsatz solcher Mittel darin, dass man durch unterbewusste Strategien große Stimmenzuwächse generieren kann, auch wenn diese ethisch schwierig vertretbar sind, und es daher ein effektives Mittel zum Machterwerb und Machterhalt ist. Nachdem in einer globalisierten Welt *Hard Power*, also eine politische Umsetzung durch militärische und ökonomische Mitteln, von einem Großteil der Bevölkerung negativ betrachtet wird, bedarf es geschickter Strategien, um Veränderungen in der Bevölkerungen herbeizuführen, die auf den ersten Blick so nicht erkennbar sind. Das gilt sowohl für die eigene Bevölkerung als auch auf andere Länder.

Zwei politische Mittel, die in den letzten Jahrzehnten häufiger eingesetzt wurden, sind die Angst und die Zwietracht. Jeder historische Abschnitt und sein politischer Kontext brachte eigene Ängste hervor. Es waren die Angst vor Naturkatastrophen, Epidemien oder ökonomische und militärische Bedrohungen. Individuelle Ängste transformierten sich zu kollektiven Ängsten, aber immer in Bezug auf ein konkretes Szenario. So unterscheidet sich der Einsatz einer Politik der Angst in den letz-

ten Jahren dadurch, dass sie nicht nur vermehrt eingesetzt wird, sondern auch, dass Ängste konstruiert werden und sich nicht mehr auf etwas Konkretes beziehen. Die Angst entsteht durch Möglichkeiten und nicht mehr aus einer Notwendigkeit. Dabei wirkt sie wie ein Impuls, der einen Mechanismus im Menschen Gang setzt, und ist somit immer ein Auslöser für weitere Aktionen. So führt sie zur Flucht und Vermeidung oder dazu, sich der Gefahr zu stellen. Auf jeden Fall führt sie zu einer Veränderung des Verhaltens und ist ein wichtiger genetischer Bestandteil des Überlebens. Die Politik der Angst stimuliert genau diesen Impuls.

Während sich die Angst früher konkret auf eine einzelne Bedrohung und ihre Auswirkungen bezog, so veränderte sich das gesellschaftliche Klima der letzten Jahre, indem man mit der Angst immer öfter aktiv Politik betreibt. Die Angst wird benutzt, um den Menschen zu Veränderungen zu bewegen, an denen er aus Trägheit kein Interesse hat, oder um ihn zu etwas zu bewegen, auch wenn es gegen seine eigenen Interessen gerichtet ist. Als politisches Mittel ist die Angst seit der Antike bekannt und wurde über die Renaissance perfektioniert, vor allem durch das Werk Machiavellis. Sie soll dem Fürsten zum Machterhalt dienen und ist somit ein legitimes Mittel in der Politik. Dennoch hatten sie zum Ziel, die Gemeinschaft zu schützen und stärken. Auch wenn Machiavellis Idealfürst als eine politische Person frei von ethischen und moralischen Prinzipien erscheint und in erster Linie auf seinen Machterhalt bedacht

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

sein sollte, war sein politisches Ziel auf ein Gemeinwohl des Volkes ausgerichtet. Durch das Ziel konnte er die Mittel rechtfertigen. Ab der Moderne werden nicht nur die Ziele sondern auch die Methoden kritisch betrachtet. Durch den Zerfall der Gesellschaften in Einzelinteressen ist die Angst nicht mehr auf ein Ziel ausgerichtet, sondern vielmehr ein Mittel, um die partikularen Interessen bestimmter Gruppen gegen andere durchzusetzen. Dies führte dazu, dass sich Ängste in verschiedenen Formen manifestieren, je nach den politischen Zielen, die damit verwirklicht werden sollen. Zusammen mit der Zwietracht ist die Angst zum wichtigsten Bestandteil der aktuellen Politik geworden. Die Angst ist ein Grundgefühl der Modernen und artikuliert sich auf verschiedenste Weise. So ist es nicht nur die Existenzangst, die uns heute bestimmt, sondern sie findet sich auch wieder in den Themen wie die Umwelt, Arbeit, Familie, Staat, Sicherheit, Gesundheit, Wissenschaft usw.

Die Idee eines größtmöglichen Konsens und des Gemeinwohls als Ziel des politischen Diskurses, um Gesellschaften auf einer Basis der Solidarität und einer sozialen Gerechtigkeit zu gründen, wich heute den Zielen partikulare Interessen oder Weltbilder. Gesellschaften werden nicht mehr aufgrund ihrer sozialen Notwendigkeiten geformt, sondern vielmehr aus den Weltbildern der jeweiligen politischen Protagonisten. Sie zwingen Gesellschaften dazu, sich den jeweiligen Idealen der Parteien oder Personen anzupassen. Der stärkste Faktor, der die Politik

bestimmt, ist zweifelslos die Wirtschaft, der sich sämtlichen sozialen Aspekte unterordnen muss. So werden grundlegende und wichtige Prozesse zur Bildung von Gesellschaften, wie Bildung oder Gesundheit, nur unter ökonomischen Gesichtspunkten betrachtet. Die eigentlichen Bedürfnisse müssen oftmals ideologischen Weltbildern weichen. Der Bürger ist nicht mehr Ziel der Politik, sondern vielmehr Mittel zur Realisierung von bestimmten politischen Interessen. Diese Eigeninteressen werden durch Ideologien getarnt, die aber ihren Idealen und Begriffen nicht gerecht werden. So betreiben zum Beispiel Sozialisten keine soziale Politik mehr oder Konservative vertreten keine bürgerlichen Werte, auch wenn sie vorgeben, sich dem Bürger verpflichtet zu fühlen. Die Ideologien zwingen Bürger dazu, sich an diese anzupassen und nicht umgekehrt. Zu den wichtigsten Motoren dieser politischen Zielerfüllung werden Angst und Zwietracht, weil diese nicht die Vernunft, sondern den animalischen Effekt im Menschen ansprechen. Obwohl durch diese Mittel beachtliche Erfolge erzielt werden können und sich Gesellschaften aktiv formen und verformen lassen, treibt es aber auch die Entsolidarisierung voran und kann nicht nur in einer weiteren Entfremdung zwischen dem Staat und seinen Bürgern münden, sondern auch in einen kompletten Zerfall der Gesellschaften in ihre Einzelinteressen. Unter diesem Gesichtspunkt sind wichtige Entscheidungen wie etwa im Sozial- und Gesundheitswesen oder auch in der Erziehung nicht mehr möglich.

**Internationale wissenschaftliche konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

Die Angst übernimmt die Funktion der Mobilisierung, sie bildet vor allem den Antrieb zu Veränderungen. Sie hilft auch, dass sich Gesellschaften oder Teile davon gegenüber einem gemeinsamen äußeren Feind eine Einheit bilden. Oft stehen den ideologisch motivierten Veränderungen die individuellen Freiheiten des Bürgers entgegen. Zum Beispiel musste die Notwendigkeit eines Kriegsgrundes der USA gegen den Irak erst geschaffen werden, da er rational für die Bürger der USA nicht nachvollziehbar war. Der Boden für die Intervention musste erst aufbereitet werden, um eine breite Zustimmung des Volkes dafür zu gewinnen. Es wurde ein Klima der Angst geschaffen unter dem Eindruck einer ständigen Bedrohung durch weitere terroristischen Anschläge, die auch dazu geführt haben, dass man Freiheiten des Bürgers, die hinderlich gegen diesen Kriegsgrund waren, beschnitt. Somit wurden nach den Anschlägen vom 11. September 2001 auch die Presse und Meinungsfreiheit indirekt eingeschränkt und eine kritische Berichterstattung war kaum mehr möglich, da sich die Gesellschaft gegen den Feind solidarisierte. Eine Abweichung von der gemeinsamen Linie wurde mit Argwohn betrachtet. In diesem Klima wich die Vernunft der Angst und Hysterie. Ein Vorteil für die politischen Entscheidungsträger war, dass Freiheiten heute nicht mehr wegen dem Ideal an sich verteidigt werden sondern nur mehr aus Gewöhnung an sie. Das machte es leichter diese zu beschneiden, da diese nur mehr bedeutungslose Floskeln sind. Da-

her mussten nur Notwendigkeiten geschaffen werden, die den Bürger zur Aufgabe dieser Freiheiten brachten. Es liegt in der menschlichen Natur, dass Veränderungen misstraut werden, wenn diese im Gegensatz zu den Gewohnheiten stehen. Solange es dem Mensch gut geht, will er auch keine Veränderungen. Sollen sich aber nun Gesellschaften nach den Weltbildern der politischen Entscheidungsträgern richten, muss man einen Impuls setzen, um diese Veränderungen zu erreichen. Genau dort setzt die Angst ein. Gepaart mit der Zwietracht kommt es zu einer extremen Polarisierung der Gesellschaft, die meist radikal in ihren Interessen und Meinungen über ihre Verschiedenheit und ihre Ziele aufeinanderprallt. Da in modernen Demokratien nur mehr einfache Mehrheiten ausreichen, um Entscheidungen durchzusetzen, muss man die entsprechenden Zielgruppen, die diese Mehrheiten beschaffen können, ansprechen. Dies ist auch hilfreich, um etwaige kritische Stimmen oder eine Opposition zum Schweigen zu bringen. Es wird daher eine Politik betrieben, in der gezielt Gruppen gegeneinander ausgespielt und aufgehetzt werden.

Der Streit über die Staatsschulden Griechenlands ist ein hinreichender Beweis für diese politische Strategie. Obwohl die europäische Union, allen voran Deutschland, nicht den griechischen Staat finanzieren und das Geld somit nicht dem Bürger, sondern aus wirtschaftlichen Eigeninteressen dem Finanzsystem zukommen lassen, werden Feindbilder konstruiert. Es wird das Bild des

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

faulen und korrupten Griechen bemüht, der an seiner Misere allein die Schuld trägt, und andererseits des armen, fleißigen Deutschen, der jetzt für die Verfehlungen eines anderen Staates aufkommen muss. Verschwiegen wird aber dabei die vollkommen verfehlte Finanzpolitik, in der man einem hoch verschuldeten Staat noch mehr Kredite gewährt hatte, obwohl man wusste, dass er nicht in der Lage ist, diese Schuld zu begleichen. Um den finanziellen Mehraufwand zu rechtfertigen und die eigentlichen Motive der Rettung des Banken- und Finanzsystems als Rettung des griechischen Staates zu verschleiern, setzte eine Kampagne der Zwietracht gegen die Bevölkerung Griechenlands ein, die von den Boulevardblättern weiter angeheizt wurde. Die Angst, dass die deutschen Steuerzahler schwere finanzielle Verluste erleiden müssen, erledigt ihr Übriges. Die europäische Union fährt eine gefährliche Strategie, da diese Hetze gegen den eigentlichen Sinn der europäischen Einheit steht und zu ihrem Zerfall beitragen kann.

Es wird aus den Krisen politisches Kleingeld gewonnen, anstatt sie zu lösen oder Strategien zur Vermeidung zu entwickeln. Das politische Klima wird auch durch die Herabwürdigung des politischen Gegners oder in einer Konstruktion eines Bedrohungsszenarios, falls der andere Kandidat gewinnen sollte, geprägt. Offen werden Arbeiter gegen Studenten, Arm gegen Reich, Jung gegen Alt und Frauen gegen Männer ausgespielt. Es geht nicht mehr darum, eigene politische

Ziele zu definieren, sondern nur mehr darum, sich gegen andere Parteien zu behaupten. Der Neid und die Zwietracht sind dabei behilflich. Was Wähler mobilisiert, ist die Angst, gegenüber einer Gruppe zu kurz zu kommen oder sich wenigstens nicht genügend Vorteile verschaffen zu können. Das Resultat ist, dass sich die Gesellschaft zunehmend entsolidariert. Der Zerfall der Gesellschaft in ihre Einzelinteressen hat auch den Vorteil, dass die Politik in den aktuellen Demokratien diese nicht mehr in ihrem Ganzen sehen muss. Es sind nur mehr Mehrheiten notwendig, um die politische Macht zu erlangen und Entscheidungen auf diese zu begründen. Es geht nur darum, eine gewisse Wählergruppe zu mobilisieren; am besten diejenigen, die noch aktiv an den Wahlen teilnehmen und noch politisches Interesse zeigen. Auch wenn die Politik meist auf die Interessen einer kleinen, wohlhabenden Schicht ausgerichtet ist, reicht diese zur Erlangung politischer Macht nicht aus. Auch wenn sie die finanzielle Hauptlast an der Finanzierung der Wahlprogramme tragen um somit auch die politischen Inhalte bestimmen, bedarf es die Mobilisierung einer bestimmten Wählergruppe. Genau hier präsentiert sich aber auch der Unterschied zwischen den Interessen des Wählers und den eigentlichen Inhalten der Parteien, die ihm aber verborgen bleiben. Die in vielen Ländern immer weiter sinkende Wahlbeteiligung trägt dazu bei, dass man nicht nur den Begriff der „Demokratie“ als eine Partizipation durch eine größtmögliche

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

Mehrheit in Frage stellen muss, sondern auch die Gefahr, dass sie in Diktaturen von Minderheiten münden. Die US-Wahl im Jahr 2000 von George Bush zum Präsidenten des mächtigsten Landes der Welt bestätigt genau diese Annahme. Bei der Wahl erlangte er das Präsidentenamt bei einer Wahlbeteiligung von 50,3%. Begünstigt durch das Wahlsystem, gewann er mit nur 47,9% der Stimmen, obwohl sein Kontrahent Al Gore 48,4% der Stimmen für sich gewinnen konnte. Kein anderer als George Bush veränderte ab dem Jahr 2000 die Welt und destabilisierte sie – obwohl er nicht einmal 18% der US-Bürger hinter sich vereinigen konnte. Dennoch konnte er in den Krisen vom 11. September 2001 und den Kriegen gegen Afghanistan, Irak und den Terror eine Mehrheit seines Volkes für seine Politik hinter sich vereinigen und somit seine Wiederwahl 2004 sichern. Der Erfolg ist aber nicht auf seine positiven politischen Strategien oder soziale Veränderungen in der Gesellschaft zurückzuführen, sondern vielmehr auf eine Politik der Angst, die sich durch die Terroranschläge in den USA verbreitete. Es wurden Bedrohungsszenarien erschaffen, die zur breiten Akzeptanz einer militärischen Intervention führten, obwohl stichhaltige Beweise und Fakten über eine Beteiligung des Iraks bis heute fehlen.

Im angloamerikanischen Raum ist nach den Anschlägen in New York vom September 2001 diese Methode wieder in das öffentliche und wissenschaftliche Interesse gerückt und allgemein als *politics of fear* bekannt. Die Vereinig-

ten Staaten sind weithin als die Nation bekannt, die wie keine andere Grundrechte und die persönliche Freiheit ihrer Bürger garantiert. Dies kann man auch sehr gut am liberalen Waffenrecht sehen, das ein Verbot kaum zulässt, da dies die Grundrechte der Bürger beschneiden würde. Auch nach vielen tödlichen Zwischenfällen, die in der Öffentlichkeit Aufmerksamkeit erregten, ist die Durchsetzung eines Verbotes nicht möglich, da noch eine Mehrheit am ihr garantierten Verfassungsrecht festhält. Der Staat verhält sich prinzipiell gegenüber seinen Bürgern passiv und hat kaum Rechte, in die Privatsphäre einzudringen. Was aber durchaus für den Staat bei der Verbrechensbekämpfung oder steuerrechtlichen Angelegenheiten hinderlich sein kann. Um der Aufgabe der öffentlichen Sicherheit gerecht zu werden, bedarf es rechtlichen Mitteln, die diametral gegen die Grundrechte der Bürger standen. Der 11. September 2001 änderte nicht nur den Umgang mit diesen Freiheiten, sondern erzeugte auch ein Klima der Angst. Die Anschläge trafen eine Nation, die sich für unverwundbar hielt, in ihr Herz. War vor dem Anschlag eine Änderung dieser grundlegenden Freiheiten des Bürgers undenkbar, so ging es nach den Anschlägen umso schneller. Der Staat bekam das Recht, ohne richterlichen Beschluss seine Bürger abzuhören, sie für eine gewisse Zeit festzuhalten und sie unter den neu geschaffenen Terrorgesetzen zu verdächtigen und auszuspionieren. Er drang immer mehr in die Grundrechte seiner Bürger ein und das

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

mit ihrer Billigung. Der Kampf gegen den Terror rechtfertigte jede Mittel. Die Folter in Guantanamo wurde somit als legitimes Mittel der Selbstverteidigung anerkannt, auch wenn dadurch sämtliche rechtsstaatliche Prinzipien gebrochen wurden. Kritische Stimmen wurden als Verrat bezeichnet, und somit gab es auch keinen freien Raum der Meinungsäußerungen mehr. George Bush stellte die Richtlinie auf, wer nicht mit uns ist, ist gegen uns, und brachte damit sogar im eigenen Land kritische Stimmen zum Schweigen. Opposition und Medien verhielten sich gegenüber den radikalen Veränderungen passiv, um nicht selbst in Verdacht zu geraten. Doch war der interne Abwehrkampf gegen den Terrorismus nicht genug, er wurde auch nach außen getragen. Es wurde Stimmung für einen Krieg gegen den Irak und Afghanistan vorbereitet, für die es unter normalen Umständen keine Zustimmung aus der Bevölkerung gegeben hätte. Die Vereinigten Staaten betrieben bewusst eine Politik der Angst, um so eine ganze Nation zu ändern und die außenpolitischen und innenpolitischen Ziele eines kleinen, elitären Kreises rund um die konservativen Hardliner zu erreichen. Die konspirative Vermutung liegt natürlich nahe, dass die Verantwortlichen zumindest von den Attentaten gewusst und sie nicht verhindert haben, um so eine Gesellschaft radikal ändern zu können.

Die Angst ist als Mittel in der Politik kein neues Phänomen. In der Antike kannte man schon seit Thukydides, neben Ehre und Besitz, die Angst als motivierende

Hauptkraft des politischen Handelns. Sie kam immer dann zum Einsatz, wenn es höhere Ziele verlangten. So wurde eine Gefahr heraufbeschworen, um das Volk gegen einen möglichen Gegner zu mobilisieren. Ein Mittel, das noch heute angewendet wird, um ein kriegsmüdes Volk vom Einsatz militärischer Mittel zu überzeugen. Daher fand die Angst auch den Eingang in die Rhetorik der Antike und wirkte bis in die Aufklärung nach. In der Rhetorik hat sie ihren Platz in der Affektenlehre, ist aber heute so nicht mehr wiederzufinden. Die Mittel sind durch die Massenmedien wesentlich effektiver und unterschwelliger in ihren Methoden. Doch im Kern hat sie bis heute denselben Effekt: Sie soll den Menschen zu Taten bewegen, die der Verstand womöglich nicht zulassen kann. Durch die Stoiker fand die Angst den Weg in die klassische Philosophie, die sie als einen Grundzustand des Menschen beschreibt. Schon in der Antike war die Angst ein fester Bestandteil der Reflexionen über eine Grundkonstante des menschlichen Seins und überdauerte den Diskurs bis in die Neuzeit. Es war Machiavelli, der feststellte, dass Angst nicht nur ein Mittel zur Motivation des Bürgers ist und ihn sozusagen „freiwillig“ zu seinem Einsatz für die Regierung drängt, sondern auch intern zum Machterhalt und zur Aufrechterhaltung der Ordnung geeignet ist. So meint Machiavelli, wenn der „Príncipe“ von seinem Volk nicht geliebt wird, dass es besser sei, wenn er gefürchtet wird. Die Furcht wird zur Konservierung der eigenen Macht gebraucht. Dies

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

setzt aber ein negatives anthropologisches Menschenbild voraus, das auch Thomas Hobbes mit Machiavelli teilt. Es ist die Grundannahme, dass der Mensch an sich schlecht und defekt sei. Er ist sich der eigene Feind und zeichnet sich durch Furchtsamkeit und Aggressivität gegenüber seinesgleichen aus. Dort, wo die Moralität in den sozialen Bindungen scheitert, also der Verstand einen Defekt aufweist, muss die Angst zum Instrument der Stabilisierung werden. Da der Mensch kein rein vernunftbegabtes, sondern primär ein emotional getriebenes Tier ist, kann die Angst in ihm zur Entfaltung kommen. In der Antike galt die Angst noch als ein passives Gefühl, die es durch Tugenden zu überwinden galt. Bei Machiavelli wird sie zu einem zentralen Bestandteil der Politik oder bei Hobbes zum entscheidenden Antrieb jeglichen politischen Handelns. Die Angst wird von einem passiven zu einem aktiven Gefühl. Sie transformiert einen individuellen Zustand in einen kollektiven. Regierungen eignen sich die Angst als produktives Mittel an, um über ihre Bürger und deren individuelle Neigungen hinweg zu bestimmen. Die Angst wird zu einem Kernelement der Politik in der Moderne.

Sören Kirkegaard schuf in seiner Arbeit „Der Begriff der Angst“ auch die Grundlage für eine neue Existenzphilosophie, die sie als Grundkonstante des menschlichen Seins beschreibt: „Ohne Angst lernt der Mensch nicht!“ Bemerkenswert in Kirkegaards Arbeit ist die Unterscheidung zwischen Angst und Furcht. Während sich die Furcht auf ein konkretes

Objekt bezieht, ist die Angst objektlos. Heute werden diese zwei Begriffe oft synonym verwendet; das sind sie aber nicht. Kirkegaard beschreibt die Angst nicht generell als negativ. Sie öffnet ihm die Möglichkeit, zwischen vielen Optionen zu wählen, und ist somit Voraussetzung für die Freiheit. Sie impliziert aber auch die Möglichkeit einer schlechten Wahl, und so ist sie auch die Grundlage für die Sünde.

In der Tat muss man wohl zwischen rationalen und irrationalen Ängsten unterscheiden. Während sich rationale Ängste auf ein konkretes Bedrohungsszenario beziehen, sind irrationale Ängste lediglich Möglichkeiten, die unter bestimmten Umständen eintreten können. Sie sind konstruiert! In der Evolutionsgeschichte des Menschen haben irrationale Ängste mit der Religion und Politik ihren Anfang gefunden. Diese Ängste dienen als Antrieb, um das Individuum zu etwas zu zwingen, das nicht in seinem natürlichen Umfeld ist. Die Religionen bieten sehr wohl die Freiheit im Glauben, implizieren aber in gleicher Weise Konsequenzen bei Nicht-Erfüllung. Der Mensch wird zum Gefangenen seiner Angst.

Die Angst hat in der Evolutionsgeschichte des Menschen eine sehr wichtige Funktion. Sie ist ein internes und emotionales Grundgefühl des menschlichen Seins und tritt immer vor einem Flucht- oder Vermeidungsverhalten auf. Entgegen der häufigen Annahme, dass Angst nur paralyisiert, steht die Angst in einer direkten Verbindung mit dem Handeln. Sie ist der Initiator für weitere Handlungen. Dabei kommt es auf die

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

Dosierung der Angst an. Es stimmt, dass zu viel Angst zu einer Paralyse führt, aber bei zu wenig Angst kommt es zur Unterschätzung der Gefahr. Die Angst unterliegt daher individuellen Lernprozessen. Nach Kirkegaard muss der Mensch das Fürchten erst erlernen. Der Mensch hat in seinen Genen nur die Funktion der Angst selbst, diese bestimmt aber nicht, wovor er Angst hat. Menschen können ihre Ängste durch individuelle Erfahrungen erlernen oder auch verlernen. Somit können auch aus individuellen Ängsten kollektive werden, wenn eine bestimmte Gruppe eine Angst gemeinsam erlernt. So gibt es neben den Grundängsten in verschiedenen Epochen Ängste, die ganze Völker teilten: vor Krieg, Pest, Krankheiten, Wirtschaftskrise, etc. In Europa ist dieser Prozess seit fünfzig Jahren deutlich zu erkennen. Nicht nur, dass es die reale Bedrohung durch einen möglichen Atomkrieg zwischen Ost und West gab, herrscht eine weit verbreitete Angst vor der Einwanderung und der Vermischung mit anderen Kulturen. Es ist ein Klima der Verunsicherung und letztlich auch ein permanenter Zustand der Angst vor dem Verlust der eigenen Kultur, vor dem Verlust der eigenen Identität. Individuell ist es die Grundangst vor Veränderungen, kollektiv wird die Migration als reale Bedrohung wahrgenommen und zum Mittel einer Politik der Fremdenfeindlichkeit. Auch wenn sämtliche Statistiken gegen dieses konstruierte Bedrohungsszenario sprechen, ist diese Angst von einer irrationalen zu einer rationalen geworden. Das ist

ein idealer Nährboden für politische Parteien, sich diese Ängste zu eigenzumachen und sie zu forcieren. Da die politische Lüge und Übertreibung Hand in Hand mit der Angst geht, haben rechte Parteien, die traditionell dieses Thema besetzen, beachtliche Erfolge gefeiert, auch wenn die Mehrheit ihrer Wähler sich nicht mit den Inhalten dieser Parteien identifizieren. Die Erfüllung der eigenen Machtinteressen der Parteien erscheint wichtiger als der verantwortungsvolle Umgang mit rationalen oder irrationalen Ängsten. Erschwerend kommt dazu, dass aus einem historischen Kontext sich die Angst vor dem Fremden in ein gesellschaftliches Tabu geändert hat. Somit fühlen sich große Teile der Bevölkerung mit ihren Ängsten allein gelassen und werden leicht Opfer für Demagogie und Verführer. Man könnte meinen, dass die Unwissenheit Grundlage für die Angst ist. Aber rationale Argumente scheinen nicht fruchtbar. Die Aufklärung ist in einer hedonistischen Welt ein gescheitertes Projekt. Viel wichtiger ist, dass die Rationalität nur die Angst konserviert. Machiavelli meint dazu, dass durch die Vernunft die Angst zu einer untertänigen Vernunft vor den Gesetzen wird. Hobbes konstatiert, dass diese Vernunft ein Nutzungskalkül zwischen dem Individuum und der Allgemeinheit erzeugt.

Die Angst ist nicht nur Mittel in den politischen Prozessen, sondern hat auch in anderen Bereichen der Gesellschaft Einzug genommen. Mit der Wirtschaftskrise von 2008 ist es den Konzernen gelungen, die Arbeitnehmer zu

**Internationale wissenschaftliche Konferenz
DISKURSOLOGIE: METHODOLOGIE, THEORIE, PRAXIS**

weiten Eingeständnissen zu bringen, um so die strikten Arbeitsrechte in vielen industrialisierten Ländern zu lockern. Aus Angst vor dem Verlust des Arbeitsplatzes war der Arbeiter nun bereit nicht nur ökonomische, sondern auch arbeitsrechtliche Einbußen hinzunehmen. Auch die Gesundheitsindustrie lukriert große Gewinne mit dem Grundgefühl der Angst. In Anbetracht von Krankheiten sind die meisten Patienten, bereit jegliche Summen für Medikamente und Behandlungen auszugeben. Die Autorität der Ärzte verbietet prinzipiell ein kritisches Hinterfragen über die Notwendigkeit. Die Angst vor möglichen Erkrankungen ist aber auch die effektivste Form, eine Veränderung des Le-

bensstils herbeizuführen. Prinzipiell ist die Angst ein Mittel und ihre Legitimation hängt von den Zielen ab. Ihr ständiger Einsatz führt aber zu einem Klima der Verunsicherung und einem Vertrauensverlust in der Gesellschaft, der nicht so leicht umkehrbar ist. Dort, wo eigentlich die Vernunft herrschen sollte, setzt die Paranoia ein und führt zu einem Bruch des sozialen Konstrukts. Dies wird durch den Einsatz von Zwietracht verstärkt, was zu einer vollkommenen Entsolidarisierung führt. Solidarität und Gemeinschaft sind keine Werte, die man durch Angst oder Zwietracht erreichen kann. Wohin uns Gesellschaften, die auf Angst und Argwohn gegründet sind, führen, ist absehbar.

Bibliographie

1. Fetscher, Iring (Hrsg.): *Leviathan oder Stoff, Form und Gewalt eines kirchlichen und bürgerlichen Staates*. In: *Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft*. 462, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1996 (übersetzt von Walter Euchner)
2. Kierkegaard, Søren: *Der Begriff Angst* (Originaltitel: *Begrebet Angst*, aus dem Dänischen übersetzt und herausgegeben von Emanuel Hirsch). In: *Gesammelte Werke* 11/12, 3. Auflage, Gütersloher-Verlagshaus, Gütersloh 1991, *Gütersloher Taschenbücher Siebenstern* Band 608
3. Machiavelli: *Il Principe / Der Fürst*. Italienisch/Deutsch. Reclam Taschenbuch, Stuttgart 1995
4. Nye, Joseph S.: *Soft Power. The means to success in world politics*, New York, PublicAffairs 2004

УДК 321.74(72)

Фернандо Диас Ортега
Франсиско Хавьер Дуарте Хове

Мексика XIX столетия: симуляционная демократия

Нормативный анализ является первым шагом к анализу реальности и в этом ракурсе изучение электоральных процессов в Мексике обнажает отсутствие демократичности с позиции критериев нормативности. Это исследование изучает нормы, которые определяли процесс выбора главы нации с 1824 по 1917 год, анализирует мнимо-демократическую нормативность, стремившуюся, тем не менее, дать стабильность стране, в которой последняя крайне нуждалась.

Ключевые слова: Мексика, демократия, электоральный процесс, нормативность, симуляция

Фернандо Диас Ортега, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор

Франсиско Хавьер Дуарте Хове, Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 321.74(72)

Fernando Díaz Ortega
Francisco Javier Duarte Jove

Mexico of XIX century: simulation of democracy

The analysis of the laws is the first step in the analysis of reality, in that sense, the study of electoral processes in Mexico highlight the lack of democratizations from the same laws. This research analyze the election process of the national executive between 1824 and 1917, and analyzes a seemingly democratic law that attempt to give the country the much-needed stability.

Keywords: Mexico, democracy, electoral process, law, simulation

Fernando Díaz Ortega, Mexico,
Independent university of the
Mexico state, professor ,

Francisco Javier Duarte Jove,
Mexico, Independent university of
the Mexico state, professor ,

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: be-
ing, knowledge, action»

CDU 321.74(72)

Fernando Díaz Ortega
Francisco Javier Duarte Jove

Мексика XIX столетия: симуляционная демократия

El análisis de la normatividad constituye el primer paso para el análisis de la realidad, en ese tenor el estudio de los procesos electorales en México ponen en evidencia la falta de democraticidad desde la normatividad misma. Esta investigación da cuenta de las normas que regían el proceso de elección del ejecutivo nacional entre 1824 y 1917, analiza una normatividad aparentemente democrática que buscaba darle al país la estabilidad que tanto necesitaba.

Palabras clave: México, democracia, proceso electoral, normatividad, simulación

Fernando Díaz Ortega, Universidad Autónoma del Estado de México, profesor

Francisco Javier Duarte Jove, Universidad Autónoma del Estado de México, profesor

La ponencia fue publicada con el apoyo del cuerpo académico: "Pensamiento contemporáneo: ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

El análisis de la normatividad constituye el primer paso para el análisis de la realidad [Hay una gran cantidad de trabajos e investigaciones acerca de los procesos electorales (Aguirre, 1995; Aziz, 1992; Carrancá, 1993), de sus resultados (Huerta, 1993; Woldenberg, 1992; Díaz, 1992; Reveles, 2000) y sobre la labor legislativa del país (Béjar, 1995; Meyer, 1996). Junto con éstas, hay obras que se enfocan tanto a los procesos electorales como a sus resultados, sin embargo todas tienen una temporalidad muy reciente y se centran en el análisis de los procesos reales sin contextualizar con la normatividad vista históricamente. Las obras vinculadas con la labor legislativa histórica suelen ser descripciones, interpretaciones o recopilaciones (Dublán, 1876) o las que hacen análisis de la evolución de procesos (Mendoza, 2004) no se asemejan a lo presentado en este análisis.], en ese tenor el estudio de los procesos electorales en México ponen en evidencia la falta de democraticidad desde la normatividad misma, el siglo XIX se constituyó como el siglo de la transición en México, pasando de un nacimiento con instituciones y procesos internos débiles a un siglo XX que da inicio a la verdadera senda de la democratización, iniciando con la estabilidad en los procesos electorales desde el punto de vista normativo. El siglo XIX fue el siglo de la experimentación, por lo tanto de la inestabilidad, cuyo origen radicaba en la normatividad. En este lapso de un siglo es posible detectar en México tres sistemas federalistas, dos

centralistas, dos dictaduras y dos imperialismos.

En esta investigación se dará cuenta de las normas que erigían el proceso de elección del ejecutivo nacional entre 1824 y 1917 [La legislación contemplada en este artículo son seis textos constitucionales, la Constitución de 1824; las Leyes Constitucionales de 1836, las Bases Orgánicas de la República Mexicana de 1843, el Acta Constitutiva y de Reformas de 1847, la Constitución Política de la República Mexicana de 1857 y la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos de 1917. Además se estudian cuatro leyes electorales, la Ley Orgánica Electoral de 1857, la Ley Electoral de 1901, la de 1911, y por último la Ley Electoral de 1917. Es necesario manifestar que del total de cuerpos normativos mencionados, se utilizarán sólo los asuntos que se vinculen con la elección del Ejecutivo Nacional.], es decir, desde la primera Constitución mexicana hasta la última expedida (que continúa vigente). Tal normatividad carecía de la democraticidad que permitiera darle al país la estabilidad que tanto necesitaba, por tanto hubo cambios desde quiénes participan en las elecciones (comunidad política, quiénes votan y quiénes pueden ser votados), el grado de participación de los ciudadanos involucrados en las elecciones; el tipo de elección de cada legislación (directa, indirecta y en qué grado)*; el número y el tipo de fases contempladas en las legislaciones para los procesos de elecciones federales. Junto con ello hay que con-

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

siderar el sentido de las reformas que sufrieron las leyes de tipo electoral durante su periodo de vigencia y la correspondencia de las leyes electorales en relación con el régimen político del que emanaron.

Uno de los elementos sustanciales de un régimen democrático es el acceso al poder mediante elecciones libres y equitativamente competidas. En México la primera Ley electoral se publicó en 1857, sin embargo, desde la primera constitución de 1824 se indicaba cómo debían organizarse las elecciones. A lo largo de las constituciones proclamadas en el siglo XIX, hubo momentos de mayor o menor exclusión de participación en los procesos electorales, lo cual hace complejas e interesantes las tendencias políticas del país, por eso este trabajo intenta determinar en qué sentido ha evolucionado el acceso al poder en el país de acuerdo a las leyes. En 1901 se publica la segunda Ley electoral dentro de lo que se define, según nuestro marco conceptual, como una dictadura constitucional, por lo que despierta la duda de esa aparente transición a la democracia por publicar una ley que pudiese servir para legitimar una forma de autoritarismo.

Con todo tenemos que la evolución de la legislación en México no fue lineal, es decir, los procesos de elección del ejecutivo nacional durante el siglo XIX, tuvieron avances y retrocesos posiblemente relacionados con los múltiples periodos mencionados durante todo el periodo estudiado, pues éstos son muestra de la ines-

tabilidad política del siglo XIX. En ese sentido tenemos que tradicionalmente la historia sociopolítica de México puede dividirse en diez periodos: "primer federalismo (1825-1835), primer centralismo (1835-1843), segundo centralismo (1843-1846), segundo federalismo (1846-1853), tercer centralismo o dictadura de Santa Anna (1853-1855), reforma e imperio (1855-1867), república restaurada (1867-1876), porfiriato (1876-1911), revolución (1911-1929) y posrevolución (desde 1930 hasta la actualidad)" (Lizcano, 2013: 81). Los primeros nueve periodos contextualizan la normatividad analizada en este trabajo, sin embargo eso no implica una relación directa entre ellos (cambios políticos que distinguen la historia de México y las normas que rigen la selección del ejecutivo federal); por un lado una normatividad puede abarcar más de dos periodos de la historia de México, y por el otro, un mismo periodo de la historia de México puede cobijar varios cambios en la normatividad de la selección del ejecutivo federal; por lo tanto, con los cambios en la normatividad trataremos de dar una caracterización general del entorno en el cual fue promulgada y tratando de explicar la realidad a la que se trataba de responder, sin embargo, eso no implica haya una causalidad entre el régimen y la promulgación de la norma en tanto que consideramos que la vigencia o aplicabilidad de la norma en la realidad es un aspecto que sale del objeto de estudio de este breve análisis.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Iniciando con el análisis de la comunidad política vemos que la exclusión de la población no necesariamente implica la discriminación de ésta, por lo tanto hay elementos vinculados con ambos polos. Esta evolución de la ciudadanía durante todo el siglo XIX puede verse a través de un trabajo realizado por Francisco Lizcano (2011) en el que analiza la evolución de la ciudadanía en ese mismo aspecto, y para ello establece dimensiones de acuerdo con su grado de discriminación [Al interior éste contempla otras fases como: catálogo de electores, basado en un censo general de población; elaboración de un padrón electoral (quienes pueden votar y tienen su credencial para votar); integración de las listas nominales de electores (relación de electores dividido por distrito y sección); presentación de precandidatos; precampaña de los precandidatos; entrega de informe a la unidad de fiscalización; registro de candidatos; campaña (90 días para el cargo ejecutivo); sorteo para mesas directivas y registro de representantes de partido. Sin embargo no todas éstas serán consideradas como tal pues muchas se han ido conformando a lo largo del tiempo].

Para distinguir el grado de democracia de los procesos normados en el siglo XIX, es necesario tener un punto de referencia o parámetro que permita discernir cuándo un proceso puede ser considerado democrático, cuándo no y en qué medida. Por tanto, este trabajo consideró el *Código Federal de*

Instituciones y Procedimientos Electorales de 2008 únicamente como parámetro, sin pretender ajustar la realidad decimonónica con este código sustentado en convenciones internacionales relativas a procesos electorales democráticos. En ese sentido consideraremos que un proceso electoral debe ser analizado a partir de diversas fases como: preparación de la elección*, la jornada Electoral [La subetapas de esta fase son: instalación de casilla; creación y firma del acta de la jornada electoral; votación secreta; firma de cierre en el acta; escrutinio y cómputo por casilla; elaboración del acta final de escrutinio y cómputo; clausura de casilla y remisión del expediente], resultados y declaraciones de validez de las elecciones [La subetapas de esta fase son: recepción de expedientes; publicación de resultados preliminares de distrito; reunión de actas; cómputo de cada distrito y remisión al Secretario Ejecutivo del IFE], dictamen y declaraciones de validez de la elección y del presidente electo [La subetapas de esta fase son: el Secretario Ejecutivo informa al Consejo General del IFE; dictamen].

El análisis histórico dio por resultados los siguientes. En cuanto a quiénes participaban en las elecciones y el grado de participación resultan tres periodos: de 1824 a 1836, de 1836 hasta 1847 y de 1847 a 1917, mismos que se pueden separar en los que votan y que son votados.

En cuanto a los tres periodos de votantes (quiénes votaban y los requisitos para poder votar).

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

El primero de 1824 a 1836 (integrado por la constitución de 1824) se evaluó como medianamente democrático, pues estaba previsto que funcionaran como votantes algunas autoridades tanto estatales como federales, y la participación del ciudadano no era muy clara, además, los requisitos para ser ciudadano no eran claros, entonces, dada su ambigüedad, se abría la posibilidad a que participara un segmento amplio de los varones.

El segundo periodo, 1836 a 1847 (integrado por los cuerpos constitucionales de 1836 y 1843) es el menos democrático debido a que, por un lado, la elección la realizaban las autoridades tanto estatales como federales, y la participación ciudadana, en cuanto a la elección del ejecutivo quedaba en segundo plano. Los requisitos para acceder a la ciudadanía fueron los más discriminatorios de todo el periodo estudiado.

El tercer y último periodo, 1847 – 1917, es el más democrático y aglutina las legislaciones de 1847, 1857, 1901, 1911 y 1917. Este periodo tenía previsto elecciones indirectas, los votantes elegían a otros votantes (así en diversos grados, dependiendo de la legislación), por tanto, este aspecto de participación indirecta se evalúa positivamente, con la excepción de 1917, en la cual se planteaban elecciones directas. En este sentido, el hecho de que las elecciones sean de una forma u otra no se considera relevante en cuanto al grado de democracia, dado que en teoría, los ciudadanos estarían representados a tra-

vés de la persona que eligieron. El otro gran avance detectado que permite calificar como democrática a la normatividad integrada en este periodo, se debe a la eliminación de los requisitos más discriminatorios para acceder a la ciudadanía.

En los candidatos se estudiaron las variables *requisitos* y *atribuciones*. La evaluación distinguió los mismos tres periodos basándose en los requisitos extras a los de la ciudadanía.

El primer periodo “ambigüedad jurídica” (1824 a 1836), se caracteriza por una legislación poco clara. Tenía imprecisiones importantes que podían ser, o más democráticas o más autoritarias. Por tanto, concluir que el acceso al cargo ejecutivo era medianamente posible para los varones, según lo previsto en los requisitos. En cuanto a las atribuciones, el ejecutivo se mostraba con cierta fortaleza ante los otros poderes, pero no se imponía, por tanto en relación a esta variable, el ejercicio del poder se considera medianamente democrático.

El segundo periodo “el acceso restringido” (1836 a 1847), se distingue porque las leyes discriminaban a una mayor cantidad de personas (es el periodo de mayores restricciones de la historia del país), y los tres rubros principales en que se manifestaban tal discriminación era en lo social, económico y en el género. Es necesario manifestar que la legislación de 1843 es la más compleja, puesto que en los requisitos extras a la ciudadanía para acceder al ejecutivo únicamente se enlistaban aquellos que no implican discrimi-

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

nación sino exclusión, ahora, este periodo es en cual tuvo menor fortaleza el ejecutivo, entonces, si no había requisitos discriminatorios para acceder a tal cargo, es porque no concentraba tanto poder, en cambio y como dato extra, la figura del vocal (cargo clave tanto en la elección del presidente, y en el manejo del dinero de los estados) debía percibir 1,200 pesos anuales, mientras que el candidato a presidente debía percibir 200 pesos anuales (exigido desde la ciudadanía). Entonces, específicamente este aspecto, en cuanto a los requisitos extras de la ciudadanía (la más discriminatoria), esta legislación de 1843 se evalúa como medianamente democrática.

El tercer periodo "la construcción del acceso libre" (1847 a 1917), es considerado como el más democrático (considerando solo estos tres periodos, pues en comparación con la actualidad ninguna sería considerada como tal, simplemente el voto universal se dio hasta la mitad del siglo XX) porque los requisitos discriminaron a menos personas, dado que se eliminaron las restricciones socio-económicas, más no las de género. El ejecutivo recuperó fortaleza a través de las atribuciones y por tanto se aprecia un equilibrio de poderes.

En cuanto al tipo de elección de cada legislación (directa, indirecta y de que grados), los procesos del siglo XIX fueron mayoritariamente indirectos. La normatividad de 1824 y en la de 1836 señala solo procesos donde la voluntad ciudadana estaba representada –en teoría- a través de

los diputados, dado que la elección la realizaban las autoridades. En 1843, la elección fue indirecta en cuarto grado, y la participación ciudadana era más clara (no así el acceso a la ciudadanía). En 1847 las elecciones también eran indirectas, sin embargo se planteó como posibilidad la elección directa, regulada por unas leyes generales que no se crearon, entonces se mantuvo indirecta. Desde 1857 hasta 1917 se mantuvo indirecta en tercer grado, los y el proceso fue prácticamente el mismo. Por último, en 1917 se contemplaban elecciones directas, sin embargo no se considera un asunto relevante en cuanto al grado de democracia, porque en teoría, en las elecciones indirectas, se elige a quien representará la voluntad de un conjunto de personas, por tanto, es igual de democrático. Ante esta idea se reitera que este planteamiento se basa en el funcionamiento ideal, ante el cual, la realidad suele diferir profundamente.

En cuanto al número y tipo de fases contempladas en las legislaciones para los procesos de elecciones federales, parte crucial de este trabajo se utilizaron tres variables: *actores que intervienen*, *forma de sufragar*, así como *claridad y detalle* de las normas en cuestión [La legislación contemplada para establecer los periodos mencionados fueron seis textos constitucionales (SCCM, 1824; CG, 1836; HJL, 1843; CEC, 1847; CEC, 1857; CDHCU, 1917) y cuatro leyes electorales también de corte federal (CF, 1857; CF, 1901; CF, 1911; CF, 1917)]. De estas tres

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

variables, la primera y la tercera son las que nos permitieron evaluar los procesos en tanto a su grado de democracia en comparación con los demás tipos. La segunda, forma de sufragar, tuvo una función más bien descriptiva del tipo de proceso, pero no tiene injerencia en el grado de democracia. Para establecer la clasificación indicada, se consideran fundamentales para determinar un mayor o menor grado de democracia: actores que intervienen y claridad y detalle de las normas. Determinar quién interviene en un proceso de elección es la base para la equidad de la contienda, pues en la medida en que la organización recaiga en una institución más plural (lo que implica más imparcial) y representativa de la población, como serían los poderes legislativos (federales o estatales), el proceso será más democrático; en el caso contrario, cuando en el proceso es determinante la actuación de una autoridad individual o con intereses muy parciales, como sería el titular del Ejecutivo, el proceso será menos democrático. Ahora bien, en la medida en que las normas de los procesos electorales sean más claras y detalladas, dificultarán la discrecionalidad, mientras que la ambigüedad y la falta de concreción la potencian. En síntesis, una elección organizada por autoridades plurales, así como con normas claras y detalladas, posibilitan que la democracia se haga realidad.

Los tipos de proceso se aglutinaron para crear los siguientes periodos, que comparados sola-

mente entre sí, sin considerar una comparación con la actualidad, se clasifican de la siguiente manera:

El primer tipo de proceso electoral, denominado "de la periferia al centro", aglutina los procesos diseñados en la Constitución de 1824 y en el Acta Constitutiva de Reformas de 1847. Este proceso se caracteriza por ser indirecto y se considera medianamente democrático. El nombre de este proceso deriva de la forma de elección, es decir, primero las autoridades estatales (legislatura) elegían a dos individuos, los resultados de cada estado se enviaban al Congreso, para que únicamente los diputados eligieran al presidente. Se tenía previsto que las legislaturas estatales eligieran a los candidatos, y en caso de empates el voto final lo tenía la Cámara de Diputados, por tanto, si se piensa en el principio de representación que dicta que los diputados son quienes representan a la población, entonces sería un ejemplo de un proceso de democracia representativa con elecciones indirectas. Desde esta perspectiva se evalúa como medianamente democrático debido a que, en teoría, la voluntad ciudadana estaría representada a través de los diputados, sin embargo, la falta de detalle de la ley en aspectos como ¿de dónde salen los candidatos? Hace que no se califique como muy democrática.

El segundo tipo de proceso indirecto, denominado "del centro a la periferia" estuvo normado en las Leyes Constitucionales de 1836 y constituyen, el proceso menos democrático de todo el

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

periodo abordado en este trabajo. En este tipo de proceso el voto iba, como su nombre lo indica, de las instituciones centrales hacia los departamentos. Primero, cada uno de los cuatro organismos (Ministros, Alta Corte de Justicia, Senadores y el Consejo) elegía una terna de individuos, después, los diputados elegían una terna de esos 12 candidatos y esa terna final era enviada a las juntas departamentales para que éstas eligieran a uno como Presidente de la República. Todas las autoridades eran colegiadas: Consejo, Ministros, Senado, Alta Corte de Justicia y Cámara de Diputados que, en teoría, las primeras cuatro autoridades velarían sólo por sus intereses, dado que se ocupan de asuntos muy particulares, asimismo, en teoría, sólo la Cámara de Diputados representaría los intereses de la población. Ahora bien, este proceso iniciaba cuando los cuatro primeros organismos (Consejo, Ministros, Senado y Alta Corte de Justicia) elegían ternas (en total 12 individuos) para que la Cámara de Diputados eligiese una terna final, la cual era enviada a las Juntas Departamentales (Estados) para que éstas eligieran a un individuo como Presidente de la República, por tanto, dado que las primeras ternas eran electas por organismos parciales, la elección tanto de los diputados como la de las legislaturas estatales ya estaban condicionadas, puesto que sólo tenían pocas opciones de donde elegir. El argumento para evaluar esta legislación como la menos democrática se basa en que en la elección desde el principio es-

tá determinada, por tanto, la voluntad popular quedaba relegada.

El tercer tipo de proceso es denominado "de indirectas y partidos" es el que tiene más complicaciones, puesto que es indirecto en varios grados y fue descrito en normatividades de dos periodos distintos: 1843 a 1847 y 1857 a 1917. Este es el tipo de proceso más democrático que contemplaba elecciones indirectas, dado que se aclaró de dónde debían salir los candidatos, y se incrementaron los candidatos para evitar el fraude, lo cual evidencia mayor claridad. Este proceso se divide en dos partes, la primera de 1843 a 1847 se caracteriza porque había elecciones primarias en las que participaban todos los ciudadanos (en páginas anteriores ya se mencionaron los problemas de la exclusión y la discriminación entre votantes y candidatos), luego se elegía entre ellos un elector primario, luego, por cada 20 electores se elegía un secundario, luego éstos formaban el Colegio Electoral del Departamento para elegir a los vocales, que podían ser de 7 a 11, y finalmente cada una de las asambleas departamentales (integradas por los vocales) elegía a una persona para ejecutivo, para posteriormente las Cámaras reunidas computaran los votos y nombraran el presidente. Si bien este proceso es muy indirecto, también es un ejemplo de democracia representativa, porque fueron inicialmente los ciudadanos quienes elegían a quienes iban a representarlos. La segunda parte (1857-1917) se considera

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

igual de democrática que la mencionada en el párrafo anterior. Las fases del proceso eran prácticamente las mismas con algunas diferencias, entre ellas el cambio de denominaciones de las instituciones, por ejemplo de juntas departamentales a estados, de asambleas departamentales a juntas electorales de distrito, etcétera. El cambio de nombre no implicó un cambio en el tipo de proceso. Otra diferencia de esta segunda parte con la primera es que de la Ley Electoral de 1857 a la de 1901 sólo desapareció un elemento; la pregunta sobre cohecho o violencia, una situación muy curiosa, dado que desde la perspectiva actual tal cambio ameritaría sólo una reforma y no la publicación de una nueva ley. En cuanto a la de 1911 la diferencia principal radica en el reconocimiento de los partidos políticos como entidades participantes en el proceso electoral, por tanto hubo un avance en la equidad de la competencia. En el primer período se prescribieron las Bases Orgánicas de la República Mexicana de 1843, y en el segundo la Constitución de 1857, su Ley Orgánica Electoral, y las leyes electorales de 1901 y 1911. Este es el tipo de proceso más democrático que contemplaba elecciones indirectas, dado que se aclaró de dónde debían salir los candidatos, y los candados para el fraude fueron más, lo cual evidencia mayor claridad.

El cuarto y último tipo de proceso denominado "de directas y partidos" fue el previsto en la Constitución de 1917, y se considera como el más democrático

de los analizados, debido a que, por un lado la voluntad ciudadana se manifestaba directamente al elegir al ejecutivo, por otro lado ya se contemplaba la participación de los partidos políticos, lo cual implica una cierta organización y por último el detalle de la Ley Electoral, la cual tenía previstas muchas situaciones que pudiesen presentarse. El hecho que se trate del proceso más democrático en términos normativos, dejó abierta la puerta para que se celebrasen elecciones democráticas en la realidad pues en cuanto a la variable de quiénes intervienen, tenemos que los votantes eran directamente los ciudadanos varones, lo cual habla de la pluralidad del voto. Vinculado a la claridad tenemos que también se trataba de un proceso muy detallado, lo cual no daba pie a interpretaciones arbitrarias.

En relación con el sentido de las reformas que sufrieron las leyes electorales durante su periodo de vigencia tenemos que éstas no fueron lineales, es decir, y apoyado en el argumento de Emmerich (2009), el primer intento de democratizar al país en 1824, lo considero un avance mediando, de ahí, el sentido de las primeras reformas (1836-1843) fue de más a menos democráticas. En cambio de 1857 en adelante el sentido fue más lineal o democratizador, hasta 1917, punto en el que termina esta investigación y se considera la legislación más democrática.

Ahora bien, la correspondencia de las leyes electorales con el régimen político del que

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

emanaron permiten concluir que los regímenes federalistas mexicanos expidieron las legislaciones más democráticas, mientras que los centralistas (1836-1843) expidieron las menos democráticas, salvo la excepción de 1843, que tuvo evaluaciones distintas, es decir, los votantes tuvieron los requisitos más discriminatorios de todo el periodo de estudio, los candidatos al ejecutivo tuvieron pocos requisitos extras y su proceso sí era democrático.

Bibliografía

1. CDHCU (Cámara de Diputados del Honorable Congreso de la Unión) (1917), Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, México, *Diario Oficial de la Federación*, 5 de febrero, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-federal-de-1917--0/html/87ef9faf-db64-49fe-a6dc-208e8b198fc6_2.html#I_0_. Consultada en julio de 2010.
2. CEC (Congreso Extraordinario Constituyente) (1847), Acta Constitutiva y de Reformas, México, 21 de mayo, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/acta-constitutiva-y-de-reformas-de-1847--0/html/28e0077c-e442-46d7-8a47-78f38ccec2f3_1.html#I_1_. Consultada en julio de 2010.
3. CEC (1857) Constitución Política de la República Mexicana, México, 12 de febrero, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-de-1857--0/html/4d7f73d0-8133-44a5-90b6-fff04b5dc144_1.html#I_1_. Consultada en julio de 2010.

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

4. CF (Congreso Federal) (1857), Ley Orgánica Electoral, 12 de febrero, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 153-165.

5. CF (1901), Ley Electoral, 18 de diciembre, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 205-215.

6. CF (1911), Ley Electoral, 19 de diciembre, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 216-239.

7. CF (1917), Ley Electoral, 6 de febrero, en GARCÍA OROZCO, Antonio (comp.), *Legislación electoral mexicana. 1812-1977*, México, Gaceta Informativa de la Comisión Federal Electoral, 1978, pp. 255-271.

8. CG (Congreso General) (1836), Leyes Constitucionales, 30 de diciembre, México, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/leyes-constitucionales-de-1836-0/html/be052d0a-1d3f-443f-bdce-ee181f9f1d3a_1.html#l_1_. Consultada el 23 de julio de 2010.

9. Díaz, Lilia (2000), "El liberalismo militante", en *Historia General de México*, El Colegio de México, pp. 583-631.

10. Dieter, Nohlen (2006), *Diccionario de ciencia política*, México, Colegio de Veracruz / Porrúa, 2 tomos.

11. Emmerich, Gustavo Ernesto (2009) (coord.) *Situación de la democracia en México*, México, Universidad Autónoma Metropolitana, 136 pp.

12. HJL (Honorable Junta Legislativa) (1843), *Bases Orgánicas de la República Mexicana*, 14 de junio, México, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/bases-organicas-de-la-republica-mexicana-0/html/a31518b3-8bc4-44e3-a612-a35280cd2bcb_1.html#l_1_. Consultada en julio del 2010.

13. Huerta Psihas, Elías (1993), "Campañas electorales, su costo y duración", en: *IFE, Foro para la Reforma Electoral. Memoria 1993*, México, IFE, pp. 61-66.

14. Lizcano Fernández, Francisco, Fernando Díaz Ortega, Rogerio Ramírez Gil (2011), "Votantes y candidatos en el Estado de México (siglos XIX y XX)", en Luis J. Molina Piñeiro, José Fernando Ojesto Martínez Porcayo, Ruperto Patiño Manffer (coords.), *Monitor democrático ¿Constitucionalizar democratiza! A 200 años de la independencia nacional y a 100 años de la revolución mexicana*, México, Porrúa, pp. 864-898.

15. Mendoza Velázquez, Enrique (2004), *La Lid Democrática: Reforma electoral 1917-2003*, México, Secretaría General de Gobierno del Estado de México, 224 pp.

16. Meyer, Lorenzo, (1996), "La crisis del presidencialismo mexicano. Recuperación espectacular y recaída estructural 1982-1996", en *Foro Internacional*, México, El Colegio de México, A.C., vol. XXXIV, núm. 1-2, enero-junio, 1996, pp. 11-30.

17. Reveles Vázquez, Francisco (2000), "La victoria de Vicente Fox y

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

del Partido Acción Nacional en las elecciones del 2000", en: *Estudios Políticos*, México, UNAM-FCPyS, Núm. 24, mayo-agosto del 2000.

18. SCCM (Soberano Congreso Constituyente de México) (1824), Constitución Federal de los Estados Unidos Mexicanos, México, 4 de octubre, 1824, http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/79117288329793495200080/p0000001.htm#l_1. Consultada el 23 de julio de 2010.

19. Sordo Cedeño, Reynaldo (1993), *El congreso en la primera república centralista*, México, El Colegio de México / ITAM, 472 pp.

20. Ulloa, Berta (2000), "La lucha armada", en *Historia General de México*, México, El Colegio de México, pp. 757-817.

21. Vázquez, Josefina Zoraida (Coord.) (2007), *Interpretaciones del periodo de Reforma y Segundo Imperio*, México, Patria, 267 pp.

УДК 321.015 + 321.01

Эрминьо Нуньес Вильявисенсио

Современные оттенки власти

В этом тексте мы пытаемся разъяснить происхождение и границы возникших не столь давно выражений: «мягкая, жесткая и невидимая власть», полагая, что человеческая деятельность, во всей ее разнообразии и новизне, иногда нуждается в концептуализации, хотя некоторые понятия, которые мы формируем, не всегда обладают ясностью, обоснованностью, на которые они претендуют; а другие понятия могут нам указывать на запреты, налагаемые практикой. Излагая словосочетания «мягкая власть», «жесткая власть» и «невидимая власть», мы исходим из того, что определение способа видения реальности и ее обоснованность не совпадают с другими способами ее осмысления. Понятие «невидимой власти» достаточно ясно и вполне приемлемо, оно указывает на широко распространенную практику, которая, тем не менее, не должна фигурировать в демократическом государстве.

Ключевые слова: мягкая власть, жесткая власть, невидимая власть, значение

Эрминьо Нуньес Вильявисенсио,
Мексика, Автономный университет штата Мехико, профессор

При поддержке академического корпуса «Современное мышление: бытие, познание, действие» АУ штата Мехико

UDC 321.015 + 321.01

Herminio Nunez Villavicencio

The modern shades of power

In these lines we propose to mention the origins and scope of the recent expressions «soft power», «hard power» and «invisible power». The development of our activities sometimes makes us see that their variety and novelty sometimes needs to be conceptualized, and that concepts we make out of this phrases do not always have the clarity and validity or purported acceptance; some other times, they serve to point out not accepted practices. We show that dictions «soft power» and «hard power» emerged in a certain way of seeing reality and their validity changes in others. Te concept of «invisible power» on the other hand, is accepted by its clarity and indicates a widespread practice, in a democratic State should not take place.

Keywords: soft power, hard power, invisible power, significance

Herminio Nunez Villavicencio,
Mexico, Independent university of
the Mexico state, professor ,

At support of the academic case
UAEM «The modern thinking: being,
knowledge, action»

CDU 321.015 + 321.01

Herminio Nuñez Villavicencio

Matices del poder en la época contemporánea

En estas líneas nos proponemos mencionar los orígenes y alcance de las recientes expresiones: «poder blando», «poder duro» y «poder invisible». Podemos ver que la actividad humana, en su variedad y novedad a veces necesita ser conceptualizada, pero algunos conceptos que de ella formamos no siempre tienen la claridad y validez o aceptación pretendidas; otros nos pueden indicar una práctica proscrita. Exponemos que las dicciones «poder blando» y «poder duro» surgen en determinada manera de ver la realidad y su validez no es la misma en otras visiones. El concepto de «poder invisible», por otra parte, es claro y aceptado, indica una práctica generalizada, pero que en un estado democrático debería ser suprimida.

Palabras-clave: poder blanda, poder dura, poder invisible, significado

Herminio Nuñez Villavicencio,
Universidad Autónoma del Estado
de México, profesor

La ponencia fue publicada con
el apoyo del cuerpo académico:
"Pensamiento contemporáneo:
ser, conocer y hacer" de la UAEM

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

En un atardecer de persistente llovizna, de viaje por los parajes de Robin Hood y en charla con un ingeniero del aero-espacio, le pregunté si él también consideraba que gran parte de los adelantos de la técnica y de la ciencia tienen origen en el ámbito de la defensa y/o agresión entre los humanos y sus naciones. La respuesta fue positiva, sus explicaciones me recordaron el comentario que escuché a un colega de conocida experiencia cuando yo apenas iniciaba la etapa dedicada a la docencia. Este compañero decía que en la vida el setenta por ciento de ella la dedicamos a defendernos. Durante varias décadas y de vez en cuando he reconsiderado su opinión que ha motivado hallazgos y nuevas preguntas no siempre circunscritas a la necesidad de defenderse o a la audaz elección de medios para una eficaz agresión, porque esas tendencias de emancipación o de dominio originan también desarrollos como los del lenguaje y otros. Hoy escuchamos nuevas expresiones originadas en los ámbitos de defensa o de sometimiento que tratan de expresar nuevas modalidades de evitar o de alcanzar el dominio de unos sobre otros. Las expresiones de «soft power» (poder blando), «hard power» (poder duro o rudo) o «poder invisible» son dicciones recientes que ponen de relieve varias cosas, entre ellas que la praxis busca su expresión adecuada, pero principalmente indica una característica de nuestro tiempo: la competitividad y el individualismo exacerbado.

Cuando era candidato a la presidencia de los Estados Unidos de Norteamérica, queriendo en-

fatizar su propuesta como alternativa, Barak Obama decía a sus colaboradores en campaña que si (él) era el nuevo rostro de la política exterior y del poderío americano en tanto que tomaba prudentes y estratégicas decisiones, manejaba emergencias, crisis y oportunidades en el mundo de una manera inteligente y serena, entonces, (sus colaboradores) podían decir a la gente: tendremos un presidente en la casa blanca que todavía tiene una abuela viviendo en una cabaña a orillas del Lago Victoria, y también tiene una hermana con doble nacionalidad y está casada con un chino-canadiense, porque –decía– así la gente puede pensar que se trata de un candidato con mayor visión de lo que está pasando en nuestras vidas y en nuestro país. Y tendrán razón. Estas palabras de Obama pueden tomarse como un ejemplo de soft power y probablemente sus partidarios creyeron que la trayectoria y el ángulo de visión de su candidato le permitía la posibilidad de aliviar el daño que, se decía, los americanos se habían hecho a sí mismos siendo indiferentes a la visión de otros en sus relaciones y con el aislamiento de su presidente en turno, prepotente, poco ocurrente y narcisista. Obama proyectaba una política exterior menos arrogante y solitaria y, por el contrario, abierta a lo que sucede en la complejidad del mundo, la deseaba como instrumento de amplias posibilidades que, a semejanza de una navaja de la armada suiza, ofreciera diferentes instrumentos para diferentes situaciones y no solamente una afilada cuchilla. Una

estrategia de estas características natural-mente hace pensar que es necesario poner aguda atención en cómo nos perciben quienes se relacionan con nosotros, nos obliga a reconocer que otras naciones y culturas legítimamente piden participar en decisiones comunes y con más razón si se trata de algo que tiene que ver con su soberanía. Pero esta era la visión de un candidato que todavía no vivía las presiones y condicionamientos que tiene quien llega a vivir por un tiempo en la casa blanca. De cualquier manera, para el observador común y sin duda más para el externo, el proceder de Obama es visto como una práctica de soft power y como alternativa a la criticada experiencia de romo ejercicio del poder de George Bush.

Poder blando y poder duro

Esta primera modalidad de ejercer el poder es explicada en Wikipedia [8] como un término usado en relaciones internacionales para describir la capacidad de un actor político, por ejemplo, la aptitud de un Estado para incidir en las acciones e intereses de otros actores valiéndose de medios culturales e ideológicos, con el complemento de medios diplomáticos.

El término fue acuñado por el hasta hace poco decano de la Universidad de Harvard Joseph Nye Jr. en su libro *Bound to lead: The changing Nature of American Power* (1990), expresión a la que daría mayor desarrollo en *Soft power: The Means to Success in World Politics* (2004). El profesor Nye maneja el término para explicar lo que observa en la política

exterior norteamericana de esos años, en la que nota una paradoja central en la manera de ejercer el poder, principalmente en las últimas décadas, señala que, por una parte, la fuerza militar de los Estados Unidos no es cuestionada y tiene la ventaja de que sus tropas están estacionadas en 130 países dispersos en todo el orbe, de modo que ninguna armada enemiga osaría retarla – dice- en campo de batalla; pero por otra parte y en la medida que su superioridad se ha incrementado, su habilidad de persuadir está en reflujo en muchas partes del mundo, aun entre sus viejos aliados [1].

El valor del término –se lee en Wikipedia- en cuanto concepto o técnica política ha sido bastante discutido, a pesar de haber sido ampliamente utilizado como forma de diferenciar el poder sutil de la cultura y de las ideas, frente a formas más coercitivas de ejercer presión o ante modos llamados de poder duro, como sucede en la acción militar o en las presiones y condicionamientos de tipo económico.

En el diccionario leemos que liderazgo significa ir adelante o enseñar el camino. En su explicación del concepto Nye sostiene que los líderes están obligados a tomar decisiones cruciales sobre los tipos de poder que ponen en práctica, porque guiar consiste en ayudar a un grupo en la definición y obtención de un propósito común. Distingue varios tipos y niveles de liderazgo y señala que todos tienen algo en común que es la relación de líderes con sus seguidores, señala que liderazgo y poder están inextricablemente

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

entretnejidos, se trata de una cuestión de poder. Teniendo en cuenta el papel que tienen los Estados Unidos en la actualidad, este autor señala que muchas habilidades, tales como la de crear una visión, la de comunicarla, la de atraer y escoger gente capaz, la de delegar y formar coaliciones de naciones en torno a un objetivo, dependen de lo que él llama el soft power.

A nivel general, para Nye el poder es la habilidad en influenciar los comportamientos de otros con miras a obtener los resultados que se desean. En este propósito –dice– hay varias formas de lograrlo, porque se les puede coaccionar con tratados, también se les puede inducir con retribuciones o se les puede granjear y cooptar para que quieran lo que tú quieres. A veces –dice Nye– puedo influir en tu conducta sin decírtelo explícitamente. Si crees que mis objetivos son legítimos seré capaz de persuadirte sin usar amenazas o incentivo alguno. Como prueba de esta forma de convencer aduce los casos en que algunos musulmanes pueden ser atraídos a apoyar acciones violentas no tanto porque sean pagados o amenazados, sino porque creen que los objetivos propuestos son legítimos.

Se puede decir que la gente ordinaria y principalmente los políticos definen con frecuencia y de manera simplista el poder como la posesión de capacidades o recursos que pueden influir en la obtención de un objetivo, de modo que si alguien tiene autoridad, riqueza o una personalidad atractiva, este alguien es consi-

derado poderoso. En política internacional se considera que un país es poderoso si tiene relativamente numerosa población, territorio, recursos naturales, fuerza económica y militar con estabilidad social.

En pocas palabras, en la visión común tener poder viene siendo algo así como contar con las cartas decisivas en un juego. Pero cuando se define poder como sinónimo de recursos que lo producen –dice Nye–, suele darse la paradoja de que los que más tienen poder no siempre logran los beneficios que quieren, como en el caso de los Estados Unidos que, en términos de recursos, fueron el único super-poder en el mundo, pero falló en prevenir lo ocurrido el once de septiembre. Convertir los recursos en poder realizado en el sentido de obtener los beneficios deseados requiere de estrategias bien diseñadas y de un liderazgo habilidoso. Pero sucede –dice Nye– que las estrategias con frecuencia son inadecuadas y los líderes juzgan mal la situación, como sucedió con Hitler en 1941 y con Saddam Hussein en 1990.

Nye considera que medir el poder en términos de recursos es una forma que resulta fácil y útil, pero igualmente importante es entender qué recursos ofrecen la mejor base para actuar con poder en determinado contexto. El recurso nunca es poder por sí solo. El petróleo, por ejemplo, no fue un recurso que impresionara antes de la era industrial, como tampoco lo fue el uranio antes de la era nuclear. Es claro entonces que los recursos del poder no pueden ser juzgados sin conocer

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

el contexto de su uso. Suelen darse situaciones en las que quienes tienen altos mandos o poseen riqueza no son los más poderosos y en esas condiciones se dan las revoluciones que los rebasan y dan otro ordenamiento a las cosas y a la sociedad. Hay una forma de poder –dice Nye– en la que un país puede obtener los beneficios que quiere en el mundo de la política, es la forma facilitada porque otros países admiran sus valores, emulan su ejemplo, aspiran a tener su nivel de prosperidad y franqueza. Es el soft power el medio que logra que otros quieran los beneficios que tú quieres, es algo que coopta a la gente, no ejerce coerción.

En este sentido, los líderes políticos han entendido ampliamente que en parte el poder viene de la atracción y que el poder blando es materia prima en la política de cada día. La habilidad de establecer preferencias tiende a ser asociada por cierto a virtudes y características como las de una atractiva personalidad, de cultura y de apego a valores e instituciones consideradas como legitimadas y de autoridad moral. Si un líder representa valores que otros quieren seguir, le costará menos coronar su trabajo.

Esta forma de poder sin coerción ciertamente no deja de atraer por su peculiaridad, pero no por ello deja de ser un poder que nos plantea interrogantes como la de si es prescindible o no y hasta qué punto; por otra parte, su incentivación nos permite entender prácticas que no quedan fuera del propósito de lograr que otros deseen y hagan lo que yo

quiero, acciones tan cotidianas y comunes como la propaganda y difusión de imágenes modelo. El poder blando que Nye propone se basa claramente en la habilidad de dar forma a las preferencias de otros. Siguiendo este propósito, en el mundo de los negocios, los ejecutivos saben muy bien que el liderazgo no consiste sólo en dar órdenes, sino que también implica guiar con el ejemplo y atraer a los otros para hacer lo que la empresa quiere. De manera similar, en algunos países las prácticas contemporáneas de mantenimiento del orden basado en la comunidad, tienden a hacer de la policía una imagen suficientemente amigable y atractiva como para que la comunidad tienda a apoyarlos en conseguir los objetivos queridos por la misma comunidad.

Sin embargo, insistimos, cabe preguntarse si el poder blando equivale a algún tipo de influencia que no dista de apoyarse en el hard power de amenazas y sobornos, parece ser algo más que simple persuasión o habilidad de mover gente argumentando valores compartidos, una causa justificada o la reivindicación de contribuir en la consecución de valores. Por otra parte, la atracción con frecuencia conduce a la aquiescencia o simple consentimiento. Al parecer, en la práctica, hard y soft power no dejan de estar relacionados, ambos son aspectos de la habilidad en conseguir los propios propósitos afectando el comportamiento y vida de los otros. La distinción entre ellos es entonces de grado, tanto en la naturaleza del comportamiento como en la tangibilidad

Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

de recursos. La habilidad de conformar lo que otros hacen puede descansar en la sutil inducción o en la coerción. Hard y soft power a veces se refuerzan el uno al otro, otras veces interfieren entre sí y en esta mezcla lo que mantienen es la finalidad común de control.

Ahora bien, las condiciones de proyectar soft power han cambiado dramáticamente en años recientes. La revolución de la información y la globalización están transformando y haciendo pequeño el mundo. Al inicio del siglo XXI esos dos fenómenos han incrementado el poder americano, pero con el tiempo la tecnología se expandirá a otros países y gentes y la relativa preeminencia de los Estados Unidos probablemente disminuirá. La era de la información tendrá multiplicidad de canales que empiezan ya a mostrar sus efectos y que facilitarán formular cuestiones que desplacen la fácil aquiescencia. La información es poder y la mayor parte de la población del mundo tiene cada vez más acceso a este poder. La tecnología ha conducido a una dramática reducción el costo de procesar y transmitir información, de manera que el resultado viene siendo una explosión de información que nos ha llevado a la "paradoja de la abundancia" y sus secuelas: cuando la gente se encuentra abrumada por la gran cantidad de información, le es difícil distinguir en qué le conviene centrar su atención. En esas circunstancias el problema es otro: entonces, en el mar de información la atención se convierte en escaso recurso, y los que pueden distin-

guir la información de valor del cúmulo que no lo tiene, sólo estos podrán obtener poder y decidir.

Pero hay algo más, la reputación siempre ha importado en el liderazgo político, Sin embargo, la credibilidad ha sido mucho más importante fuente de poder por la paradoja de la abundancia. Entonces, la información que aparece como propaganda puede no sólo ser despreciada, sino que puede hasta volverse contraproductiva si mina una reputación por credibilidad. En la era de la información el poder proviene no del hard power, sino de una elección fuerte. Esa elección permite la libre y enriquecedora colaboración de otros, cooperación que se ve diluida por la influencia y el propósito de lograr que los otros hagan propio el preestablecido objetivo del líder. En este modo de entender la colaboración hay varias ventajas, como la de hacer posible la equilibrada relación líder-seguidores en su aspecto tanto vertical como horizontal. De este modo se evita tanto el endiosamiento y excesos del líder, como lo que es más importante y no siempre requiere de la influencia y de la atracción, que es la constructiva cooperación de los otros. Fundamentalmente, el líder no deja de ser como los otros y con frecuencia sus iniciativas no le son propias sino sugeridas por sus consejeros. Evidentemente que esta cuestión es mucho más compleja, con esta visión simple queremos decir que el modo de entender los conceptos soft y hard power se inscriben y son aceptables sólo en una manera de ver la realidad en la que, como signo de los tiempos que

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

corren, en el juego político el poder blando se desliza lenta pero efectivamente hacia el hard power, hacia la acentuación de la voluntad del líder y no hacia la ventura sino la desconfianza y miedo de sus seguidores. En la suposición de poseer los valores universales se conjetura también que con ello quedan legitimados los propios propósitos, pero en esta presunción se menosprecia cualquier otra visión o cultura y entonces el diálogo enriquecedor queda anulado en la imposición de una visión única.

En el intento de lograr los propios propósitos hay otra modalidad a la que a veces se recurre, es la violenta y fuera de la ley. "Poder invisible" es otro concepto de formulación nueva, pero que corresponde a prácticas antiguas.

Poder invisible

Norberto Bobbio comenzó su reflexión sobre el tema del poder invisible hacia enero de 1970 [2, p. 7] con su artículo "La violencia di Stato" [3, p.3] donde comenta:

"Hay hechos inquietantes que nos impiden reposar con tranquila certeza de que la violencia sólo existe en el otro lado (del lado de la protesta, de las marchas y de la agitación estudiantil. La única manera de vencer a la violencia es reconociéndola, aun cuando ésta no invada las calles gritando, sino que se esconda tras la decorosa fachada de las instituciones que defendemos".

Las palabras de Bobbio son aplicables a la situación actual de nuestro país. Con esto no queremos decir que carecemos de ciudadanos que denuncian nuestros males casi con la misma perspicacia de Bobbio, queremos

señalar que, como en su caso, pronunciarse sirve de algo, aunque la maquinaria que han puesto en movimiento poderosos intereses no se pueda detener de inmediato debido a unas denuncias, por importantes y clarividentes que sean.

Para denunciar hay que observar y distinguir. Entre el humo espeso de la manipulación mediática y de la operación de desorientación de los años setenta –nos dice Revelli–, intento posteriormente documentado con amplitud, se comenzaba a vislumbrar el animoso perfil, aún en gestación, de la que después sería llamada la "estrategia de tensión", en cuyo interior se podía percibir la operación invisible de un trasfondo turbio que operaba en silencio. Este ambiente le sugirió al teórico Bobbio la idea de lo que algunos años más tarde, en un escrito mucho más docto (la introducción a la edición de Einaudi de la clásica obra de Ernst Fraenkel) definiría con la categoría de "doble Estado" o "Estado dual", esto es, en el que se daba la copresencia de un nivel de poder doble: por un lado, un "Estado normativo (el Estado de derecho, sometido al imperio de la ley), y por el otro, un "Estado discrecional, libre de actuar por fuera del principio de legalidad, "con base en un mero juicio de oportunidad".

Para Bobbio, cualquier forma de estado, incluida la democrática, tiene rasgos de dualidad. En los Estados Unidos, como lo esboza Alan Wolfe en *The Limits of Legitimacy, Political Contradictions of Contemporary Capitalism*, podía identificarse una do-

ble apariencia de gobierno: "democrático y constitucional en su interior, e imperialista hacia el exterior". Bobbio extrae la expresión de "poder invisible" de *The Invisible Government* de David Wise y Thomas B. Ross, quienes – nos dice Marco Revelli – afirman que hoy en día en los Estados Unidos existen dos gobiernos: uno es visible y el otro invisible. El primero es el gobierno sobre cuya actuación los ciudadanos leen en el periódico y es el que los niños estudian en los libros de texto. El segundo es una maquinaria oculta y afinada que ha dirigido la política estadounidense durante la guerra fría [4, p. 10].

Una década después del trabajo "La violencia di stato", al inicio de los años ochenta, Bobbio escribió el artículo "I poteri invisibili" (Los poderes invisibles), escrito para una revista, pero que fue anticipado, dada la precipitación de los hechos, por un periódico el 24 de enero de 1981 con el título: "Nel labirinto dell' anti-Stato" (En el laberinto del anti-Estado) en el que establece un nexo de continuidad con su intuición original y escribe: "...la atmósfera de nuestra vida pública ha sido intoxicada por las sospechas de connivencia entre el poder invisible del anti-Estado" y anticipa las líneas generales de su siguiente reflexión sobre el poder invisible y su conflicto intrínseco y ontológico con los fundamentos ideales de la democracia: "La opacidad del poder es la negación de la democracia". Cuestión que desarrollaría en *Il futuro della democrazia*, seguido de otros textos como "Segreto y misterio" (1990) y "Democracia y secreto" (1998). En

La democrazia y el poder invisible formula la célebre definición de "gobierno democrático como gobierno del poder público ante el público". Afirma que es en la democracia y únicamente en ella, donde el poder y su titular están obligados a la transparencia de sus actos y, a la vez, a aceptar que la eventual transgresión de dicha obligación se haga pública.

Sin embargo y como señala Revelli, Bobbio, como buen "realista" y sano "pesimista" conoce bien la distancia que ineluctablemente separa los "ideales de la materia burda", las ideas regulatorias y la práctica cotidiana, los valores que orientan a los grandes proyectos políticos y a las acciones humanas destinadas a traducirlos en realidades. Sabe que la transparencia absoluta no existe, que su aplicación integral resulta imposible de llevar a la práctica en cualquier democracia. Sabe que siempre permanece un margen de opacidad debido a la naturaleza misma del poder que abarca alguna relación con las "potencias del bajo mundo", identificadas también por Max Weber y que reivindican un lugar, sobre todo cuando se trata de política exterior. Aunque la publicidad del actuar político es una regla en la democracia, algún tipo de excepción a dicha regla existe en cualquier democracia.

A Bobbio, sin embargo, preocupaba todavía más otro tipo de poder en nuestros tiempos, poder que se ejercita en todas las democracias: la prepotente y ominosa proliferación de instancias tecnocráticas, la multiplicación

Symposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

de ámbitos de la experiencia humana caracterizados por conocimientos técnicos de tal complejidad y "exclusividad" que crean por sí solos un diafragma entre el espacio de decisión y el público que es su destinatario y que debería ser su contralor. En estas circunstancias, dice Bobbio en "La democrazia e il potere invisibile", las prácticas relevantes para la vida pública se convierten en intrínsecamente misteriosas, aunque se trate de temas que no son objeto de una deliberada voluntad de secrecía, se convierten en arcanas simplemente por "la diferencia insalvable que separa al experto del ignorante, al competente del incompetente" [5]. Esto convierte al tecnócrata en depositario de "conocimientos a los que no tiene acceso la Masa".

La democracia, considerada al menos idealmente como la mejor forma de gobierno –dice Revelli en su prefacio citado– a menudo es acusada de no cumplir con sus promesas. El poder invisible se forma y organiza para obtener beneficios ilícitos y para recabar ventajas no consentidas por una acción a plena luz. Las asociaciones secretas son un ejemplo. El servicio secreto con el que cuenta cada estado, se considera que es un mal necesario y nadie osa poner en tela de juicio la compatibilidad del Estado democrático con la utilización de servicios secretos. Sin embargo, estos son compatibles con la democracia con una sola condición: que se encuentren bajo el control del gobierno, del poder visible que es, a su vez, supervisado por los ciudadanos, de manera que su actuación se dirija en

todo momento y únicamente a la defensa de la democracia. La democracia avanza y la autocracia retrocede conforme el poder es más visible y los secretos de estado, de ser una regla pasan a ser una excepción, y sólo en ámbitos bien restringidos y establecidos con suma precisión.

No hay democracia –dice Bobbio– sin opinión pública, sin formación de un público que reivindique el derecho a ser informado sobre las decisiones que se toman en favor del interés colectivo, de un público que sea capaz de expresar sobre ellas su libre crítica. Quien promueve formas ocultas de poder desea hurtar sus acciones al control democrático y busca evitar someterse a las limitaciones impuestas por cualquier constitución democrática a las personas que detentan el poder de tomar decisiones vinculantes para toda la ciudadanía [6, p. 37].

En oposición a lo dicho por San Pablo en su vulgata: *Noli altum sapere, sed time*" (Rom. 11:20) y cuyos clásicos transgresores son Prometeo e Ícaro, el pensamiento ilustrado adoptó el dicho de Horacio: "Sapere aude" que aparece con frecuencia en el escrito de Kant sobre la Ilustración, en el que afirma que ésta consiste en la salida del hombre de la minoría de edad, y que en los cimientos de la Ilustración encontramos la más simple de todas las libertades, la de hacer uso público de la razón. Pero para ello es preciso que tengamos un conocimiento pleno de los asuntos de Estado, y con el fin de que esto suceda es necesario que el poder actúe públicamente.

Bobbio señala que Kant plan-

teó en un apéndice a *La paz perpetua* el problema de la posible convergencia entre la política y la moral, sostiene que la única manera de garantizar que ello suceda es la condena del secreto de los actos de gobierno y la institucionalización de su publicidad, de modo que se torne imposible la práctica de los *arcana imperii* que caracteriza a los estados despóticos [7, p. 53]. Richard Sennett en su libro sobre la autoridad (1980) afirma: "Todas las ideas de democracia que hemos heredado del siglo XVIII se basan en la noción de autoridad visible". Y para corroborar su afirmación cita el dicho de Jefferson: "El dirigente debe actuar con discreción, pero no se le debe permitir tener para sí sus intenciones" [7, p. 37].

Complementando la explicación del concepto "secreto oficial" Max Weber afirma que se trata de un descubrimiento específico del poder burocrático. Para aclarar su afirmación Weber hace la analogía entre el secreto oficial y el comercial: "Aquel es equiparable, en su relación con el saber especializado, con los secretos comerciales de la empresa en su relación con los secretos técnicos". En el saber técnico la razón del secreto radica no sólo en mantener la superioridad dada por un conocimiento específico que el competidor no tiene, sino también en la incapacidad del público de captar su naturaleza y alcances. El saber técnico, cada vez más especializado, se vuelve progresivamente un conocimiento de élite, es un conocimiento al que no tiene acceso la masa. También la tecnocracia

tiene sus *arcana*, y para la masa es igualmente un saber esotérico, que es incompatible con la soberanía popular por los mismos motivos por los que en un régimen autocrático se considera al vulgo incompetente e incapaz de entender los asuntos de Estado.

Como hemos mencionado, el estado doble aflora en las relaciones internacionales, en efecto, Kant desarrolló el tema a propósito del derecho internacional. Hasta ahora, las relaciones entre Estados conforman un sistema tendencialmente anárquico – dice Bobbio – y se rige por el principio de autodefensa (al menos en última instancia), favorece el despotismo interno de sus miembros o por lo menos obstaculiza su democratización. Por eso es que no se puede combatir el poder invisible más que con otro poder invisible igual y contrario [7, p/ 64].

Ahora bien, lo que vale en los asuntos públicos de un régimen democrático, en los que la publicidad es la regla y el secreto la excepción, eso no vale en los asuntos privados o cuando está en juego un interés privado. En las relaciones privadas es válido exactamente lo contrario: el secreto es la regla contra la intromisión de lo público en lo privado, y la publicidad es la excepción. Esto precisamente porque la democracia presupone la máxima libertad de las personas individualmente consideradas, éstas deben ser protegidas de un control excesivo por parte de los poderes públicos [7, p. 68].

Bobbio concluye su ensayo de marzo 1988 diciendo que la democracia excluye en principio el

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

secreto de estado, pero acepta que su utilización, mediante la institución de los servicios de seguridad, que actúan en silencio, es justificada como un instrumento necesario para defender, en última instancia, a la democracia misma. La propia ley que dicta normas para regular la conducta de estos servicios –dice- “habla de política informativa y de seguridad en bien y para la defensa del estado democrático” [7, p. 70]. Entonces, por lo hasta ahora recorrido queda como prioritaria la seguridad del Estado que impulsó a Maquiavelo a decir que cuando está en juego la “salud de la patria” no debe mediar ninguna consideración “de lo justo ni de lo injusto, lo piadoso ni lo cruel”. Para Kant que condena la razón de estado con miras a la paz perpetua, o la subordinación de la moral a los requerimientos de la política, su llamado a los principios morales es sin duda válido en primer lugar para las relaciones internacionales.

Simposium Anual Internacional Científico Práctico DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA

Bibliografía

1. Alocución sobre «Misuses of Power: Causes and Corrections» Malos usos del poder: causas y correcciones. En esa ocasión Nye distingue entre «hard power» (poder de coerción) y «soft power» (poder de atraer). <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html>
2. Cfr. Marco Revelli, «prefacio» al libro de Norberto Bobbio *Democracia y secreto*, trad. de Ariella Aurelli, José F. Fernández Santillán, México, FCE. 2013, p.7
3. Resistenza XXIV, enero de 1970, núm. 1, p. 3
4. D. Wise y Thomas B. Ross, *The Invisible Government*, Nueva York, 1974, p. 3. Citado por Norberto Bobbio en la introducción a Ernst Fraenkel, op. cit., p. XXII. (Traducción al español: *El gobierno invisible*, Hemisferio, Buenos Aires, 1976, p. 10).
5. Norberto Bobbio, «La democracia e il potere invisibile», *Rivista Italiana de Scienza Politica* X, 1980.
6. Norberto Bobbio «El poder invisible al interior y contra el Estado», en *Democracia y secreto*, op. cit., p. 37,
7. Norberto Bobbio, *Democracia y secreto*, op. cit., p. 53.
8. http://es.wikipedia.org/wiki/poder_blando (Consultada en fecha 01/12/2014).
9. Joseph Nye, "Misuses of Power: Causes and corrections", en <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html>.
10. Marco Revelli, "Prefacio" al libro de Norberto Bobbio *Democracia y secreto*, trad. de Ariella Aurelli, José F. Fernández Santillán, México, FCE. 2013.
11. Norberto Bobbio, *Democracia y secreto*, trad. de Ariella Aurelli, José F. Fernández Santillán, México, FCE. 2013.
12. Wikipedia: <http://es.wikipedia.org/wiki/poderblando> (Consultada el 01/12/2014).

УДК 327.82

Батурин Л.М.

Экономическая дипломатия в мировой политике: история и современность

Экономика играла и играет большую роль в межгосударственных отношениях, её состояние учитывается при оценках силы государства и его возможностей. Влияние экономического фактора на мировую политику усилилось во второй половине XX века, когда активизировалась деятельность ТНК и обострилась сырьевая проблема, прежде всего касающаяся энергоресурсов. В результате этого выросла роль международных экономических организаций и их влияние на межгосударственные отношения, а экономические проблемы стали выходить на первое место в деятельности дипломатических представительств. Усилилась связь между внутренней и внешней политикой, в рамках традиционной дипломатии стала активно проявлять себя – экономическая, которая рассматривает в качестве важнейшей задачу обеспечения экономической безопасности. Она осуществляется как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях, в её задачи входит обеспечение условий для развития взаимовыгодного сотрудничества, а также защита национальных экономических интересов. Это, в свою очередь, предъявляет высокие требования к экономической подготовке дипломатических работников и совершенствованию методов работы. Статья посвящена причинам повышения роли экономической дипломатии, в ней показаны её основные виды, задачи и методы.

Ключевые слова: глобализация, международные отношения, мировая политика, экономическая дипломатия, энергетическая дипломатия, международная экономика, международная политическая экономия, геоэкономика, ТНК, «мягкая сила».

Батурин Леонид Михайлович,
доцент кафедры политологии
Южно-Уральского государственного университета

УДК 327.82

Baturin L.M.

Economic diplomacy in world policy: past and present

Economics played and is still playing a great role in interstate relations, its health is taken into consideration in evaluating state power and its potential. The influence of the economic factor on the world policy increased in the second part of the 20th century when the transnational complex (TNC) had activated its work and the problem of raw staff, and first of all, energy resources had aggravated. As a result the role of international economic organizations and their influence on interstate relations have grown. Economic problems are becoming of high priority for diplomatic missions. Economic policy, which considers providing economic security to be its primary task, has greatly activated in the framework of traditional diplomacy. It is being realized at both bilateral and multilateral levels. Its tasks include providing conditions for mutually beneficial cooperation and defense of national economic interests. That in its turn imposes high requirements to economic training of diplomatic staff and improving on their methods of work. The report deals with the kinds, tasks and methods of economic diplomacy, the causes of its strengthening role are shown.

Key words: globalization, foreign relations, world policy, economic diplomacy, international economy, international political economy, geoeconomics, TNC, "soft power".

Baturin Leonid Mihailovich? the
senior lecturer of the South Ural
state university,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Человеческая деятельность во всех ее проявлениях в большей или меньшей степени связана с экономической проблематикой: цены, налоги, заработная плата, пенсии. Не меньшую роль экономика играет и в межгосударственных отношениях, одной из главных форм которых является торгово-экономическое сотрудничество, обусловленное международным разделением труда. Для субъектов мировой политики большое значение имеют такие категории как : международные обязательства, требования к другим странам, доходы от экспорта, расходы на импорт и др.

Роль экономического фактора в современных международных отношениях и дипломатии значительно повысилась в начале XX века, в период формирования мировой экономики, а особенно после окончания второй мировой войны, когда активизировалась деятельность транснациональных компаний. ТНК резко увеличили масштабы производственной деятельности, способствовали активному перемещению факторов производства, организовали широкую сеть филиалов и дочерних предприятий, расположенных в различных странах.

В рамках обострения конкурентной борьбы, ТНК стремились к уменьшению издержек производства, среди которых важное место занимала оплата труда. Интернационализация хозяйственной жизни, развитие международных финансов, либерализация мировой торговли, открытость национальных рынков для перемещения не только

товаров, но и факторов производства, устранили многие барьеры, которые разделяли государства и привели к усилению экономической взаимозависимости. Эти процессы также привели к снижению влияния национальных правительств за развитием своих экономик, которые в большей степени регулировались международными правилами.

В результате этого, резко возросла роль и влияние международных экономических организаций системы ООН таких как: Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирный банк и других институтов, которые разрабатывали и внедряли единые стандарты хозяйственной деятельности. В этих условиях ТНК, обладая разветвленной сетью филиалов и дочерних фирм, получили дополнительные возможности для влияния на политические и экономические элиты принимающих стран, поскольку их деятельность приводила к сохранению рабочих мест и пополнению бюджета за счет уплаты налогов.

Оно приводило к обеспечению более благоприятных условия для ведения бизнеса в странах пребывания, для чего ТНК все активнее привлекало дипломатические представительства своих стран. В результате этого роль экономического фактора в межгосударственных отношениях начала постепенно повышаться, ослабляя внимание к другим вопросам двусторонних и многосторонних отношений.

Очередным фактором для выдвижения экономической

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

проблематики на одно из первых мест в мировой политике и дипломатии стала глобализация, важными элементами которой были информационно-коммуникативная революция, развитие сети международного производства, которое развивалось быстрее, чем национальное, активное функционирование мировых валютно-финансовых и кредитных рынков, либерализация торгово-политических режимов, переход от закрытых экономик к открытым, к развитию свободного предпринимательства, что в конечном итоге привело к стиранию границ между национальными экономиками и глобальным мировым хозяйством.

Еще одним фактором, повлиявшим на многие аспекты межгосударственных отношений и усиления позиций экономической дипломатии, явилась сырьевая проблема и связанная с ней экономическая безопасность государств, которая включает в себя такие аспекты как : энергетическую, продовольственную и другие. Деятельность ТНК, широко используемые ими торговые войны, борьба за рынки сбыта, за энергоресурсы привели к появлению понятия «геоэкономика» [1].

Кроме этого, в концепции «мягкая сила» основным элементом влияния является экономика и экономические санкции [2]. В рамках геоэкономики отчетливо проявляются меркантильные намерения представителей политических и экономических элит получать личные выгоды, используя внешнюю политику и дипломатию. Например,

клан Бушей отстаивает интересы нефтегазового бизнеса, а резкие колебания цен на энергоресурсы в интересах стран импортеров, прежде всего США, являются результатом спекулятивной деятельности нефтяных фирм посредников США и Великобритании. Для контроля над месторождениями нередко используется военная сила, примером этого может служить оккупация Ирака [3].

Экономическое влияние оказывает в ряде случаев более эффективное воздействие, чем военная сила, особенно в условиях глобализации. В ряде стран стали меняться потребности, возможности, геополитическое и геоэкономическое положение. Кроме этого с возникновением мировой экономики, ускорением научно-технического прогресса, углублением международного разделения труда, развитием внешнеторговых отношений резко выросли взаимосвязь и взаимозависимость стран.

К числу главных тенденций мирового развития относят формирование новой мировой экономической инфраструктуры, которая характеризуется либерализацией национальных рынков. Степень открытия рынков регулируется путем многосторонних торговых переговоров в рамках специализированных международных организаций, роль которых достаточно велика. Решение глобальных проблем также зависит от состояния мировой экономики. Растущая экономическая взаимозависимость может выступать главной гарантией безопасно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сти и оказывать влияние на политическое развитие стран.

С окончанием «холодной войны» и появлением международной системы, в которой отношения между странами во многом определяются показателями торговли и инвестиций, важность экономических отношений в мировой политике снова выросла.

В этих условиях, вместо традиционной силы все чаще стали использовать политико-экономические методы. Захват рынков, устранение любыми способами конкурентов сегодня гораздо важнее, чем просто захват территорий, если только речь не идет о захвате сырьевых районов. Экономические санкции могут заменять военную силу и применяться самостоятельно или в сочетании с ней. Однако, нельзя не заметить, что от применения санкций больше страдает население, а не правительство.

Очередной всплеск интереса к экономическим факторам в мировой политике приходится на начало 70-х годов XX века, когда резко повысились цены на нефть. В этот период появились первые признаки экономической зависимости стран. Нефтяной кризис показал власть и влияние экономических инструментов в международных отношениях. После этих событий ни одно государство не осмеливалось принимать политические решения без учета экономических реальностей. Он продемонстрировал связь между внутренней и внешней политикой, между внешней экономикой и внутренней. Кризис

дал толчок к появлению глобальной финансовой системы и глобализации в целом. С этого момента экономические и политические процессы стали не международными, а глобальными и не подконтрольными отдельным государствам.

1970-е годы также можно считать периодом возрождения политэкономической традиции изучения международных отношений, в которой сформировалась часть общей политической науки, позволяющая определять взаимодействие экономики и политики на мировой арене – международная политическая экономия [4]. На ее возникновение повлияли следующие факторы: методологическая экспансия экономической науки в политологию, эволюция экономической методологии исследований процессов взаимодействия на международной арене, возрождение политэкономии как отдельной общественно-научной дисциплины [5].

Современная дипломатия возникла в эпоху Возрождения, одной из важных ее задач являлась защита экономических интересов стран и правителей. Основной формой сотрудничества была торговля, и в задачу дипломатии входило продвижение товаров, обеспечение безопасности торговых путей, контроль над колониями. Торговая дипломатия считалась важным средством предотвращения конфликтов.

Однако, с учетом повышения роли экономического фактора в мировой политике происходит неизбежная трансформация

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

традиционной дипломатии, повышение в ней роли экономической функции, наряду с термином «экономическая дипломатия», появляется и другие ее разновидности, например - «энергетическая». Китай, являющийся вторым в мире потребителем нефти после США, в своей внешней политике считает энергетический фактор одним из важнейших [6]. В России при МГИМО(у) МИД РФ работает Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП), который ведет подготовку специалистов по таким направлениям как: энергетическая дипломатия, мировая экономика, экономика в области энергетики и энергетических ресурсов [7].

В ряде стран, таких как, например Германия и Франция, карьерные дипломаты проходят обязательные стажировки в крупных финансовых, торговых и производственных компаниях по всем областям и направлениям международных экономических отношений, принимают активное участие в международных переговорах [8]. Такой подход к экономической подготовке дипломатических работников объясняется, помимо прочего еще и тем обстоятельством, что, по мнению ряда политологов, основными причинами обострения межгосударственных отношений являются экономические проблемы.

События на Украине инициированные и поддерживаемые США имеют, кроме прочего, цель ослабления позиций Евросоюза, а также вытеснения Газпрома с европейского рынка.

Похожие попытки предпринимались и по отношению к организации ОПЕК, с тем, чтобы ограничить ее влияние на определение мировых цен на нефть. Об этом также свидетельствуют войны США и их союзников против богатых нефтью стран на Ближнем Востоке. Нефть стала геостратегическим сырьем, активно начала развиваться «нефтяная дипломатия»

Кроме указанных стран, новым регионом мировой политики стала Арктика, во многом благодаря огромным запасам разведанных энергоресурсов, что предопределяет острое соперничество между странами [9]. В Центральной Азии водные ресурсы стали причиной обострения между странами. Исходя из этого, можно отметить, что на дипломатию ложится в современных условиях задача не только реализации внешнеполитического курса страны, но и защита экономических интересов на мировой арене.

Экономическая дипломатия сегодня выполняет несколько важных функций, среди которых наиболее существенными являются обеспечение условий для взаимовыгодного международного экономического сотрудничества, содействие расширению его форм, защита экономических интересов государства, предприятий и предпринимателей. Она осуществляется как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях. Первый вариант предпочтительнее, поскольку он обладает определенными преимуществами перед вторым. Двусторонняя экономическая дипломатия более

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

результативна, поскольку она не нуждается в многочисленных согласованиях процедурных вопросов, наряду с конкретными сферами она решает задачу развития стратегического торгово-экономического сотрудничества, позволяет более оперативно решать вопросы, которые не были урегулированы на других уровнях, выходить за рамки двустороннего сотрудничества [10].

Нисколько не идеализируя двустороннюю экономическую дипломатию, следует отметить, что многосторонний уровень является столь же распространенным и дополняет усилия по реализации экономических интересов государства на двустороннем уровне. Для него в современных условиях характерен ряд особенностей, определяющих его эффективность: широкий круг обсуждаемых вопросов, расширение числа участников, регулярность проведения встреч, прозрачность принимаемых решений и широкое освещение их в средствах массовой информации и на официальных сайтах международных организации, активное сотрудничество с различными экономическими организациями и специальными структурами ООН.

Однако многосторонняя экономическая дипломатия сталкивается с рядом сложностей, которые оказывают влияние на оперативность решения актуальных проблем. Среди них можно выделить административно-технические проблемы, многие страны не могут в силу финансовых и кадровых трудностей полноценно участвовать в переговорном процессе, им-

плементационные проблемы, сущность которых сводится к трудностям институциональной и правовой адаптации к международным требованиям, различные подходы к международным переговорам [11].

В условиях глобализации появились такие формы экономической дипломатии как «тройки», «четверки», «Большая семерка», которые объединяют страны с совпадающими экономическими интересами. На своих заседаниях они не только решают совместные проблемы, но и во многом определяют параметры развития мировой экономики. Эти решения не носят обязательного характера, но в условиях взаимозависимости стран они оказывают определенное воздействие на многие государства. Тем самым образуется достаточно эффективный механизм для решения актуальных экономических проблем не только в интересах отдельных стран, но и всей мировой экономики в целом, хотя и не следует забывать о проблеме отношений «Север-Юг».

Российская экономическая дипломатия, опираясь на национальную внешнеэкономическую стратегию, наличие институтов и инструментов отстаивания национальных интересов, а также на достаточные финансовые ресурсы активизировала усилия по продвижению и защите внешнеэкономических интересов России. Помимо Министерства иностранных дел, в котором функционируют департаменты экономического сотрудничества, международных организаций, важными

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

субъектами экономической дипломатии являются межведомственные комиссии по вопросам внешнеэкономической деятельности при Президенте и Правительстве Российской Федерации, а также деловые круги и неправительственные организации.

В основе их деятельности лежат мероприятия, направленные на поддержку российского экспорта, привлечение иностранных инвестиций и продвижение экономической политики России на международной арене. Постоянным партнером экономической дипломатии также являются институты экономического и международного направления Российской Академии Наук. Важную роль в системе экономической дипломатии традиционно играют торговые представительства России за рубежом.

Таким образом, оценивая роль экономической дипломатии в современной мировой политике, можно отметить, что ее повышение и оптимизация были определены следующими факторами:

- во второй половине XX века сформировалась глобальная мировая экономика, ведущие позиции в которой заняли США и подконтрольные им международные организации;

- после нефтяного кризиса 70-х годов энергетическая безопасность стала играть в мировой политике роль не меньшую, чем военный фактор;

- доступ к сырьевым ресурсам и защита торговли являются основными причинами современных конфликтов между государствами;

- благодаря международной деятельности ТНК и их филиалов сформировалась геоэкономика, которая оказывает влияние на многие политические процессы, делает страны уязвимыми, ограничивает их независимость;

- экономическая мощь может являться ресурсом «мягкой силы»;

- политическое влияние США во многом базируется на экономических возможностях;

- экономическая дипломатия стала одним из важных инструментов в мировой политике.

Библиографический список

1. См. Дергачев В. Геоэкономика//Киев,Вира-Р. 2002; Кочетов Э. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. – М.: Норма, 2006.
2. Радиков И, Лексютина Я. Мягкая сила как атрибут великой державы // МЭиМО. 2012. – № 2, с. 19.
3. Писарев В. Энергетическая политика США и нефтегазовые ресурсы континентального шельфа// МЭиМО. – 2007, – № 5. – С 17.
4. Байков Н, Безмельница Г, Гринкевич Р. Перспективы развития мировой энергетики до 2030// МЭиМО. 2007, – № 5. – С. 19–20.
5. Симония Н. Нефть в политике США// Международная жизнь. 2008. – № 3. – С. 55.
6. Олейнов А.Г Экономика международных отношений// МЭиМО. – 2011. – № 5. – С. 28.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

7. Фан Тин Тин Энергетический фактор во внешней политике КНР // МЭиМО. – 2011. – № 8. – С. 87.
8. Мировая энергетика – новые уравнения геополитики // Международная жизнь. – 2012. – № 10. – С. 115.
9. Дегтярев Д., Мусаев Д. Дипломат, а также « экономист, коммивояжер и рекламный агент» // Международная жизнь. – 2009. – № 2. – С. 92.
10. Конышев В. Сергунин А. Арктика на перекрестье геополитических интересов // МЭиМО. 2010. – № 9. – С. 28.
11. Щетинин В.Д. Экономическая дипломатия: учеб пособие. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 63.
12. Лихачев А. Е. Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. – М.: Экономика. 2006. – С.135.

References

1. Dergachev V. Geoeconomics, Kiev, Vira-R, 2002, Kochetov E. Geoeconomics. Overtaking the world economic space, Norma, 2006.
2. Radikhov I., Lexitina Y. Soft power as an attribute of a powerful state // IE and IR, 2012, № 2, p/ 19.
3. Pisarev V. Energy policy. USA and oil and gas resources of the continental shelf, IE and IR, 2012, № 2, p. 19.
4. Baykov N., Bezmeknistina G., Grinkevich R. Prospects of the world power engineering development up to 2030. IE and IR, 2007, № 5, p. 17.
5. Simonya N. Oil in the USA policy. International life. 2008, № 3, p. 55
6. Oleynov A.G. Economica mezhdunarodnich otnoshenyi [Economy of international relations] IE and IR, 2011, № 5, p. 28.
7. Fan Tin Tin Energeticheskiy factor vo vneshney politike KNR [Economic factor in foreign policy of CHPR]. IE and IR, 2011, № 8, p. 87.
8. Mirovaya energetika- noviye uravneniya geopolitiki [World power engineering-new geopolitical equations], International Life, 2012, № 10, p.15.
9. Degtyarev D, Musayev D. Diplomat a takzhe " economist, komvoyazher i reklamniy agent" [Diplomat as well as "economist, sales representative and advertising agent"], International Life, 2009, № 2, p. 92.
10. Konishev V. Sergunin A. Arktika na perekrestke strategicheskikh interesov [The Arctic is at the crossing point of strategic interests]. IE and IR, 2010, № 9, p.28.
11. Schetinin V.D. Ekonomicheskaya diplomatiya: uchebnoye posobiye [Economic diplomacy, teaching aid], Moscow, International Relations, 2001, p, 135.
12. Likhachev A.E. Ekonomicheskaya diplomatiya Rossyi. Novye vizovi i vozmozhnosti v usloviyach globalizatsii [Economic diplomacy of Russia. New challenges and possibilities during globalization], Moscow, Economics, 2006, p. 135.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

УДК 94(470+510) "1960/1980"

Балакин В.С., Сяоин Л.

Советско-китайские отношения 1960-х–1980-х гг. в ракурсе дискурсологии

В докладе рассматривается проблема разных дискурсов руководителей СССР и КНР применительно к «пограничному вопросу», «шарским договорам с Китаем» и «равноправия». Анализируется дискурс о «спорных территориях». Раскрывается дискурс китайских и советских руководителей о «мирном сосуществовании». Показан процесс нарастания военно-политической конфронтации между СССР и КНР. Подробно освещается метафора о «трех препятствиях» для нормализации советско-китайских отношений. Освещается политический механизм рассмотрения руководителями спорных вопросов взаимоотношений между СССР и КНР. Идеологический дискурс о эпохи Н.С.Хрущева сравнивается с нормативными высказываниями эпохи Л.И.Брежнева. Анализируются события середины-конца 1970-х гг., когда обострение советско-китайских отношений достигло пика. Рассматриваются конкретные требования КНР, например, отвод советских войск из Монголии и отказ от поддержки «агрессии» Вьетнама в Кампучии, которые и обозначались в политическом дискурсе КНР как «препятствия» для нормализации отношений с СССР. Также освещается политический дискурс о «социалистическом характере» общественного строя в КНР и СССР. Обосновывается положение о том, что точкой отсчёта в формировании новой позиции Советского Союза по вопросам восточной политики явились заявления М.С. Горбачева о новом политическом мышлении для СССР и для всего мира. Показано, что ключевым событием для улучшения советско-китайских отношений стал вывод советских войск из Афганистана. Сделан вывод, что только дискурс «нового политического мышления» позволил преодолеть препятствия для нормализации советско-китайских отношений.

Ключевые слова: дискурс, советско-китайские отношения, «пограничный вопрос», равноправие, «гегемонизм», «три препятствия».

Сяоин Лу, аспирантка, Южно-Уральский университет, yingema@126.com

Балакин Виктор Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, ЮУрГУ (Челябинск), 2679101@mail.ru

UDC 94(470+510) "1960/1980"

Balakin V.S.
Xiaoying L.

Chinese-Soviet relations in 1960–1980 with the currents of discourse science

The report describes the historical stages of relations between the Soviet Union and China. The problem of different understanding of the leaders of the USSR and the PRC "the border issue," the "royal ne-motivations with China" and "equality." The article shows the problem of "disputed territories." It expands interpretation of the principle of "peaceful coexistence" of the Chinese and Soviet leaders. It shows the process of growth of the military-political confrontation between the Soviet Union and China. The genesis of the concept of the "three obstacles" on the path to normalization of Sino-Soviet relations is also examined very thoroughly. It was concluded that only the theory and practice of "new political thinking" have made possible to overcome the obstacles to the normalization of Soviet-Chinese relations. It covers political mechanism for dealing with the leaders of contentious issues of relations between the USSR and China. The ideological discourse of the Khrushchev era compared with normative statements era of Leonid Brezhnev. Analyzes the events of the mid-late 1970's. When aggravation of Soviet-Chinese relations reached its peak. We consider the specific requirements of China, for example, the withdrawal of Soviet troops from Mongolia and refusal to support "aggression" in Vietnam, Kampuchea, which are identified in the political discourse of the PRC as "obstacles" to normalize relations with the USSR. Also highlights the political discourse about the "socialist character" of the social system in China and the Soviet Union. It was concluded that only the discourse of "new political thinking" allowed to overcome obstacles to the normalization of Sino-Soviet relations. It substantiates the position that the starting point in the formation of a new position of the Soviet Union on Eastern policy statements were MS Gorbachev's new political thinking for the Soviet Union and the entire world. It is shown that a key event for the improvement of Sino-Soviet relations was the withdrawal of Soviet troops from Afghanistan. Three obstacles to the advancement of Soviet-Chinese relations and their overcome in the era of perestroika

Keywords: discourse, Soviet-Chinese relations, the border issue, equality, hegemony, three obstacles.

Xiaoying L., SUSU, Russian Federation, Chelyabinsk, the post-graduate studente-mail: yingema@126.com

Balakin Victor Sergeevich., South Ural State University, Russian Federation, Chelyabinsk, Professor, Doctor of historical Sciences, 2679101@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Во второй половине 1950-х годов советско-китайские отношения начали ухудшаться, сначала только в идеологической сфере. Между Коммунистической партией Советского Союза (КПСС) и Коммунистической партией Китая (КПК) возникла острая дискуссия по вопросам построения социализма и коммунизма. Дискурс о «проблеме границ» на официальном уровне в этот период отсутствовал. В соответствии с договором о дружбе, союзе, и взаимной помощи (1950 г.) советско-китайская граница трактовалась как граница добрососедства, где между населением пограничных районов поддерживались активные связи, велась оживленная торговля, был налажен культурный обмен. Однако с начала 1960-х годов дискурс о пограничном вопросе у советских и китайских лидеров превращается в основную тему.

В некоторых китайских публикациях утверждалось, что «китайско-советская война» началась с событий 1962 года, когда из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая в Советский Союз бежали несколько десятков тысяч человек. Однако специальная комиссия во главе с начальником генерального штаба НОАК Ло Жуйцином в том же 1962 году пришла к выводу, что исход людей в СССР был стихийным и никакие советские учреждения не имели к этому никакого отношения [7, с. 242]. В марте 1963 года в статье, опубликованной в газете «Женьминь Жибао» уже утверждалось, что так называемые «царские договоры» (Айгунский 1858 г. и Пекинский 1860 г.) являются неравноправными. Такие сло-

ва на взгляд Москвы были основой для претензий КНР на территории Советского Союза. Этот дискурс вел не только к обострению идеологических споров, но и к территориальным конфликтам.

Переговоры по урегулированию пограничных вопросов были начаты в феврале 1964 года. Н.С. Хрущев поддержал предложение Лю Шаоци и согласился в ходе переговоров, по-новому разграничить острова, сделав границей главный фарватер судоходной или середину несудоходной реки. Ранее по договорам XIX века все острова, расположенные на реках, принадлежали России.

Однако, в ходе пограничных переговоров выявились более глубокие противоречия. Точка зрения советской стороны заключалась в том, что между двумя странами нет пограничных проблем, так как советско-китайская граница оформлялась еще в XIX веке. Китайская сторона доказывала, что все договоры между императорской Россией и Китаем были неравноправными. Советская сторона определяла эти требования как «абсурдные» [1, с. 434]. Руководство КНР не требовало немедленно вернуть спорную территорию, но оно настаивало на обсуждении этой проблемы. Эти переговоры затянулись почти на 30 лет.

Северным соседом КНР является Монголия. Монголия в эти годы была союзником СССР, и принимала военную защиту от Советского Союза. С начала китайско-советского раскола, Монголия поддержала Советский Союз и разрешила развертывание советских войск на своей

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

территории, что привело к негативной реакции со стороны Китая. Китайские руководители говорили об объединении Внешней и Внутренней Монголии в составе КНР. Из Москвы отвечали, что судьба монгольского народа должна определяться не в Пекине и не в Москве, а в Улан-Баторе. С 1963 года Москва не только усилила военное присутствие на советско-китайской границе, но оказывала еще большую военную помощь Монголии. В июле этого же года Советский Союз заключил с Монголией специальное соглашение о помощи в укреплении южной границы. Эти события усилили опасения Китая, и привели к так называемому «препятствию» для улучшения взаимоотношений с СССР.

Кульминацией противодействия двух стран были кровопролитные военные стычки на острове Даманском (китайское название Чженьбаодао) на реке Уссур и у озера Жаланашколь (в Китае конфликт известен как инцидент у реки Теректы) в 1969 году. После этого СССР по мнению КНР развернул на советско-китайской и монгольской границе «многомиллионную армию». Это в свою очередь еще больше осложнило отношения с КНР. Китайская сторона переходит к новой дипломатической стратегии создания «единого широкого фронта», то есть блокирования с США против СССР.

11 сентября 1969 года идея «нормализации советско-китайских отношений» обсуждалась между советским и китайским премьер-министрами в пекинском аэропорту. Премьер-

министр СССР А.Н. Косыгин сказал, что руководство СССР считает необходимым, принять все меры для улучшения советско-китайских отношений. Премьер-министр КНР Чжоу Эньлай подчеркнул, что спор о марксизме-ленинизме между КНР и СССР не должен препятствовать нормализации китайско-советских отношений [2, с. 320–321]. После этой встречи были восстановлены пограничные переговоры и торговые связи. Позже премьер-министры также обменялись письмами. В ответном письме Чжоу Эньлай Н.А. Косыгин предложил меры по нормализации ситуации на границе. В октябре 1969 г. возобновились переговоры по пограничным вопросам. Однако китайская сторона доказывала существование серьезной военной угрозы со стороны СССР и готовилась к возможному «масштабному вторжению СССР» [4, с. 453].

В начале 1970-х годов китайское руководство сформировало дискурс о «спорных территориях» и предложило заключить промежуточное соглашение, в котором были бы зафиксированы положения о статус-кво на границе. Однако, советское руководство считало, что предлагаемая линия границы проведена произвольно, и не подтверждена какими-либо документами. 26 ноября 1974 года, характеризуя позицию китайской стороны Л.И. Брежнев заявил о том, что «мы не претендуем ни на какие чужие территории, и в этом смысле для нас никаких «спорных территорий» не существует [12, с.807]. В ответ на это последовало ряд заявлений Хуа Гофэна, общий смысл которых сводился к опре-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

делению Советского Союза «главным очагом новой мировой войны» [8]. 3 апреля 1979 года постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение не продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом заключённый в 1950 году. Министр иностранных дел КНР Хуанхуа на встрече с посолом СССР в КНР И.С. Шербаковым сообщил об этом решении советской стороне, и вновь подтвердил неуклонную позицию китайского правительства развивать китайско-советские нормальные отношения на основе пяти принцип мирного сосуществования [9]. Однако в СССР дискурс о «пяти принципах» содержал метафору о том, что они основа для взаимоотношений между СССР и капиталистическими странами. С социалистическими странами, по мнению СССР отношения должны строиться на основе «братской помощи и сотрудничества».

7 апреля в газете Правда была опубликована статья И. Александра «Вопреки интересам мира и социализма». В статье утверждалось, что договор, выражал волю народов обеих стран крепить и развивать единство действий в интересах социализма и мира, давал отпор империалистической агрессии, был ярким символом союза победившего социализма с революционным движением угнетённых народов Востока. Автор не соглашался с мнением, пекинских руководителей о том, что договор является устаревшим, не отвечает реальной действительности. Гипербо-

лами также были обвинения китайского руководства в том, что они предали социализм, и установили тесную связь с капиталистическими странами и реализуют военное блокирование, на основе антисоветизма, с империализмом, сторонниками реакции и войны. Советская сторона заявляла, что вся ответственность за прекращение действия Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР ложится на китайскую сторону, и разумеется СССР, сделает соответствующие выводы из указанных действий китайской стороны [4]. 17 апреля 1979 года китайская сторона свой ответ опубликовала в статье под названием «Почему Москва метала громы и молнии?» В статье утверждалось, что в первой половине 1950-х годов, договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР способствовал безопасности КНР и СССР их дружбе, защищал мир на Дальнем Востоке, способствовал прогрессу человечества. Но после того как «мирная обстановка сильно изменилась из-за нарушения советской стороной его смысла и содержания», этот договор существовал только на словах, и Китайская сторона решила не продлевать договор по истечении срока. По мнению китайского, правительства, договор заключили суверенные государства, и не продлевать договор внутреннее дело КНР, а Москва не имеет права угрожать КНР. Кроме этого китайское руководство формирует новый дискурс о «гегемонизме» СССР [10].

29 августа 1979 года политбюро ЦК КПК созвало специальное собрание, на котором обсужда-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лась проблема переговоров между КНР и СССР. На собрании Дэнь Сяопин сказал, что главной целью на переговорах является задача снизить уровень военной угрозы со стороны СССР. Он впервые сконструировал дискурс «препятствий» на пути к улучшению взаимоотношений между СССР. Конкретными требованиями по устранению препятствий были отвод войск из Монголии и отказ от поддержки агрессии Вьетнама в Кампучии [11, с. 8].

3 ноября 1978 года, после завершения советско-вьетнамских переговоров, СССР и Вьетнам заключили договор о дружбе и сотрудничестве. Но по мнению китайской стороны, этот договор носил характер военного союза. Вооружённый кампучийско-вьетнамский конфликт продолжался с 1975 по 1989 год. Конфликт состоял из двух этапов — пограничной войны между странами (1975–1978) и гражданской войны в Кампучии при активном участии вьетнамской армии (1979–1989). 25 декабря 1978 года, Вьетнамская армия вошла на территорию Кампучии, 7 января 1979 года эти войска захватывала столицу Кампучии Пномпень. Эта военная деятельность вызвала противодействие с китайской стороны. Между СССР и Вьетнам были союзнические отношения и военное сотрудничество. Поэтому Советский Союз оказал Вьетнаму помощь снаряжением, оружием и стратегическими ресурсами. Китайское руководство считало, что армии враждующих стран могут перенести вооружённые столкновения на их границу. В конце концов, китайское правительство решило осуще-

ствить «войну самозащиты и отпора». Цель этой войны заключалась в «сдерживание расширения» Советского Союза.

Таким образом, враждебная атмосфера между двумя странами вновь усилилась. Однако в июне 1979 года обе стороны договорились провести переговоры на уровне зам. министров иностранных дел по нерешённым между СССР КНР вопросам. Такие переговоры состоялись 17 октября 1979 года в Москве. На переговорах советская сторона предложила проект Советско-китайской декларации по взаимоотношениям. Китайская сторона также предложила документ об улучшении китайско-советских отношений. Китайская сторона требовала снизить военную угрозу, уменьшить «военную силу» в пограничном районе до уровня 1964 года, отвести войска и военное оборудование из Монголии, прекратить поддержку Вьетнама в Кампучии. Китайская сторона в официальном порядке впервые сформулировала принцип «препятствий» на пути к улучшению советско-китайских отношений.

По мнению советской стороны, все вопросы, которые китайская сторона предложила к обсуждению касались третьих стран и поэтому «они должны с ними и обсуждаться». Также отмечалось, что у Советского Союза нет намерения угрожать Китаю вооружёнными силами. Таким образом, у КНР и СССР выявились большие разногласия и переговоры закончились безрезультатно.

27 декабря 1979 года в Афганистан был введен ограниченный контингент вооружённых сил

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

СССР. 20 января 1980 года представитель пресс-службы МИД КНР официально сообщил о том, что порицает вторжения СССР в Афганистан, так как создается новое «препятствие» для нормализации отношений между СССР и КНР. Китайское руководство посчитало, что оформляется военное окружение Китая на Юге и Западе. Одновременно появилась формулировка о «трех» препятствиях на пути улучшения советско-китайских отношений.

В начале 1980-х годов советское руководство предприняло попытку активизировать отношения с Китаем. 24 марта 1982 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев во время визита в Ташкент заявил о том, что СССР не ставит под сомнение социалистический характер Китая и хотел бы развивать отношения с ним без предварительных условий и не в ущерб третьим странам. Дэн Сяопин выразил мнение китайской стороны. Он сказал о том, что если СССР хочет серьезного улучшения отношений с КНР, то должен добиваться это делами, а не словами. Под делами китайское руководство подразумевало решение вопроса о трёх препятствиях. После обмена мнениями пограничные переговоры на уровне зам. министров иностранных дел снова начались в октябре 1982 года.

С октября 1982 года до июня 1988 года, переговоры продолжались 12 раундов. Положение о трех препятствиях на пути улучшения советско-китайских отношений, предложенные китайской стороной, являлись ключевым вопросом. При этом Китай считал, что СССР продолжает наращи-

вать в Восточной Азии свое военное присутствие.

В марте 1985 года Генеральным секретарём ЦК КПСС становится М.С. Горбачёв. Точкой отсчёта в формировании новой позиции Советского Союза по вопросам восточной политики явились заявления М.С. Горбачева о новом политическом мышлении для СССР и для всего мира. В соответствии с этой концепцией он предложил до конца нынешнего столетия выполнить программу мероприятий, направленную на полную и повсеместную ликвидацию ядерного и других видов оружия массового поражения и рассмотреть вопрос о поэтапном выводе советских войск, находящихся в Афганистане. На наш взгляд принципиальную важность имело и другое утверждение М.С. Горбачева. В своей книге он писал, о том, что «Нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений, подчинять им внешнюю политику, ибо идеологии могут быть полярными, а интерес выживания, предотвращения войны является всеобщим и высшим» [5, с.146.] Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что по существу, в предложенном Горбачёвым дискурсе о новом политическом мышлении было мало нового. В этой связи отметим, что в книге М.С. Горбачева, в разделе, посвященном странам социализма, впервые содержалась весомая критика внешней политики СССР. Он подчеркивал, что «Мы откровенно и самокритично оценили прошлое развитие и взяли на себя свою долю ответственности за то, что не по-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лучилось в социалистическом мире» [6, с. 175].

28 июля 1988 года М.С. Горбачёв в речи во Владивостоке сказал, что в настоящее время СССР с руководством Монгольской народной республикой рассматривает вопрос о выводе значительной части советских войск из Монголии. По отношению к КНР, он сказал, что советское правительство хотело бы совместно разработать межправительственное соглашение о границах по р. Амур, которая могла бы проходить по его главному фарватеру. По вопросу Афганистана, он подчеркнул, что Советский Союз готов вернуть домой советские войска, находящиеся в Афганистане по просьбе его правительства. По вопросу о Кампучии, он заявил, что эта ситуация зависит от нормализации китайско-вьетнамских отношений. Эти идеи М.С. Горбачёва отвечали почти все вопросы, которые заботили китайское правительство. Затем Советский Союз начал постепенно отводить войска из Монголии и Афганистана. Безусловно, слова и поступки советских руководителей благоприятствовали построению взаимного стратегического доверия между СССР и КНР. Это доверие было важной причиной и основанием быстрого улучшения и развития советско-китайских отношений.

В начале декабря 1988 года СССР посетил Министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь. Это был первый визит китайского министра иностранных дел в СССР с 1957 года. Цянь Цичэнь заявил о том, что надо форсировать вывод войск Вьетнама из Кампучии. Советская сторона

выразила своё согласие о необходимости решения проблемы Кампучии. Когда Цянь Цичэнь закончил свой визит, он заявил, что нормализация советско-китайских отношений началась. В феврале 1989 года Э.А. Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР) прибыл с визитом в Пекин. Итоги визита позволили конкретизировать многие важные аспекты предстоящих советско-китайских переговоров на высшем уровне, определена и дата визита М.С. Горбачёва в Китай – 15-18 мая 1989 года

14 мая 1989 г. М.С. Горбачёв отбыл из Москвы в Пекин с официальным визитом по приглашению Председателя КНР Ян Шанкуня. 16 мая 1989 г. в здании Всекитайского собрания народных представителей состоялась беседа М.С. Горбачёва с Дэн Сяопином. Это был социокультурный дискурс нового типа.

Дэн Сяопин и М.С. Горбачёв отметили, что отношения между двумя государствами и партиями нормализованы. Дэн Сяопин сказал, «что в течение долгого времени существовало обострение международного положения и центральной проблемой мира были советско-американские отношения. Но путь решения появился – переход советско-американских отношений от конфронтации к диалогу. Это надежда всего человечества. Он также подчеркнул, что китайский народ тоже хотел улучшить отношения с СССР. Решающим фактором этого процесса является равноправие между странами» [3, с. 453].

М.С. Горбачёв и Дэн Сяопин обменивались мнениями о судь-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

бе социализма, о его теоретических основах, необходимости учёта национальной специфики каждой страны. Они согласились с тем, что не может быть единой модели, единого стандарта нового общества. Советско-китайская встреча на высшем уровне знаменовала преодоление дискурса «трех препятствий» на пути к улучшению отношений между Советским Союзом и Китаем.

Таким образом, советско-китайский дискурс в XX веке содержал разные метафоры, гиперболы и сравнения. Эти отно-

шения не были только борьбой за установление «равноправия» в условиях конфронтации и непонимания. Больше это была история взаимоотношений, двух дискурсов, поиск диалога в рамках современной картины мира. Сегодня между Россией и КНР отсутствуют взаимные территориальные претензии и к этому удалось прийти на основе единого понимания глобальных проблем и национальных интересов. Для этого пришлось принять дискурс М.С. Горбачева об отделении межгосударственных отношений

Библиографический список

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1977. Изд. 2-е, доп. – М.: Мысль, 1977. – 582 с.
2. Биография Чжоу Эньлая в хронологической последовательности 1949–1976. – Пекин: Документальное исследование кабинета ЦК КПК, 2010. – С. 320–2153 с.
3. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачёва в Китайскую Народную Республику, 15–18 мая 1989 г.: Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1989. – 61 с.
4. Александров И. Вопреки интересам мира и социализма // Правда. – 1979, – 7 апреля.
5. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1987. – 271 с.
6. Горбачев М.С. Указ. Соч.
7. Галенович Ю.М. Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. – М.: Время, 2010. – 304 с.
8. Жэньминь жибао. – 1976. – 21 апреля.
9. Жэньминь Жибао. – 1979. – 4 апреля.
10. Жэньминь Жибао. – 1979. – 17 апреля.
11. Ма Сюйшен. Мое участие в процессе нормализации китайско-советских отношений // Столетняя волна, 1999. – № 4. – С. 8–14.
12. О внешней политике КПСС и Советского государства [Текст]: Речи и статьи / Л. И. Брежнев. – 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1975. – 879 с.
13. Шень Чжихуа, История китайско-советских отношений. – Пекин: Шэхуйкэсюе издательство, 2014. – 489 с.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

References

1. Borisov O.B., Koloskov B.T, Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1945–1977. Izd. 2-e, dop., M., Mysl' [Soviet-Chinese relations. 1945–1977. Ed. 2nd, ext. M., Thought], 1977, 582 p.
2. Biografija Chzhou Jen'laja v hronologicheskoj posledovatel'nosti 1949–1976, Pekin, Dokumental'noe issledovanie kabineta CK KPK [Biography of Zhou Enlai in chronological sequence 1949–1976. Beijing: Documentary study of the CPC Central Committee office], 2010, 2153 p.
3. Vizit General'nogo sekretarja CK KPSS, Predsedatelja Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR M.S. Gorbachjova v Kitajskuju Narodnuju Respubliku, 15–18 maja 1989 [The General Secretary of the CPSU Central Committee, Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Mikhail Gorbachev to China, May 15–18, 1989. The documents and materials], M., Politizdat, 1989, p. 61.
4. Aleksandrov I. Vopreki interesam mira i socializma. Pravda [Contrary to the interests of peace and socialism. Pravda], 1979, April 7.
5. Gorbachev M.S, Perestrojka i novoe myshlenie dlja nashej strany i dlja vsego mira, M., Politizdat [Perestroika: New Thinking for Our Country and the World], M., Politizdat, 1987, 271 p.
6. Gorbachev M.S. Perestrojka i novoe myshlenie dlja nashej strany i dlja vsego mira, M., Politizdat [Perestroika: New Thinking for Our Country and the World], M., Politizdat, 1987, 271 p.
7. Galenovich Ju. M, Vzglyad na Rossiju iz Kitaja. Proshloe i nastojashhee Rossii i nashih otnoshenij s Kitaem v traktovke kitajskih uchenyh, M., Vremja [A look at Russia from China. Past and present of Russia and our relations with China in the treatment of Chinese scientists], M., Time, 2010, 304 p.
8. Zhen'min' zhibao [人民日報]. 1976. April 21.
9. Zhen'min' zhibao [人民日報]. 1979. April. 4.
10. Zhen'min' zhibao [人民日報]. 1979. April. 17.
11. Ma Sjujshen, Moe uchastie v processe normalizacii kitajsko-sovetskih otnoshenij, Stoletnjaja volna [My participation in the process of the normalization of Sino-Soviet relations], [Centennial Wave], 1999, 4, p. 8–14.
12. O vneshnej politike KPSS i Sovetskogo gosudarstva [Tekst], Rechi i stat'i, L.I. Brezhnev, 2-e izd., dop., Moskva, Politizdat [About the foreign policy of the CPSU and the Soviet state [Text]: Speeches and articles, Brezhnev], 2nd ed., Ext., Moscow, Politizdat, 1975, 879 p.
13. Shen' Chzhihua, Istorija kitajsko-sovetskih otnoshenij, Pekin, Shjehujkjesjue izdatel'stvo [The history of Sino-Soviet relations. Beijing, ShehuykesjuePublishing], 2014, 489 p.

УДК 94(470) «1941/1945»

Сибиряков И.В.

Героическая оборона советского Севастополя: некоторые особенности официального дискурса в условиях войны

В докладе проанализированы материалы двух сборников документов, посвященных обороне Севастополя в 1941–1942 гг., изданных в СССР в ходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. С помощью дискурс-анализа, сравнительно-исторического и ретроспективного методов выявлены основные образы, которые использовались в рамках официального дискурса в условиях войны. К числу системообразующих для официального дискурса образов отнесены: образ И.В. Сталина, образ мужественных защитников города, самостоятельный образ Севастополя, выступающего в качестве примера для других городов страны. Особое внимание в статье уделено проблеме трансформации официального дискурса, которая произошла в рамках исследуемого периода, выявлены некоторые факторы, которые могут объяснить механизм этой трансформации и ее основные направления. Автору удалось доказать, что совершенно особую роль в официальном дискурсе «героической обороны советского Севастополя» играла историческая составляющая, которая проявилась в первую очередь через сопоставление военных действий в Севастополе в 1854–1855 и 1941–1942 гг.

Ключевые слова: дискурс, героическая оборона, культурно-историческая память, Севастополь.

Сибиряков Игорь Вячеславович,
Россия, Южно-Уральский государственный университет, профессор

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-01-00219

УДК 94(470) «1941/1945»

Sibiryakov I.V.

The heroic defense of the soviet Sevastopol: some features of the official discourse in war

The report analyzes the materials of two collections of documents on the defense of Sevastopol in 1941–1942., Published in the USSR during World War II and the early postwar years. Using discourse analysis, comparative historical and retrospective methods identified key images that were used as part of the official discourse in war. Among the backbone for the official discourse of images include: the image of Joseph Stalin, the image of the brave defenders of the city, independent way of Sevastopol, acting as an example to other cities. Special attention is paid to the problem of transformation of official discourse that has occurred within the study period, we identified some factors that may explain the mechanism of this transformation and its basic directions. The author managed to prove that a very special role in the official discourse of "the heroic defense of Sevastopol Soviet" played a historical component, which is manifested primarily through the comparison of military operations in Sevastopol in 1854–1855 and in 1941–1942.

Keywords: discourse, heroic defense, cultural and historical memory, Sevastopol.

Sibiryakov Ищк.Viacheslavovich,
South Ural State University, profes-
sor? e-mail: sibirjkovig@mail.ru

At support of the RFH, the scientific project №15-01-00219

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Проблемы анализа официального дискурса в условиях войны в начале XXI в. неожиданно для многих обрели в России особую актуальность. Политологи, социологи, культурологи, специалисты в области других гуманитарных наук вынуждены признать, что «старые» = «новые» («военные»)

устойчивые языковые конструкции входят в социальную ткань повседневной жизни российского общества «всерьез и надолго». Они уже не только отражают очень важные изменения, которые происходят во внутренней и внешней политики российского государства, в общественном сознании и психологии, но и во многом формируют траектории этих изменений.

В XX в. Россия неоднократно участвовала в различных военных конфликтах. Дискурсивные практики, которые формировались в годы войны, уже были предметом лингвистических, культурологических, исторических исследований [1]. Тем не менее, специфика официального дискурса в условиях войны по-прежнему остается недостаточно изученной профессиональными историками проблемой.

Ее дальнейшее исследование способно углубить научные представления о механизме формирования и роли такого дискурса, особенностях его восприятия в различных группах населения и направлениях эволюции. Решение этих задач в свою очередь позволит лучше анализировать многие конкретно-исторические процессы и явления, связанные с политиче-

ской, интеллектуальной, культурной историей страны XX в.

Выбор в качестве предмета исследования сюжетов, связанных с героической обороной Севастополя в 1941–1942 гг. объясняется целым комплексом факторов. Во-первых, оборона Севастополя стала очень важной военной компанией, повлиявшей на ход боевых действий не только на юге страны и не только в 1941г. Масштабы этого сражения позволяют поставить его в ряд крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Именно такие сражения оказывали наиболее существенное воздействие на процессы восприятия войны широкими слоями населения, на формирование культурной памяти о войне. Во-вторых, события, происходившие в Севастополе в 1941–1942 гг. неоднократно привлекали внимание со стороны высшего политического руководства страны, которое давало оценки этих событий, формируя ключевые элементы официального дискурса и наиболее значимые линии восприятия таких событий в общественном сознании. В-третьих, оборона Севастополя стала важным элементом не только военно-политического, но и идеологического, духовного противостояния Советского Союза и Германии, жесточечность которого позволила выявить некоторые дискурсивные практики, носившие прежде латентный скрытый характер. В-четвертых, в ходе первого этапа Великой Отечественной войны многие дискурсивные практики проявлялись наиболее ярко, как

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

в силу кризисного характера развития ситуации, так и в силу неустойчивости нового официального дискурса.

Главными источниками для изучения особенностей официального дискурса в период обороны Севастополя стали два сборника документов и материалов, изданных соответственно в 1942 и в 1946 годах. Первый сборник получил название «Героический Севастополь» и включал в себя материалы, напечатанные в центральных и региональных газетах, в 1941–1942гг. [2]. Второй сборник назывался «Героическая оборона Севастополя» и представлял собой собрание документов и материалов, составленное Крымской комиссией по истории Великой Отечественной войны [3].

Среди основных материалов сборников можно выделить 7 главных типов представленных документов. Это: высказывания И.В.Сталина, сводки советского информационного бюро, статьи некоторых руководителей обороны Севастополя, материалы, подготовленные главным политуправлением РК ВМФ, публикации корреспондентов газет «Правда», «Красный Флот», «Красный Крым» и др., рассказы профессиональных советских литераторов и непосредственных участников обороны. Каждый из этих документов играл свою роль в формировании официального дискурса, они находились между собой в особых, не всегда очевидных взаимоотношениях, оказывали друг на друга прямое или опосредованное воздействие.

Первые бомбардировки Севастополя начались уже 22 июня 1941г. Осенью 1941г. боевые действия проходили в непосредственной близости от города. Важную роль в организации обороны Севастополя сыграл городской комитет обороны. 30 октября 1941г. комитет выпустил специальное обращение, в тексте которого появились некоторые сюжеты и устойчивые языковые конструкции, ставшие ключевыми элементами нового официального дискурса. «За нашу родную землю, за нашу республику, наш любимый город, мы будем драться так же, как сражались славные патриоты, герои исторической Севастопольской обороны, драться упорно и ожесточенно до последней капли крови», – говорилось в обращении. Его авторы, безусловно, пытались продемонстрировать историческую взаимосвязь первой и второй обороны Севастополя, настроить жителей города на ожесточенное и длительное противостояние, в котором им предстояло защитить «родную землю» и «любимый город». В текст обращения была включена цитата из выступления И.В. Сталина 3 июля 1941г., где утверждалась необходимость того, что бы в наших рядах «не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, что бы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей». Примечательно, что обращение заканчивалось призывом городского комитета

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

обороны «еще теснее сплотиться вокруг большевистской партии, вокруг своего любимого вождя и учителя товарища Сталина!» В обращении выражалась уверенность в том, что под знаменем «ленинско-сталинской партии, под руководством великого Сталина мы отстоим нашу родину, наш родной Крым, наш любимый город от немецко-фашистских захватчиков» [3, с. 12–13].

3 ноября 1941 г. в газете «Красный Крым» было опубликовано обращение военного совета Черноморского флота, подписанное командующим Черноморским флотом, вице-адмиралом Ф.С.Октябрьским и рядом других членов военного совета. Обращение открывалось признанием того факта, что «Врагу удалось прорваться в Крым. Озверевшая фашистская свора гитлеровских бандитов, напрягая все свои силы, стремится захватить с суши наш родной Севастополь – главную базу Черноморского флота». В качестве основной задачи для черноморцев авторы обращения назвали сплочение своих рядов «для разгрома врага на подступах к Севастополю!» В обращении был включен призыв: «Не допустим врага к родному городу!» В обращении были названы фамилии моряков, летчиков, разведчиков, прославившихся в ходе боевых действий. Авторы обращения подчеркивали, что «их подвиги зовут нас на новые победы, на новые героические дела во славу Родины» [3, с. 13–14].

Как показывают материалы сборника «Героический Севастополь» на страницах газет, издававшихся тогда в Москве и в Крыму, было приведено много примеров реального героизма и мужества, проявленных защитниками Севастополя в первые месяцы обороны. О таких подвигах писали ст.политрук М. Когут, интендант третьего ранга Л.В.Соловьев, фронтовой кинооператор В.В. Микоша и др. Публикации этих авторов отличались ярким образным языком, особым эмоциональным настроением. Например, В.В. Микоша в статье «Севастопольцы» писал: «Разве могут понять тупые пьяные фашистские скоты психологию бойца-защитника Севастополя, героически жертвующего собственной жизнью во славу Родины? Разве могут они понять краснофлотца, опоясанного минными коробками и бросающегося под тяжелый танк, чтобы, взрывая себя, уничтожить прорвавшуюся к городу вражескую машину? Нет! Подобных подвигов не знал мир, таких сынов не знала ни одна страна» [2, с. 33].

Речь официальных руководителей обороны Севастополя была в этот период более сдержанной и рациональной. Так 30 апреля 1942 г. один из руководителей обороны Севастополя генерал-майор И.Е.Петров в статье «Шесть месяцев обороны Севастополя» так объяснял успех этой обороны: «Она строится на удачном сочетании сухопутной обороны с береговой, на тесном взаимодействии наземных войск с полевой, бе-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

реговой и корабельной артиллерией, с авиацией Черноморского флота. В своих боевых действиях наши части опираются на существовавшие раньше и возникшие в ходе войны различные инженерные сооружения. Сумма усилий всех родов войск и делает оборону города неприступной!»

Но постепенно ситуация на линии фронта стала меняться. Гитлеровские войска подходили все ближе к городу, и возможность его потери стала очевидной уже для многих. Постепенно стал меняться и официальный дискурс. В материале «Героический Севастополь», подготовленном главным управлением РК ВМФ, после 8 месяцев обороны Севастополя говорилось: «Черноморцы воздвигли железную нерушимую стену, о которую разбился первый натиск врага Последующие отчаянные попытки немецких фашистов и их румынских прихвостней сломить защитников Севастополя так же оканчиваются позорным провалом». Показательно, что среди главных причин этого успеха фигурировали: исторические традиции («короткая память у немецких наглецов, забыли они о том, что наши войны – это потомки матросов Нахимова, правнуки Суворова и Кутузова, и в обороне они знают лишь одно правило: «Стоять на смерть...») и беззаветная преданность «непобедимому делу Ленина-Сталина», (которая с точки зрения авторов материала воодушевляла «людей на легендарные подвиги»). Авторы данного

текста подчеркивали и особое значение обороны Севастополя для судьбы страны в целом. «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером для всей Красной Армии, для всего советского народа» [2, с. 3].

Автор текста «Славная черноморская крепость» вице-адмирал Ф.С.Октябрьский, отвечая на вопрос о роли севастопольской обороны в истории войны, подчеркивал, что немцы «не могли, оставляя у себя в тылу такую сильную морскую базу, как Севастополь, уверенно организовывать бросок с Керчи на Тамань», не могли рассчитывать на возможность «значительных операций на Черном море». Однако обращает на себя внимание ироничный тон некоторых сюжетов данной публикации, которая увидела свет в апреле 1942 г. Как писал вице-адмирал Ф.С. Октябрьский: «Конечно, можно потопить Черноморский флот пером какого-нибудь геббельсовского дурачка, но, как известно, наши корабли по-прежнему надежно охраняют наши черноморские границы» [2, с. 7].

Следует подчеркнуть, что многие материалы лета 1942 г., посвященные обороне Севастополя, то же имели очень важную историческую составляющую. Так И.Е. Петров в своей статье «Севастополь сражается» писал: «86 лет назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день. Сила и густота огня, который обрушивается на город неприятель, превосходит

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

все, что знала до сих пор военная история Города почти нет. ...Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь, ... город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матросской дочери Даши. Сейчас это город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-нибудь выделить, поскольку все они герои...» [2, с.63]. Появление образа «другого», «главного» Севастополя в статье И.Е. Петрова представляется нам очень важным показателем того, что в официальном дискурсе появились конструкции, призванные в дальнейшем объяснить возможную утрату города.

Об особой роли именно простых защитников Севастополя писал в своем материале «Севастополь в эти дни» Б.Войтехов. «Конечно, надо знать имена и фамилии всех людей, которые через несколько часов или минут после сварки снова дают городу свет, пищу и связь и т.д. Пока же именами и фамилиями этих людей служат их дела...» [2, с. 67].

Еще более ярко исторические параллели и взаимосвязи двух военных компаний показал в своем материале «На Малаховом кургане» старший политрук М.Когут. Он писал: «... Здесь погиб славный организатор севастопольской обороны вице-адмирал ... Корнилов. Бойцы остановились у памятника герою. Перед ними встал образ Корнилова, патриота своей родины, который умирая, приказал: «Отстаивайте Севастополь!» Как живые, встают забываемые

образы героев Севастопольской обороны. И хотя краснофлотцы молчали, но лица их выражали уверенность и твердость. «Мы отстоим Севастополь», - сказал один из краснофлотцев. – «Не бывать фашистам в нашем Севастополе», – подтвердил лейтенант Матюхин» [2, с. 69].

Наиболее совершенным с литературной точки зрения из материалов, включенных в сборник «Героический Севастополь», на наш взгляд, был очерк И.Эренбурга «Севастополь». Именно в нем наиболее ярко с художественной точки зрения была выражена основная мысль сборника, которая интегрировала почти все его материалы в некую общую единую идеологически-духовную конструкцию. «Севастополь – не просто город. Севастополь – это слава России и это гордость Советского Союза». Не отвергая рациональные военные аргументы, объясняющие «Севастопольское чудо» И. Эренбург обращал особое внимание на отвагу советских воинов. Он писал: «есть одно объяснение чуду под Севастополем» – это мужество.

В тексте И. Эренбурга оборот «чудо» использовался неоднократно, порой в очень показательном контексте. «Чудом уцелевший памятник Ленина смотрит на пожарище, - писал И. Эренбург. – Статуя выстояла, как душа нашей Родины».

Вместе с тем И. Эренбург уже понимал, что соотношение военных сил было не в пользу защитников города. Не случайно в его рассказе прозвучала

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

парадоксальная на первый взгляд мысль: «Чем бы ни кончилась неравная борьба за развалины города, – это победа советского оружия».

И. Эренбург. Затронул тему взаимосвязи событий, происходивших в Севастополе, и боевых действий на других фронтах войны. «Героизм севастопольцев придает силы Красной Армии, – писал И. Эренбург, – которая теперь на полях Центральной России и Украины отбивает атаки ненавистного врага. «Будем драться как севастопольцы», – говорят бойцы на Харьковском и Курском направлениях». «Будем драться, как севастопольцы», – скажут завтра солдаты второго фронта», – считал И. Эренбург [2, с. 87].

Обращает на себя внимание и то, какими словами авторы материалов, помещенных в сборниках, описывали противника, рвущегося к городу. «Умалишенные немцы», «гитлеровские авантюристы», «полчища немецко-румынских захватчиков» – это далеко не полный перечень тех дискурсивных конструкций, которые использовались для создания образа врага.

В обращении «К героическим защитникам Севастополя», которое 9 июня 1942 г. подписали: военный совет Черноморского Флота, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член военного совета Черноморского флота, дивизионный командир Н.М. Кулаков было сказано: «Тупоголовое гитлеровское зверье хочет деморализо-

вать нас бессмысленным, методическим разрушением нашего города-героя и убийством наших детей, жен и стариков». Авторы обращения были вынуждены признать, что врагу удалось потеснить советские войска «на ограниченном участке фронта». Но тут же подчеркивали, что «у нас есть все необходимое для разгрома третьего натиска фашистских полчищ, достаточно сил и техники, чтобы заставить врага захлебнуться в его собственной поганой крови и в этом наступлении». Объясняя природу мужества и героизма защитников Севастополя, авторы обращения писали: «Севастопольцы не знают страха перед врагом, потому что они борются за честь своей родины, за право свободно жить на своей земле, за освобождение от фашистского рабства своих отцов, матерей, своих жен и детей». Обращаясь к героям Севастополя, авторы обращения подчеркивали важность происходящих в Севастополе событий для всей страны, для всего мира. «За нашей борьбой следит Родина, следит весь мир.... Ни шагу назад! Не пропустим врага к городу! Не опозорим славы защитников Севастополя». Показательно, что обращение заканчивалось словами: «Да здравствует наша Родина! Да здравствует наш родной товарищ Сталин!» [2, с. 88–89].

Через несколько дней И.В. Сталин сам обратился к защитникам Севастополя. Он, в частности, писал: «Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя – красноармей-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

цев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням. Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа. Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной» [3, с. 6–7].

Телеграмма И.В. Сталина стала одним из последних документов, посвященных героической обороне Севастополя, получивших широкое распространение в стране летом 1942 г., и отразивших некоторые важные особенности официального дискурса. Формально обращенная к вице-адмиралу Октябрьскому и генерал-майору Петрову, реально она, безусловно, имела гораздо более широкий круг адресатов. К лету 1942 г. сформировалась уже определенная традиция создания такого рода текстов, которую данное обращение не нарушило. Если проанализировать этот сталинский текст сегодня с учетом дальнейших событий, произошедших в стране и в мире, то, на наш взгляд, есть возможность увидеть несколько значимых, для понимания официального дискурса эпохи войны, сюжетов. Во-первых, в тексте обращения нет прямого упоминания о коммунистах, которые бы могли сыграть особую роль в организации обороны Севастополя. Комиссары, упомянуты в обращении лишь после крас-

ноармейцев, краснофлотцев и командиров, что может свидетельствовать о снижении статуса этого института в условиях ожесточенных боев лета 1942 г. Во-вторых, упоминание о «румынских прихвостнях», по нашему мнению, совершенно не случайно. Такого рода конструкция позволяла объяснить существенное преимущество врага в живой силе, которое особенно ярко проявилось под Севастополем летом 1942 г. В-третьих, И.В. Сталин подчеркивал, что помимо военных задач под Севастополем решаются и задачи политические, воспитательные, которые имеют не меньшее, а при определенных обстоятельствах и большее значение. Именно поэтому севастопольцы – это «пример героизма для всей Красной Армии и советского народа». В-четвертых, завершая свое обращение к защитникам Севастополя выражением уверенности, что они выполнят «свой долг перед Родиной» И.В. Сталин не конкретизировал, в чем этот долг реально должен был состоять в июне 1942 г. В обращении нет ответа на вопрос: должны ли защитники города стоять до последнего солдата и матроса или они должны нанести врагу максимальный урон и покинуть осажденный Севастополь? Очевидно, что такая конструкция текста была избрана не случайно. Наполнение категории «долг перед Родиной» реальным практическим содержанием должно было произойти в ходе боевых действий, любой исход которых мог быть соответствующим.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

щим образом трансформирован в ту или иную формулу практической реализации этого долга. Именно неопределенность официального политического дискурса является главным условием его политической эффективности. Возможность в дальнейшем выгодно для себя интерпретировать собственные высказывания, сделанные в очень трудной запутанной социально-политической или военной обстановке, является обязательным компонентом политических и социальных практик великих государственных деятелей. Так как, в СССР именно взгляды, оценки и суждения, публично высказанные И.В. Сталиным, приобретали характер идеологическо-пропагандистской матрицы, то следует признать, что в основу официального дискурса героической обороны Севастополя в 1941–1942 гг., который просуществовал еще много лет, легло именно его обращение, высказанные в нем идеи и легитимизированные образы наши свое отражение и в неофициальном дискурсе, одним из проявлений которого стали музыкальные произведения, посвященные «севастопольской теме», и созданные в годы Великой Отечественной войны [5].

Последним материалом, посвященным обороне Севастополя, и размещенным в сборнике «Героический Севастополь» стал материал «250 дней героической обороны Севастополя». Он представлял собой сообщение Совинформбюро и имел подзаголо-

вок «Наши войска оставили Севастополь».

Сообщение открывалось очень важной констатацией: «По приказу Верховного командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героический советский город отбивал бесчисленные атаки немецких войск.... Основная задача защитников Севастополя сводилась к тому, чтобы как можно больше уничтожить живой силы и техники противника За все 8 месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300 000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же – руины» [2, с. 1].

Итоговый характер сообщения заставляет обратить особое внимание на три важных момента. Во-первых, текст сообщения выстроен таким образом, чтобы у слушателя и читателя возникло четкое понимание того, что главная задача обороны Севастополя сводилась к максимальному уничтожению «живой силы и техники врага» и была успешно выполнена. Во-вторых, текст сообщения лишен эмоционального драматизма в оценке произошедшего и более того позволяет читателю или слушателю, воспринимать утрату Севастополя, как утрату уже ничего не значивших с военной точки зрения «руин». И, наконец, в-третьих, для читателя или слушателя совершенно не очевидно, кто из представителей политической и военной элиты страны принимал решение об от-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ступлении от Севастополя. Формулировка «приказ Верховного командования» носит подчеркнуто деперсонифицированный характер.

Неизбежным в условиях военного времени являлся сюжет о судьбе тех, кто защищал Севастополь. В рамках сообщения Совинформбюро он был решен фактически одним предложением. «Бойцы, командиры и раненные из Севастополя эвакуированы». Из текста сообщения остались непонятны ни масштаб эвакуации, ни степень успешности данной операции.

Возвращаясь к ключевому вопросу о военно-политическом значении обороны Севастополя, авторы сообщения обратили внимание на еще один аспект этой проблемы. «Сковывая большое количество немецко-румынских войск, защитники города спутали и расстроили планы немецкого командования. Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее наступление» немцев». Выявление и подчеркивание взаимосвязи между событиями, происходившими на разных фронтах Великой Отечественной войны, позволяло создать у читателя или слушателя ощущение единства страны, отражающей нападения врага и было важнейшим элементом нового официального дискурса, который формировался в условиях войны. Следует отметить еще одну особенность этого дискурса, которая проявилась именно в данном тексте сообщения Со-

винформбюро. Среди главных организаторов героической обороны Севастополя авторы сообщения назвали лишь высокопоставленных военных: вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, 6 генерал-майоров, одного полковника и двух комиссаров. Офицеры более низких воинских званий в сообщении упомянуты не были. В официальном дискурсе этого времени доминировали высшие военачальники и политические руководители.

Первичный анализ различных исторических документов и материалов, опубликованных в сборниках «Героический Севастополь» и «Героическая оборона Севастополя», позволяет нам сделать ряд выводов о некоторых особенностях официального дискурса, проявившихся в ходе боевых действий в Севастополе в 1941–1942 гг.

Во-первых, официальный дискурс эпохи героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. имел сложную внутреннюю конструкцию, он формировался через различные каналы и институты, главными из которых были: выступления И.В. Сталина, обращения военного совета Черноморского флота и городского комитета обороны, публикации в газетах.

Во-вторых, если на первом этапе обороны Севастополя официальной базовой установкой, получившей наиболее полное воплощение в выступлениях различных военно-начальников, журналистов, в материалах партийных и государственных органов была установка на за-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

щиту города от врага, то по мере того, как менялся характер боевых действий, менялось и восприятие главной цели севастопольской обороны. Решающим для формирования новой официальной дискурсионной практики стало обращение И.В. Сталина и одно из сообщений Совинформбюро. В этих текстах, как и в ряде других, более поздних официальных документов главной задачей обороны Севастополя ставилось уничтожение живой силы и техники противника. Масштабы потерь, понесенных войсками гитлеровской Германии под Севастополем, позволяли считать эту задачу выполненной. И.В. Сталин, который, по словам А. Юрчака выполнял «роль господствующей фигуры советского идеологического дискурса» позволил в этой ситуации минимизировать хорошо известный политологам «парадокс Лефора» и хотя бы временно преодолеть разрыв между практическими приложениями государственной идеологии и ее дискурсом [4].

Во-третьих, в официальном дискурсе «героической оборо-

ны Севастополя» особое место занимали три элемента: образ И.В. Сталина, образ мужественных защитников города, самостоятельный образ Севастополя, выступающего в качестве примера для других городов страны. В целом арсенал тропов, использованных в этом случае в официальном дискурсе, был традиционным для советского дискурса: эпитеты, метафоры, гиперболы и др.

В-четвертых, свое особое место для формирования официального дискурса «героической обороны Севастополя» занимал образ врага.

В-пятых, в официальном дискурсе «героической обороны советского Севастополя» огромную роль играла историческая составляющая. Именно связь между трагическими событиями XIX в. и героическими событиями XX в., которая осуществлялась через сопоставление масштабов военных действий, подвигов участников обороны, биографий героев создавала основную системообразующую конструкцию официального дискурса.

Библиографический список

1. Аксенов, В.Б. Первая мировая война в крестьянском мифологическом дискурсе 1914–1916 гг. / В.Б. Аксенов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.inion.ru/index.php?page_id=531 (дата обращения 10 октября 2015 г.); Ворожбитова, А.А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация / А.А. Ворожбитова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (дата обращения 10 октября 2015г.); Оболонкова, М.А. Дискурс войны и человек мира / М.А. Оболонкова [Электронный ресурс]. – URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/diskurs-voiny-i-cheloviek-mira> (дата обращения 10 октября 2015 г.); Хачецукова З.К. Лингвориторические параметры советского официального дискур-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

са периода Великой Отечественной войны: на материале передовых статей газеты «Правда». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Сочи, 2007. – 213 с.

2. Героический Севастополь. Сборник материалов, напечатанных в центральных газетах. – М., 1942. – 96 с.

3. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942 гг. Сборник документов и материалов под ред. П.А. Чурсина. – Крымиздат, 1946. – 292 с.

4. Львовский, С. Бывшее навсегда / С. Львовский [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/6026> (дата обращения 10 октября 2015 г.).

5. Сибиряков, И.В. Образы Севастополя в музыкальных произведениях советских авторов / И.В. Сибиряков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – с. 25–26.

References

1. Aksenov V.B. Pervaja mirovaja vojna v krest'janskom mifologicheskom diskurse 1914–1916 gg., V.B. Aksenov [Jelektronnyj resurs], URL http://shshshshh.inion.ru/indeh.php?page_id=531 (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.); Vorozhbitova A.A. «Oficial'nyj sovetskij jazyk» perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: lingvoritoricheskaja interpretacija, [Jelektronnyj resurs], URL <http://shshshshh.philology.ru/linguistics2/vorozhbitova-00.htm> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015g.); Obolonkova M.A. Diskurs vojny i chelovek mira, M.A. Obolonkova [Jelektronnyj resurs], URL <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamjatniki-gerojam-pervoy-mirovoy/100-let/diskurs-voiny-i-cheloviek-mira> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.); Hachecukova, Z.K. Lingvoritoricheskie parametry sovetskogo oficial'nogo diskursa perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: na materiale peredovyh statej gazety «Pravda». Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Sochi, 2007, 213 p.

2. Geroicheskij Sevastopol'. Sbornik materialov, napechatannyh v central'nyh gazetah, M., 1942, 96 p.

3. Geroicheskaja oborona Sevastopolja. 1941–1942 gg. Sbornik dokumentov i materialov pod red. P.A.Chursina, Krymizdat, 1946, 292 p.

4. L'vovskij S. Byvshee navsegda, [Jelektronnyj resurs], URL <http://shshshshh.colta.ru/articles/literature/6026> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2015 g.).

5. Sibirjakov I.V. Obrazy Sevastopolja v muzykal'nyh proizvedenijah sovetskikh avtorov, Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, № 3, p. 25–26.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

**ТРЕБОВАНИЯ
К ПУБЛИКАЦИЯМ**

Требования к сопроводительным документам:

* экспертное заключение для открытой печати

* рекомендация к публикации

***Требования к срокам подачи докладов:**

* 20.11

Требования к содержанию докладов:

* социально-политическая и гуманитарная направленность

* комплексный и межпредметный характер

Требования к форме докладов:

Редактор Ms Word, формат А4, шрифт Times New Roman, интервал 1 пт, красная строка 1 см, поля 2х2х2х2 см,

Требования к структуре докладов:

УДК, название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова, текст доклада (примерно 10 страниц), библиографический список (5–15 названий)

Требования к языку докладов:

* доклад может быть представлен на любом языке

* название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова повторяются на русском, английском языках и языке оригинала статьи

При оформлении докладов рекомендуется пользоваться требованиями БД SCOPUS

REQUIREMENTS CONCERNING THE PUBLICATION

Requirements concerning the enclosed information:

*experts' decision on public print

*recommendation for publication

***Requirements concerning the deadline for submitting the report:**

* 20.11

Requirements concerning the content of the report:

*social and political focus

*complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the report' form:

Microsoft Word, A4, font of Times New Roman, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the report' structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, annotation (of 150 to 200 words), key words, the report's text (comprising of approximately 10 pages), bibliography (of 5 to 15 items)

Requirements concerning the report' language:

*The report can be presented in any language

*The title, the authors, the annotation (of 150 to 200 words), key words are repeated in Russian, English as well as in the language of an original article

While writing the reports the recommendations of bibliographic database SCOPUS are advised to follow